

УНИВЕРСИТЕТ "ТУРАН"

Ж.Б.АБЫЛХОЖИН

*ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА
XX ВЕК*

Алматы, 1997

ББК63.3(2К)

А13

Рецензенты:

Бурханов К.Н., кандидат исторических наук, доцент
Тазабеков К.А., кандидат экономических наук,
доцент

Абылхожин Ж.Б.

А13 Очерки социально-экономической истории
Казахстана. XX век. Алматы: Университет "Туран",
1997.360с.
ISBN 5 - 7667-4636-9.

В книге последовательно рассматриваются этапы социально-экономической истории Казахстана в советский период (1917-1991 гг.). Материалы первых очерков, посвященных политике "военного коммунизма", нэпу, коллективизации, раскулачиванию и т.д., строятся на документальной основе, впервые вводимой в научный оборот. Главная идея этой части - раскрытие механизма разрушения системы жизнеобеспечения этноса.

Вторая часть - послевоенная история. Здесь автор на богатом фактическом материале показывает глубокую иррациональность советской административно-командной системы, сделавшей ставку на рыночный уклад.

Книга написана с позиций новейших концептуальных подходов и теоретико-методологических версий в контексте современного понятийно-категориального аппарата. Большинство ее выводов и суждений выводят на новое понимание исторического процесса и опровергают наработанные в традиционной историографии стереотипы.

Материалы книги апробированы на международных и республиканских конференциях. Отдельные фрагменты книги, ранее публиковавшиеся, получили высокую оценку западных и российских специалистов и неоднократно цитировались ими (Англия, Франция, США).

Книга рассчитана на научных специалистов, преподавателей и студентов, учащихся профильных лицеев, гимназий и школ. Будет интересна всем желающим получить основы знаний об истории Казахстана.

А 0503020905-07

Б Б К 63.3(2К)

00(05)97

ISBN 5-7667-4636-9

Ж.Б.Абылхожин, 1997.
Университет "Туран", 1997.

ОТ АВТОРА

Настоящая книга написана в жанре очерков и поэтому, естественно, не претендует на исчерпывающее освещение всего континуума чрезвычайно сложных явлений и процессов, которыми столь обильно была насыщена социально-экономическая история Казахстана в XX веке (в принципе это не под силу никакому исследованию). Тем не менее, думается, что она может оказаться полезной как для широкой читательской аудитории, интересующейся историческим прошлым республики, так и для специалистов, профессионально занимающихся данной проблематикой. Однако в первую очередь книга адресована, конечно же, учащимся вузов - будущим молодым специалистам, представителям новой формации историков, социологов, экономистов и т.д. Именно Вам выпала честь и огромная ответственность продвигать нашу науку дальше, совершенствовать сложившиеся здесь богатые традиции, выводить их на качественно новый уровень развития, достойный лучших мировых стандартов знания. Оттого, как будет решаться Вами эта задача, во многом зависит будущее нашего суверенного государства: ниспадет ли оно до образа третьеразрядных стран или, наоборот, обретет свою громко значимую роль и место в динамике всемирно-исторической эволюции.

В ходе написания книги автор пытался интерпретировать источниковое знание (в широком его понимании) в контексте теоретико-концептуальных подходов и версий, наработанных современной наукой. В этой связи в отдельных ее фрагментах подключается довольно сложный понятийно-категориальный аппарат и научно- познавательный инструментарий. Поэтому отдельные разделы исследования требуют серьезного, вдумчивого прочтения, порой определенной подготовки, обращения к специалистам-преподавателям или к соответствующей историографии. Обилие терминов (которые по возможности объясняются) - не произвол автора или желание "показать свою ученость", а осознание того, что историческая наука имеет такое же право, как и другие отрасли знания (математика, физика и т.д.) на свою аксиоматику, свой понятийно-категориальный аппарат, посредством которого она только и может описать изучаемые процессы и явления исторической действительности. В противном случае мы обрекаем нашу историческую науку прозябать в статусе второстепенных, "несерьезных" дисциплин. С претензией обывателя, "человека с улицы" на то, что он должен сходу, не имея специального образования и подготовки, понять любую монографию, любую научную статью, не всегда следует соглашаться (почему-то такие претензии не выдвигаются к учебникам или исследованиям по квантовой физике, математике, химии и т.д.). История как наука имеет право на проблемную теоретизацию и концептуализацию.

Одним словом, мы сразу же хотим сказать, что данная работа не годится для того, чтобы понять ее за пять минут на перемене или за одну ночь до экзамена. Но, хотелось бы надеяться, тем она, возможно, и будет интереснее думающим студентам, привыкшим читать "медленно", но при этом размышляя и работая на "свой" интеллект, а не на "еще одну отметку в зачетной книжке".

В заключение еще раз подчеркнем, что автор не претендует на "полное освещение столь сложной темы и ставит лишь цель как бы пригласить своей работой к дальнейшим исследованиям, а в конечном счете - к интенсификации научного поиска,

ГЛАВА 1. БЕСТОВАРНАЯ УТОПИЯ: ПОЛИТИКА "ВОЕННОГО КОММУНИЗМА"

В ужасающем реестре трагедий, потрясших XX век, наряду с такими преступлениями против человечества, как большевистские антикрестьянские репрессии, украинский "Голодомор", "Холокост" (драма еврейского народа, потерявшего в годы второй мировой войны 6 млн. человек), сталинские депортации народов, маоистская "культурная революция", полпотовщина, всегда будут помниться и уничтожительные акции в отношении многострадального народа Казахстана.

Пройдут годы, сменятся поколения, но историческая память будет вновь и вновь возвращаться к той страшной драме, когда по воле преступного режима жизнь сотен и сотен тысяч наших соотечественников утратила смысл и цену.

Масштабы трагедии были столь чудовищны, что мы с полной моральной ответственностью можем обозначить ее как проявление политики геноцида. Такая констатация проистекает отнюдь не из эмоционального настроения, но из строгих норм международного права, зафиксированных в известной конвенции "О предупреждении преступления геноцида и наказании за него". В этом общепризнанном документе в ряду акций, квалифицируемых как геноцид, называются и действия, направленные на "предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее". Даже в том случае, когда подобные условия не устанавливаются преднамеренно и возможные последствия от их реализации не осознаются, такая политика не утрачивает характера геноцида.

И все же, по-видимому, будет более правильным обозначить эту преступную политику как этноцид, ибо в Казахстане происходило откровенно насильственное искоренение культурной традиции и этносоциальных институтов. А уничтожение национальной модели народа и силовое навязывание ему другой логики развития, пусть

даже якобы и более рациональной, собственно, и есть этноцид в его строгом определении.

К сожалению, наше общественное сознание, тяжело и медленно высвобождаясь из-под влияния легенд, нарабатанных в рамках сталинского "Краткого курса истории ВКП(б)", еще не до конца прониклось пониманием глубинной природы разыгравшейся трагедии, связывая ее лишь с массовым голодом 1932/33 г. и силовой коллективизацией. Между тем предпосылки Катастрофы нарождались с самого начала существования режима.

Именно тогда, в роковую для истории ночь Октября Семнадцатого года, одна шестая часть Ойкумены была насильственно ввергнута в беспрецедентный по своим глобалистским замыслам и трагическим последствиям социальный эксперимент. Вскоре в его разрушительную орбиту оказались втянутыми колониальные окраины Российской империи, в том числе и Казахстан.

Революция не являла собой некий привнесенный извне феномен, т.е. не представляла, как это легковесно пытаются объяснить некоторые сегодняшние неофиты, чем-то внешним по отношению к политическому пространству. В целом ряде широкомасштабных социально-экономических и политических проекций она обнаруживала свою, достаточно четко выраженную предпосылочность.

Разнопорядковые конфликты, стремительно нараставшие в стране, требовали своего разрешения. Если не путем консенсуса, когда идеи и ценности, т.е. идеальный и материальный образ жизни, приводится в соответствие с интересами большинства общественных групп, то любой ценой. Большевики, пожалуй, как никакая другая партия, прониклись пониманием сложившейся ситуации, изошренно используя ее реалии в своих интересах.

Прокламируя приверженность идеям национально-го самоопределения ("Декларация прав народов России"), справедливости в решении аграрного вопроса ("Декрет о земле"), обыгрывая всеобщие настроения пацифизма ("Декрет о мире"), они сумели придать разворачивавшимся в крае революционным процессам определенную предпрешенность.

Революция оказалась созвучной и докапиталистическому характеру социальной структуры, сущностной природе аграрного общества (в культурно-цивилизационном плане) с его извечной ориентацией на ценности коллективизма и эгалитаризма (равенства) Именно поэтому, говоря о социальном характере движущих сил Октября, отнюдь неправомерно увязывать их с легендарной гегемонией пролетариата или так называемым революционным творчеством масс, "пробудившихся в своем классовом самосознании и политической активности" (такую интерпретацию все эти годы давала сталинская методология).

В действительности за классовыми интересами, главенство которых беспрестанно подчеркивалось "попами марксистского прихода", стояло вульгарно-утрированное сознание люмпен-пауперских слоев общества, прямо корреспондировавшее коммунистической максиме "экспроприация экспроприаторов". Именно люмпен-пауперская стихия масс и предопределила динамику разрастания революционных катаклизмов в крае.

Последние уже с ноября 1917г. стали обретать масштабность, сравнимую по своему трагизму разве что со вселенским Апокалипсисом. Насилие, возводимое в идеологический абсолют нарождавшегося "государства рабочих и крестьян", начинало определять логику его развития и самого существования. Концентрированным выражением этого явилась Гражданская война, в ходе которой миллионы приверженцев красного террора клали свои жизни на "алтарь революции", становясь жертвами столь же страшного и беспощадного белого террора. Огненная межа величайших страданий, крови и жертв прошла и по Казахстану.

В свое время Ф. Энгельс писал: "Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность" (1). С захватом власти верные марксистской ортодоксии большевики сразу же реализовали эту установку своих идеологических предшественников, осуществив тотальное обобществление, а точнее - огосударствление средств

производства. Национализации были подвергнуты как земельный фонд, так и промышленность, транспорт, банки. В Казахстане было национализировано более 300 крупных промышленных предприятий. Среди них Спасский медеплавильный и Чимкентский сантонинный заводы, свинцово-цинковые заводы Киргизского горнопромышленного акционерного общества, предприятия Риддерских рудников, Экибастузские и Байконурские угольные копи, Эмбинские нефтепромыслы. Объектами национализации стали Оренбургско-Ташкентская и Семиреченская железные дороги, парохозяйство и суда торгового флота на Аральском море, реках Иртыш и Урал, находящиеся в городах Казахстана отделения Русско-Азиатского, Волжско-Камского, Сибирского торгового и других банков, капиталы которых перешли в собственность государства (2).

Еще накануне Октября Ленин наставлял: "Нельзя победить капитализм, не организовав демократическое управление захваченными у буржуазии средствами производства всем народом..." (3). В целях "общенародного управления" вводился рабочий контроль, а для планомерного руководства экономикой страны, централизованной организации ее народного хозяйства и финансов образовывался широкополномочный директивный орган - Высший Совет Народного хозяйства. Итак, три доминанты - огосударствление, централизация и директивное планирование стали отчетливо определять ориентацию государства в экономической политике.

Однако уже вскоре такая идеология привела к разрушению промышленности. А поскольку последняя являлась одним из важнейших источников налоговых поступлений в бюджет, то понятно, что его гигантский дефицит отныне мог покрываться лишь работой печатного станка.

В ссылках на критическую ситуацию в промышленности и денежном хозяйстве, продовольственный кризис, разразившийся весной и летом 1918г., а также начавшуюся гражданскую войну большевики нашли оправдание и даже некое рациональное объяснение своему эксперимен-

ту по осуществлению столь желанной им бестоварной утопии. Суть его сводилась к попытке непосредственного перехода к так называемому коммунистическому производству и распределению. Эта политика стала обозначаться как "военный коммунизм". В рамках ее делалась ставка на полное блокирование рыночных, товарно-денежных отношений, подмену экономических институтов и стимулов внеэкономической директивно-распределительной системой. Попросту говоря, это означало полную натурализацию экономической жизни, беспрецедентное распространение на все ее сферы жесткого государственного контроля, повсеместное внедрение уравниловки, понимаемой как воплощение социалистической идеи равенства.

Понятно, что такая политика отнюдь не способствовала санации экономического организма, стимулировала падение, но вовсе не рост эффективности труда, еще в большей степени разрушала и без того подорванное в годы военного лихолетья производство. По данным промышленной переписи 1920 г., в Казахстане не работало 891 предприятие, среднегодовая численность рабочих сократилась с 20 тыс. в 1913 году до 8 в 1920г. (4).

В сельском хозяйстве концентрированным выражением политики "военного коммунизма" стала так называемая разверсточная система заготовки сельхозпродуктов. Проводниками большевистских кампаний по продовольственной разверстке выступали сельские комбеды (комитеты бедноты)* и вооруженные рабочие отряды, экспроприировавшие в "пользу революции" производимые крестьянами продукты (главным образом, зерно).

В широких масштабах государственная хлебная монополия и разверстка стали осуществляться в Казахстане в 1920г. В начале этого же года разверстка ("мясная") распространялась и на скотоводческие хозяйства. Так, к 1921г. в Уральской и Букеевской губерниях Западного Казахстана фактические изъятия скота по отношению к разверстанным продовольственными органами заданиям

* В Казахстане численность их была невелика.

составили соответственно 120 и 112 процентов (5) Столь существенное перекрытие и без того завышенных объемов крестьянской дани объяснялось жестким силовым давлением "посланцев пролетариата", но никак не "революционным энтузиазмом скотоводов", как сообщалось об этом факте в отчетах партийных функционеров (6).

Подчистую конфисковывался хлеб у земледельческих хозяйств. В середине мая 1920г. продовольственные комитеты получили негласную партийную директиву готовиться к введению продовольственной диктатуры. Дождавшись, когда крестьяне завершат сев, правительство РСФСР издало декрет (20 июня 1920 г.), в соответствии с которым производители зерна Сибири и сопредельных с ней территорий Казахстана обязывались в порядке боевого приказа приступить к обмолоту и сдаче всех хлебных "излишков".

По этой директиве в продовольственную кампанию 1920-1921 гг. на районы Сибири был разверстан хлебофураж в размере 110 млн. пудов, из которых на северо-восток Казахстана приходилось 35 млн. пудов, то есть более однойтрети. Это придовольно низкомурожае 1920 года (7).

Для выполнения "боевого приказа" Совнарком направлял 6 тыс. продотрядников Военпродбюро ВЦСПС, 9,3 тыс. продармейцев, 20 тыс. рабочих и крестьян голодающих губерний Центральной России, Москвы, Петрограда, промышленного Урала (8).

Приэтом "посланцам пролетариата" давалась следующая установка: "Объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на ссыпные пункты..., врагами народа, предавать Революционному суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже Юлет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из общины..." (В.И.Ленин).

Нереальные задания устанавливались в Западном Казахстане. В ослабленной неурожаем Уральской губернии по разверстке в 1920г. было изъято 1,5 млн. пудов хлеба, что породило здесь потребительский зерновой дефицит в 2-2,5 млн. пудов (9). И так в Казахстане было

повсюду. Не случайно в своей записке о продовольственном положении в различных регионах страны Ленин, имея в виду Казахстан (в записке "Кирреспублика"), констатирует: "Хлеб собирался под метлу. Ничего не осталось..." (10). Правда, здесь же в маргиналиях вождь ставит знак вопроса, по-видимому, выражая тем самым сомнение: может, еще поскрести по сусекам?

Последствия военных лет, выпавшие на этот период стихийные бедствия (засуха и т.д.) и крайне иррациональная экономическая политика вызвали в сельском хозяйстве разрушительные тенденции обвального характера. Посевные площади уменьшились с 1914 по 1922гг. в 2 с лишним раза (с 3,6 млн. дес. до 1,6 млн.), валовые сборы зерна сократились более чем в 3 раза (11)

В крайне тяжелом положении оказалась животноводческая отрасль. С 1914 по 1922гг. численность крупного рогатого скота уменьшилась на 2,1 млн. голов, лошадей - на 2 млн., мелкого рогатого скота - почти на 6,5 млн. и верблюдов - на 300 тыс. голов. Поголовье всех видов скота сократилось за эти годы более чем на 10,5 млн. единиц (12).

Экономическая реакция на бестоварный эксперимент "военного коммунизма" выразилась и в разразившейся в Западном Казахстане (Оренбургская, Актюбинская, Букевская губернии) и части Акмолинской области продовольственной катастрофе. С 1917 по 1921гг. посевные площади сократились здесь на 55 процентов (на одно хозяйство в среднем - с 5,5 до 2,7 дес.). Дефицит продовольственной потребности региона составил 10,7 млн. пудов хлеба. На грани голодной смерти оказались 1,4 млн. человек (13). Газетная хроника тех лет сообщала о массовых случаях каннибализма, поедания потерявшими от голода рассудок людьми собственных фекалий, трупов падших животных, похищения детей и т.п.

Несмотря на развернувшуюся помощь голодающим (только АРА - американская организация помощи - спасла в Западном Казахстане огромное количество людей и прежде всего детей, организуя для них столовые и питательные пункты), десятки и десятки тысяч человек не

смогли пережить эту страшную годину.

Силовая политика государства возымела все более нараставшее недовольство аула и деревни. В целом ряде случаев реакция неприятия административного террора, проводимого властью, вылилась в акты открытого саботажа и вооруженного сопротивления со стороны крестьянства. В 1920г. под лозунгами "За советы без коммунистов", "Долой продразверстку!", "Долой коммунистическую продовольственную диктатуру!" вспыхнули мятежи в большинстве регионов Казахстана. Восставшие крестьяне организовывались здесь в отряды и "повстанческие армии". Летом 1920г. крупные антибольшевистские выступления произошли в Семипалатинской области и Павлодарском уезде, которые оказались в зоне контроля 10 - тысячной "Народной повстанческой армии". В феврале 1921г. восстание, поднятое "Сибирским крестьянским союзом", охватило районы западно-сибирского региона и Северного Казахстана: численность его участников достигала 30 тыс. человек. Повстанцам удалось временно захватить Петропавловск и Кокчетав. Достаточно многочисленная "Зеленая крестьянская армия" действовала на территории Кустанайской губернии, а в Западном Казахстане бунт подняли именовавшие себя "Красной Армией Правды" вооруженные отряды под руководством бывшего комдива РККА А. Сапожкова. Открытое недовольство, перераставшее в вооруженное крестьянское сопротивление, было характерно и для других губерний Казахстана(14).

Все эти движения жестоко подавлялись властью и в последующем квалифицировались в отчетах ВЧК как кулацко-бандитские. В этой связи отметим, что действительно очень часто к повстанцам примыкали откровенно уголовные элементы, как верно и то, что в целом ряде случаев крестьянское сопротивление, будучи по характеру своему стихийным бунтом загнанных в угол, а потому до предела обозленных людей, сопровождалось актами ничем не оправданной жестокости. И все же следует признать: социальная база восстаний была массовой и именно крестьянской, а движимы они были не столько идео-

логическими мотивами, сколько сильнейшим недовольством политикой "военного коммунизма", которая самым жестким образом ущемляла экономические интересы сельских производителей.

Открыв "продовольственный фронт" и направив на его театр вооруженную "Продармию", советское правительство развязало малую гражданскую войну, которую выиграло в военном отношении, но проиграло в плане политическом.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в Казахстане к началу 20-х годов, подтверждала общую картину экономического и политического кризиса, охватившего страну. Здесь, как и везде, все говорило о необходимости перехода к новым принципам хозяйственной политики, определяющим стержнем которых должна была стать идея восстановления функции нормальных экономических отношений.

Между тем большевики, постоянно утверждавшие, что "военный коммунизм" есть политика временная, навязанная чрезвычайными условиями гражданской войны, и после ее завершения продолжали курс на "непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению" (15).

Гарантом этого виделась все та же политика тотального огосударствления экономики и распространения на все ее сегменты милитаризованных, по своей сути, методов управления.

Не ограничиваясь более "обобществлением" крупной и средней промышленности, ВСНХ издает в конце 1920г. директиву, в которой предписывалось в жесткие сроки (в течение месяца) осуществить национализацию мелких промышленных предприятий (с числом рабочих более 10 или 5, но имеющих механический двигатель), включая кустарно-ремесленные мастерские (16). Вскоре эта убийственная для еще теплившегося сектора мелкого предпринимательства установка "с военной быстротой, с военной энергией, с военной дисциплиной" (говоря ленинскими словами) стала претворяться в жизнь.

На расширение процессов натурализации экономи-

ческих отношений "работали" изданные в конце 1920 - начале 1921гг. декреты Советской власти об отмене платы за коммунальные услуги (квартиру, электричество и т.д.), о бесплатном отпуске населению питания и предметов широкого потребления.

В качестве вознаграждения за труд продолжала выступать не денежная зарплата, а так называемый продовольственный паек. По степени физической тяжести труда его нормы делились на три категории, не дифференцируясь при этом в их пределах. Поэтому все подпадавшие, например, под 3-ю категорию пайкового снабжения, независимо от того, работали ли они добросовестно и квалифицированно или, наоборот, "с ленцой и браком", получали одинаковое вознаграждение, что, разумеется, не стимулировало производительность труда, консервируя ее показатели на "среднеуравненных" значениях.

Куда как большее внимание при распределении пайков обращалось на степень лояльности Советской власти. В этой связи представляются характерными заметки В. Ленина по поводу декрета о продпайке (27.04.1920г.). Здесь, в частности, он видит следующее упущение разработчиков документа: "В непромышленных городах ясно выделяем население, не работающее в советских предприятиях и в советских учреждениях, аэто население надо понемногу снять с пайка (либо заводи огород свой, либо иди на работу в советские предприятия или советские учреждения). Мы кормить тех, кто не работает в советских предприятиях и в советских учреждениях, не будем" (18).

Тем не менее, несмотря на ужесточение государственного контроля в сфере продовольственного снабжения и его большевистскую "рационализацию" в классовом духе, контингент населения, переводимыйнагосснабжение, рос столь быстрыми темпами (в 1920г. на содержании государства находилось 38 млн. человек), что даже резко увеличивавшиеся масштабы prodразверстки, изымаемой у крестьян (сфера ее применения в пространственном отношении многократно возросла с установлением Советской власти на всей территории страны), хронически не

поспевали за возрастающими потребностями. В результате, как отмечалось на X съезде РКП(б), продуктовая норма того же рабочего оказывалась более чем в 2 раза меньше прожиточного минимума (19).

Неспособность государства обеспечить продовольственное снабжение населения (даже по принципу минимума - "каждому по пайке хлеба") побудила некоторых большевистских лидеров из числа радикалов выдвинуть еще более утопические идеи. Так, Л. Троцкий, выступая на заседании Московского комитета РКП(б) (в январе 1920г.), делился с товарищами по партии следующими мыслями: "То положение, о котором я говорил - 80 процентов человеческой энергии, уходящей на приобретение жратвы, необходимо радикально изменить. Не исключено, что мы должны будем перейти к общественному питанию, то есть все решительно имеющиеся у нас на учете советские работники, от председателя ЦИК до самого молодого рабочего, должны будут принудительно питаться в общественных столовых при заводах и учреждениях. Это будет не только мерой экономии индивидуальных условий, из которых 80 процентов тратится на добывание пайка, но будет также величайшей школой трудового общественного воспитания. Нужно ввести нравы, близкие к спартанским, вытекающие из всей нашей обстановки. Во-первых, прогулы будут сведены на нет. За общим столом будет проявляться общественное мнение. Кто не вышел на работу, тот не получает горячего пайка" (20). Итак, на повестку дня ставился даже вопрос об "обобществлении" физиологических функций.

Отменялась и плата за топливо, что наряду с другими, правда, более существенными факторами (последовенная разруха) обострило топливный кризис, который, несмотря на восстановление ряда нефтяных и угольных промыслов (Доссор, Эмба, Экибастуз, Караганда), продолжал сохраняться.

Попытки его разрешения зиждились на ставших уже привычными методах: посредством всеобщей трудовой повинности граждан от 18 до 45 лет (именно таким путем заготавливались дрова в Семипалатинской области,

саксаул - в Перовском, камыш и кизяк - в Гурьевском уездах), мобилизаций на "топливный фронт" городского населения, гужевой повинности (после проведения такой в одном из уездов Актюбинской губернии гужевой транспорт, то есть все телеги, изъятые у крестьян, оказались напрочь разбитыми).

Большие надежды связывала новая власть с так называемыми трудовыми армиями, которым наряду с "продармией" (численность до 80 тыс. человек)* отводилась роль инструмента "военного" решения хозяйственных вопросов (отсюда терминология: армия, батальон, фронт, битва, военно-оперативные задачи и т.д.).

Первая Революционная Трудовая армия была создана по прямому указанию Л. Троцкого в январе 1920г. на основе 3-ей Уральской армии Восточного фронта. В своем приказе этой армии Л. Троцкий следующим образом обозначал ее функции: "...Все, от командующего армией до самого молодого красноармейца, должны помнить, что перед армией простая, но определенная задача - рубить дрова, заготавливать хлеб, подвозить дрова и хлеб к железной дороге" (21).

Здесь же председатель Реввоенсовета республики выражал резкое возмущение низким уровнем производительности труда в армии, предписывая в этой связи начальникам "давать частям через их командиров и комиссаров определенные уроки", а за "невыполнение урока привлекать к ответственности командный и комиссарский состав". Зная излюбленное кредо Троцкого: расстрел - жестокое орудие предостережения других (22), можно представить характер репрессий.

Постановлением Совета Труда и Оборона, подписанным его председателем - Лениным (апрель 1920г.), из частей Заволжского военного округа и Туркестанского фронта

* Касаясь "продармии", западный советолог Н. Верт пишет, что ее "добрую половину составляли безработные петроградские рабочие, которых "заманивали" приличной зарплатой (150 руб.) и в особенности оплатой натурой пропорционально количеству конфискованных продуктов". См.: Н. Верт. История Советского государства. 1900-1991. М., 1992. С.124.

образовывалась Вторая Революционная армия труда. Ей также вменялась заготовка дров и продовольствия, сельскохозяйственные работы, проведение трудовых мобилизаций населения и гужевых повинностей и т.д. Однако в качестве главной ее задачи определялась постройка железной дороги и нефтепровода Александров Гай - Эмба (23) (Урало-Эмбинский нефтяной район оставался в это время единственным источником поступления жидкого топлива; здесь скопились запасы нефти от 10 до 14 млн. пудов, которые необходимо было вывезти в центр)

Здесь следует сказать, что все население, мобилизованное властью на строительство нефтепровода и вывоз из Эмбы запасов нефти, оказывалось в таком же положении, как и "бойцы трудармии". Постановлением Совета Народных Комиссаров (санкционированным, естественно, В.И. Лениным) вменялось "считать всех лиц, работающих по организации и доставке нефти гужем, призванными на действительную военную службу", равно как все рабочие и служащие, "привлеченные к делу сооружения нефтепровода, являются милитаризованными..." (апрель 1920г.) (24). Так что с известным допущением можно сказать, что еще до постановления Совета Труда и Оборона "О призыве в Красную Армию граждан нерусских национальностей Сибири, Туркестана и других окраин" (май 1920) (которое, заметим, весьма трудно входило в практику, встречая сопротивление различных волокитчиков и откровенных шовинистов), казахское население, проживавшее в зоне тяготения Урало-Эмбенского нефтяного района, оказалось вопреки своей воле на "действительной военной службе" (если и не в строевых частях, то, апеллируя к нынешним понятиям, в стройбате).

Регулятивные функции государства расширялись и в сельском хозяйстве. Власть уже не удовлетворялась здесь жесткой монополией на заготовки всей номенклатуры аграрной продукции (включая щетину и конский волос). Начались командные вторжения в сферу крестьянского хозяйства. Под государственным контролем оказались такие сугубо производственные операции, как сев, обработка почв, уборка урожая и т.д.

Безусловно, пока крестьянин оставался собственником и вел индивидуальное (частное) хозяйство, его не так-то легко было контролировать в житейских делах, поскольку эффективное управление действием хозяйствующих субъектов возможно лишь по мере включения механизма экономической мотивации. Однако большевики и здесь верили в силу государства, тем более, если оно идентифицирует себя как "диктатуру пролетариата", уже не раз доказавшую, что "нет таких крепостей, которые она не смогла бы взять" (И. Сталин).

Вскоре стали создаваться различные структуры типа посевкомов (посевные комитеты различных территориальных уровней), утверждаться государственные планы засева и обмолота, разверстки по урожаю и т.д. Крестьянам, пожалуй, впервые со времен Адама и Евы стали приказывать, когда сеять, когда убирать и куда сдавать урожай. Но Советская власть создала именно такой прецедент.

Аул и деревня Казахстана еще глубже погрузились в пучину государственного произвола. Чиновники буквально терроризировали крестьян, организуя бесконечные "недели посева", "красные декады обмолота", наводняя аулы и деревни мобилизованными на "аграрный фронт".

Вся эта идеологическая трескотня, призванная имитировать перманентную революционную динамику общества и энтузиазм масс, воспринималась населением с покорной апатией. Однако, как это водится, "вслед за миссионерами идут инквизиторы". К послушникам применялись немедленные карательные санкции. Страх сковал волю крестьянина, его хозяйственную инициативу. Аул и деревня стали безропотно выстраивать свою жизнь согласно спущенной из государственных кабинетов регламентации. Зато чиновникам прибавилось работы по линии написания различных отчетов о посевах, обмолотах, выполнения других разверсток. Чтобы получить некоторое представление о развернувшейся кампании, приведем несколько фрагментов из документов того периода.

Так, в докладе уполномоченного Алма-Атинского уездного посевкома с удовлетворением расписывается: "Со времени организации посевкомов работа началась в ожив-

ленном виде и началась подготовка к посевкампании. Население... объединялось по 10-15 и 20 дворов. Живой и мертвый инвентарь, работоспособная сила и семена были взяты на учет, по волостям была проведена мобилизация кузнецов, плотников, колесников и пр., кои по мобилизации принялись за работу по исправке (так в тексте - Ж.А.) инвентаря для населения волости, а население волости засеяло для мобилизованных их поля. Население волости засеяло поля всем служащим, находящимся в органах власти волости, кои ввиду работы в учреждениях не имели возможности оторваться от канцелярии для своих посевов" (25).

А это уже из тезисов Семиреченского Обкома КПТ (до 1924г. Семиречье входило в состав Туркестанской АССР): "... Мы обязаны: убрать весь урожай с полей, обмолотить все 100 процентов и вовремя, без опоздания, засеять озимые поля по заданиям облпосевкома, все 100 процентов согласно разверстке. ...Чтобы успешно выполнить эти три большие задачи в одно и то же время..., постановлением обкома... объявляется по всей области "продмесьц", т.е. все живые силы области, людские и конские, а также весь мертвый уборочный материал (типичный стиль нарождавшегося советского чиновного новояза - Ж.А.) должны быть полностью использованы так, чтобы ни один клин в поле (заметим, что поля еще отнюдь не общие колхозные, а принадлежат конкретным владельцам, за которых уже все решили в обкомовских чертогах - Ж.А.) не оставался бы неубранным вовремя, чтобы вовремя были проведены посевы". Тут же крестьянина учат, как нужно работать: "Не надо хлеб накладывать два раза на воз (сначала возка в копны, а потом на ток к молотилке), а сразу везите к молотилке и меньше делайте урона хлеба, и сухой хлеб прямо с поля чище вымолотится, что даст вам экономию" (26).

Начертав на своих знаменах лозунг "Диктатура пролетариата есть орудие подавления эксплуататорских классов", большевики запустили адскую машину подавления всех групп населения. Если одни группы стали объектом вопиющего произвола государства в силу узурпации им всей структуры экономических отношений и собственности, то

другие - жертвами изошренной системы внеэкономического принуждения (всеобщая трудовая повинность, трудовые мобилизации и т.д.). "Социальный расизм" нарождавшегося пролетарского государства невольно обнажил один из главных теоретиков коммунистической партии НИ. Бухарин. Он писал: "Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является... методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи" (27). Лабораториями получения "благодатного" для "социально-классовых арийцев" человеческого материала служили подвалы ЧК, концентрационные лагеря и необъятный "трудовой фронт".

Лишения и страдания испытывало все население (естественно, кроме партийно-советской номенклатуры) - в этом и был первый итог реализации на деле понимаемого по-большевистски равенства. Однако, выстраивая "равноправную" очередь в "золотые врата царства свободы", государство распространяло в ее рядах бациллы человеконенавистничества, вражды, злости, нетерпимости.

Фарисействуя насчет привилегированной роли и статуса в обществе "Его Величества рабочего класса", большевики насаждали в его сознании чувство "социального шовинизма", которое затем исподволь использовали в своих властных интересах и целях. Рабочий, будучи "зомбирован" на образ крестьянина как носителя мелкобуржуазной стихии, глубоко враждебной власти и, следовательно, самому рабочему классу, получал от нее индульгенцию на беспощадное изничтожение врага. Идеологические инсинуации еще больше провоцировали и без того извечно стойкий антагонизм города и деревни, которая (как увидим далее) вплоть до коллективизации рассматривалась властью в качестве самой массовой и опасной оппозиции, главного препятствия на пути социального экспериментирования.

Клинья межгруппового конфликта вбивались большевистской пропагандой и в другие "зазоры" социальных ниш. Так, в "едином и нерушимом союзе серпа и молота" убежденные в своей классовой правоте рабочие, солдаты и трудящиеся крестьяне гнали на заготовку дров и другие тяже-

лые физические работы "буржуазную" интеллигенцию. В результате многие ее представители, не выдержав морального террора, покинули Родину.

По принципу "бедный-богатый", "верноподданический или просто лояльный к Советской власти", "активист или индифферентный" вносился дух раскола и ксенофобии вовнутрь социальных групп, что "взрывало" более или менее сохранявшуюся до того внутригрупповую стабильность и равновесие, разрывало традиционные солидаристско-консолидационные отношения.

"По-революционному смело" попирая законы экономики, искусственно и форсированно насаждая господство глубоко иррационального нерыночного уклада, отвергая фактор товарно-денежных отношений и торговли, возвращая тем самым экономику страны в эпоху раннесредневекового замкнутого натурального хозяйства, большевики возвели бестоварную утопию в ранг реальной государственной политики. Общество дорого заплатило за этот опыт (вторая его редакция, точный аналог первой, будет - после коллективизации - навязываться стране шестьдесят лет и вызовет еще большие жертвы).

Однако принародного покаяния власти не произошло. Лишь на партийных синклитах озвучивались оправдания типа "хотели как лучше и быстрее", "к коммунизму нет широкой столбовой дороги", "революции без жертв не бывает" (максима большевистской религии, призывающая терпеть лишения и страдания во имя светлого будущего, которую саможертвенно воспринимали все поколения советских людей).

Ленин писал: "Мы рассчитывали - или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета - непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по- коммунистически..." (28). Расчеты между тем потерпели сокрушительное фиаско. Грянул экономический, социальный и политический кризис. В этом и был главный итог политики "военного коммунизма" и ее воплощения - бестоварной утопии.

ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ТРОЕВЛАСТИЕ: БОРЬБА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛИ- СТИЧЕСКОЙ, ТОВАРНО-РЫНОЧНОЙ И ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИЙ. НЭП.

В кризисной ситуации большевики вынужденно отходят от утопических догм революционаристского романтизма. Ленин (несмотря на сопротивление значительной части партийного руководства) идет на исторический компромисс. В основе его лежала более терпимая по отношению к различным формам собственности политика и осознание невозможности дальнейшего игнорирования фактора товарно-денежных, рыночных отношений и других экономических детерминант.

Важнейшим моментом, запуская рыночные отношения, было допущение свободы торговли. Но первое время государство, следуя идеологической инерции, стремилось контролировать сферу обмена. Несколько месяцев оно пыталось организовать локальный (местный) товарообмен между городом и деревней. При этом роль посредника в обменных операциях (говоря современным языком - бартере) отводилась функционировавшей под руководством, контролем и прямым заданием Советской власти кооперации. Специальным декретом (7 апреля 1921г.) государство возлагало на нее "выполнение обязательных заданий продовольственных органов в области заготовок и обмена изделий фабрично-заводской и кустарной промышленности на продукты сельского хозяйства", только по ее каналам должно было осуществляться "распределение всех предметов продовольствия (так в тексте - Ж.А.) и широкого потребления, заготовленных государством и полученных с национализированных фабрик и заводов... и вывезенных из-за границы". Здесь же постановлялось, что "все граждане РСФСР объединяются в потребительские общества", а "каждый гражданин приписывается к одному из распределительных пунктов потребительского общества" (1).

Ясно, что власть немало лукавила, когда рассуждала о кооперации, ибо в действительности это были некие огосударствленные структуры, где полностью игнориро-

вался принцип добровольности - императивное условие любых форм кооперирования.

Квазикооперация мыслилась, таким образом, как инструмент государственного регулирования и обуздания стихии частного рыночного оборота. Что это абсолютно возможно, Ленин не сомневался. Выступая на X съезде партии, он говорил: "Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать - это дело практики. Мое дело доказать вам, что теоретически это мыслимо" (2).

Между тем именно практика выявила полную несостоятельность этой идеи. В Казахстане был создан товарообменный фонд (мануфактура, галантерея, металлические изделия, сельскохозяйственный инвентарь, хозяйственные принадлежности, махорка, керосин, спички и т.п.) на сумму в 1,5 млн. золотых рублей и 14 млрд. в дензнаках 1921г. (3). Но по отношению к заданиям удалось заготовить лишь 37 процентов хлебных продуктов и 26 процентов - мясных (4).

Безусловно, здесь сказывались недостаточность и скудность товарообменного фонда, неразвитость распределительной сети, неурожай и разруха в сельском хозяйстве. И все же главной причиной было то, что государственный товарообмен сплошь и рядом не выдерживал конкуренции с частной торговлей. Уже осенью 1921г. Ленин был вынужден признать: "С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля" (5).

Не оправдалась ставка и на кооперацию. С этого момента функции ее сужаются. А после того как декабрьским (1923 г.) декретом ЦИК и СНК СССР (6) отменялась обязательная приписка граждан к единым потребительским обществам, а вступление и выход из них объявлялись исключительно добровольным делом населения, она перестала играть роль института с "поголовным охватом населения". На конец 1925г. кооперированием в области распределения и обмена было охвачено лишь 20 процен-

тов "европейского" населения (как писалось в отчетах тех лет) и 8,6 процента - казахских хозяйств (7).

К этому же времени кооперация, как, впрочем, и государственный сектор, выявила свою неспособность вести на равных (хотя преимущества в виде различных государственных дотаций, льгот в кредитах и товарном обеспечении, возможности не рискуя снижать цены отпуска товаров и, наконец, просто идеологической поддержки были как раз-таки на ее стороне) конкурентную борьбу с частной торговлей. В структуре товаропроводящей сети города ее удельный вес составил всего 3 процента, тогда как на частный сектор приходилось 95,3 (на госторговлю - 1,6 процента). В ауле и деревне республики соответственно 12,9 и 85,1 процента (госторговля - 2,0 процента) (8).

Что касается торгового оборота, то за счет городского частника он формировался на 84,7 процента, а кооператоров - 14,0 (госторговля - 1,3 процента). В ауле и деревне (за счет низких цен в кооперации) доля обоих сегментов была почти равной: 50,5 процента - частная и 49,5 - кооперативная торговля (9).

Итак, очередная попытка поступать вопреки экономической логике, т.е. обойтись без опоры натоварно-денежные отношения, закончилась провалом.

Тем временем общество, желали того большевики или нет, начинало все шире и увереннее жить по формуле Т-Д-Т, т.е. осознавая реальность товарно-денежных отношений. Понятно, что более органично и сразу же их функцию освоили частнокапиталистический (денационализированные мелкие и кустарно-ремесленные предприятия, торговля, крупные крестьянские хозяйства ит.д), государственнокапиталистический (промышленные предприятия, переданные в аренду частным лицам или в концессию) и мелкотоварный (хозяйства, работающие на рынок) уклады.

Болезненно и тяжело, с "ворчанием" (тысячи коммунистов выходили из партии, мотивируя это своим принципиальным неприятием "реставрации капитализма", "предательства светлых идеалов революции и жертв гражданской войны"), ностальгией по старым "кавалерийским

атакам на капитал" и надеждами на скорое восстановление статуса-кво воспринимали новые реалии агенты социалистического уклада.

Утратив привилегии монополиста в экономической жизни, социалистический (читай: государственный) сектор более не мог абстрагироваться от данности складывавшихся рыночных отношений, прячась под уютный зонтик государственного патернализма. В этой связи в рамках его происходит вынужденная перестройка системы производства и распределения, обмена и потребления.

На фабрики и заводы, другие предприятия возвращалась заработная плата, в структуре которой все более уменьшалась натуральная часть и повышался денежный эквивалент. В 1923г. удельный вес последнего составил более 80 процентов (10). При этом в изданном 10 сентября 1921г. специальном декрете СНК закладывалась новая тарифная политика. Как указывалось в документе, "увеличение оплаты должно быть связано прямо и непосредственно с увеличением производительности, со степенью участия рабочего в повышении производства" (11).

Рынок требовал оздоровления финансовой системы. В русле этой задачи проводится ограничение эмиссии. Если в годы "военного коммунизма" денежные знаки, а точнее, их суррогат выпускала чуть ли не каждая контора или предприятие, то теперь единственным эмитентом выступал вновь открывшийся в ноябре 1921г. Государственный банк.

Восстанавливаются оплата за коммунальные услуги и транспорт, сбор налогов на все виды производства и обращения (12). В 1923-24 окладном году (начисляется оклад налога) 34 процента доходной части бюджета обеспечивались фискальными поступлениями (13). В 1922-1924гг. успешно завершается денежная реформа: страна, наконец, получает "твердую" валюту, высоко котирующуюся на мировых денежных рынках. Популярная частушка тех лет: "Забегая я в буфет, ни копейки денег нет, разменяйте пару миллионов" утрачивает свою актуальность.

Обанкротившись с претензией на охват государственным контролем и управлением абсолютно всей промышленной инфраструктуры, повсеместно увязнув в дефиците ее ресурсного обеспечения (сырье, топливо, оборудование, продовольствие и т.д.), признав невозможность в таких условиях осуществлять хозяйственное планирование и более или менее рациональное межотраслевое взаимодействие, государство частично отказывается от старой промышленной политики. Оно оставляет в своем управлении лишь отдельные отрасли и наиболее крупные предприятия. Одни из них охраняются до лучших времен, другие запускаются в производство, но лишь те, которые обеспечены материальными, продовольственными и денежными ресурсами из общегосударственных органов согласно народнохозяйственному плану (14).

Предприятия, не рассматриваемые в качестве приоритетных с точки зрения государственных интересов (в основном это средняя и мелкая, кустарно-ремесленная и местная промышленность), передавались в аренду кооперативам, товариществам или частным лицам.

При этом режим наибольшего благоприятствования (льготы по налогообложению, кредитам, ресурсному снабжению и т.д.) предоставлялся в первую очередь тем из них, кто обслуживал нужды крупной промышленности или работал по заданиям государства и для потребительской кооперации. Все предприятия и отрасли, не вошедшие в перечень особо важных, рассматривались как "подсобные" по отношению к государственному сектору промышленности. Контроль за деятельностью этого сектора промышленности осуществлялся посредством механизма квотирования и лимитирования ресурсов, через огосударствленные профсоюзы (администрация обязывалась заключать с работающими коллективные договоры) и партиячейки.

Те предприятия, которые не удавалось сдать в аренду, подлежали закрытию, а их рабочие и служащие ставились на учет на бирже труда (15). По данным ЦСУ КАССР в течение 1922г. по городам республики было зарегистрировано около 50 тыс. безработных, но в действи-

тельности их было гораздо больше (16).

В развитие новой политики II съезд Советов КАССР обязал Казахское промышленное бюро (Промбюро) ВСНХ "производство каждой отрасли промышленности концентрировать на небольшом количестве крупных, технически оборудованных, целесообразно организованных, а также дополняющих друг друга предприятий (применив эту систему в первую очередь для горной промышленности) (17).

С целью концентрации промышленности создавались тресты, которые объединяли наиболее крупные и перспективные предприятия. Как отмечалось в решениях XII съезда партии: "Эти хозяйственные объединения, как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной ценности (чтобы не раздражать коммунистических ортодоксов, прибегли к идеологической уловке: вместо категориального понятия "стоимость", ассоциировавшегося с капиталистическим способом производства, вставили слово "ценность" - Ж.А.)" (18).

До конца 20-х годов тресты выступали основной производственной единицей социалистического сектора промышленности, объединяя до 90 процентов всех национализированных и не сданных в аренду или концессию предприятий. В Казахстане тресты охватывали в основном добывающий сектор. Так, в январе 1923г. был создан трест союзного значения "Эмбанефть", включавший в свою структуру, помимо собственно нефтяных промыслов, нефтеперегонные заводы в Ярославле и Нижнем Новгороде (19). В течение 1925 г. были созданы еще два треста, подчиненные непосредственно Центру: "Алтай-полиметалл" и "Атбасарский трест цветных металлов" (меднорудные предприятия) (20). В ведении Союза находился и Сантонинный трест (Чимкентский сантонинный завод), выпускавший наркотические вещества: сантонин, морфин, кодеин. Трест являлся монопольным поставщиком на мировой рынок сантонина, изготавливаемого на основе заготавливаемой в Южном Казахстане цитварной полыни.

Создавались и тресты краевого значения, местные (губернские) объединения: "Ахжалзолото", "Казрыба", Казсаксаултрест, Казспиргтрест, Петропавловский кожевенно-меховой трест, Оренбургский "Губсельпром" и т.д. Некоторые предприятия управлялись Краем на основании мандатов ВСНХРСФСР: например, Экибастузское и Ридерское объединения.

Всетресты, как и входившие в них предприятия (более того, вся промышленность), переводились на хозяйственный расчет (хозрасчет) - самоокупаемость. Иначе говоря, перестраивали свою деятельность с учетом стоимостных категорий: прибыльности и рентабельности, ресурсозатрат, себестоимости и т.д. В этой связи Ленин выдвигает лозунг "Большевики, учитесь торговать!".

Будучи хозрасчетными объединениями, тресты выполняли функции планирования, расстановки кадров и распределения средств, осуществления торговых операций (21). В целом структура трестов мыслилась как компромиссная в изменившихся условиях форма концентрации и централизации производства, от которой большевики и не думали отказываться.

Для обслуживания коммерческой деятельности трестов, устранения между ними конкурентной борьбы, укрепления позиций государства (22) хотя бы в оптовой торговле и противостояния засилию частного сектора торговли, т.е., иначе говоря, с целью проведения охранительно-протекционистской по отношению к социалистическому укладу политики, образовывались синдикаты. В 1923г. они объединяли уже до 50 процентов крупных трестов.

Частный капитал концентрировался главным образом в сфере производства товаров широкого потребления, простейшего сельскохозяйственного инвентаря. Представлен он был по преимуществу мелкими городскими и сельскими кустарно-ремесленными мастерскими, работавшими на местном сырье и обслуживавшими местный потребительский рынок (мукомольная, маслобойная, металло- и деревообрабатывающая, кожевенная, бондарная и другие отрасли) (22). Значительная часть этих

предприятий не использовала наемный труд, а там, где он имел место, численность рабочих не превышала 1-5 человек, тогда как до революции сельская промышленность Казахстана являлась сферой занятости значительного числа населения и занимала важное место в обслуживании агросферы.

В области обмена частник проводил широкие посреднические операции между мелкими товаропроизводителями, занимался реализацией товаров частной промышленности и в незначительной степени - госпромышленности. Государство практически отрезало его от оптовой торговли, зато в розничной он занимал доминирующее положение как в городе, так и в деревне. В 1924/25г. в Казахстане насчитывалось более 5 тыс. частных торговых заведений (в 9 раз больше, чем кооперативных, и в 25 раз - чем государственных торгующих предприятий) (23).

Размещение частного капитала главным образом в торговле объяснялось тем, что она не требовала крупных вложений, давала быструю оборачиваемость средств и высокую прибыльность, допускала свободу маневра. Именно в сфере обмена формировалась большая часть накоплений частного капитала, которые первые три года нэпа росли весьма стремительно: по стране в целом со 150 до 800 млн. руб. (24).

Наличие достаточно больших оборотных денежных средств позволило частнику внедриться и в область кредитных отношений, где его нишей было обслуживание частной промышленности и торговли.

В целом надо отметить, что, несмотря на известные послабления, существование частника в условиях "классового дирижизма" было весьма неудобным. Государство превращало его в своеобразного маргинала, вынужденного жить сразу в двух системах координат: социально-политической диктатуры и относительной экономической свободы. И как он ни пытался, ему не удавалось интегрироваться ни в ту, ни в другую.

Все годы нэпа носители частнопредпринимательского уклада подвергались общественному ostrакизму и мо-

ральному террору, в массовом сознании пропаганда насаждала образ "плюгавого хозяйчика", откровенного "хапути и спекулянта"; они выступали излюбленными объектами карикатур и фельетонов, их оскорбительно шаржированные изображения проносили по "первомайским" и "октябрьским" площадям под улюлюкающий рев толпы.

Частный капитал постоянно ущемлялся и социально-классовыми акциями государства в области кредитов, ценовой и тарифной политики, явно дискриминационными по отношению к предпринимательскому сектору нормами финансового и трудового права. Все сильнее раскручивался пресс налогообложения. Структура налогов с каждым годом усложнялась (подходно-промысловый, поимущественный налоги, акцизный и гербовый сборы, местные налоги ит.д.), а тяжесть их нарастала, мало коррелируя с ростом налоговой базы. Только налогообложением в 1924/25г. абсорбировалось (поглощалось) до половины дохода частников (25). В этой ситуации предприниматели испытывали чувство неуверенности и непредсказуемости, в их среде постоянно циркулировали слухи типа: вот-вот будет издан новый ограничительный декрет, очередная запретительная директива, и в этом смысле они оказывались самыми заинтересованными и постоянными читателями партийных газет, где только и печатались официальные сообщения.

Все это сковывало частнопредпринимательскую инициативу, подчас блокируя ее расширение, а многих ее представителей, разочаровавшихся в перспективе собственного дела, заставляла, оперируя более поздним термином, "самораскулачиваться", т.е. самоликвидироваться и перемещаться в другие сферы занятости. Но тем не менее частнопредпринимательский уклад формировал достаточно обширный сегмент социально-экономической структуры, обнаруживая в силу объективного действия стихийной товарно-рыночной тенденции стремление к своему известному росту.

Вне зависимости от радикальной трансформации идеологической ориентации, социально-экономических

и общественно-политических векторов развития экономика государства продолжала сохранять ярко обозначенный крестьянский характер (согласно критериям Д. Тернера, к крестьянским экономикам относятся государства, где, помимо прочего, половина населения живет в деревне, более половины самодеятельного населения занято в сельском хозяйстве, а последнее как сектор экономики играет решающую роль в формировании общественного продукта) (26). Поэтому понятно, что инновации нэпа не могли не распространяться на агросферу.

Прежде всего, как уже отмечалось выше, был коренным образом изменен принцип изъятия крестьянского продукта: оно облекалось в форму налоговых отношений. В марте 1921г. ВЦИК принял декрет "О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом" (27).

В 1921/22 окладном году сфера применения продналога в Казахстане оказалась суженой из-за критической ситуации в сельском хозяйстве. В губерниях Западного Казахстана дефицит зерновой потребности выразился в 17,4 млн. пудов (здесь погибло от 50 до 80 процентов посевов) (28). В результате сильнейшего после 1891-92г. джуга поголовье скота сократилось на 80 процентов, а в некоторых уездах Уральской и Букеевской губерний падеж скота достигал 100 процентов (29).

В связи с бедствием Уральская, Оренбургская, Актюбинская, Букеевская, а также Кустанайская (без Кустанайского уезда) губернии декретом ВЦИК (18 августа 1921 г.) включались в число голодающих районов страны (30) и освобождались от налогообложения. Налоговые обязательства снимались также с кочевых и полукочевых скотоводческих хозяйств (Постановление Президиума ЦИК КАССР от 28 июня 1921г.) (31).

Однако, принимая во внимание, что в пострадавших губерниях местами наблюдался удовлетворительный урожай, губисполкомы вводили здесь внутригубернский налог, который взимался по принципу продналога и по минимальным налоговым ставкам. Поступления от него

должны были использоваться исключительно на внутри-губернские нужды и в первую очередь - на обсеменение.

В полной мере продналоговая кампания проводилась только в Семипалатинской и Акмолинской губерниях. В первой по налоговым изъятиям было получено 3 млн. пудов хлебопродуктов, около 17 тыс. пудов масла, 587 тыс. пудов сена, 46,3 тыс. штук кож, 1,1 млн. яиц и т.д. (32). В Акмолинской губернии по отношению к исчисленному налогу было сдано 50 процентов - 2 млн. пудов хлеба (33). Всего по республике налог был выполнен на 55 процентов (34).

В следующем, 1922/23г. все прежние виды натуральных налогов заменялись единым натуральным налогом. К комбинации признаков, по которым устанавливалась налоговая ставка (размер посева на едока и разряд урожайности), добавлялся еще один индикатор - обеспеченность хозяйства крупным рогатым скотом.

В сфере налогообложения вводились скотоводческие полукочевые и кочевые хозяйства. Здесь налог исчислялся в "мясных единицах" - за объект обложения принималась голова взрослого крупного рогатого скота, к которой по установленным эквивалентам приравнивался рабочий и мелкий скот (последний - 3:1). Для Западного Казахстана (земледельческие хозяйства) устанавливалась 50 - процентная скидка с исчисленной суммы налога (35).

В 1923/24 году натуральный налог заменялся единым сельскохозяйственным налогом. В 1924/1925г. в связи с расширением товарно-денежных связей на аграрной периферии, а также с целью стимулирования этого процесса была осуществлена коммутация налогов: замена натуральных форм на денежные. По решению XIII конференции РКП(б) единый сельскохозяйственный налог 1924/25г. исчислялся в твердой валюте (после денежной реформы 1922-1924гг. в обращении некоторое время ходили как твердая валюта (червонцы), так и "совзнаки") и должен был взиматься исключительно в денежной форме (36).

Таким образом, направленность налоговых реформ в целом соответствовала задачам восстановления сель-

ского хозяйства. То же можно сказать и по поводу коррекции тяжести налогообложения. Если в довоенные годы прямые и косвенные налоговые платежи на душу крестьянского населения составляли (в соизмеримых ценах) 10 руб. 37 коп., во время разверстки - 10 руб. 30 коп. (а с учетом труд- и гужовинности гораздо больше), то в 1921/22г. - 6 руб. 11 коп., а в 1922/23г. - 3 руб. 96 коп. (37). Однако, как показывала мировая история крестьянства, к бунту его вызвала чаще недостаточность того, что ему оставалось, чем величина того, что у него изымалось (взаимосвязанные, но вовсе не идентичные вещи) (38). С введением нэпа масштабы крестьянских протестов заметно пошли на убыль и это, в числе прочего, говорило о том, что на первых порах государству удалось выйти на более или менее приемлемый и безопасный баланс в налоговых отношениях с деревней.

Новая хозяйственная философия проецировалась и в область земельных отношений, оставляя, правда, в неизменном виде фундаментальные положения большевистских программ в аграрном вопросе.

Известно, что с реформы 1861г. имперское российское законодательство относило вопросы землепользования и землевладения к компетенции выборных земств, которые усматривали и решали их в соответствии со своим пониманием сложившихся в данной местности неформальных норм, традиций и крестьянских обычаев, относящихся к собственности. Тем не менее, несмотря на отсутствие единого законодательства в области земельного права, последние отличались удивительным единообразием на всей территории страны (39) (по крайней мере, в ее земледельческом ареале).

Советы кодифицировали земельные отношения. Был разработан и принят "Основной закон о трудовом землепользовании" (40), который без существенных поправок был затем включен в Земельный кодекс, введенный в практику 1 декабря 1922г. С этого момента все вопросы о земле, а во многом и связанные с крестьянским бытом, получали правовую регламентацию в соответствии с идеологическими ценностями государства.

Земельный кодекс подтверждал незыблемость принципа национализации земельного фонда страны, подчеркнуто артикулировал ликвидацию революцией частной собственности на землю, недра, воды и леса, которые объявлялись "собственностью рабоче-крестьянского государства" (41).

Труд признавался единственным источником права на землепользование. До тех пор пока крестьянский двор (хозяйство, домохозяйство, трудовое семейное хозяйство) осуществлял хозяйственную утилизацию, т.е. технологическое освоение (обработку) земли, соответствующий участок закреплялся в его постоянном и непрерывном пользовании. Из сказанного следует, что частная собственность на землю не носила безусловного легитимного статуса и имела формально опосредованный характер.

В формах и порядке землепользования декларировалась свобода выбора, но вопреки праву местные органы сплошь и рядом парировали всякие попытки выхода на отруба, хутора и другие формы неколлективистского (необщинного) землепользования.

В свое время П.А. Столыпин затратил немало сил и энергии на разрушение земледельческой общины, понимая, что объективно она выступала тормозом капитализации сельского хозяйства. Но именно в силу этого негативного для прогрессивного развития сельской экономики качества, община с ее милыми для большевистских адептов равенства принципами коллективизма и замкнутой корпоративности была востребована государством.

Во-вторых, конформизм и солидаристская мораль, характерные для общинного сознания, всегда служили "естественным" препятствием консолидации крестьянской оппозиции.

В-третьих, община оказывалась удобным для власти институтом и в плане проведения различных мобилизаций, повинностей, поборов и других кампаний. Община несла коллективную ответственность за лояльное поведение своих членов, точное и своевременное выполнение налагаемых на них государством обязанностей, например, уплату налогов (если кто-то, допустим, не мог

внести налог, то за него это делали всем миром). Еще в годы гражданской войны и "военного коммунизма" большевики, апеллируя к общинной традиции коллективной ответственности и солидарности, широко практиковали захват в аулах и деревнях заложников и удержания их до тех пор, пока полностью не удовлетворялись те или иные притязания власти (42).

В-четвертых, община как социальная форма организации производства и крестьянской жизни являла собой своеобразную корпоративную структуру, открытую для государственного контроля. Посредством сельского схода (мира), точнее, его люмпенского и бедняцко-пауперизованного большинства, получавшего индульгенцию от власти, можно было легко проводить нужные решения и добиваться желаемой общественной рефлексии. Именно на сходах, которые нередко заявляли себя как беспартийные крестьянские конференции, вводились различные целевые самообложения, вносились ходатайства о применении индивидуального, т.е. крайне тяжелого, налога к тому или иному зажиточному хозяйству, выявлялись кулаки, принимались "единогласные решения о добровольном вступлении всем миром" в колхоз или коммуну, оказывалось сильнейшее давление на девиантов (отклоняющихся от линии партии), не желавших вступать в сельхозартель, становиться "друзьями воздушного флота" или "ворошиловскими стрелками" и т.д.

Застрельщиками при этом часто выступали лжебелсенды, показушные активисты - люмпены из созданных большевиками различных крестьянских неформальных организаций - союза "Кошчи", "Жарлы", ККОВ (комитеты крестьянской взаимопомощи) и т.д. А чтобы на сельских сходах большевикам "не путали карты и не мутили воду", строптивых смутьянов из числа "нежелательных элементов" выдергивали из общины и в целях "превентивной профилактики" выселяли и расселяли за ее пределами, добиваясь тем самым "монолитного единства трудящихся" (это были первые "репетиции" масштабных акций времен раскулачивания).

И, наконец, в-пятых, еще со времен Н.Г. Чернышев-

ского и переписки В. Засулич с К. Марксом земледельческая община с ее коллективистской логикой рассматривалась как субстанция, способная более всего, быстрее и органичнее воспринять начала социализма. Безусловно, были и другие прагматичные мотивы, объяснявшие столь трепетное отношение к общине государства, зафиксированное в Земельном кодексе (43).

Законодательство разрешало аренду (44). До этого данный институт запрещался, хотя и продолжал функционировать в своих нелегальных формах, оставаясь реальностью социальных отношений в деревне. Будучи неспособным обеспечить основную массу хозяйствующих субъектов средствами производства промышленного происхождения, прежде всего сельскохозяйственным инструментарием в силу дефицита его производства, а также "ножниц цен" на фабрично-заводские товары и сельскохозяйственную продукцию, государство было вынуждено отказаться от крайних форм идеологизации земельных отношений. Проявлением этого явилась и легализация аренды, к допущению которой обязывали и принципы нэпа.

Статистические данные говорят, что в Казахстане в арендные отношения была включена примерно четвертая часть хозяйств деревни и оседлого аула (45). Уже априори можно было предположить, что основную массу арендаторов будут формировать экономически наиболее мощные хозяйства, а сдатчиков земли - группа малообеспеченных. Так оно и случилось (46).

Что касается аренды сельхозинвентаря, то здесь сдатчиками выступали крупные и зажиточные хозяйства. Мало- и недостаточно обеспеченные крестьянские дворы арендовали у последних и тягловый рабочий скот. Была распространена и практика арендных отношений между основными хозяйственными комплексами: земледельческим и скотоводческим (47). Казахские пастбищно-кочевые общины сдавали землю в аренду отдельным земледельческим хозяйствам и целым деревням.

Государство рассматривало аренду как атрибут капиталистических отношений (хотя в огромном большинст-

ве случаев трудовая аренда не преследовала задачи создания прибавочной стоимости и, следовательно, не могла выступать проявлением таковых), как сферу крестьянской эксплуатации. Однако, витийствуя в идеологическом бичевании, оно на протяжении всех 20-х годов так и не смогло открыть достаточно широкие каналы ресурсобеспечения сельскохозяйственного производства.

Огосударственная крупная промышленность, удобно функционировавшая "за пазухой" государственного протекционизма и патернализма, отличалась убожеством производственного аппарата (станков, оборудования и т.д.), архаичностью организации производства, высочайшей сверхнормативностью ресурсоемкости, крайне низкой рентабельностью. Между тем именно она выступала монополистом на рынке сельскохозяйственного оборудования, диктуя здесь монопольно высокие цены. И как бы директивные органы ни пытались оптимизировать ценовую политику, все потуги блокировались ведомственными интересами и самой природой нерыночного уклада.

В силу всего этого в рассматриваемые годы сохранялся гипертрофированный диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную группу товаров, естественно, в ущерб именно второй. Что касается госпромышленности, то ей разведение "ножниц цен" было на руку, ибо позволяло решать многие проблемы. Разве что вследствие низкой покупательной способности населения сузился рынок спроса, но и даже в таком состоянии он поглощал все возможное предложение госсектора, оставшегося дефицитным.

Большевики, таким образом, породили промышленные структуры, интересы которых объективно не могли не вступать в конфликт с насущными государственными интересами. Тем не менее они с гордостью рапортовали "пролетариям всех стран и их боевому штабу - Коминтерну", что в СССР "все командные высоты находятся в руках государства, а потому социализму здесь ничто не угрожает".

Тем временем аул и деревня в лице большей части своих работников, не имея возможности приобрести про-

мышленный инвентарь, переходили от лемешного плуга к деревянной сохе и допотопному омачу, запрягая подчас в них своих домочадцев. Будучи во многом ответственными затакую ситуацию, вожди партии накануне коллективизации еще и цинично издевались над архаичностью крестьянского хозяйства.

Итак, основными держателями рабочего инструментария промышленного происхождения оставались частнопредпринимательские хозяйства, крупные, зажиточные и экономически стабильные середняцкие дворы. Сюда же относились крепкие сельхозкооперативы, "образцово-показательные" коммуны и сельхозартели (прообразы будущих колхозов), которым государство предоставляло льготный режим в машиноснабжении с тем, чтобы они, распевая на глазах ущемляемых в этом отношении "единоличников" звонкую песню "Мы железным конем все поля обойдем", демонстрировали "преимущества коллективного производства".

Можно сказать, что аренда, как и вся традиционная система внутриаульных и деревенских воспроизводственных связей, в значительной мере компенсировала провалы промышленности и советской распределительной системы. Но и этот единственно доступный для основной массы сельских производителей альтернативный источник более или менее приемлемого обеспечения технологических процессов и ресурсов начинал иссякать. По мере интенсификации политики ограничения и вытеснения, а в последующем и ликвидации "эксплуататорских элементов" их вытесняли из социально-экономической структуры аула и деревни. В результате опустошались производственные ниши, разрывались сложившиеся воспроизводственные связи, разрушалась хозяйственно-культурная экология, критически ослаблялась иммунная система традиционной социально-экономической организации аула и деревни с ее отработанным защитным адаптивно-синергетическим (приспосабливаемо-самоорганизующимся) механизмом функционирования (более подробно мы рассмотрим это в следующем разделе).

Уже не у кого стало заимствовать рабочий скот, сель-

хозинвентарь, семена, сепаратор и т.д. В сельсовете, где кроме полинялого флага, стертой печати и наркомземовских инструкций, ничего не было, вместо пусть и кабально-возмездной, но реальной и надежно гарантированной материально-технической помощи могли дать лишь "добрый" совет "еще крепче добывать кулацко-байских извергов рода человеческого" и вступать в коммуны.

Земельным законодательством допускались также отношения найма-сдачи рабочей силы при условии неуклонного следования правовым актам об охране и нормировании труда (48). Функции контроля над исполнением правовой регламентации трудовых отношений возлагались на Советы, союз Рабземлес (союз работников земли и леса) и неформальные крестьянские организации (союз "Кошчи", ККОВ и др.).

Легализация найма-сдачи рабочей силы (в скрытых формах они имели место и до этого) позволила отслеживать динамику их распространения. Из данных ЦСУ и других органов следовало, что в Казахстане каждое десятое крестьянское хозяйство пользовалось трудом наемных работников. Если в 1926г. было зафиксировано более 80 тыс. человек, сдававших свою рабочую силу (батраков), то уже в 1928г. - около 130 тыс. (в действительности их было гораздо больше). Рост коэффициента плотности найма, т.е. количества батраков на сто хозяйств (по официальным данным он достигал отметки 10-11), говорил об интенсивности процессов расслоения (49).

Более всего батрачество было распространено в зерновых земледельческих районах Северного Казахстана и в производстве трудоемких технических культур на юге республики. К сожалению, статистические органы, выстраивая динамические ряды, характеризующие рассматриваемое здесь явление, ограничивались лишь классификацией участников найма-сдачи рабочей силы по критерию экономической мощности. Во всех отчетах тех лет анализ не идет далее групповой разбивки хозяйств по обеспеченности их землей и скотом и выявления в каждой из выделенных групп удельного веса крестьянских дворов, сдающих и принимающих рабочую силу.

Поэтому локализовать масштабы наемного труда, имевшего чисто предпринимательскую форму и однозначно связанного с капиталистическими отношениями, и той его ипостаси, когда он выступал в качестве "подсобного" элемента в сугубо потребительском, самодостаточном хозяйстве (докапиталистическая форма), возможно теперь лишь на гипотетическом уровне с привлечением косвенных свидетельств. Но именно обращение к последним (данные бюджетных обследований крестьянского хозяйства, рынок потребительских товаров и средств производства, внутри- и внедеревенский оборот и т.д.) наводит на огромные сомнения по поводу партийных резолюций того периода (привнесенных отчасти в современную историографию), требующих идентифицировать бедноту как сельский полупролетариат, всю совокупность батрачества - как "аграрный отряд рабочего класса", а хозяйства, использующие наемный труд, - как тождество сельской буржуазии.

Идеологически это объяснялось просто: без данной констатации растворяются и исчезают субъекты классовой борьбы. А так все персонажи деревенского капиталистического противостояния, а следовательно, и объективные предпосылки к нему - налицо. Значит, все в порядке, все по Сталину: классовая борьба в деревне нарастает, и большевики просто обязаны активно включиться в нее.

Между тем трудно предположить, что 5-7 процентов (а по некоторым уточнениям, и того меньше) действительно частнокапиталистических хозяйств кулацкого типа могли задействовать весь огромный массив утратившего хозяйственную самостоятельность сельского населения. Ясно, что значительная его часть, не уходящая в города и остававшаяся в деревне, вступала в трудовые отношения с некапиталистическими хозяйствами, а потому не являла собой агентов капиталистических отношений.

В более детальном разрезе мы проследим это на примере казахского аула. В этой связи предварительно отметим, что, рассматривая аульные отношения найма-сдачи труда и их соотнесение с товарно-рыночной (капиталис-

тической) тенденцией, некоторые, уже новейшие исследования и особенно учебники, некритически освоившие и транслирующие предшествующую историографическую традицию, обнаруживают подчас довольно упрощенную методику описания.

В некоторых из них при раскрытии данного сюжета (пусть и в более общем контексте) явно или имплицитно имеет место произвольный разрыв системы параметров и вычленения из ее целостности какого-то одного критерия, который якобы, подобно нити Ариадны, способен безошибочно направить научный поиск. Именно такими "универсальными" потенциями наделяется и категория "наем труда".

Несомненно, это один из достаточно репрезентативных индикаторов капиталистических отношений. Не случайно В.И. Ленин писал, что "в вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда", что "употребление наемного труда есть главный отличительный признак всякого капиталистического земледелия" (50).

Тем не менее, как подчеркивал К. Маркс, сам по себе "обмен овеществленного труда (воплощенного в средствах производства и предметах потребления - Ж.А.) на живой труд (рабочая сила человека - Ж.А.) еще не конституирует ни капитала на одной стороне, ни наемного труда - на другой" (51). Он вполне может означать и не что иное, как "отношение простого обращения", когда совершается акт обмена потребительными стоимостями (жизненными средствами и трудом) (52). Следовательно, специфика конкретно-исторических реалий способна придавать отношениям найма-сдачи рабочей силы такие оттенки, которые могут кардинально изменить их качество.

Поэтому совершенно очевидно, что при включении в анализ данного показателя не обойтись без ввода ряда дополнительных переменных, позволяющих точнее выявить социально-экономическую природу бывшего столь распространенным в ауле явления. Не вдаваясь в пространные описания, ограничимся ниже их краткой констатацией (53).

Прежде всего необходимо установить именно тот случай отношений между нанимателем и нанимающимся, который только и может считаться адекватным выражением классической бинарной оппозиции "капитал - наемный труд". Выдвинутый план проблемы, в свою очередь, актуализирует постановку ряда других соподчиненных аспектов, касающихся, в частности, характера и целей производства, использующего чужой труд. Действительно, очень многое зависит от того, какое именно хозяйство привлекает наемный труд, является ли оно мелким потребительским или крупным накапливающим, подчинена ли его производственная цель созданию потребительных стоимостей или же стоимости для увеличения стоимости - прибавочной стоимости (54). Иначе говоря, важно выяснить, какому варианту деятельности хозяйствующего субъекта, нанимающего рабочую силу: к обеспечению собственного потребления или производству прибавочной стоимости.

Из сказанного становится ясным, что встречающаяся в ходе исследования социально-экономической структуры аула дилемма (капиталистическая или некапиталистическая парадигма) может быть методологически верно разрешена только посредством многомерного анализа. Причем в рамках последнего все признаки должны восприниматься как функционально значимые, поскольку в своей совокупности они образуют определенный типологический ряд, проецирующий на конкретную модель развития (капиталистическую или докапиталистическую). Попытки же свести существо проблемы к фиксации лишь стандартных признаков скорее всего не окажутся плодотворными. И в первую очередь потому, что в контексте традиционных структур, далеко выходящем за пределы привычных историографических стереотипов, способность таких эвристических исканий крайне ограничена. Больше того, они могут, как это уже случалось, привести к некорректным обобщениям, когда капиталистические отношения волей отдельных авторов распространяются даже на глубинные пласты номадного массива (в сталинской историографии это делалось с целью доказательст-

ва предпосылочности революции в ауле, где последняя якобы была также, как и в России востребована "нарастающими противоречиями между трудом и капиталом").

Конечно, такой подход недопустим, так как наблюдаемый в казахском ауле феномен на поверку оказывался гораздо более неоднозначным явлением, чем это может показаться в первом приближении. Начать хотя бы с того, что использование чужого труда считалось обычной практикой. Довольно часто она обнаруживалась и в группах мелких потребительских хозяйств, причем не обязательно и не всегда мелкотоварного типа. Естественно, на данном уровне бессмысленно пытаться зафиксировать даже видимость искомого явления.

Вероятность капиталистической эволюции несколько возрастала по мере перехода к накапливающим байским хозяйствам, являвшимся основными точками притяжения наемной рабочей силы. Однако и здесь она отнюдь не так значительна, как это подчас еще представляется, и говорить о какой-то метаморфозе, по-видимому, можно лишь на уровне тенденции. Казалось бы, подобное утверждение вступает в диссонанс с действительностью, поскольку хорошо известно, что в байских хозяйствах создавалась относительно большая по своему объему масса прибавочного продукта. Но дело в том, что она в абсолютном большинстве случаев не обращалась на производство, а служила либо источником реализации социально-престижного (расточительного) потребления, либо в лучшем случае отвлекалась в другую, столь же непроизводительную сферу, каковой являлись ростовщичество, посредническая торговля и т.п. Следовательно, по своей экономической цели байские хозяйства являлись в преобладающем числе потребительскими, а занятый в них чужой труд не производил прибавочной стоимости.

В качестве еще одного не менее важного ориентира следует рассматривать сам характер отношений между работодателем и работником, точнее, ту основу, на которой они строятся. При капиталистическом типе эксплуатации это - всегда "свободное отношение обмена..." (55), т.е. свободная рыночная сделка. В казахском же ауле в

качестве всеобъемлющей основы выступали личностные мотивы и стимулы, которым продолжал принадлежать примат в системе связей. Другими словами, наемный труд в подавляющем большинстве случаев имел в действительности кабальную или полукабальную сущность, что находило свою реализацию в "низведении фонда жизненных средств рабочего до минимально возможного уровня" (36). По В.И. Ленину, "тут нет свободного договора, а есть сделка вынужденная..., производитель тут привязан к определенному месту и к определенному эксплуататору: в противоположность безличному характеру товарной сделки, свойственному чисто капиталистическим отношениям, здесь сделка носит непременно личный характер "помощи", "благодаяния" (57).

Наконец, целесообразно сказать несколько слов и о формах оплаты чужого труда как определенном показателе. Это представляется тем более необходимым, что некоторые исследователи склонны видеть уже в самом факте участия денег в обмене живого труда на овеществленный достаточно сильный аргумент в сторону предпринимательского производства. Думается, что это не всегда правомерно, так как денежная форма оплаты чужого труда чаще всего не меняла его докапиталистического характера. Хотя, конечно, в доколхозном ауле она имела известное распространение. Но иначе и быть не могло. Ведь традиционные отношения эксплуатации, будучи одной из подсистем воспроизводства более широкой структуры, должны были в целях сохранения своего гомеостаза стремиться как-то адаптироваться к изменениям окружающей социально-экономической среды. И понятно, что в условиях допущения рыночных отношений (нэп) они не удерживали свой статус-кво на абсолютно "стерильной" традиционной основе, т.е. не оставались полностью свободными от влияния импульсов товарно-денежного механизма.

В данном случае в интересах анализа представляется гораздо более важным другое обстоятельство, а именно: зависел ли размер ставок денежной оплаты наемного труда от тех экономических факторов, которые в нормаль-

ных условиях должны были бы определять их движение (58). Многочисленные свидетельства показывают, что в этом направлении отсутствовали даже минимальные корреляционные связи. В тех случаях, когда оплата чужого труда производилась в денежном выражении, она была всегда очень жестко фиксирована. И что особенно важно, ее размер был относительно стабилен и держался в стандартах, приемлемых лишь в плане физического поддержания живого труда на биологически необходимом уровне. Из сказанного ясно, что денежная оплата наемного труда, взятая как автономный показатель, еще не дает повода к далеко идущим выводам.

Следовательно, своеобразное наложение типологической модели на наблюдаемое явление способствует более точному уяснению его содержания в каждом конкретном примере. Когда обнаруживающиеся признаки явно не вписываются в методологическую матрицу или же, наоборот, выходят по каким-то параметрам за ее пределы, то, очевидно, имеет место неадекватное качество. Именно с подобным вариантом исследователь сталкивается в доколхозном ауле, где чужой труд, привлекаемый в производство на основе сделки по найму, по своим укладным характеристикам не совпадал с капиталистическим и, следовательно, не фиксировал капиталистических отношений. Являясь неотъемлемым компонентом традиционного комплекса, он по своей сути и форме не мог быть иным, кроме как докапиталистическим. И в этом качестве ему принадлежала определенная функция в механизме воспроизводства традиционной структуры.

Обозначенная выше проблема непосредственно перекликается с вопросом, касающимся выявления социального статуса участников отношений найма-сдачи рабочей силы. По логике исходных посылок, согласно которым докапиталистические черты наемного труда в ауле априорно наделяются свойствами более высокого порядка, они должны ассоциироваться не иначе, как с новыми по отношению к традиционной структуре социальными образованиями. Так оно и происходит: отдельные авторы усматривают в отпускающих рабочую силу представителей

сельского пролетариата, в его политэкономическом понимании.

Такие выводы нельзя признать методологически выдержанными, ибо они исходят из категорий, присущих социальному расслоению капиталистического типа (т.е. поляризация мелкотоварных хозяйств на буржуазные и пролетарские слои). Между тем этот процесс, развивающийся под определяющим влиянием законов товарного производства, в его сколько-нибудь значимых проявлениях не был знаком аулу. Всеобщий характер здесь приобретала докапиталистическая дифференциация с ее качественно иным экономическим механизмом. Своим продуктом она имела превращение мелкого натурального производителя в паупера. Отсюда значит, что в ауле доминирующую роль играла тенденция не к пролетаризации, а к пауперизации населения. И именно масса пауперизированного населения аула служила основным источником формирования и пополнения наемной рабочей силы.

Следует также отметить, что в отношении найма могли вступать (и действительно вступали) маргинальные производители аула. Данная социальная страта была порождением процессов маргинализации (пограничности) производства и потребления. Формировавшие ее субъекты характеризовались тем, что были неспособны обеспечить прожиточный минимум за счет своего хозяйства, а потому были вынуждены искать дополнительные доходы за его пределами. Иными словами, они совмещали ведение собственного хозяйства с работой по найму, причем последняя нередко выступала в качестве главного источника средств существования.

Переходя к вопросу о степени распространения в традиционном обществе частнопредпринимательских тенденций, можно сказать, что их потенциал был крайне ограничен. Как мы знаем, "в историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное; 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое" (59). Сказанное подразумевает, что массовой базой капиталистического уклада являлось мелкотовар-

ное производство. Действительно, именно оно рождало "капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, стихийно и в массовом масштабе" (60).

Важнейшим, даже императивным условием возникновения и расширения мелкотоварного производства (уклада) являлся наряду с общественным разделением труда более или менее приемлемый рост производительности труда. Имела ли эта обязательная предпосылка место в казахском ауле?

Известно, что для казахского аула с его традиционной структурой производительных сил было характерно столь сильное преобладание живого труда над трудом овеществленным, что дисбаланс этот выделялся своей гипертрофированностью даже на фоне всей отсталой аграрной экономики. Понятно, что это предопределяло как бы изначальную заданность относительно низкого уровня производительной силы труда и слабых (при данном состоянии производительных сил) перспектив к ее росту. Следовательно, уже в контексте первого же условия обнаруживаются серьезные противоречия.

Относительно низкая производительность труда, в свою очередь, ограничивала круг накапливающих, т.е. производящих прибавочный продукт, хозяйств. Но если даже абстрагироваться от этого важного обстоятельства (как поступают некоторые авторы) и допустить, что в казахском ауле существовал достаточно широкий горизонт таких хозяйств, то и в этом случае противоречия не устраниются. И главным образом потому, что здесь выдвигается еще одно принципиальное требование: субъект хозяйствования должен обладать фактическим правом реализации собственности на условия производства и создаваемый прибавочный продукт.

В традиционном аграрном обществе этот императив в абсолютном большинстве случаев не достигался. Иначе не могло и быть. Переход "от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности" (61), порождал симбиоз двух фундаментальных начал - коллективного и индивидуального. Их единство и борьба составляли суть дуалистичес-

кой структуры общины. "Коллективное" проявлялось через общинное владение и распоряжение землей, в пределах которых личная собственность на это важнейшее средство и условие производства сводилась на нет. Отсюда ясно, что конкретный трудящийся индивид не мог обладать абсолютной монополией на условия и средства своего собственного производства.

Что касается фактического права реализации собственности на прибавочный продукт, то здесь сказывалось воздействие механизма докапиталистической эксплуатации, выполнявшего в казахском ауле роль сильнейшего социального депрессанта. В рамках его функционирования нормы отчуждения, т.е. изъятия созданного продукта, постоянно балансировали на грани критического предела, нередко захватывая ту сторону, где начиналась его необходимая часть, идущая на собственное воспроизводство трудящихся индивидов.

В тех случаях, когда норма эксплуатации не исчерпывала всей массы прибавочного продукта, "распыление" ее остатков или части их нередко довершали различные институциональные формы расточительного отчуждения. Разворачивавшиеся в их гамме ритуально-обрядовые действия были достаточно многочисленны, чтобы потребовать от хозяйствующих субъектов огромного напряжения средств. Здесь были и самые различные торжества (той), и поминания умерших (ас), и этикет гостеприимства (конак-асы) и т.д. Устроители того или иного обрядового мероприятия хорошо осознавали, что, в свою очередь, когда-то сами станут субъектами нормативного отчуждения. Подобная циркуляция материальных благ и услуг (каждая дача должна была возмещаться по крайней мере эквивалентной отдачей), обозначенная в этнографической литературе термином "реципрокация" (62), носила жесткий проскрипционный характер. Игнорирование этого функционального элемента системы социальных кодов, выработанной традиционной социокультурой, практически не допускалось. Альтернативный прецедент был сопряжен если не с "моральным террором", то во всяком случае с утратой общественного престижа.

Неразвитость процесса приватизации, при которой принцип частной собственности не получал безусловного статуса, воспроизводилась на постоянной основе механизмом межличностных отношений. Следовательно, имел место своеобразный порочный круг, разрыв которого для потенциального товаропроизводителя был возможен только при условии его вычленения из замкнутой системы традиционных социальных отношений. В противном случае он был обречен оставаться несамостоятельным (в том числе в отношении условий и средств производства и распоряжения прибавочным продуктом), принадлежащим к особой корпоративной структуре "в отличие от общества, где индивид освобожден от всех форм личной зависимости и связан с другими людьми лишь в процессе деятельности, создающей меновую стоимость и утверждающей товарно-денежные отношения" (63).

Сказанное надо понимать так, что логика становления простого товарного производства в развитие иерархии своих необходимых предпосылок предполагала еще одно обязательное условие - полную (хотя бы и относительно) индивидуализацию хозяйства и высвобождение его от пут корпоративно-общинных связей. Не случайно К. Маркс отмечал, что "бытие людей как товаропроизводителей ...становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни" (64).

Однако в казахском ауле тенденции, возможные в этом направлении, блокировались целой суммой факторов. В экономическом аспекте сдерживающим моментом выступало, в частности, то обстоятельство, что доступ к средствам производства обеспечивался во многом лишь благодаря членству в общине, ибо каждый отдельный индивид являлся "собственником или владельцем только в качестве звена этого коллектива (т.е. общины - Ж.А.), в качестве его члена" (65). Кроме того, следует иметь в виду, что в силу особенностей хозяйственно-культурной деятельности воспроизводство средств производства вне общинной кооперации представлялось проблематичным, поскольку только по мере реализации принципа взаимодополняемости достигался требуемый для этого произ-

водственно-технологический оптимум (об этом более подробно далее) (66).

Специфические противоречия материальной субстанции служили питательной средой для формирования соответствующего эмоционального слоя общественного сознания (67). Конформизм и тотальный корпоративный дух, направляющие процесс социализации индивидов, жестко закрепляли приоритет консервативных форм социального фетишизма. Сращенность производителя с условиями производства, т.е. с естественными (природными) предпосылками труда, сильнейшая в силу природообусловленного характера производительных сил экологическая зависимость производства проецировали в массовом создании синкретизм (слитность) субъективных и объективных факторов, подавляли в нем личностное "Я", растворяя его в группе, коллективе (в данном случае - общине). Понятно, что при таких условиях выход за пределы "локализованного микрокосма" (по образному определению К. Марксом общины) отождествлялся чуть ли не с крушением социального бытия. Отнюдь не случайно устное народное творчество казахов фиксирует множество пословиц и поговорок примерно такого типа: "чем быть султаном в чужом роде, лучше быть рабом в своем" или "если погибнуть, то лучше со всем родом вместе" и т.д.

Итак, казахский аул не давал примеров функционально обширного бытия мелкотоварного хозяйства, и, следовательно, в его пределах частнокапиталистический уклад не располагал достаточно емкой основой для своего воспроизводства. Понятно, что будучи лишенным питательной среды, т.е. источника своего спонтанного самогенерирования, капиталистический уклад утрачивал возможность саморазвития "снизу". Словом, говоря о капиталистическом укладе, следует учитывать его исходную экзогенность (внешность) по отношению к традиционной структуре.

В то же время надо ясно представлять, что традиционная экономика, являясь частью расширительно понимаемой целостности, на уровне макросвязей вступала во

взаимодействие с более развитыми внешними структурами. В этих условиях не могло не происходить ее "облучения" импульсами частнопредпринимательской мотивации. Данный процесс находил выражение как в появлении хозяйств, совмещавших капиталистические и докапиталистические методы эксплуатации, так и в формировании сугубо предпринимательских, обуржуазившихся слоев из эксплуататорской среды традиционного общества.

Однако "верхушечный" путь формирования частнокапиталистического уклада также не имел больших перспектив. Традиционные частнопредпринимательские элементы, как правило, не проявляли тенденции к переориентации производственной деятельности в направлении капиталистических целей и мотивов. И это закономерно, ибо "если объем и вещественные элементы прибавочного продукта сбалансированы с численностью, демографической динамикой, с жизненными притязаниями господствующего класса, то у этого класса на долгий срок слабеют или вообще исчезают стимулы к изменению в способе производства" (68).

Не стоит также забывать, что на известном уровне развития общества норма эксплуатации во многом определяется нормами потребления (69). В казахском ауле их высший предел детерминировался традиционным набором престижных целей, т.е. стандарты потребления здесь сохранялись в опривыченных формах, свидетельствовавших о социальном статусе и выполнявших функцию ежедневной поверки места индивида в обществе (70). Престижное потребление в его социально санкционированных формах "сковывало" экономическую инициативу, направляя ее в русло вековых ценностных ориентации и устремлений эксплуататорского класса, но никак не в сторону создания прибавочной стоимости. При неизменности внешних условий сложившийся уровень потребления консервировался и оказывал тормозящее воздействие. Поэтому для последующей эволюции важное значение приобретало формирование новых потребностей (материальных и нематериальных). Между тем стимулы к этому,

привходящие извне, оказывались более чем слабыми.

Таким образом, частнокапиталистический уклад в ауле имел ряд особенностей. Прежде всего, он не отличался "чистыми" укладными характеристиками (что, кстати, затрудняет его локализацию). Казахский аул знал немало примеров, когда то или иное эксплуататорское хозяйство приближалось по целям производства к капиталистической модели, но по способам их достижения оставалось все тем же фрагментом традиционного механизма. Следовательно, частнокапиталистический уклад по ряду параметров смыкался с докапиталистическим типом хозяйства, широко используя существовавшие общественные формы и подчас интегрируясь с ними в некое симбиотическое единство. На каком-то функциональном отрезке интенсивность докапиталистических признаков могла возрастать, и в этот момент капиталистический уклад, оставаясь таковым по внешней форме, по своему внутреннему содержанию начинал отражать уже другое качество переходного или межукладного характера (к сожалению, эта грань очень часто не замечается исследователями).

Для частнокапиталистического уклада в ауле был свойствен низкий социально-экономический и организационно-технический уровень (отрыв по этим показателям от докапиталистической периферии оказался несущественным, что объясняется рядом объективных причин). Отличительными чертами являлись также его слабая консолидация, стремление как-то адаптировать свои функции применительно к традиционному комплексу, вплоть до "погружения" их в механизм докапиталистических связей.

Завершая характеристику частнокапиталистического уклада в казахском ауле в годы нэпа, необходимо сделать главный вывод - радиус его действия в аграрном пространстве был усечен до минимума.

На фоне всего изложенного в данном разделе материала можно видеть, что в годы нэпа в экономическом пространстве Казахстана (как и всей страны) получали одновременное развитие три тенденции: социалистичес-

кая, стихийная товарно-рыночная (капиталистическая) (71) и докапиталистическая. При этом первая тенденция носила субъективный характер, а две последние были вызваны факторами объективно-обусловленного порядка.

Социалистическая тенденция порождалась и опосредовалась волей государства. Она находила выражение в обширном комплексе социально-экономических и политических регулятивных акций, персонифицированной большевистской партией "диктатуры пролетариата", которая была жестко ориентирована на классовые императивы и интересы как сущностную природу советской власти. Государственно направляемый и корректируемый социалистический вектор был нацелен на огосударствление всей системы экономических (и социальных) отношений и реализацию идеи равенства - ни бедных, ни богатых - в масштабах всего общества.

Стихийная (т.е. не зависящая от чьей-либо воли) товарно-рыночная тенденция стала объективно-реальной данностью с переходом к нэпу. Товарно-денежные отношения и свобода торговли, предполагавшиеся новой экономической политикой, "запускали" рыночную стихию. При сохранении, пусть подчас и в опосредованных, превращенных формах (особенно в поземельных отношениях) частной собственности на средства производства это неотвратимо порождало соответствующие экономические процессы и их диалектически взаимосвязанные результаты (как положительного, так и негативного действия).

Позитивно "работая" на быструю санацию (оздоровление) и последующую динамизацию экономического организма (пребывавшего до этого в состоянии почти что комы), товарно-рыночная (капиталистическая) тенденция интенсивно генерировала процессы социальной дифференциации (расслоения). В ходе развития последних в массиве хозяйствующих субъектов ускорялась социальная мобильность, т.е. подвижность: наиболее значительная его часть, лишаясь средств производства, пролетаризировалась, другая, несоизмеримо меньшая, устремлялась

на "верх" общественной структуры (если иметь в виду статусно-ролевую "пирамиду", то ее пик занимала, понятно, партийно-советская и хозяйственная "элита"), пополняя класс буржуазии.

Что касается докапиталистической тенденции, то ее развитие определялось действием закономерностей докапиталистических же способа производства и механизма распределения. Ее функцией было воспроизводство и сохранение в неизменном виде традиционной аграрной структуры.

Производное этой тенденции - расслоение докапиталистического типа. Обширный горизонт объединяемых общиной мелких и средних собственников* "размывался", фрагментируясь на класс крупных владельцев действующих факторов производства (согласно народно-бытовой этимологии, но не строгим политэкономическим определениям, их принято называть "байскими") и класс работников, полностью или в значительной степени лишенных собственности на средства производства.

В свою очередь, огромная совокупность пауперизировавшегося населения (в данном случае понятие "пауперизация" трактуется широко, как процесс разорения и нищания) так же социально канализировалась. Одна ее часть, формируя аграрное перенаселение (т.е. относительно избыточное население, выталкивавшееся из сельской сферы занятости), уходила в города и на промыслы. Другая вступала в докапиталистические отношения найма-сдачи рабочей силы в качестве наемного труда (об этом мы уже говорили). Наконец, третья, очень большая группа, утрачивая общественно-экономические связи, начинала являть собой собственно пауперов (строго говоря, под паупером понимается индивид, временно, хотя это может продолжаться всю жизнь, "выключенный" из системы производственных отношений).

Таковы были основные каналы деятельности са-

* Разумеется, собственников по отношению к скоту, поскольку собственность на землю, доступ к которой гарантировался лишь принадлежностью к общине, носила коллективный характер.

мореализации пауперизировавшегося населения. Конечно, существовали и другие промежуточные формы. Так, множество скотоводческих хозяйств, лишаясь традиционных средств производства, вынужденно перемещалось на периферию номадного хозяйственно-культурного комплекса и начинало осваивать земледелие как доминирующую ориентацию. Документы тех лет изобилуют фактами перехода целых аулов и хозяйств к оседло-земледельческим формам производства и быта (72).

Партийные функционеры (а им вторят и некоторые исследователи аула) с радостным удовлетворением воспринимали это как "окультуривание казахов", которые под действием пропаганды, наконец, "раскрыли глаза" и осознали преимущества земледельческой технологии. Между тем документы говорят и о том, что "оседлые скотоводы", как только восстанавливали способность к ведению скотоводческого хозяйства, тут же возвращались к привычным, "родовым" для них видам занятости, т.е. вновь "убегали" в скотоводческо-кочевой ареал (73).

Так же достаточно часто практиковались маргинальные (промежуточные, переходные) формы производства и потребления. В этих случаях хозяйствующие субъекты наряду с функциями в своей трудовой семейной и общинной кооперации находили занятость и "на стороне" (промыслы, сезонные работы в городе, выполнение отдельных технологических моментов в других крестьянских хозяйствах и т.д.). При этом сегмент побочной или подсобной занятости по мере нарастающей деградации собственного хозяйства начинал занимать все большую часть бюджета рабочего времени такого производственного маргинала, окончательно выдворяя его в ряды пауперов.

Из сказанного следует, что главной и самой массовой результирующей докапиталистического расслоения и, естественно, собственно докапиталистической тенденции выступал процесс пауперизации населения. Именно пауперизации, но никак не пролетаризации. Это важно подчеркнуть, поскольку эти два принципиально разных по своей природе явления очень часто методологически

неверно совмещаются или даже отождествляются.

Социалистическая государственная тенденция в своих притязаниях не знала границ: она простиралась как на промышленную, так и на аграрную сферу материального производства (и даже гораздо шире - на всю структуру бытия). Стихийная товарно-рыночная получала развитие и в городе, и в деревне, включая в предельно суженных точечных масштабах и казахский аул. Исторически давно "размытая" в городе докапиталистическая тенденция, еще заметно захватывая деревню, являлась абсолютной доминантой в реалиях казахского аула.

Контрарное противостояние, борьба и оппозиция, сосуществование и взаимодействие названных тенденций и выражали сущность и главное содержание нэповского периода развития Казахстана.

Успокаивая мятежные души "партийных фундаменталистов", революционных романтиков и "проверенных борцов классовых битв", XI съезд РКП(б) записал в своих резолюциях: "... Новая экономическая политика не изменяет существа рабочего класса, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом..." (74). Именно вопрос "кто кого" определял лейтмотив нэпа.

Известно правило, что историческая наука не должна оперировать категориями и терминами гипотетической модальности, т.е. умозрительными построениями предполагаемых возможностей развития общественно-исторической эволюции. Следуя ему, мы не будем даже пытаться рассуждать здесь по поводу потенций того или иного варианта разрешения нэповского борения.

Но это "золотое правило" отнюдь не мешает нам, апеллируя к источниковому знанию, констатировать, что, несмотря на достаточно жесткий натиск Левиафана, не-социалистические тенденции (товарно-рыночная и докапиталистическая) демонстрировали на всем протяжении рассматриваемого здесь периода достаточную устойчивость и даже динамику.

Во всяком случае, государству так и не удалось нейтрализовать их действия, особенно в аграрной сфере. Под прямым влиянием расслоения объективного типа (капиталистического и добуржуазного) социальная структура подобно атому непрерывно расщеплялась и делилась, отчуждая пролетаризирующиеся и пауперизирующиеся массивы и вознося "верхушечные" слои.

На волне социалистической тенденции большевистские "левеллеры" (уравнители) тут же начинали раскручивать новую серию всевозможных акций (увеличение тяжести налогов на богатых и освобождение от них бедных, политико- и хозяйственно-правовые ограничения, поддержка ресурсами экономически слабых хозяйств и ограничение в этом отношении зажиточных и мощных и т.д.), вновь загоняя "беглецов", устремившихся на крайние полюсы социума, в прокрустово ложе структуры "всеобщего равенства". Но "к делу" опять и опять приступали обратно действующие тенденции и статус-кво очень быстро восстанавливался. И так непрерывно, с попеременным успехом.

Только в результате коллективизации и индустриализации, в ходе которых произошло силовое уничтожение традиционной структуры с ее общинным началом, огосударствление отношений собственности (ее приватная, т.е. частная, сфера при этом была полностью ликвидирована) и всей системы социально-экономических связей, социалистической тенденции удалось окончательно "подавить" своих оппонентов (капиталистическую и докапиталистическую тенденции).

Вопрос "кто кого" сошел с исторической арены, полностью утратив свою актуальность. Волей и силой власти (но отнюдь не соревнования) он был решен в пользу социалистического государства. В пользу, подчеркнем, именно последнего, но не общества, которое с завершением этого исторического акта надолго погрузилось в пучину всеобщего тоталитаризма, ибо, утратив возможность экономического выбора и, следовательно, экономическую свободу, оно становилось несвободным в целом.

ГЛАВА 3. КООПЕРАЦИЯ МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

В период "военного коммунизма", полностью устранившего рыночные отношения и обмен, кооперативное движение, имевшее довольно развитую дореволюционную традицию в Казахстане, практически перестало существовать. И это понятно, ибо, как писал М.И. Туган-Барановский, крупнейший исследователь теории и практики кооперации, последняя, будучи основанной на почве частной собственности и преследующая частнохозяйственные интересы и выгоды своих членов, "предполагает как свою естественную основу капитализм", а потому "конец капитализма знаменует собой и конец кооперации" (1).

С введением нэпа, запустившего товарно-рыночные отношения и ознаменовавшего "переход к восстановлению капитализма в значительной мере" (В.И. Ленин) (2), кооперация получает "вторую жизнь", демонстрируя в отдельных своих формах достаточно заметную динамику. Механизм ее развития становится более понятным по мере обращения к кооперативной теории выдающегося ученого, экономиста-аграрника А.В. Чаянова (род. в 1888г - расстрелян бериевскими палачами в Алма-Ате в 1939г.).

Ее "несущей конструкцией" выступала концепция о семейно-трудовом крестьянском хозяйстве и роли здесь принципа дифференцированных оптимумов. На огромном материале А.В. Чаянов показал, что отдельные технико-экономические процессы, т.е. отдельные отрасли, операции и функции сельского хозяйства, являются для индивидуального крестьянского хозяйства неоптимальными, невыгодными (3). И прежде всего потому, что превышают оптимум (предел) нормального напряжения трудовых усилий крестьянской семьи, допустимый уровень ее самоэксплуатации, организационные и технологические возможности, наконец, просто ее хозяйственные потенции (4).

Поясним этот теоретический момент на ряде рассматриваемых ниже примеров хозяйственно-организационной неоптимальности.

Известно, что двойственность крестьянского произ-

водства порождала соответствующий статусный и функциональный дуализм и его персонификатор. Иными словами, крестьянин одновременно выступал и как работник собственного производства, и как его хозяин.

В первой ипостаси он был должен выполнять опривыченные и свойственные для него трудовые процессы с целью обеспечения личного потребления (куда входили не только продукты собственного натурального производства, но и предметы потребления промышленного происхождения - соль, сахар, керосин, спички, мануфактура и т.д.), т.е. воспроизводства себя и членов семейной кооперации как рабочей силы. Но вместе с тем для более или менее нормального функционирования предприятия крестьянин, уже как его хозяин, был вынужден заниматься вопросами обеспечения притока внешних ресурсов-инвентаря, технологического оборудования и пр. Они могли приобретаться только через рынок в обмен на натуральные продукты хозяйства.

Поэтому крестьянин-пахарь, неизбежно сталкиваясь с необходимостью вступать в торговые операции, становится участником актов купли-продажи. Другими словами, жизнь обрекала заниматься несвойственной для его исторически предопределенной предназначенности деятельностью.

Ясно, что в силу сказанного крестьянин, включаясь по необходимости в сферу обращения, как бы изначально оказывался здесь в невыгодном положении. Прежде всего он рисковал оказаться дезориентированным в поисках рынка сбыта и предложения, его конъюнктуре и т.д.

Кроме того, следует учитывать, что в природообустроенном сельском хозяйстве все трудовые операции были сезонно регламентированы и потому жестко заданы во времени. Из этого понятно, что "выключение" из семейной трудовой кооперации какого-то ее члена (работника производства) срывало оптимум в сроках и объеме исполнения тех или иных технологических действий, что негативно сказывалось на конечных результатах производства.

Вследствие этого домохозяин как главная рабочая и

организующая сила не мог позволить себе отлучиться из хозяйства на сколько-нибудь длительный промежуток времени. Отсюда вынужденный сбыт и покупка товаров в самом ближайшем пункте торговли, где, в отличие от крупных торговых городских центров, цены реализации были крайне низкими, а приобретения, напротив, гораздо более высокими. Но очень часто не доходило даже до этого, так как крестьянская продукция, что говорится, скупалась на корню и за бесценок наезжавшими в деревню различными посредниками и скупщиками. Они же, но уже втридорого, продавали здесь "городские" товары.

В неблагоприятные по климатическим условиям годы крестьянское хозяйство, чтобы дотянуть до следующего урожая и отсеяться весной, вынужденно вступало в неоптимальные для него кабально-возмездные отношения с благополучными хозяйствами, беря в долг у них продовольственное зерно и семена.

Ограниченная хозяйственная мощь и небольшие размеры семейной кооперации не позволяли отдельному двору осуществлять мелиорацию или ирригацию на своем земельном наделе, поскольку последний являлся экологически связанной частью более широкого земельного массива. Здесь требовались коллективные усилия.

На севере Казахстана многие обеспеченные хозяйства держали по 4-5 голов крупного молочного скота. Все излишки молока сверх норм потребления семьи нужно было куда-то реализовывать. Но продажа молока в городе опять-таки оказывалась для крестьянина невыгодной. И не только в силу названных выше причин, а еще потому, что молоко необходимо было доставлять быстро и в кондиционном виде. Телега и отнюдь не стерильные емкости, конечно, не подходили для таких условий транспортировки.

Часть молока крестьянин для собственного потребления перерабатывал дедовскими способами (взбивая деревянной колотушкой) в сметану или масло. Однако переработка всей массы получаемого молока для него была снова неоптимальной, поскольку требовала сверхнормативных усилий и времени, отвлечения от других необхо-

димых работ. "Спрессовать" эту операцию во времени и усилиях с помощью более совершенных и эффективных технологий не удавалось, так как, например, тот же сепаратор был крестьянину просто не по карману. Аналогичное можно сказать по отношению к таким подсобным отраслям крестьянского производства, как, скажем, пчеловодство.

На юге Казахстана немало хозяйств вводили в свою отраслевую структуру технические культуры (хлопок, сахарную свеклу, подсолнечник, каучуконос-кенаф и пр.), производство которых было ориентировано исключительно на рынок. Хранение этой специфической продукции, ее первичная переработка и реализация также оказывались для индивидуальной семьи невыгодными.

Думается, перечисленных примеров достаточно, чтобы подчеркнуть еще раз: отдельные отрасли, операции и функции сельского хозяйства выступали для большинства его агентов как неоптимальные.

В этой связи перед крестьянским хозяйством вставала дилемма. Можно было решать все уготованные житейскими перипетиями технико-экономические проблемы самостоятельно и на индивидуальном уровне, разумеется, переходя при этом все оптимальные режимы функционирования трудовой семейной кооперации и заданный хозяйственно-экологическим опытом предел ее самоэксплуатации. Но это неизбежно вызывало сверхдопустимое перенапряжение трудовых и организационных усилий и затрат и, как следствие, полный подрыв физических и моральных сил работников производства. Одним словом, такой путь был связан с огромным риском утратить надежность, стабильность и безопасность хозяйства.

В этой ситуации конфликта хозяйственных интересов и способов их реализации наиболее приемлемым в плане достижения экономической целесообразности оказывался другой единственно возможный вариант, а именно: отдельные технико-экономические процессы, отторгающиеся как неоптимальные при данных условиях, выделяются из конкретных хозяйств для объединения их с

аналогичными процессами в других хозяйствах (5). Так зарождаются более широкие (чем семья) кооперационные связи и отношения и сама кооперация как самостоятельная структура взаимовключенных хозяйственных интересов.

Такова логика развития кооперативного движения. Но ее экономически обусловленная целесообразность и стройность нарушались опять-таки природой социалистического государства.

Прежде всего деформировались такие основополагающие принципы, без которых кооперация по сути уже не выступает таковой, как самостоятельность и самостоятельность (никакой опеки сверху) (6). В силу объективных (общее состояние экономики) и чисто субъективных (притязания государства) причин сельскохозяйственная кооперация в Казахстане так и не получила до конца характера действительно спонтанного самостоятельно-самодетельного процесса.

Исторически кооперация всегда возникала в сфере обмена. Здесь трудовому крестьянскому хозяйству более всего было сложно на индивидуальном уровне конкурировать с капиталистическими крупными производителями (7). Использование же кооперативных кредитов, сбыта и снабжения позволяли кооперированным хозяйствующим субъектам получать доступ к льготным финансовым ресурсам для развития своего производства, выдерживать рыночную конкуренцию, покупая товары по низким ценам (через оптовые операции), а продавая по высоким.

Вместе с тем деятельность кредитных и потребительских товариществ давала возможность создавать оборотные капиталы, достаточные для последующего кооперирования других операций, отраслей и функций сельского хозяйства. Накопления от их прибылей шли на создание перерабатывающих предприятий (масло- и сыроделен, мукомолен и т.д.), кооперативной производственной инфраструктуры (сено- и зернохранилищ, ремонтных мастерских, агрономического обслуживания и пр.).

Как фиксирует статистическая отчетность тех лет, в

Казахстане (впрочем, как и в стране в целом) сфера обмена также выступала наиболее "популярной" областью приложения кооперативных начал. Здесь, как "грибы после дождя", один за другим возникали кредитные товарищества и потребительские общества, кооперировавшие сбытоснабженческие функции.

К середине 1925г. в республике существовало 325 сельскохозяйственных кредитных товариществ, объединявших 61,1 тыс. хозяйств (примерно 300-500 тыс. человек) (8). Потребительская кооперация уже к осени 1923г. (т.е. за два года нэпа) объединяла около 500 обществ (включая казахские районы Туркестанской республики). Плотность сети первичных потребительских кооперативов была даже более высокой, чем в европейской части страны: одно потребительское общество на 14 тыс. человек и 28 населенных пунктов (9).

Причины преимущественного роста кооперативных отношений именно в сфере обмена, имея свое объяснение в контексте названных выше обстоятельств, тем не менее отличались глубокой спецификой.

Как мы уже говорили, экономическая ситуация в начале 20-х годов была таковой, что рыночные отношения, прерванные военно-коммунистическим бестоварным экспериментом, только начали восстанавливаться, а степень товаризации крестьянских хозяйств и всей сельскохозяйственной отрасли в целом оставалась еще недостаточной, чтобы говорить об интенсификации процессов денатурализации (хотя они развивались).

Растерзанные и экономически обессиленные, в значительной своей массе еще натуральные крестьянские хозяйства не могли образовывать кредитные и потребительские товарищества на сугубо кооперативных паевых началах, когда первичный капитал формируется за счет долевого участия в нем членов кооператива. Эту функцию сразу же взяло на себя государство.

В 1923г. для образования основного капитала кредитных обществ оно отпустило 20 млн. руб. золотом (10). Финансовая помощь осуществлялась через отдел сельскохозяйственного кредита Госбанка, которому вменялось

руководство кредитной кооперацией. С 1924г. деятельность обществ сельскохозяйственного кредита переподчинялась Центральному сельскохозяйственному банку (ЦСХБ) и его местным подразделениям (в республике - Казахское отделение сельскохозяйственного банка).

Сельскохозяйственный банк выступал в качестве эпизента, главного "донора", вокруг которого и строилась система кредитно-сельскохозяйственной кооперации. Сельские товарищества играли в ней роль кооперативов-корреспондентов, выполнявших кредитные поручения банка, т.е. оказывались, по существу, его вспомогательными учреждениями (11).

Следовательно, крестьянская кредитная кооперация в огромном числе случаев не являлась действительно самостоятельной и самодеятельной социально-хозяйственной организацией, инициированной снизу. Ее низовая сеть была превращена в совокупность простых корреспондентов-передатчиков, канал доведения государственных кредитных средств до их конкретных пользователей, т.е. до крестьянских хозяйств (12).

По линии Покобанка (банк потребительской кооперации),* а затем и его преемника - Всекобанка (Всероссийский кооперативный банк) государство оказывало большую финансовую помощь и потребительской кооперации. В 1924-1927гг. соотношение между собственными и государственными средствами потребкооперации составляло 1: 5 (13).

В Казахстане потребительские общества, выполняя функции сбыта и снабжения, создавали предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, мастерские, другие мелкие производства. Только в Семипалатинской губернии, например, кооперативы владели 100 маслодельными и сыроваренными заводами, 10 просоруш-

* В организованном в 1922г. Банке потребительской кооперации пятая часть паев (20 процентов) принадлежала Госбанку (см.: Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969. С.178). Следовательно, контрольный пакет акций принадлежал государству.

ками, 6 мельницами, 15 прокатными и 5 зерноочистительными пунктами, 3 кузницами и т.д. (14).

Очень часто подсобные кооперативные предприятия (где использовалась и наемная рабочая сила) образовывались посредством привлечения средств кредитной кооперации, собственных накоплений и оборотных капиталов товариществ. Но столь же часто в этом сегменте деятельности кооперации всезидилось наподоми государства, которое на условиях льготной аренды или безвозмездно передавало кооперативным организациям ранее конфискованные и национализированные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, что существенно дополняло финансово-кредитную помощь.

Непосредственно прямо или опосредованно принимая государственную материальную (передача предприятий и их оборудования, безвозмездное предоставление товарных фондов и пр.) и финансовую помощь, кооперативы могли позволить себе образовываться и функционировать в условиях крайне суженного долевого участия своих членов в образовании первичного капитала, мириться с реально несущественными размерами вступительных паев.

Разумеется, это просто не могло не вызвать широких устремлений сельского населения и прежде всего его бедняцко-маломощных и вообще пауперизованных элементов в кредитные и потребительские товарищества. Последние, не отягощаясь особо обременительными обязанностями (что люмпен-пауперские массы всегда привлекало), могли через кооперацию достаточно просто получить доступ к льготному потреблению.

Тем более, что в пределах и без того благоприятного кооперативного обслуживания "низы" обретали дополнительные, государственно санкционированные преимущества как объекты особой "классовой симпатии" власти. Как отмечалось в материалах V краевой партийной конференции (1925г.) по поводу социальной направленности кредитов, 66,8 процента их общей суммы было выдано хозяйствам с обеспеченностью рабочим скотом не более 1 головы, 23,3 процента - не более 2, т.е. бедняц-

ким и маломощным, и только 2,9 процента - хозяйствам, имевшим свыше 4 голов скота (15).

Здесь кстати будет сказать, что и в кооперативном строительстве государство не забывало про свой классовый прагматизм. Оно игнорировало аксиому, что основной функциональной ячейкой кооперации и ее главным востребователем всегда выступает трудовое семейное хозяйство. Крупные производители, использующие наемный труд, организуют деятельность своего предприятия на качественно иных принципах организации производства и, следовательно, могут функционировать за пределами кооперации (хотя нередко обращаются к ее услугам в поисках льгот).

В русле неприятия этих важных посылок нередко настоящие кооперативы, крепко стоящие на ногах, имеющие мощную производственную и финансовую базу, опирающиеся на собственные возможности, идентифицировались властью как "кулацко-байские" и ущемлялись в своих правах, тогда как всячески поощрялось создание кооперативов с преимущественно бедняцко-маломощным составом их членов, давалась установка, невзирая ни на что, поддерживать их деятельность. Последнее с упорством, достойным лучшего применения, насаждалось в практику. Например, в Уральской губернии большая часть кредитных товариществ состояла из бедняцких и маломощных хозяйств.

Между тем, несмотря на "навязчивые" услуги пролетарского государства, такие кооперативы оказывались недолговременными, быстроразваливались. Особенно это процесс был характерен для специализированных товариществ (сено-фуражных, семенных, молочных и т.д.).

И это естественно. В отличие от потребительского любой производственный вид кооперации предполагает как обязательное экономическое условие определенную степень товарности хозяйств ее участников, ориентацию производства на рынок, равно как и известную степень обеспеченности ресурсами, необходимыми для нормального процесса воспроизводства. Не случайно кооперация всегда возникает и существует в интересах, как правило,

средних и зажиточных крестьян (16).

Однако и в кредитно-потребительской кооперации, где главным образом и концентрировались бедняцко-малоимощные хозяйства, создаваемые ими кооперативные связи формировали непрочную и нежизненную конструкцию. Здесь часто в практику входило положение, когда кредиты, предоставляемые с целью обретения сельхозинвентаря, рабочего скота, семян (т.е. воспроизводственных факторов), попросту проедались.

Надо отметить, что в тот период печать, литература и отчасти представленная "красными профессорами" наука выносила выводы о временности, преходящем характере кооперативных структур. Такая идеология порождала соответствующий настрой в сфере кооператоров. Страхуя себя, они придерживали средства, опасаясь вкладывать их в кооперативный оборот. Недоверие к перспективам кооперации находило проявление и в том, что накопления, получаемые успешной деятельностью товариществ, распылялись по "зачачкам" индивидуальных хозяйств, их членов, не формируя хозяйственных фондов кооператива, столь необходимых для его динамики (17).

Ожидая "конца кооперативного света", отдельные товарищества в своей деятельности не шли дальше получения сиюминутной выгоды, нередко перепродавая полученные в льготном и дешевом кооперативном режиме кредиты, инвентарь, оборудование и т.д. С целью урвать быстрый куш повсеместно создавались лжекооперативы с фиктивными уставом и первичным паевым капиталом, с "мертвыми душами". И здесь более всех приложили руку кулацко-байские хозяйства, торгово-ростовщические элементы.

Как отмечал уже упомянутый М.И. Туган-Барановский, важным условием эффективности деятельности кооперативов является их объединение в союзы. Обособленные товарищества, не связанные союзными узами с подобными себе кооперативами, оказываются, как правило, достаточно слабой хозяйственной организацией, чтобы противостоять крупным капиталистическим хозяйствам (18) и, добавим от себя, государственному сектору.

Союзы могут возникать как по региональному принципу, так и по функционально-отраслевой локализации их субъектов. Но независимо от этого их образование должно быть движимо исключительно осознанием снизу рациональности объединений, отвечающих принципам экономической целесообразности, организационного и хозяйственно-технологического оптимума.

Союзы, таким образом, выступают продуктом самоорганизации и самостоятельности образующих их первичных кооперативов. Все уровни управления таким союзом формируются простым консенсусом его участников.

Но поскольку здесь более чем прозрачно начинают "работать" прямые и обратные связи взаимных интересов всех агентов союзных отношений, то главным условием выступает принцип меритизма. Иначе говоря, выдвиженцы в органы управления союзом из числа кооперативов должны обладать приемлемыми для этого личными качествами: организаторскими способностями, жизненным опытом, принципиальностью и т.д. (в противном случае союз, как и образующие его кооперативы, а также члены последних рискуют очень многим). В случае, когда не хватает специальных знаний, кооперативы нанимают и содержат компетентных управленцев, экономистов, бухгалтеров и т.д. Учитывая, что важнейшей предпосылкой развития кооперативов является их рентабельность, а она определяется не только результатами производства, но и численностью аппарата управления, последний в условиях кооперации всегда должен был приближаться к своему минимуму. Еще одной очень значимой образующей рассматриваемых здесь структур является то, что именно горизонтальные связи опосредовали развитие вертикали. Другими словами, расширение экономически обусловленных кооперационных связей между товариществами на уровне низовой сети (по горизонтали) и вызывали необходимость создания координационных органов (вертикаль).

В 20-е годы союзы как системы кооперативного управления и координации образовывались и по территориальному, и по отраслевому принципу. Но территори-

альное построение отнюдь не всегда и не везде должно обязательно совпадать с административно-территориальным делением. Например, отдельные товарищества, расположенные в трех сопредельных губерниях, могли вступать в кооперативные связи по поводу, скажем, оптового приобретения той или иной продукции или с целью утилизации (хозяйственного освоения) простирающейся в их пространстве плантации дикорастущих культур (кенафа, конопли или чего-то еще). В этом случае жестко понимаемый принцип территориального управления нарушал сложившиеся региональные межкооперативные связи, "разрывая" их ареал административно-территориальными границами.

Абсолютно симметричное совпадение региональных границ управления с административно-территориальным делением говорило о приоритете де-факто вертикальных связей над горизонтальными. Сама же "вертикаль" все более (особенно с середины 20-х годов) начинала обретать вид бюрократически-иерархизированной организации. Волостные союзы "смотрели" на районные, а те - на губернские союзы. Замыкалось все на центральных кооперативных органах. Отчеты снизу вверх, ревизии сверху вниз, доклады, совещания, пленумы обюрокрачивали союзы, погружали их в рутину и бумаготворчество, отрывая от насущных проблем низовой кооперативной сети.

Управленческий штат союзов сплошь и рядом оказывался "раздутым". Управленческие кадры, назначение которых должно было хотя бы одобряться кооперативами-организаторами союза, очень часто "садились в руководящие кресла", минуя эту процедуру.

Что касается высшего звена управления кооперативами, то здесь устав мог и соблюдаться. Периодически созывались различные кооперативные съезды, конференции с привлечением к их работе представителей низовой сети кооперации, где, в числе прочего, утверждались и кадровые вопросы. Но, умело манипулируя представительными собраниями, партийные органы проводили в кооперативное руководство всехзвеньев свою креатуру - "старых бойцов хозяйственного фронта", очень часто

несвободных от "военно-коммунистических стереотипов управления" (в этот период многие видные большевики были "брошены на кооперацию"). Ясно, что территориально-иерархическое вертикальное оформление кооперативного движения, переводение в чисто формальную плоскость прерогатив кооперации (в том числе и кадровых), способствовали ее нерационально обусловленной централизации. По мере же возрастания последней кооперация все сильнее подпадала под влияние и контроль государства.

Происходила централизация управленческо-координационных структур и системы специализированной кооперации (хлопководческой, свекловодческой, масло-молочной, табакководческой и т.д.). Их структуры замыкались на Центрах. Так, в 1922г. был создан Союзкартофель, в 1924г. - Маслоцентр, далее - Свеклоцентр и пр.

В отличие от других видов кооперации ее специализированные формы вступали в контакт с промышленностью (как поставщики сырья), и не только с мелкой (частнопредпринимательской), но и со средней и крупной.

Поскольку последняя была полностью национализирована, а других контрагентов на рынке сырья для крупного промышленного производства не было, специализированная (сырьевая) кооперация вольно или невольно, но вынуждалась подстраиваться под запросы и заказы государственного сектора промышленности, учитывать его диверсификацию и структурную перестройку, изменения в отраслевой ориентации и т.д. Альтернативы в условиях огосударствления промышленности (крупной) и государственной монополии на внешнюю торговлю у специализированной кооперации не было. Только один вектор - государство.

В свою очередь, последнее включало данность специализированной кооперации в свои хозяйственные планы, задания, контрольные цифры, перспективные ожидания и т.д. Все свои "желания и чаяния" государство до-

водило до находившихся и под его же контролем отраслевых кооперативных Центров, а те соответствующим образом перестраивали работу низовой сети.

Было бы неверным думать, что корректировка кооперации со стороны государства носила характер прямого командного администрирования. До этого в тот период оно еще не дошло (все впереди).

Государственное влияние и контроль вуалировались во вполне респектабельный вид экономического регулирования, проводились опосредованно, с задействованием находящихся в руках власти экономических рычагов, применением положительных и отрицательных (наказующих) стимулов. С кооперативными организациями заключались генеральные договоры, контракты (кооперативы обязывались произвести определенную продукцию, а государство - гарантированно выкупить весь ее объем по договорным ценам), вводилось льготное налогообложение на производство специализированной кооперации, по минимальной процентной ставке выдавались кредиты и т.д.

Те специализированные кооперативы, которые игнорировали "высокие государственные интересы" и "эгоистично поступали сообразно своей выгоде", лишались всего этого и в полной мере начинали познавать действие негативных стимулов. Надо сказать, что в Казахстане (как и по всей стране) существовало множество так называемых "диких" кооперативов, которые не вступали ни в какие союзы и на свой риск функционировали сами по себе, оставаясь в чужьем быто нибыло влияния (19). При этом немало из них добивались успешных результатов.

Но поскольку такие кооперативы оставались вне единой централизованной системы кооперации, госорганы выражали сильное раздражение (подкрепленное, естественно, соответствующими вышеуказанными актами обструкции) по поводу их самостоятельности. Так, на XV

съезде ВКП(б) говорилось: "Существенным недостатком... работы кооперации является... наличие массы... "диких" кооперативов, все еще не вовлеченных в общую централизованную систему кооперации" (20).

Казалось бы, что власти до этого? Ведь речь идет не о каких-то партийно-советских и хозяйственных органах, покусившихся на самостоятельность, вопреки принципу "демократического централизма", а о самодеятельной и самостоятельной кооперации. Но приведенная резолюция лишний раз убеждает, что централизация кооперации рассматривалась государством как канал возможного влияния и контроля.

Рассмотренные только что методы и формы экономически опосредованного воздействия власти на кооперацию сами по себе не могут интерпретироваться как нечто предосудительное. В своих отношениях с крестьянством, фермерством и кооперацией абсолютно все государства включают в свой арсенал точно такой же набор средств регулирования.

Но дело в том, что в условиях нарождавшегося советского социалистического государства, когда абсолютно огосударствлены все ключевые сферы экономики (крупная промышленность, финансово-кредитная сфера, внешняя торговля, транспорт), у кооперации просто не оставалось иного выбора, как идти на поклон к единственному реальному контрагенту - государству. Сфера применения частного капитала в промышленности была ограничена, и он не мог в полной мере удовлетворять потребности кооперации (мелкая и кустарно-ремесленная промышленность не имела возможности "поглотить" всю продукцию сырьевой кооперации, частным торговцам и ростовщикам не под силу было обеспечить ее крупными кредитами и т.д.). Непосредственно же прямой выход на мировой рынок был заблокирован государственной монополией на внешнюю торговлю.

Несколько абзацев далее следует уделить развитию производственных товариществ как зафиксированному в истории нэповского кооперативного движения факту (правда, точнее было бы сказать артефакту, ибо их данность выступала преимущественно как искусственно созданное явление).

М.И. Туган-Барановский, прекрасно ориентировавшийся в коллизиях теоретических борений вокруг вопросов кооперации, в свое время совершенно точно констатировал: "Производительные артели (производственные кооперативы - Ж.А.) были той формой кооперации, к которой вожди социалистического движения относились в течение долгого времени с совершенно исключительной симпатией. Точнее говоря, только производительная артель среди различных кооперативных организаций и встречала сочувствие со стороны создателей современного социализма" (21). В самом деле, уже в учредительном манифесте Интернационала (1864г.), составленном К. Марксом, в качестве идеала кооперации виделась ассоциация "свободных и равных производителей", исполняющая "свое дело добровольно, с бодрым сердцем и полной энергией" (22).

Следуя корифеям "научного коммунизма", а также "кооперативным" воззрениям других социалистов (например, Г. Делига-Шульце - отца германской кооперации), большевики восприняли эту идеологию как "путеводную звезду" в своих исканиях в области кооперативного движения, как эволюцию, венцом которой рано или поздно, но неизбежно должно было стать обобществление всего производства.

Отсюда их классификация кооперативных форм как простейших (сбытово-снабженческие, кредитные, специализированные товарищества), переходных (тозы) и сложных (коммуны, артели, колхозы). При этом, страдая мегаломанией (если революция, то во всемирном масштабе, а

завод - так самый крупный на планете), "кремлевские мечтатели" усматривали перспективу развития производственной кооперации по типу промышленных структур, где в то время господствовал принцип наибольшей концентрации производства (23) (из этого рождались проекты создания коммун-гигантов, колхозов-зернофабрик и пр.).

Между тем идеи крупного производственного кооперирования отвергались уже самой логикой и глубокой спецификой сельского хозяйства, предполагавших жесткие пределы в уровнях концентрации производства (в условиях современного развертывания научно-технической революции и промышленность оказалась заложницей чрезмерной концентрации, утратив способность оперативно и эластично трансформировать производство в соответствии с быстро изменяющимися технологиями и спросом).

Но в 20-е годы до "гигантизма" еще не доходило: дай бог восстановить объемы довоенного сельскохозяйственного производства. Поэтому в этот период главным фактором отторжения производственной кооперации выступала не столько специфика сельского хозяйства (хотя и она уже сказывалась здесь), сколько психология крестьянина, ее исторически запрограммированный код. Он, как, впрочем и все рационально мыслящие субъекты экономической деятельности, неизменно следовал примату частнособственнических интересов, демонстрируя упорное и генетически устойчивое неприятие каких-либо коллективных форм производства и присвоения.

Поэтому коммуны и сельскохозяйственные артели как реализация идеи производственной кооперации, несмотря на усиленное их внедрение государством в аул и деревню, не получили сколько-нибудь серьезного развития в Казахстане. На начало 1926г. насчитывалось всего 97 коммун (24).

Что касается артелей, то число их, в первом приближении, действительно внушает: около 800 единиц (25). Однако статотчетность не дифференцирует их на собственно сельскохозяйственные и кустарно-ремесленные или промысловые, включая всю совокупность функционировавших тогда артелей в общую рубрику.

С большой долей истины можно сказать, что в их сумме абсолютно преобладающий удельный вес имели именно последние. Этот вид артельного производства мог находить свою нишу в промышленных отраслях, не предполагавших применения машин и больших затрат капитала (25).

Поскольку как раз в коммерческих операциях проявляется самая слабая черта артелей, то ясно, что чем примитивнее хозяйственный строй страны, тем легче они удаются (26). Поэтому они получили особенное распространение в добывающей промышленности, где не требовалось затрат на приобретение сырья, а значит, и капиталов.

В Казахстане артели получили развитие в горном деле (золото- и рудодобывающем деле), производстве природных материалов (кирпичном производстве), на рыбных и охотничьих промыслах, на заготовке для сантонинных заводов и фармацевтических предприятий цитварной полыни, лагрицы и кендыря и т.д.

Артельное дело образовывало заметный сегмент в кустарно-промышленном производстве, хотя и значительно меньший, чем в промысловых отраслях. Здесь уже требовались затраты (правда, небольшие) на приобретение сырья и несложного оборудования. Но артели имели здесь известные преимущества вследствие "карликового" характера производства и его ориентации на "поштучные" заказы (бочки, корзины, конскую упряжь, телеги и пр.).

В сельском хозяйстве (как мы уже отмечали) предпосылки для создания производственных артелей, мягко

говоря, были минимальными, а потому они не стали сколько-нибудь массовым явлением.

В коммуны и сельскохозяйственные артели, насаждаемые сверху, вступали преимущественно и даже главным образом бедняцкая и люмпен-пауперская часть населения.

Понятно, что хозяйственная мощьность таких производственных кооперативов, несмотря на постоянную опеку государства (уже в этом преломлении они не отражают сути кооперации - самостоятельности), была крайне незначительной и уступала очень часто параметрам отдельного зажиточного крестьянского хозяйства. Так, по средне-статистическим данным, выведенным по Кустанайской, Актюбинской, Уральской, Букеевской и Оренбургской губерниям (1923/1924 хоз. год), на одну комму-ну приходилось 58 душ, 86 десятин посевов, 7 плугов, 2 жнейки, 1,5 сенокосилки, 12 голов рабочего скота, 9 коров (цифры округленные) (27). Артели давали в этом отношении следующую раскладку: посевов - 44 дес, плугов - 4,5, жнеек - 1,5, сенокосилок - 0,5, рабочего скота - 8,5 голов, коров - 7,6 (28). Как видно, здесь была еще более удручающая картина.

По поводу тозов (товарищества по совместной обработке земли), которые рассматривались как некая переходная, промежуточная форма в движении от простейших к сложным (производственным) видам кооперации и где обобществлялись инвентарь и рабочий скот, но не земля, можно сказать, что и они не получили значимого развития. Их насчитывалось на конец 1925 всего около шести десятков - капля в море сельского хозяйства (правда, ближе к концу 20-х годов их численность не без усилий государства несколько возросла) (29).

В целом надо сделать вывод, что в 20-е годы в силу недостаточной товаризации крестьянских хозяйств, полностью не развившихся процессов денатурализации аг-

рарного производства сельская кооперация так и не смогла до конца выявить всех своих преимуществ и огромных потенций. Ниже мы приводим сводную таблицу, дающую представление о количественных (но отнюдь не качественных) характеристиках кооперативного движения. Данные ее относятся к концу 1925г. С этого момента, точнее, где-то с 1927-1928гг. в связи с кризисом сельскохозяйственных заготовок кооперация полностью и окончательно утрачивает свои "родовые", сущностные характеристики, ибо все ее структуры уже не опосредованно, а напрямую огосударствуются.

Аульно-сельская кооперация Казахстана (на 1 октября 1925г) (30)

Виды кооперации	Число кооперативов	Численность их членов
Потребительские общества	800	143245
Коммуны	96	2199
Артели (включая промысловые и кустарно-ремесленные)	557	7936
Тозы	58	1150
Машинные товарищества	21	247
Товарищества по совместному пользованию скотом	2	22
Мелиоративные	67	18435
Маслодельные и сыроваренные товарищества	165	15452
Пчеловодческие товарищества	8	333
Огородные, садовые, табаководческие товарищества	839	102689
Снабженческо-сбытовые товарищества	18	1087
в том числе с кредитными функциями	558	79230
Кредитные товарищества	93	20961
Всего	2811	322690

Кооперация крестьянских хозяйств (подчеркнем, трудовых хозяйств) всегда движима стремлением мелких сельскохозяйственных производителей достичь стабильности, надежности, безопасности, приемлемого уровня благополучия. Именно кооперативная консолидация позволяет им противостоять давлению капиталистического сектора экономики, выдерживать тяжелую конкурентную борьбу с ним на рынке.

В условиях советской системы кооперация, испытывая натиск нарождающегося капиталистического начала в деревне и городе (рынок потребления и спроса, кредитно-финансовая сфера, производственные ресурсы и т.д.), была вынуждена перенапрягаться в своей "состязательности" и с государством.

Будучи хозяйственно еще слабой организацией, являя собой недостаточно консолидированную и интегрированную структуру, она не смогла выдержать изнурительных борений на два фронта.

Не выдерживая конкуренции на рынке, крестьянская кооперация последовательно сдавала капиталистическому укладу свои позиции в сфере торговли, значительно уступала ему в объемах производства (доля кооперативов в валовом продукте была крайне незначительной).

И только в области кредитно-финансовых отношений она сумела противостоять частнокапиталистической интервенции. Однако это была "пиррова победа", поскольку была достигнута ценой капитуляции на другом фронте - с государством.

Последнее, с самого начала рассматривая кооперацию как элемент социалистического строительства (31), средство борьбы с капиталистической стихией, навязывало ей свое сотрудничество. Однако не на условиях равноправного и независимого партнерства, а по принципу

старшего и младшего брата.

Пользуясь щедрой материальной помощью государства, безальтернативно вынужденно вступая в сношения с огосударствленными банковской финансово-кредитной системой и крупной промышленностью, подчиняя свой организационный и координационно-управленческий аппарат воздействию госорганов, кооперация все более утрачивала характер самостоятельной и самодеятельной организации.

Она бюрократизировалась, огосударствлялась, превращалась в объект государственного влияния и контроля, утрачивая при этом свои сущностные признаки. Процесс этот протекал столь интенсивно, что будет правомернее говорить о функционировании в экономическом пространстве Казахстана (как и всей страны) не собственно кооперации, а ее опосредованных государством форм, не о кооперативном, но государственно-кооперативном укладе.

Опыт рыночных стран показывает, что по мере своего хозяйственного и организационного укрепления кооперация может достаточно успешно противостоять крупному капиталистическому хозяйству. Такие же реальные шансы она имела и в нашей стране.

Но что касается оппонирования социалистическому государству, то здесь она была однозначно обречена, так как не "вписывалась" в экономическую философию всеобщего равенства, фикция которого допускалась только с тотальной ликвидацией частной собственности, которая, собственно, и является дрожжами кооперации.

Итак, в 20-е годы кооперация оказалась между двух огней: капиталистической и социалистической, административно-командной тенденциями. И именно с развитием последней она была окончательно "похоронена".

ГЛАВА 4. ВНОВЬ К АЛГОРИТМУ ОКТЯБРЯ

Со второй половины 20-х годов советское государство, несколько оправившись от экономического и политического коллапса, начинает отходить от идеологии нэпа, вновь переводя свою политику в строгий вектор заданного Октябрем развития.

Именно в этот период, апеллируя к "классовому самосознанию трудящихся", а де-факто - все к той же люмпен-пауперской психологии масс, режим стал исподволь проводить регулятивные акции, прямо порождая разрушительно-хаотические процессы в механизме функционирования и воспроизводства традиционной структуры, организации ее социокультурных и институциональных приоритетов, сложившемся порядке экосистемных принципов организации социума, т.е., обобщенно говоря, системе жизнеобеспечения этноса.

Для осознания правомерности этой постулирующей констатации нам просто не обойтись без предварительного прояснения некоторых ключевых моментов, без которых утрачивается видение реальной картины исторического действия. Прежде всего, по возможности, кратко и, разумеется, схематично рассмотрим основные структурно-функциональные принципы организациитрадиционного социума и его "несущей конструкции" - пастбищно-кочевой общины.

В этом контексте отметим то основополагающее обстоятельство, что целью скотоводческого хозяйства (являвшимся в аридных условиях Казахстана преобладающим типомхозяйственно-культурной деятельности) была "экономика выживания". Последняя же была достижима лишь по мере обеспечения воспроизводства средств производства (скот и пастбища) и необходимого продукта.

Однако в одиночестве эта императивная задача была скотоводу-кочевнику не под силу. И это понятно, ибо организация выпаса скота, его репродукция и сохранение в экстремальных условиях, наконец, просто выход на ра-

циональный баланс средств производства (поголовья скота и природных водно-кормовых ресурсов) были возможны только при наличии вполне определенной численной и видовой концентрации стада. Сверхвысокая концентрация скота, равно как и ее крайне низкий уровень, оборачивались для хозяйства кочевников самыми тяжелыми последствиями. Если выход за разумные пределы в сторону максимума не обеспечивался природным кормовым потенциалом, был чреват разрастанием эпизоотий и вхождением в конфликт со средой обитания, то чрезмерный минимум препятствовал нормальной организации технологических процессов уже хотя бы в силу особенностей репродуктивной биологии и этологии (генетически обусловленным поведением) стадных животных.

Иначе говоря, эффективность хозяйственной утилизации среды обитания зависела от оптимизации количественно-качественных характеристик средств производства, т.е. в данном случае видового состава и численности стада. Только при наличии эмпирически заданного оптимума (он выверялся в ходе длительного развития хозяйственного и экологического опыта) отдельное хозяйство обретало шанс обеспечить свое собственное воспроизводство и, следовательно, выжить (1).

В целях достижения этого жизненно важного условия скотоводческие хозяйства шли на объединение друг с другом, взаимодополняя каждый каждого своими средствами производства, т.е. скотом, до тех пор пока не формировался технологический оптимум (2).

Происходило это следующим образом. Допустим, некое хозяйство насчитывало 200-300 голов овец. Но этого казалось бы большого объема все равно было недостаточно для преодоления всего комплекса производственных перипетий, а следовательно, и для нормального функционирования хозяйства (обеспечения воспроизводства средств производства и необходимого продукта). Поэтому хозяйствующий субъект был вынужден объединяться с другими хозяйствами, которые оказывались способными своими средствами производства (т.е. своей долей скота) дополнить его стадо до требуемого оптимума. Это

моглибыть, например, 10-12 хозяйств, обеспеченностью скотом на каждое из них не менее чем 20-25 единицами. Простое сложение при данном варианте в сумме как раз и давало искомую концентрацию. Слагаемые могли обнаруживать самые различные вариации, но сумма их всегда тяготела к оптимуму (3).

Из сказанного следует, что специфика организации производства в скотоводческой общине предполагала, чтобы вступающий в нее индивид являлся не только носителем живого труда (рабочей силы), но и обладал определенным минимумом средств производства в виде скота. Без этого он был лишен возможности реализовывать принцип дополнительности (восполнять свою долю в оптимуме) и, следовательно, не мог интегрироваться в образующуюся на основе кооперации производственную общность.

Итак, функционирование казахской пастбищно-кочевой общины было задействовано на основе кооперации. Именно последняя в условиях недостаточного развития производительных сил выполняла компенсаторную функцию, обеспечивая технологическое овладение предметом труда, недоступное или только частично доступное отдельному индивиду. И в этом смысле общинная кооперация выступала гарантом его жизнеобеспечения.

Община, будучи дуальной структурой (общинная собственность на землю и частная - на скот, коллективное производство и частное присвоение), сохраняла всю гамму противоречий, разворачивавшихся по линии производства и распределения. Последние фиксировались, в частности, в имущественном и социальном расслоении.

В результате такой дифференциации часть общинников разорялась и постепенно отторгалась общиной, ибо, утрачивая средства производства (скот), они уже не могли выполнять свою функцию в системе взаимодополняемости, т.е. кооперации.

В то же время в общине имело место и накопление богатств, т.е. скота. И те общинные хозяйства, которые успешно приумножали его численность до достаточно высокой концентрации, переставали нуждаться в общин-

ной кооперации. Так формировались относительно крупные байские хозяйства, способные существовать независимо и вне общинной кооперации, поскольку могли обеспечивать воспроизводство за счет качественно иных принципов организации производства. В рамках последней они выходили на обеспечение уже не только необходимого, но и прибавочного продукта. Создавали его работники, выталкивавшиеся из общины и вступавшие в наем к этому крупному байскому хозяйству.

Таким образом, такие понятия, как "аул", "община", "крупное байское хозяйство", легко совмещаемые сознанием чиновников, на самом деле были далеко неадекватны. Если аул являл собой лишь стереотипизированный тип расселения, то общинные и внеобщинные (крупное байское хозяйство) структуры отождествляли вполне определенные и по многим функциональным параметрам сильно разнящиеся социальные формы организации производства.

Обозначим их асимметрию более четко. В основе функционирования общины лежала кооперация, благодаря которой инкорпорировавшиеся в нее члены обеспечивали воспроизводство средств производства и необходимый продукт, т.е. выходили на "экономику выживания". Община выступала отнюдь не эгалитарным образованием, а представляла собой во многом конфликтную структуру: здесь имели место противоречие интересов и эксплуатация. Последняя носила латентный, т.е. скрытый, характер: механизм отчуждения и присвоения прибавочного труда прикрывался общинно-личностными формами социального регулирования, традиционными институциональными отношениями, явлениями редистрибуции (распределения) и реципрокации (дачи-отдачи).

В запредельном по отношению к общине социальном пространстве локализовалось крупное байское хозяйство. Это была организация производства, уже не нуждавшаяся в кооперации и ставившая целью создание не только необходимого, но и прибавочного продукта. При этом его отчуждение и присвоение зиждилось на монополии на условия и средства производства, т.е. на нали-

чий их у одних (крупные баи) и отсутствию у других. Объектом прямой эксплуатации здесь выступали трудящиеся индивиды, "выпадавшие" из общины и вступавшие в докапиталистические отношения найма-сдачи рабочей силы, а также маргинальные и пауперизовавшиеся слои населения. Эксплуататорские тенденции, исходившие со стороны владельцев крупного хозяйства, были обозначены более однозначно и носили откровенно прозрачный характер.

Обе выделенные структуры не являли собой социальные изоляты, не могли и не осуществляли воспроизводство на автономной основе. А поэтому уже на более широком уровне образовывали в совокупности иную, макротипную структуру, с более сложным комплексом воспроизведенных связей как сугубо экономических, так и опосредованных институциональными и патриархально-генеалогическими (родовыми) отношениями.

Эту более всеобъемлющую производственно-социальную общность или, что называется, традиционную структуру с известным допущением можно представить в качестве своеобразной социально-экономической экосистемы. Все входящие в нее элементы и системы - общины и крупные байские хозяйства (соответственно, и их агенты), бедняцко-пауперизовавшиеся слои и маргинальные субъекты осваивали в пространственно-территориальном отношении одну и ту же природную среду обитания, занимая отведенную им в процессе производства и хозяйственно-культурной деятельности нишу. И в этом своем совместном отношении к общей территории они выступали как единое функциональное целое, т.е. как экосистема.

Экосистемный же принцип предполагает жесткую взаимозависимость и взаимодополняемость всех элементов и систем. Поэтому в отдельности все они являлись функционально значимыми и выполняли свою особую роль в воспроизводстве целостности структуры как экосистемы.

В случае утраты кем-то из них этого качества они отторгались структурой и естественным путем сходили

на нет. Силовое же блокирование или устранение любого элемента, той или иной системы, "выдергивание" их из занимаемых "эконииш" было чревато разрушением всей целостности структуры, т.е., в данном примере, социально-экономической экосистемы.

В свою очередь, эрозия последней неизбежно рождает поток деформаций по линии взаимодействия "общество природа", говоря по-другому, оказывается способной нарушить динамическое равновесие природных и социально-экономических факторов, т.е. привнести весьма серьезные проблемы в экосистему, понимаемую уже в ее строгом определении - как сообщество живых существ и его среды обитания, объединенных в единое функциональное целое.

Традиционная структура являла собой и синергетическую, т.е. самоорганизующуюся и самовоспроизводящуюся, систему. Механизм всех ее функций и связей был отработан многовековым хозяйственно-экологическим опытом социальной адаптации природных аридных пространств (4).

Чрезвычайно сложная "кровеносная и нервная система" в виде огромного множества видимых и скрытых воспроизводственных каналов питала этот организм. Стремясь к сохранению своего гомеостаза (равновесия), он не допускал сколько-нибудь неадекватных вторжений, ибо любое блокирование и ущемление каких-то воспроизводственных артерий и нервов разрушали его иммунную систему, приводили к "тромбозу и параличу".

Итак, принципы экосистемности и синергизма традиционной структуры предполагали в качестве объективно функционирующих реальностей все ее элементы и системы, равно как и данность всей гаммы сложившихся между ними воспроизводственных связей. Именно их совокупность (единая функциональная целостность) служила гарантом сохранения и выживания традиционной структуры. А если иметь в виду, что последняя в своих границах во многом совпадала с социумом, то, значит, и гораздо шире - всей системы жизнеобеспечения казахского этноса.

Между тем большевистское государство как преемник идеологии ортодоксального марксизма выступило с претензией на абсолютное познание социально-экономических закономерностей развития общественных структур. Уверовав в гений "научного коммунизма", государство полностью игнорировало то обстоятельство, что они как сверхсложные и многомерные системы не поддаются полностью адекватной "анатомии". И прежде всего потому, что любой, претендующий на это субъект просто не может выступать в качестве некоего трансцендентного (внешнего, вышедшего за пределы изучаемой реальности) аналитика, ибо сам является частью этой "анатомии", и, следовательно, способен видеть лишь определенные ее сегменты (допускаем, что более гениальный может видеть больше, чем простой грешный, но все равно сектор его "обстрела" имеет пределы).

Но если даже предположить, что кто-либо силою своего абстрактного ума вознесся в "небесные выси" и обозрел весь механизм и связи общественных структур, то это еще не есть гарантия их понимания в той степени, чтобы выводить здесь какие-то императивные законы. Человек давно лицезреет свой организм, но так и не сумел до конца понять все "тайны" опосредования его функций и связей (гормональный код, генетические связи, "всякие" ДНК, РНК и пр.). И это объяснимо, поскольку последний не выступает раз и навсегда данной статичной структурой. Испытывая воздействие постоянно диверсифицирующихся (усложняющихся) факторов, он находится в состоянии непрерывной эволюции, если и не морфологической, то генетической.

Аналогично и общество, которое выступает еще более сложной и многомерной структурой (уже хотя бы потому, что соединяет в своих границах всю совокупность человеческих организмов). Здесь, пересекаясь и переплетаясь в гармонии и кажущемся хаосе, одновременно действует беспредельное множество разноуровневых и разнохарактерных связей и отношений.

К. Маркс предсказал, что рано или поздно, но обязательно рабочий "загонит в гроб капиталиста". Но он ошиб-

ся, так как не мог, естественно, предвидеть столь широкого и бурного развертывания в будущем научно-технической революции, меняющей характер и содержание труда, способов производства, технологий, социокультурных механизмов, а следовательно, и культурно-цивилизационных параметров общества. И вот уже "буржуй" превращается в "пахаря" на ниве менеджмента и маркетинга, а "пролетарий" - в собственника капиталистического предприятия через приобретение его акций, а потому ему уже есть что "терять, кроме своих цепей", и он в отличие от своего доиндустриального собрата далеко не жаждет революционных катаклизмов.

Безусловно, можно и нужно пытаться понять общество, прогнозировать развитие здесь социально-экономических и политических процессов. Однако надо примириться с тем, что их модели будут лишь близки к истине, не всегда и не во всем совпадая с их точным образом. Политологи могут уверять, что, например, данный государственный деятель сообразно научно выверенным закономерностям должен поступить так-то. Тем не менее он, встав утром "с левой ноги" и поссорившись с женой, поступает вопреки их логике, т.е. субъективное, эмоциональное взяло в данном случае верх над объективным социально-экономическим и политическим началом.

Так и общество, где действуют не только социально-экономические и политические, но и беспредельная сумма религиозных, этнических, эмоционально-психологических и других векторов, не поддается какой-то единой и обязательной схеме, а потому в принципе непредсказуемо стопроцентно.

Можно познать его (и то не до конца и маловероятно) в один какой-то статический момент, но уже в следующей стадии развития оно вновь становится "непонятным". Отсюда ясно, что претензия на полное познание общественных структур есть одновременно признание "конца истории", ибо предполагает отрицание его способностей к эволюции. И в этом смысле марксизм (по крайней мере в этой своей части), идентифицируя себя

как материалистическое и диалектико-историческое учение, оказывается на поверку "чистой воды" идеализмом, ибо якобы понял не только всю "предысторию человечества" (по-Марксу, настоящая история творится только с победой пролетариата), но и уже заранее знает ее финал. И именно возведение этой философии в ранг официальной "религии" государства, а отнюдь не "изначально заданный его кровожадный характер", незаметно и неуклонно трансформировало его в сравнимое с преступными режимами образование.

Итак, исходя из своих идеологических установок, государство все с той же целью "сделать все как лучше в интересах трудящихся аула" начиная с середины 20-х годов усиливает "коррекцию" социально-экономических отношений его структуры. Целым рядом нарастающих регулятивных акций оно опустошает его ниши, разрывает воспроизводственные связи. Покажем на отдельных примерах, как это происходило.

В практике межхозяйственных связей аула было обычным, когда во время джута (т.е. покрытия кормового пастбища заледевшим снежным настом) общины обращались за помощью к крупным байским хозяйствам. Последние представляли тем свои конские табуны, которые, прогоняясь по полю, разрыхляли наледь. Благодаря такому воспроизводственному контакту, общины в этой экстремальной ситуации спасали скот от бескормицы и, следовательно, выживали. Когда же байские хозяйства были ликвидированы, общинам стало попросту не у кого просить помощи, т.е. они оказывались обреченными.

Или другая характерная иллюстрация из этого же ряда. Одной из линий воспроизводственных связей в традиционной структуре служили так называемые саунные отношения. Суть их заключалась в том, что бай, приумножавшие свой скот подчас до беспрецедентной численности, передавали часть его общинам. Весь этот скот вместе с возможным приплодом оставался собственностью крупного бая, но за его выпас общины могли оставлять

себе молоко и шерсть. Безусловно, саун имел достаточно выраженный кабальный характер. Однако важно было то, что, получая байский скот в саун, те или иные общины обретали единственно доступную для них возможность добрать общинное стадо до такой численной концентрации (оптимума), в рамках которой, как уже говорилось, только и можно было обеспечить воспроизводство средств производства и необходимого продукта. Но государство блокировало и эти воспроизводственные связи, усматривая здесь только эксплуатацию.

И таких прецедентов было немало. Но наиболее характерна в этом отношении кампания по конфискации скота у крупных хозяйств.

Идея экспроприации зажиточных и крупных скотоводческих хозяйств проистекала из самой природы государства с ее приматом классовых интересов. Поэтому с самого начала установления новой власти в Казахстане мотивы классовой борьбы постоянно вынашивались в умах проводников "пролетарской" политики. Еще весной 1919г. Ленин, отвечая на вопрос казахстанцев-делегатов VIII съезда РКП(б), каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле, прямо напутствовал: "Очевидно, вам придется раньше или позднее поставить вопрос о перераспределении скота" (5).

Вопрос о конфискации скота у крупных баев ставился и на III областной партийной конференции Казахстана в марте 1923г. Однако реализовавшаяся в то время стратегия нэпа, направленная на выход из экономического и политического кризиса, возникшего в результате осуществления бестоварной утопии "военного коммунизма", сдерживала "экспроприационные" потуги коммунистических радикалов. Выбирать приходилось между возможным экономическим хаосом и идеологической догматикой. Система, еще не оправившаяся от кризисного шока, вынуждена была попридержаться свой "классовый натиск".

Но уже к концу 20-х годов идея экспроприации крупных скотоводческих хозяйств вновь признается актуаль-

ной, что выразилось в принятии декрета о конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов (27 августа 1928г.).*

В соответствии с этим декретом экспроприации было подвергнуто около 696 хозяйств, у которых конфисковали 144745 голов скота (в переводе на крупный). Около 113 тысяч голов скота было тут же перераспределено между колхозами (29 тысяч, или 26 процентов) и бедняцко-батрацкими хозяйствами (85 тысяч, или 74 процента) (6).

Итоги кампании как будто бы впечатляют. В отчетах официальных органов в оптимистических тонах сообщалось, что удельный вес середняцкой группы в ауле поднялся на 76 процентов, а бедняцкой, наоборот, снизился до 18 процентов (7). Этим самым давали понять, что эффект от кампании доказал правильность и своевременность конфискации, что благодаря полученному по декрету скоту бедняки и батраки изменили свой социальный статус в сторону его повышения, т.е. стали середняками.

Между тем анализ опубликованных материалов показывает, что конфискованного и "поровну" перераспределенного скота далеко не всегда хватало, чтобы решить проблему обеспеченности им бедняцко-батрацких хозяйств. Так, например, по Каркаралинскому округу конфискованный скот получили 198 бесскотных хозяйств, 1374 хозяйства с обеспеченностью скотом от 1 до 5 голов и 27 хозяйств, владевших поголовьем в 6-7 единиц. По самым грубым подсчетам для наделения всех этих хозяйств до сколько-нибудь приемлемой нормы требовалось в совокупности 12139 голов скота. Между тем им было передано всего 7065 голов, т.е. дефицит определялся в размере более 5 тысяч. Также было и в других округах (8).

Статистика эта может означать только одно: значи-

* "Феодално-байскими" эти хозяйства именовались согласно установкам X съезда РКП(б) (1921г.).

тельную часть хозяйств не удалось наделить скотом в приемлемых для ведения хозяйства размерах. Получив лишь несколько голов скота, эти хозяйства не могли включиться в общину на более или менее паритетных началах, т.е. по принципу дополнительности (об этом механизме мы уже говорили), а потому расставались с надеждой повысить свой социальный статус (вскоре полученный по конфискации скот продавался или резался). И хотя на бумаге таковые числились уже в середняцких, они, по своей сути, оставались все теми же зависимыми элементами структуры, но эксплуатировавшимися уже на другом уровне.

С позиций большевистского менталитета конфискация представлялась однозначно позитивной акцией, ибо, как декларировалось в выработанных на этот счет постановлениях, преследовала задачу освобождения аула от гнета "кровопийц-эксплуататоров". Однако брошенная палка оказалась о двух концах, одним из которых больно ударила в обратную сторону.

Как мы уже отмечали, с ликвидацией хозяйства крупного бая прервались саунные отношения, и многочисленные общины, получившие ранее в пользование часть байского скота, уже не имели возможности добирать свое стадо до нужной концентрации. Они лишались технологического оптимума и разорялись. Безысходной становилась ситуация и при возникновении джута и т.д. Беднели общины и в силу того, что уже не могли воспользоваться (пусть даже и на кабальных условиях) байским сельхозинвентарем, тягловым скотом, семенами.

Выше говорилось, что общины и крупные байские хозяйства образовывали в совокупности более широкую структуру - территориально-хозяйственную общность. В рамках ее крупные байские хозяйства, будучи главными владельцами средств и факторов производства, полностью монополизировали последние.

В то же время, поскольку все субъекты социально-производственной общности (крупные байские хозяйства, общины и др.) выражали совместное отношение к

территории, среде обитания как общему предмету труда, она выступала как единая трудовая кооперация (и вместе с тем как система разделения труда). Любая же кооперация и разделение труда предполагают, как известно, функции управления и регламентации. В противном случае - хаос.

Осуществляли эти функции монополизировавшие производство крупные байские хозяйства. С их ликвидацией "органы управления и регламентации" оказались "вакантными".

Между тем солидаристские отношения ("наши") в общине внедряли в сознание ее индивидов извечную оппозицию "свои-чужие", "наши-не наши". Все, что шло с внешних границ общинного мира, вызывало недоверие и отторгалось.

Стойкие стереотипы солидарности и одновременно ксенофобии (неприятие всего чужого) подчас не позволяли какой-то отдельной общине взять на себя функции управления всей целостностью территориально-хозяйственного организма на условиях межобщинного консенсуса. Ни одна община не желала подчиняться другой на основе лишь чисто волевых претензий на власть (повторим: диктат крупного байского хозяйства основывался на его монополии производства в пределах территориально-хозяйственной общности). Поэтому если не удавалось признать общеприемлемого лидера с помощью апелляции к патриархально-генеалогическим (родовым) аргументам, то социально-производственная общность оказывалась в состоянии разброда и хаоса со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В ходе проведения конфискации так называемые комиссии содействия (состоящие из люмпен-пауперских активистов) очень часто выходили за пределы предписанной инструкции и обращали свой взор на просто богатые и зажиточные хозяйства. Однако специфика организации производства в кочевом социуме была такова, что хозяйство, имевшее, допустим, даже 300-400 и более голов скота, не могло выжить вне общинной кооперации, а потому в силу необходимости включалось в общину.

Для поборников же "классовой борьбы" и "социальной справедливости" такое количество скота представлялось сверхбогатством, подлежащим незамедлительной конфискации. В результате с экспроприацией такого "общинного бая" и конфискацией его собственности община утрачивала столь обязательную для воспроизводства средств производства и производства необходимого продукта численность стада, а потому вскоре разорялась и нищала, а сами общинники пополняли пауперизованные массы.

И наконец, и это главное, в ходе экспроприационных акций разрушались важнейшие звенья воспроизводственных связей, что вело к разрушению всей традиционной структуры.

Таким образом, бравурные реляции и рапорты не отражали реальной действительности, которая обернулась не консолидацией середнячества и ростом благосостояния, а, наоборот, разрушением хозяйства, нараставшей пауперизацией населения нищавших аулов.

Полное непонимание специфики докапиталистических структур* государство проявило и в ходе проведенной в самый канун (фактически они даже совпадали во времени) кампании по конфискации скота у крупных байских хозяйств другой реформы - передела сенокосных и пахотных угодий (1926-1927 гг.).

Весьма самонадеянно уверовав, что уж в искусстве разрешения социальных противоречий в области земельных отношений им нет равных, ибо здесь они, как нигде, вооружены проверенной нароссийской деревне марксистской теорией, большевики решили одним махом разрубить этот "гордиев узел" и в казахском ауле. Придав этой акции широкомасштабный характер, они высокопарно обозначили ее как аграрную революцию.

Выступая на VI Всеказахской партконференции (1926 г.), секретарь Казкрайкома ВКП(б) Ф. Голощекин,

* Прекрасно "анатомировав" сущность капиталистического способа производства, марксистская теория так и не сумела до конца самоопределиться в понимании природы ни его "сменщиков", ни предшественников, и в этом была ее Ахиллесова пята.

недавно "поставленный на республику", риторически поучал: "Что такое передел луговых угодий? Это есть маленький Октябрь!" (9). Вторила ему и пропагандистская литература. Так, в одной из публикаций писалось: "Передел пахотных и сенокосных угодий... разрушает патриархально-родовые пережитки, окончательно разрушает род, родовую общину как нечто хозяйственно целое" (10).

Между тем уже изначально в реформе обнаруживались слабые стороны. И проявлялись они не столько в организационно-технических, сколько в сущностных аспектах. Судя по всему, в ходе проведения реформы игнорировался тот момент, что в условиях действовавшей хозяйственной структуры простое перераспределение земли само по себе еще не устраняло разворачивавшихся по этой линии противоречий. Получение земли без возможности ее хозяйственной утилизации мало что давало, в том числе и в плане смягчения процессов расслоения (хотя послереформенные статистические сводки, выстроенные по формальным признакам, - увеличение землепользования у одних и его уменьшение у других, как будто бы опровергали это).

Чтобы такая возможность состоялась, хозяйство, помимо всего прочего, должно было располагать вторичными производственными ресурсами, в данном случае - тягловой силой (т.е. рабочим скотом), сельскохозяйственным инструментарием, семенами и т.д. Между тем бедняцкие, маломощные, да и часть середняцких хозяйств (т.е., собственно, основные получатели перераспределенных угодий) испытывали в этом отношении острейший дефицит.

В 1928г. в республике насчитывалось более 800 тыс. казахских хозяйств. Согласно сельскохозяйственной переписи 1927г. в них приходилось 124 тыс. примитивных орудий (омач, сабан, косули, сохи и т.п.), 54 тыс. плугов, 0,5 тыс. сеялок, 13,5 тыс. сенокосилок, 9,4 тыс. борон (железных) и т.д. (11). Как видим, пропорции крайне

неблагоприятные. Но если обратиться к социальным характеристикам, то выявится еще более неприглядная картина. Так, в Петропавловском округе не имели никакого инвентаря 95,5 процента бедняцких и 83,2 процента середняцких хозяйств; Павлодарском - соответственно 99,4 и 85,8; Кызылординском - 72,9 и 69,1; в Сырдарьинском - 66,2 и 54,5 (12). Аналогичная ситуация наблюдалась и в других районах республики.

Понятно, что в этих условиях очень многие бедняцкие и маломощные хозяйства, получившие доступ к земле, но не имевшие средств практически реализовать это право, вынуждены были отказываться от нее в пользу прежних владельцев, т.е. зажиточных и баев. Немало преград было и на пути передела сенокосных угодий. Его идеи застревали уже в институциональных "закоулках" традиционной структуры.

Как известно, согласно реформе перераспределение сенокосов должно было проводиться "по количеству едоков" (13). Между тем консервативно-традиционные устои культивировали в обществе иной критерий "справедливости", который ассоциировался с количеством скота (14).

В материалах по казахскому землепользованию (экспедиции Щербины и Румянцева), например, отмечалось, что "наиболее общим и чаще повторяющимся поводом к тому или иному распределению сенокосов между кочевниками служит количество "скота", что "единицей при переделах покосов служит обычно хозяйство, но всегда многоскотным дают покоса больше. При косьбе и делении сена копнами единицей служит косец, но и в этих случаях многоскотным дается больше сена, чем беднякам", что "землю русским сдают (в аренду - Ж.А.) также обществами (общинами - Ж.А.), причем плата аренды распределяется между киргизами (казахами - Ж.А.) пропорционально скоту" (15).

Уже в силу описанной в приведенном источнике институции многочисленная семья того или иного бед-

няка, получившая преимущества при распределении сенокосов, могла испытать всю тяжесть "морального террора", социально санкционированного посредством апелляции к "законам предков".

Если конфликт заходил дальше, то дело не ограничивалось обструкцией, а оборачивалось недопущением ослушников к каналам узурпированной баями общинной системы социальных гарантий (она проявлялась в перераспределении части произведенного в общине продукта в пользу ее неимущих членов и была искусно приспособлена для эксплуатации рядовых общинников). В такой ситуации уже далеко не каждый бедняк рисковал претендовать на байский покос, а потому выгодный для аульной элиты порядок очень быстро восстанавливался (естественно, нелегально).

Таким образом, возможность развития событий в нежелательном для власти направлении сохранялась главным образом не из-за слабой политической активности трудящихся масс и непонимания ими своих классовых интересов (как это трактует историография). Причины здесь носили куда как более прозаичный характер: просто патерналистские связи, прикрывавшие в традиционном обществе отношения эксплуатации, давали неимущим слоям подчас больше гарантий на получение прожиточного минимума, чем если бы те воспользовались перераспределенными байскими сенокосами. В последнем случае такая возможность нередко оставалась весьма проблематичной, поскольку обладание сенокосами при недостаточной обеспеченности хозяйства скотом и отсутствии других материальных условий еще не решало вопроса.

Однако все эти моменты - как бы частные производные от главного сдерживающего фактора, связанного со спецификой организации производства.

Выше уже неоднократно подчеркивалось, что обеспечение необходимого продукта и воспроизводство

средств производства в условиях традиционного хозяйства было достижимо лишь в рамках общины, через кооперацию, принцип дополнительности, производственно-технологический оптимум и т.п. Трудящийся субъект, располагавший ограниченным объемом средств производства, вне общинной организации не мог обеспечить более или менее приемлемое функционирование своего хозяйства. И в этом смысле община выступала своеобразным гарантом существования хозяйствующего индивида. Осознавая эту зависимость, последний не мог принимать какие-то хозяйственные решения вне общинного контекста, т.е. в этом отношении примат всегда отдавался как бы общекорпоративным интересам. Но эти интересы в действительности были узурпированы общинной верхушкой, которая монополизировала в общине организационно-хозяйственные функции и само производство. Поэтому рядовой общинник, не относившийся с пиететом к баю, рисковал противопоставить себя общинному консенсусу. А это, образно говоря, означало рубить сук, на котором сидишь, ибо, повторим, только через общину ее член мог обеспечить прожиточный минимум.

Итак, при проведении реформы прагматичный крестьянский ум сталкивался с очень сложной дилеммой. Можно было либо отказаться от байских сенокосов, т.е. придерживаться конформистской модели общественного поведения в обмен на минимальное, но гарантированное существование, обеспечивавшееся контролируемым верхушкой механизмом редистрибуции (перераспределения), либо выйти на конфликтную ситуацию и обрести сенокосы. Второй случай в преломлении традиционного массового сознания таил в себе много неопределенного (а риск - чуждая крестьянской психологии черта). Как можно предположить из источников, малообеспеченные слои аула рассуждали примерно так: сенокосы, конечно же, очень нужны, но может ли их передел дать если и не более выгодную, то хотя бы равноценную альтернативу,

т.е. будет ли он гарантировать прожиточный минимум в условиях недостаточной обеспеченности скотом и другими материальными факторами?

С точки зрения экономической целесообразности первый (конформистский) вариант нередко оказывался предпочтительнее. Другими словами, в плане экономических преимуществ реформа не всегда и не везде выдерживала конкуренцию с традиционным механизмом, функционировавшим, кстати, не только на уровне общины, но и в пределах более широкой горизонтальной и вертикальной интеграции - производственно-социальной общности.

Свидетельств тому можно привести здесь немало. Однако ограничимся наиболее характерными из них. Так, Нарком земледелия республики Султанбеков в своем докладе по поводу реформы отмечал: "... В этом году были случаи, когда бедняк, получая надел и не имея у себя средств производства, не имея возможности скосить сено, вспахать землю, вынужден был возвращать землю обратно баю, получая от него спасибо зато, что возвратил землю, и возвращая ему спасибо за то, что бай его как-нибудь накормит и что-нибудь ему даст" (15).

Оргсовещание ЦК ВКП(б) (апрель 1929г.), имея в виду итоги реформы, указывало, что "результаты этих мероприятий не были блестящими" (16). Семипалатинский губком ВКП(б) также констатировал, что передел не оправдал ожиданий (17) Другой заинтересованный наблюдатель писал: "Во многих районах беднота при переделе не была активно действующей силой. Нам не удалось раскатать в должной мере бедноту... Можно заключить, что передел сенокосов не вызвал в должных размерах и остроте классовую борьбу в ауле, борьбу социальных группировок аула за землю" (18).

Пребывал в недоумении и Голощекин, который явно не ожидал, что прогнозы так сильно разойдутся с реальным ходом реформы. "Мы не уловили, - говорил он, -

еще всего.. Возьмем Чорманова, Акпаева (крупные баи - Ж.А.), которые имеют по 10 тыс. голов скота. Мы отняли у них земли, и я думал, что же они будут делать дальше? Они как будто и в ус себе не дуют. Тут что-то не так, товарищи. Это хорошо, что мы отняли у них землю, но, очевидно, не вполне и не все уловили, есть еще какой-то выход для бая, и вот этот выход, товарищи, мы должны найти и отнять его" (19).

Казалось бы, приведенного только что вынужденного признания главного идеолога "Малого Октября в ауле", к которому поступала самая достоверная информация, достаточно, чтобы, по-крайней мере, усомниться в социальной эффективности передела.

Тем не менее предшествующая историография писала о большом успехе реформы и ее "огромной роли в советизации аула" (уместно сказать, что если и говорить о "советизации аула", то только как о процессе, насаждаемом сверху и невоспринимаемом снизу; община - вот мир скотовода-кочевника, и все, что за ним - из категорий непонятных абстракций).

В доказательство приводились впечатляющие цифры (было перераспределено 1360 тыс. дес. сенокосов и 1250 тыс. дес. пашни), масса выдержек из архивных документов, рассказывающих, как аульные труженики "без сапог вдоль и поперек ходили по сенокосам с пылающими лицами и осуществляли свои законные права на ценные угодия", а когда уполномоченные спрашивали, не возвратят ли они баям полученные участки, они единодушно отвечали: "Этого ни в коем случае не будет" (20).

В самом деле, в архивах отложилось просто обилие подобных документов, вводящих подчас в заблуждение исследователей, заставляя их верить в правильность положительных оценок реформы. Но следует учитывать, что сюда в основном попадала селективная информация, т.е. очень часто тенденциозно отобранная. Всякие негативные свидетельства, "настораживающие" власть, шли закрытыми каналами (агентурные данные, фельдсвязь и пр.) и в последующем "оседали" в особых папках с запрети-

тельными литерами типа "С" (секретно). Не случайно мало кто знал о действительных масштабах голода 1932-1933гг.: вся информация - в архивохранилищах ОГПУ-НКВД-КГБ.

Но даже если отвлечься от этого обстоятельства, то надо принимать во внимание, что "огромное множество" есть категория относительная. В свое время небезызвестный Кашпировский будоражил телеаудиторию страны, вынося на эстраду "множество" мешков с телеграммами от людей, выздоровевших (и дай им бог) под воздействием его "магии". Однако это впечатляющее в первом приближении "множество" превращается в ничтожно малый процент по отношению к 260- миллионному населению.

В сферу передела сенокосных и пастбищных угодий было вовлечено 400 тыс. хозяйств, или 2 млн. человек (21). И по отношению к этой совокупности всякое изобилие свидетельств представляется ничтожно малой величиной, не достигающей даже минимально допустимой 1-процентной репрезентативности (информативной представительности).

Итак, специфика организации производства, помноженная на императивы соционормативной культуры (институциональные факторы, патриархально-генеалогические и знаково-идеологические связи и пр.), во многом нейтрализовали действие реформы. На этот раз докапиталистическая тенденция устояла.

Выявив очередную неспособность реформировать традиционную структуру путем осуществления широко-масштабных внеэкономических, чисто перераспределительных акций (рынок с его экономической мотивацией делает это, как показал опыт многих аграрных обществ, быстрее и с гораздо меньшими жертвами), государство радикализирует свою "аграрную революцию", переходя от политики "ограничения и вытеснения эксплуататорских классов к их полной ликвидации". Дни традиционной структуры и всей системы жизнеобеспечения этноса уже сочтены.

ГЛАВА 5. КОНЕЦ НЭПОВСКИХ ИЛЛЮЗИЙ

В директивном письме, направленном в организации ВКП(б) в феврале 1928г., Сталин в присущем ему категорично-назидательном стиле писал: "Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа нашей экономической политики и остается таковой на длительный исторический период" (1).

Между тем широкомасштабные экспроприационные акции со всей очевидностью обнаруживали, что новая экономическая политика как более позитивная модель реформирования общества нарастающе утрачивает свое реальное действо, переносясь из области де-факто в плоскость голых деклараций.

Подтверждением тому служили развернувшиеся в конце 20-х годов чрезвычайные хлебозаготовительные кампании и конфискационная, по сути, налоговая политика.

Как известно, "сталинский план социалистической индустриализации" предполагал во благо его форсированного характера ("в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать капиталистический мир") резко диспропорциональное увеличение инвестиционных потоков в промышленность, в том числе за счет сокращения фонда потребления и средств, направляемых на развитие комплекса факторов, определявших уровень и качество жизни населения. Гипертрофированная ориентация на стимулирование исключительно сферы производства средств производства и блокирование производства предметов потребления неизбежно порождала "товарный голод". Положение усугублялось несбалансированностью "громадья" планов и возможностей бюджета, что в условиях острого дефицита потребительских товаров неизбежно выводило на инфляционный рост цен.

В то же время в силу государственной монополизации промышленности имел место диктат потребителям (и прежде всего аграрному сектору) монопольно же высоких цен на ее продукцию, тогда как закупочные цены на сельскохозяйственные товары устанавливались на крайне низком уровне: в 1927/28г. госцены на зерно были ниже цен так называемого "черного рынка" почти на 40 процентов, а в 1928/29 хозяйственном году - уже на 50 процентов (2).

В результате складывающегося диспаритета цен крестьянство становилось объектом обложения своеобразным сверхналогом, величина и тяжесть которого определялись ценовой разницей. Средства от этого сверхналога, или в буквальном смысле дани предполагалось направлять на индустриальное развитие.

Это признавали сам Сталин. Выступая в июле 1928г. на пленуме ЦК ВКП(б), он говорил: "О чем шел у нас спор вчера? Прежде всего о "ножницах" между городом и деревней. Речь шла о том, что крестьянин все еще переплачивает на промышленных товарах и недополучает на продуктах сельского хозяйства. Речь шла о том, что эти переплаты и недополучения составляют сверхналог на крестьянство, нечто вроде "дани", добавочный налог в пользу индустриализации, который мы должны обязательно уничтожить, но который мы не можем уничтожить теперь же, если не думаем подорвать нашу индустрию, подорвать известный темп развития нашей индустрии, работающей на всю страну и двигающей наше народное хозяйство к социализму" (3). Далее он цинично иронизировал: "Кое-кому это не понравилось... (имеется в виду бухаринская оппозиция - Ж.А.). Что же, это дело вкуса... Конечно, слова "сверхналог", "добавочный налог" - неприятные слова, ибо они бьют в нос. Но, во-первых, дело не в словах. Во-вторых, слова вполне соответствуют действительности" (4).

Объективно созданная государством ситуация широкого разведения "ножниц" цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, "товарный голод" и инфляция вызывали отказ сельских производителей продавать свою

продукцию. Крестьяне, имевшие запас хлеба, утратили всякий смысл реализовывать его по низким ценам. Да и за те мизерные деньги, которые можно было бы получить за хлеб, не представлялось возможным что-то купить вследствие все того же "товарного голода" и дороговизны промтоваров. Отпадал и вариант с денежными сбережениями, поскольку инфляция обесценивала их весьма быстро. Понятно, что в этих условиях зерно оказывалось самой надежной валютой.

Названные причины в своей совокупности породили хлебозаготовительный кризис 1927/28 года.* До последнего времени его коллизии однозначно интерпретировались как результат "кулацкой хлебной стачки, спровоцированной зажиточными и контрреволюционными элементами с целью удушения голодом диктатуры пролетариата". Однако если не оставаться в плену идеологических инсинуаций и застарелых стереотипов, то следует видеть здесь не что иное, как нормальную, т.е. вполне адекватную, экономическую реакцию сельских производителей на силовую политику государства, их нежелание вновь становиться объектом "военно-коммунистических" мер.

Чтобы не доводить дело до открытого конфликта, государство имело возможность воспользоваться обширным арсеналом экономических рычагов и средств. Так, можно было (как это предлагали некоторые представители оппозиции) смягчить политику жесткого контроля над ценами. Однако в вопросе о закупочных ценах власть ни на йоту не желала отступать от ленинской установки. Как известно, в свое время вождь учил: "Если мы удвоим цены, они (имелись в виду зажиточные и кулаки - Ж.А.) скажут: нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят. Это - дорога торная, дорога угождения кулакам и спекулянтам, на нее легко стать и нарисовать за-

* Глубинная природа кризиса раскрывается, конечно же, через факторы более сущностного содержания. И абсолютно правы советологи (М. Левин, А. Ноув, Р. Дейвис, С. Уиткрофт, Ф. Таниучиидр.), усматривающие суть происходившего в объективных последствиях большевистской аграрной революции.

манчивую картину" (5).

Предлагалась и более частные варианты, выдвигавшиеся, например, Н. Бухариным, который считал, что можно сделать закупки за рубежом и осуществить "хлебную" интервенцию на рынке, чем экономически повлиять на его конъюнктуру. Но Сталин и здесь выдвинул свои "весомые" аргументы: "... Лучше нажимать на кулака и выжать у него хлебные излишки..., чем тратить валюту, отложенную для того, чтобы ввезти оборудование для нашей промышленности" (6).

Итак, вождю представлялось "лучшим" развернуть репрессии против сотен и сотен тысяч крестьян, чем поступиться "принципами" нарождавшейся "революционно-палочной" административно-командной политики. Тем более, что такой подход находил "теоретическую" рационализацию в установках Ленина, который в одном из выступлений высказал следующее откровение: "Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому" (7). И Сталин вернулся, дополнив террор экономический террором политическим.

Вскоре все и вся стали определять знак "чрезвычайки", вылившейся в ходе заготовительных кампаний в форму прямых экспроприации, а затем и в массовые политические репрессии крестьянства.

Для "научения большевистских кадров искусству классовой борьбы и искоренения в рядах местного партийного аппарата преступной мягкотелости" в основные зерновые регионы советской империи (Южный Урал, Волга, Северный Кавказ, Украина и др.) были направлены члены Политбюро - Молотов, Каганович, Микоян, Постышев, Андреев, Косиор, Шверник, которые должны были непосредственно руководить хлебозаготовительной кампанией. В Казахстане проведение акции доверялось Голощекину, который, "пройдясь Малым Октябрем по казахскому аулу", снискал в глазах высшего партийного руководства "славу" одного из жесточайших и бескомпромиссных церберов-администраторов, по типу тех, коих Сталин причислял к внутрипартийному "ордену меченос-

цев". В подмогу партийным "кардиналам" на село направлялась армия различных "оперуполномоченных" и "рабочие отряды" из числа более чем 30 тысяч коммунистических активистов города. Последние обязывались проводить чистки в нелояльных сельсоветах, формировать актив из местных люмпенов, создавать "тройки", различные "комиссии содействия" и т.д., т.е. проводить в жизнь опыт периода "военного коммунизма", "творчески" развивая его в духе сталинской идеи об "обострении классово-вой борьбы".

Сам Сталин открывал "хлебный фронт" в Сибири, где он пребывал в течение почти трех недель (январь-февраль 1928г.) (8). Грозно отчитывая партактивы в Новосибирске, Барнауле, Рубцовске и Омске (где, по-видимому, присутствовали представители чиновной номенклатуры сопредельных с югом Западной Сибири округов Казахстана) (9), он требовал применения самых жестких санкций, многие из которых до этого не имели прецедента.

Так, выступая в Новосибирске и Омске (18, 27 и 28 января 1928г.), он в категорично-директивной форме настаивал на массовом применении ст. 107 УК РСФСР (10). Ранее эта статья предусматривала наказание за "злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок" (т.е. по сути она отражала право государства административно вмешиваться в механизм нэпа). В ходе разразившегося хлебозаготовительного кризиса она в плане своего применения была существенно подкорректирована и с января 1928г. стала распространяться главным образом на держателей хлеба, отказывавшихся от сдачи его "излишков по госценам, и на хлебных спекулянтов". В виде наказания ст.107 предусматривала лишение свободы сроком до одного года с конфискацией всего или части имущества, а при "групповом сговоре" - до трех лет с полной конфискацией (11). С целью "поднятия политической активности и классового самосознания масс" (как писалось в газетах тех лет), а в действительности- обыгрывания люмпенско-пауперской психологии сельских низов и стимулирования у них рваческих инстинктов и утилитарных позывов, той же статьей

предусматривалось 25 - процентное отчисление конфискованного хлеба бедноте.

Таким образом, чтобы придать откровенно неправо-вым акциям видимость законности, Система изошренно апеллировала даже к уголовному кодексу (ст.ст. 107, 61, 73, 102, 127, 135, 60 и другим статьям УК РСФСР, а как логичному развитию, и к ст. 58-10, предусматривающей наказание за контрреволюционную деятельность). При этом роль главного поборника законности пытался играть сам Сталин, который на собрании актива Московской организации ВКП(б) (апрель 1928г.) по-актерски деланно осуждал "целый ряд случаев извращений политики (хлебозаготовительной - Ж.А.), быющих прежде всего... по бедноте и середнякам, неправильное применение 107 статьи и т.д." (12).

Цинично фарисействуя, он прокламировал: "Мы ка-раем и будем карать виновников этих извращений со всей строгостью" (13). Однако тут же обнажал свое лицемерие следующей тирадой: "Но было бы странно не видеть из-за этих извращений тех благих и поистине серьезных результатов приняты партией мероприятий, без которых мы не могли бы выйти из заготовительного кризиса. Поступать так, значит закрывать глаза на главное, выдвигая на первый план частное и случайное" (14). За этим "частным и случайным" стояли захлестнувшие село массовые аресты и тюремные заключения, произвол и физическое насилие, применение по отношению к ослушникам и осмелившимся осуждать административный террор статьи 58-ЮУКРСФСР.

Ратуя на словах за законность, ЦК ВКП(б) слал на места "закрытые" директивы с требованием усилить нажим. Первая такая директива была дана 14 декабря 1927г., вторая - почти через неделю, 24 декабря. В начале января (6/1) 1928г. ЦК рассылает новую директиву, текст которой завершается прямой угрозой по адресу руководителей партийных организаций "в случае, если они не добьются в кратчайший срок решительного перелома в хлебозаготовках" (15).

Чтобы добиться такого "перелома" в Казахстане (как

в некоторых других районах), стал применяться так называемый "урало-сибирский метод". Инициировался он якобы крестьянами одного из сел, но, судя по его продуманной изощренности, это был четко разработанный в соответствующих инстанциях инструмент по безотказному извлечению зерна у его производителей. Суть его заключалась в том, что на собрании бедноты и середняков (сельском сходе) избирались (ясно, что при прямом воздействии уполномоченных) "комиссии содействия", которые в индивидуальном порядке распределяли (разверстывали) 65 процентов "плана" заготовок на кулацко-байские хозяйства и 35 процентов - на середняцкие. Если такое решение схода не выполнялось, то последним вменялась уплата штрафа в пятикратном размере стоимости наложенного задания или лишение свободы. Таким образом, все делалось руками люмпенов: на сельсовет или сельский сход спускались нормы заготовок и под угрозой наказания они тут же выполнялись.

Как всегда в практике Системы политические акции получали идеологическое обеспечение мощной пропагандистской машины. Поэтому отнюдь не случайно газеты запестрели лозунгами типа "Осадить кулака!", "Еще раз зажать кулака и бая!", "Крепче ударим по кулацко-байским ублюдкам!", "В атаку против классового врага!", "Смерть гноителям хлеба!", "За спрятанный хлеб - в тюрьму!", "Смерть кулакам и баям - организаторам голода!" и т.д.

А в это время информационные сводки орготдела ВЦИКа* фиксировали настроения полного разочарования крестьянства политикой власти. На многочисленных сходах крестьяне откровенно заявляли: "Надо допустить свободную торговлю хлебом, все будут сыты, а то большевики - лодыри уморят с голоду", "Не нужно развивать сельское хозяйство, иначе правительство задавит налогом", "Лучше Ленин, чем ленинизм. Лучшие коммунисты убиты и умерли. Остались сволочи", "Советская власть

* ВЦИК - Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет - сталинская карикатура на органы парламентаризма.

установила крепостное право", "Середняк разоряют, предоставляя за его счет льготы лодырям-беднякам", "Рабочий теперь буржуй, а крестьянин-овечка, воттеперь его истригут", "Советская власть зажала крестьян хуже, чем при старой власти. Такой власти помогать не надо" и т.п. (16).

Крестьянин-середняк из села Ореховка Ленинского района Акмолинского округа Луценко, наивно веря, что Кремль не ведает, что творится в деревне, писал Сталину: "... Неужели работникам на местах предоставляется полная свобода действий без всякого контроля. Ведь если бы знали, что у нас делается. Не только кулаку (ему-то следует) и середняку, и однолошадным беднякам досталось. Чуть не половину населения отправляют в тюрьму (по 3 человека из семьи сидят в тюрьме), все отбирают, появляются пьяные, кричат, матерными словами обзывают. . и такой страх нагоняют на население, что многие запрягают лошаденку и бросают домишко, овец и другой домашний скот и уезжают куда глаза глядят" (17).

Сильнейший административный террор был развязан в ходе заготовительных кампаний в казахском ауле. Здесь кампания по заготовкам скота с самого начала приняла характер силовых акций времен "военного коммунизма". Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, но те, как оказалось, имели в своей расчетной основе фальсифицированные данные о количестве у населения скота, так как более или менее достоверные сведения (налоговой учет Наркомфина) в ходе своего продвижения от одной бюрократической инстанции к другой были существенно изменены в сторону увеличения (это оправдывалось тем, что финансовые органы, дескать, не учли огромное сокрытие скота от налогообложения). В результате таких приписок и грубого волюнтаристского планирования на районы стали спускаться задания, намного превышавшие реальную численность имевшегося в наличии скота. В этой связи характерен пример Балхашского района, располагавшего стадом в 173 тыс. голов скота, но получившего разверстку почти на 300 тыс. единиц (18).

Естественно, что очень скоро в краевые органы начали поступать жалобы. Но на них мало кто реагировал. Если они и получали какой-то отзвук, то в духе изошренной казуистики. Так, З. Торегожин (зам. Наркомазаготовок) сообщал, что согласно рассчитанному им балансу при существующих объемах заготовок животноводство в республике вряд ли выстоит. Ответ последовал незамедлительно через воинствующую статью в партийном официальном "Большевик Казахстана". Здесь, в частности, писалось: "В балансе... ярко проявилась вся суть правооппортунистической, механической методологии, теоретическая беспомощность, полное непонимание марксистско-ленинской диалектики... Автор ухватился за количественное снижение поголовья. Последнее - факт. Но ползучий уклонист за этим фактом не видит более существенных экономических и политических изменений... За внешней, поверхностной стороной событий близорукий эмпирик не видит действительного роста социализма" (19).

Не менее ярким "обличительным" пафосом отмечались и вердикты, сформулированные в более высоких сферах. Например, бюро Казкрайкома ВКП(б), выражая неприятие исходящей от некоторых районных руководителей критики, вынесло специальное постановление. В нем был следующий текст: "Крайком решительно осуждает тенденции отдельных районов и работников не выполнять планы и ослабить темпы мясозаготовок... под прикрытием разговоров о сокращении стада, о необходимости сохранения производственного скота... как тенденции, вытекающие из правооппортунистического непонимания скотозаготовок как органической части социалистической реконструкции животноводства (подчеркнуто мной - Ж.А.), как важнейшего рычага обеспечения индустриализации страны" (20).

"Промывание мозгов" дало свои результаты. И вскоре лозунг "перегибов не допускать - парнокопытных не оставлять!" стал определяющим в кампании. Тем более, что по меркам заезжих заготовителей 25-30 баранов в хозяйстве выглядели чуть ли не как "сверхбогатство", хотя, как уже отмечалось в предыдущих разделах, специфика

кочевого способа производства допускала подобное количество скота лишь как жизнеобеспечивающий минимум. Но это обстоятельство не принималось во внимание, и хозяйству этому в лучшем случае оставлялись 2-3 барана, что ставило его на грань безысходности.

Под прикрытием государственных интересов творились беззакония и при заготовках в ауле других видов сельскохозяйственной продукции. Так, в целях "ударного" проведения заготовки шерсти в ряде мест заставляли стричь овец посреди суровой зимы, что не могло не привести к массовому падежу скота. Были многократные случаи, когда в поисках хлеба заготовители наезжали в скотоводческо-земледельческие аулы и буквально выбивали его у хозяйств, имевших крошечные посевы. У них подчистую забиралось даже то ничтожное количество зерна, с которым связывалась единственная надежда на выживание.

Обязательные хлебозаготовки вопреки всякой логике распространялись и на несеющие хозяйства сугубо скотоводческих районов. Страшась быть обвиненными в саботаже, их население было вынуждено обменивать свой скот на хлеб и сдавать последний в счет заготовок.

Например, скотоводы Илийского и Чокларского районов вынужденно обменивали за 15 фунтов хлеба барана, а за четыре пуда - хорошего коня или взрослого верблюда. В этих же районах все хозяйства обязывались сдавать в счет заготовок по 10кг. старой кошмы; те же, кто не имел такой возможности, должны были покупать кошмы и сдавать их заготовителям. В Джетыгаринском районе в ходе заготовок утильсырья и шерсти представители краевых органов заставляли обрезать лошадям хвосты, противившемуся же этому казахскому населению приказывали выдавать вместо бараньего мяса свинину (21).

В одном из районов Южного Казахстана заготовки проводились подчас и таким образом (по свидетельству очевидца): "... Вызывают (уполномоченные - Ж.А.) гражданина, предлагают сдать хлеб. Он отвечает - хлеба нет. Тогда ему в сапоги наливают воды и ночью при 25- градусном морозе ставят на улицу... Беременная женщина

приходит в штаб, у нее требуют хлеб. Она его не имеет. Ее бьют и она тут же в штабе рождает раньше времени" (22).

Бесчинства различных уполномоченных по заготовкам не знали предела. Все "заготовленное" вывозилось из районов "мобилизованными" у местного населения подводами, причем за это, разумеется, не платили ни копейки. В качестве средств передвижения чиновники опять-таки бесплатно использовали лошадей ими же обираемых крестьян, при этом лошади, как правило, не возвращались или нещадно загонялись (23).

Но и этого показалось мало. Опьяненные властью чиновные держиморды стали практиковать при своих нашествиях на аулы так называемую "контрактацию". Пребывая в той или иной общине, они всяческими угрозами требовали, чтобы к ним на ночь приводили молодых девушек, дескать, у казахов есть обычай, когда родители посылают в юрту дорогому гостю (по-видимому, именно таковыми считали себя городские конфискаторы) свою дочь (конечно же, ничего подобного в традициях казахов не было - Ж.А.). Этот варварский беспредел "посланцы пролетариата" на своем жаргоне и обозначали как "контрактовать девушку на определенное время".

Итак, в ходе заготовительных кампаний в Казахстане были проведены масштабные антикрестьянские репрессии. По выявленным данным удалось установить, что в этот период к административно-уголовной ответственности было привлечено 56498 жителей села, из них 34121 были осуждены. Материалы только по трем округам (Акмолинскому, Петропавловскому и Семипалатинскому) показывают, что в 1928/29 и 1929/30гг. здесь было взыскано штрафов и изъято имущества более чем на 23 млн. руб., конфисковано скота - 54 тыс. голов, хлебных запасов - 630 тыс. пудов, различных строений - 258 единиц (24).

На закрытом заседании бюро Казкрайкома ВКП(б), состоявшемся 2 января 1930г., Голощекин информировал, что в ходе заготовок, с 1 октября 1928г. по 1 декабря 1929г.,

по судебной линии было приговорено к расстрелу 125 человек, а по линии ГПУ за этот же период расстреляно 152 человека (25).

Зато руководители республики могли рапортовать, что Казахстан дал 33 процента союзных заготовок шерсти, 20 - мелких кож, 17 - всей пшеницы, 10 процентов - всего мяса (1928/1929). Циничный гримасой выглядело то, что эти бравурные реляции из очередного отчета "наверх" были помещены в рубрике под названием "Стимулирование товарности хозяйства" (25а).

В поисках средств для той же индустриализации государство начиная со второй половины 20-х годов резко ужесточает налоговый режим. Уже в 1926/27 окладном году сумма сельскохозяйственного налога, начисленного по Казахстану, увеличилась по сравнению с 1925/26г. на 87 процентов (26). На 1928/29г. решением ЦК ВКП(б) сумма сельхозналога устанавливалась по стране в размере 400 млн. руб. (против 305 млн. руб. в 1927/28г.) (27). В Казахстане налог исчислялся в пределах 23 млн. руб. и, следовательно, по сравнению с предшествующим окладным годом его тяжесть возросла на 100 процентов (28), хотя налоговая база (источники обложения) возросла за это время несущественно.

В этом же году для хозяйства с облагаемым доходом в 400 руб. и выше устанавливались процентные надбавки к нормативно исчисленному доходу. В результате их применения для хозяйств, например, с семью едоками (членами семьи) и доходом в 450 руб. тяжесть налогообложения возрастала на 16 процентов, а с доходом 1000 руб. - на 41 процент.

Но и это виделось недостаточной мерой, и вскоре было введено так называемое индивидуальное налогообложение хозяйств, "выделявшихся из общей крестьянской массы своими доходами и их нетрудовым характером" (29).

Если под налогообложение с процентными надбавками были подведены 21 процент земледельческих и 6 процентов (30) скотоводческих хозяйств республики, то в индивидуальном порядке налог обязывались платить

21300 хозяйств, на которые насчислялась сумма в размере 8,5 млн. руб. (31). В Кустанайском округе к индивидуальному налогообложению было привлечено почти 3 тысячи хозяйств с обязательством уплатить 34 процента всей совокупности начисленного сельхозналога, а в одном из районов Уральского округа (Чижинском) менее 50-ти зажиточно-байских хозяйств должны были заплатить 88 процентов всей разверстанной на район налоговой суммы (32).

В ряде округов и районов количество обязываемых сдавать налог в индивидуальном порядке было еще больше и абсурдно превышало даже мыслимые масштабы возможного контингента частно-предпринимательских высокодоходных хозяйств. И это не случайно, поскольку сплошь и рядом налоговые комиссии при привлечении того или иного хозяйства к индивидуальному обложению выдвигали аргументы типа "имеет железную крышу", "имеет сепаратор", "плохо отзывался о сельхоззаготовках" и т.д. Особенно частый характер имели такие факты в Павлодарском, Каркаралинском и Семипалатинском округах. Реакцией на это явились откочевки скотоводческого населения, в том числе и в Китай.

Последние были столь массовы, что это вынудило направить сюда специальную комиссию во главе с секретарем ВЦИК И.Ф. Киселевым, которая приняла кое-какие меры. Так, в Семипалатинском округе она снизила контингент индивидуально обложенных налогом хозяйств с 3410 единиц до 1428, в Павлодарском - с 875 до 314, в Каркаралинском - с 875 до 314 (33). Тем не менее действия комиссии оказались запоздалыми, да и носили они локальный характер, тогда как "беспредел" был повсеместен и широкомасштабен.

Силовые сельхоззаготовки и резкое усиление тяжести налогообложения порождали тенденции к свертыванию хозяйственной деятельности, вызывали массовые откочевки населения, порождали хаос в структуре организации производства. Нэп как период истории заканчивался, так и не успев выявить до конца свои возможности

ГЛАВА 6. Седентаризация по-сталински*

Сильнейшие разрушения в системе жизнеобеспечения казахского этноса вызвала сталинская политика силового перевода кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства и быта.

Как известно, идея седентаризации (оседания), а также перспективы массовой коллективизации аула тесно увязывались со сменой хозяйственно-культурных типов деятельности. Иначе говоря, пути прогресса казахского крестьянства ассоциировались с трансформацией (государственно направляемой) скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарно животноводческое.

Данная увязка настолько прочно вошла в административное сознание, что стала восприниматься как абсолютная аксиома. Но было бы ошибкой искать ее корни в детерминантах нового революционного мышления, ибо здесь в гораздо большей степени сказывался фактор традиции в цивилизационных подходах. В ее русле социально организованные хозяйственно-культурные стереотипы кочевых структур рассматривались как нечто архаично-отсталое и аномальное, входящее в непримиримый конфликт с императивами цивилизации и культуры.

Конечно, при желании распространенную тогда в Казахстане пастбищно-кочевую систему скотоводства можно было охарактеризовать как глубоко иррациональную и примитивную. Однако справедливым это было лишь в том случае, если рассматривать данный феномен в отрыве от комплекса вызвавших его условий и сквозь призму той "рациональной" экономической логики, которая, зиждясь на представлениях индустриального общества, предполагает в качестве цели увеличение производства и прибыльности. Между тем мотивизация традиционного хозяйства была ориентирована на качественно иную задачу - удовлетворение биологических и социаль-

* Седентаризация - переход кочевников на оседлые формы хозяйства и быта.

ных потребностей, и в преломлении этой цели оно представлялось как раз таки достаточно рациональным.

Что касается "примитивизма", то этот эпитет без оговорок на свою относительность, по-видимому, также вряд ли применим к столь самобытной форме исторической эволюции, явившей миру уникальный тысячелетний опыт освоения гигантских аридных территорий. В самом деле, правомерно ли считать "убогой" систему хозяйства, в недрах которой сформировалась собственная цивилизация с эффективным социальным механизмом адаптации и развитыми культурными традициями.

Не "вписывается" в такое понимание и констатация общепризнанного факта довольно высокой диверсикации (сложности) технологических навыков кочевников. Еще древние насельники степи выработали до удивления четкие принципы организации производства, научились гибко и оперативно реагировать на вероятность природной среды, умели смягчить идущие отсюда возмущения посредством продуманной утилизации рассредоточенных во времени и пространстве ресурсов. В совершенстве владели они методами улучшения скота и целевого управления концентрацией и структурой стада, обнаруживали глубокие познания в области этологии (поведения) животных и фенологии. Весь этот опыт транслировался из поколения в поколение, обретая в каждом из них все новые и новые импульсы к своему саморазвитию и совершенству. И этот момент служил одним из источников динамизма скотоводческой культуры.

Обладея развитым адаптивно-адаптирующим (приспособление к среде обитания и одновременно приспособление ее в своих интересах) механизмом и достаточно мощными потенциями синергизма, т.е. самоорганизации, структура оказывалась способной интегрироваться в аридную экосистему. Причем процесс этот протекал столь гармонично, что само скотоводческое хозяйство превратилось в носителя вполне определенной экологической функции (как доказано, недогрузка пастбищ, например, снижает продуктивность травяного покрова, замедляет азотный цикл и в конечном счете вызывает дег-

радацию растительности) (1).

Об эффективности "включения" номадного комплекса в окружающую среду свидетельствовало и то, что в рамках его получала благоприятные предпосылки для своего развития тенденция к сохранению динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических факторов. Идеей такого эквилибриума (равновесия) была спонтанно движимая здесь вся хозяйственно-поведенческая мотивация. Благодаря этому достигался относительно разумный баланс природопользовательных и природосберегающих аспектов деятельности, что позволяло избегать глубоких конфликтов по отношению к природе, а следовательно, максимально смягчать возможные последствия деструктивных обратных связей в действовавшей системе "общество - среда". (Именно в контексте последних следует рассматривать и природу возникновения таких страшных для степи явлений, как джут и эпизоотии. Отдельные исследователи, например, Ф. Шахматов, рассматривая их в пределах тренда - вековой статистики, пытались уловить здесь какую-то периодически строго повторяющуюся частотность. Характерно это было и для народной культуры, где выделялся 12-летний кризисный цикл - мушель. Нам представляется, что джут есть рефлексия (отражение) самоорганизующейся системы "природа" на сверхдопустимые нагрузки системы "общество". Резкое количественное увеличение совокупного поголовья скота вызывало неадекватное давление на пастбища. С целью его снятия природная среда "включала" свои регулятивные механизмы, в том числе и через джуты и эпизоотии. Не следует забывать, что Земля как частица космоса постоянно обменивается с ним веществом и энергией. А это значит, что в случае антропогенного нарушения природного равновесия неизбежно возникают обратные энергетические связи восстанавливающего действия (см.: космосоциологические теории Ш. Фурье, Э. Леруа, П. Тейяр де Шардена, В.И. Вернадского, А. Чижевского). Что касается джутовых частот и их совпадения по промежуткам времени, то они, по-видимому, являли собой те временные циклы, в течение которых

количество скота подходило к своей репродуктивной кризисной массе. Одним словом, природа жестоко мстила (а на самом деле регулировала) за игнорирование закономерностей космоса).

Из сказанного выше правомерно заключить, что скотоводческое хозяйство почти адекватно отвечало чрезвычайно жестким природно-климатическим характеристикам региона. Собственно, иначе и быть не могло, поскольку обозначенный тип хозяйственно-культурной деятельности был обязан своей данностью не какой-то "изначальной консервативности и отсталости", а объективной эволюции, корректировавшейся условиями экосистемы. Аридное пространство, представляющее собой ярко выраженную экстремальную среду, требовало совершенно особых форм адаптации. И такие формы нашли свою реализацию в системе пастбищно-кочевого скотоводства, которая в тех условиях только и могла относительно эффективно противостоять постоянной экологической напряженности и даже влиять на ее некоторое "снятие".

Если тезисно очертить обозначившуюся здесь объективную обусловленность, то логическая схема разворачивается примерно в таком виде. Территория Казахстана по своим характеристикам суть преимущественно аридное пространство. Но при рассмотрении ее как единого функционального целого она выступает как аридная экосистема. Следовательно, она вместе с тем может быть воспринята и как аридная экологическая ниша. Если попытаться рассуждать далее в русле одного из фундаментальных правил экологической аксиоматики - правила обязательности заполнения экологических ниш,* то по аналогии необходимо констатировать, что территория Казахстана как экологическая ниша должна была быть

* Данное правило гласит, что пустующая экологическая ниша всегда бывает естественно заполнена. То есть экологическая ниша как функциональное место вида в экосистеме позволяет форме, способной выработать приспособительные особенности, заполнить эту нишу. (См.: Реймер Н.Ф. Природопользование. М., 1990. С.389). Думается, что данный императив не утрачивает силы и применительно к хозяйственным системам.

кем-то занята. Но поскольку речь идет именно об аридной экологической нише, то интегрироваться в нее удалось лишь скотоводческому типу хозяйственно-культурной деятельности. Причем это было не просто скотоводческое хозяйство, а пастбищно-кочевое, так как только посредством выработки совершенно особого экологически адекватного номадного (кочевого) способа производства хозяйствующим субъектам удавалось утилизировать обширные степные ландшафты, т.е. социально адаптировать пространство.

Итак, в силу объективной заданности экосистемных пределов и объективно же сложившегося уровня развития производительных сил жители полупустынь Казахстана ничем другим, кроме как пастбищным скотоводством, заниматься попросту не могли. Лишь только посредством данной системы хозяйства удавалось интегрироваться в аридную экосистему и тем самым обеспечивать более или менее приемлемое функционирование "экономики выживания". И именно в преломлении к действовавшим экологическим предписаниям (и на фоне существовавших производительных сил) скотоводческий комплекс продолжал оставаться достаточно рациональным и оказывался еще способным демонстрировать высокий и конкурентоспособный (по отношению к возможным тогда альтернативным хозяйственным системам) потенциал.

Однако, как известно, экологическая рациональность очень часто входит в противоречие с экономической целесообразностью, а потому жертвуется в угоду последней. В пределах фактора аридности такая развязка имела слабые перспективы, так как способность "влииться" в экосистему в этом случае одновременно означала и возможность ее экономически эффективного освоения. И наоборот, отторжение средой неадекватных хозяйственных инвазий (вторжений) неминуемо вызывало если не полное блокирование, то, во всяком случае, сильную нейтрализацию желаемых экономических целей (неважно, происходило это сразу или по прошествии определенного времени). Такова была логика естественно-исторических

процессов, и вторгаться в нее можно было лишь при наличии твердой опоры на весьма развитые производительные силы, но отнюдь не на абстрагированную от объективных реалий голую веру во всемогущество революционно-преобразующего начала.

Земледельческий труд, предполагавшийся в качестве основной альтернативы пастбищно-кочевому скотоводству, воспринимался тогда как экономически более рациональная система материального производства. И для этого были основания, поскольку данное порождение цивилизации всегда привлекало именно тем, что отличалось исключительно высокой продуктивностью. Доказательств на сей счет не требовалось, так как аккумулированный хозяйственный опыт подтверждал этот постулат бесконечное множество раз. Тем не менее справедливость такой посылки, будучи абсолютной для генерализированных представлений, становилась не такой уж аксиоматичной по мере понимания, что и здесь возможны исключения из правил. Именно такой прецедент и создавал, в частности, фактор аридности, который, препятствуя земледельческой культуре как неадекватной при том уровне развития производительных сил хозяйственной системы, в значительной степени "снял" ее возможные преимущества. Казахстан в этом плане служил достаточно убедительной иллюстрацией.

В столь экстремальных условиях и при сохраняющемся тогда фактически доиндустриальном уровне развития производительных сил было бы противоестественным ожидать эффективной реализации потенциала земледельческого хозяйства. И в самом деле, он оказывался весьма суженным и не мог выйти на такие параметры, которые бы однозначно свидетельствовали об экономических преимуществах аридного земледелия перед традиционным, веками складывавшимся пастбищным скотоводством.

О низкой (даже на фоне тех скромных достижений агрикультуры) продуктивности земледелия в аридных условиях Казахстана ярче всего свидетельствовала многолетняя динамика урожайности зерновых. Так, за 38 лет, отслеженных дореволюционной статистикой края (1880-

1917гг.), средняя урожайность в Северном Казахстане составляла лишь 5,3 ц/га (2). В советское время средняя урожайность зерновых оставалась примерно на том же уровне: 1922 - 5,2ц/га, 1928-1932гг. - 5,8ц/га, 1925-1934гг. - 6,7ц/га (здесь ряд лет оказывался по климатическим условиям очень благополучным) (3). Даже в исключительно благоприятном 1934г., когда в республике был выращен один из самых высоких (за то время, что велась статистика) урожаев, средний показатель так и не смог достигнуть десятицентнеровой отметки (4).

Следует иметь в виду, что фиксировавшиеся тогда статистикой урожайности многолетние средние значения в своей большей части формировались за счет показателей, полученных по относительно давним, т.е. более или менее сложившимся, земледельческим районам. А это, как правило, были еще до революции отведенные под переселения участки из колонизационного фонда. Данные массивы представляли собой самые лучшие, т.е. наиболее пахотнопригодные земли, в свое время тщательно отбонитированные квалифицированными специалистами из Переселенческого управления.

Но даже на этих маргинальных (лесостепных) землях частые неурожаи были обычным явлением. Борьбась с ними удавалось лишь посредством экстенсификации хозяйства: сняв один-дваурожая, землепашцы переходили на другой участок (5). Ясно, что экологическая цена такой "экономической рациональности" оказывалась более чем высокой. Хищническая эксплуатация земельного фонда рано или поздно (но неизбежно) должна была привести к региональному (на первых порах) нарушению природно-ресурсного потенциала, а в этом случае любые экономические цели стали бы попросту иррациональными.

Приведенная выше аргументация будет не совсем корректной, если мы проигнорируем то обстоятельство, что "социалистическую реконструкцию" сельского хозяйства предполагалось осуществлять на базе качественно более совершенного технологического обеспечения. В борьбу со стихийными силами природы вступал уже не

какой-то мелкий, энергетически ничтожно вооруженный "индивидуальщик", а "крупное механизированное социалистическое хозяйство". Во многом осознание именно этой перспективы порождало веру в возможность фронтального проникновения в аридное пространство и повышения продуктивности разворачиваемого в его пределах земледелия.

Безусловно, импульсы научно-технического прогресса были способны оказать самое радикальное влияние на потенции земледельческой отрасли в аридной зоне. Но реально это могло состояться только при условии комплексного включения этого фактора, т.е. по мере внедрения научных систем земледелия, создания высокоурожайных и засухоустойчивых сортов зерновых культур, химизации и т.д. Между тем в силу все той же неразвитости производительных сил удалось задействовать лишь тот фрагмент НТП, который проецировался на отдельные процессы механизации земледельческого труда. Другими словами, весь "прогресс" сводился к наращиванию вложений в земледелие энергии, достигавшемуся посредством расширения материально-технической базы сельского хозяйства, а если конкретнее, то через "тракторизацию".

Такая вынужденно односторонняя и суженная интенсификация, деформировавшаяся к тому же попранием экологической аксиоматики, оборачивалась противоположной тенденцией - экстенсификацией. И это понятно: если раньше хищнические широкомасштабные распахивания хоть как-то ограничивались лимитом технических возможностей, то теперь это уже не могло являться препятствием, поскольку механизация позволяла начать более мощную атаку на так называемые целинные земли.

Земледелие же, базирующееся на примитивном наращивании посевных площадей, не может быть признано безусловно продуктивным и целесообразным и в принципе отождествляет собой типично экстенсивную доиндустриальную модель. А в ее рамках закон убывающего (естественного) плодородия почв всегда играл роль чрезвычайно жесткой реальности. В условиях аридной

зоны она сказывалась еще сильнее, очень быстро блокируя благоприятные тенденции во времени и пространстве (скоро продвигаться стало бы просто некуда, а старые площади со временем в силу своего истощения резко снижали бы свою продуктивность).

Таким образом, ограниченность развития производительных сил, а отсюда - и слабое использование достижений НТП сдерживали трансформацию экстенсивного земледелия в интенсивное. Вследствие этого удавалось не столько эффективно интегрироваться в аридную экологическую нишу, сколько насильно "втискиваться" в нее на условиях конфликта, цена которому в плане ближайших и особенно долгосрочных перспектив оказывалась, мягко говоря, весьма сомнительной.

Преимущества, уверенно прогнозирувавшиеся для "крупного высокомеханизированного колхозного земледелия", заметно "угасали" не только в силу деформации социо- экологической системы "общество - природа", но и по ряду других причин. На отдельных из них есть смысл несколько задержаться.

С этой целью предварительно вспомним некоторые положения, выдвинутые в свое время основателем организационно-производственного направления А.В. Чаяновым. Так, пытаясь вникнуть в поведенческую логику трудового семейного хозяйства, очень часто представлявшуюся иррациональной, он, как уже говорилось выше, пришел к выводу, что во многом ею движет идея оптимума. Во всех процессах и операциях своей функционально-производственной деятельности крестьянский двор исходил прежде всего из задачи обеспечения таких оптимальных режимов, при которых не происходило подрыва физических сил работников, т.е. хозяина и его семьи. В полной мере эта установка распространялась и на размеры хозяйства, которые всегда соответствовали возможностям трудовой семьи, потенциалу ее самоэксплуатации (6).

Коллективизация же, представлявшая собой по сути горизонтальную концентрацию (объединение многих мелких хозяйств в крупную хозяйственную единицу - сельхозартель), в плане организации производства ориенти-

ровала отнюдь не на оптимальные характеристики. Принцип "чем крупнее, тем лучше" очень быстро превратился в стойкий стереотип, надолго заполнивший умы "организаторов сельскохозяйственного производства". Поэтому неудивительно, что коллективизация, уже сама по себе обнаруживая огромную сумму негатива, вылилась еще и в гипертрофированные формы гигантомании. Колхозы, объединявшие несколько сот хозяйств с большими посевными площадями, стали повсеместными реалиями (7). Что касается зерновых совхозов, то по сравнению с ними даже колхозы-гиганты выглядели "пигмеями": им отводились площади в размерах от 50 до 100 тыс.га (8). К весне 1931г. в Казахстане насчитывалось 19 зерновых совхозов с земельным фондом в 2109 тыс.га (9).

Как видим, просторы были воистину необъятны. Между тем, когда подспевали сроки сева, уборки или вспашки, однотипные операции приходилось вести одновременно на всем обширном пространстве. Если же такая синхронизация не удавалась, и работы проводились сначала на одних, потом на других и лишь затем на третьих полях, то потери от растягивания сроков могли вылиться в самые печальные для хозяйства-гиганта последствия. Как показывают современные расчеты, только из-за увеличения длительности уборочных работ теряется до 10-15 процентов урожая. А сюда надо добавить еще и потери вследствие слишком раннего или, наоборот, позднего сева, запаздывание со вспашкой, боронованием и т.д.

Смягчить проблему операционной оптимальности, а следовательно, уменьшить связанные с ней огромные потери можно лишь путем наращивания парка механизации. Однако это неминуемо сказалось бы на резком повышении себестоимости сельхозпродукции, причем в таких масштабах, которые наполовину и больше могли перекрыть все возможные здесь преимущества (10). Но дело было даже не в этом, а в том, что в тех условиях о подобном наращивании не могло быть и речи (даже в более позднее советское время этот момент частично достигается лишь благодаря широкомасштабным переброс-

кам из региона в регион техники и обслуживающего персонала).

Об этом убедительно свидетельствует статистическая отчетность. В интересующий нас период она фиксирует крайне низкий уровень механизации. В 1930г. МТС смогли охватить своим обслуживанием лишь один процент созданных колхозов, в 1931г. - 13,3 процента, в 1932 - 20,7, в 1933 - 25,8, в 1934 - 32,2 (11). В 1933г. в совхозах, колхозах, МТС и МСТС работала всего 381 грузовая машина, а в 1935 - 2072 (12). В этом же году на полях совхозов и колхозов Казахстана было задействовано около 1500 комбайнов (14). Если соотнести это количество с посевной площадью, то получится, что на один комбайн приходилось более 3 тыс. га (15).

Естественно, при такой обеспеченности техникой разрыв в сроках проведения сельскохозяйственных работ оказывался очень значительным. В 1933г., например, в оптимальные сроки было засеяно лишь 18,4 процента всех посевных площадей республики, в допустимые сроки - 25,9 процента и в поздние (агротехнически неприемлемые) - 55,7 процента (16). В северных районах Казахстана дело обстояло и того хуже. Так, в Кустанайской области те же пропорции были следующими: 12,9 процента, 23,2 процента и 63,9 процента. Если взять уборочные работы, то, скажем, в 1934г. в северных областях они затянулись на 2-2,5 месяца, а в южных - на 3-3,5. В результате было потеряно более 20 процентов урожая (17). Отсюда ясно, что продуктивность земледелия могла быть значительно снижена в силу действия фактора "горизонтальной концентрации", роль которого в зоне "рискованного производства" и при отсутствии должного материально-технического обеспечения (опуская аспект себестоимости) возрастала еще более существенно, чем в районах с благоприятным биоклиматическим потенциалом.

В огромной мере идея возможности расширения аридного земледелия подпитывалась иллюзией, что обобществленное производство, не в пример хозяйству, организованному на базе частной собственности, способно решать любые задачи, что даже "простое сложение крестьян

янских орудий в недрах колхозов" может дать такой эффект, "о котором и не мечтали наши практики" (18).

Между тем уже тогда серьезные ученые, признавая в целом высокую эффективность концентрации на базе кооперации, считали, что ее основным звеном все же должно оставаться крестьянское трудовое хозяйство с присущими ему стереотипами хозяйского поведения (19). Но такая постановка противоречила целям коллективизации, а потому предусматривалось полное отчуждение собственника от средств производства и его результатов. Естественно, что очень скоро все стало определяться стереотипами "нехозяйского" поведения, так как собственник попросту перестал отождествлять себя с объектом собственности (20). А как не раз доказывал исторический опыт, "даже самые изошренные системы стимулирования несобственников не могут сравниться с силой единственного мотива "хозяйского самоотождествления" по своему положительному воздействию на рациональность производства" (21).

Таким образом, декларируемые на всех уровнях идеологической пропаганды преимущества колхозной формы производства в деле освоения аридных территорий также оказывались далекими от прогнозов, поскольку именно в рамках рискованного земледелия такие предпосылки, как рачительное отношение к земле, выполнение жестких технологических требований, упорство, строгая последовательность в сезонных операциях, обретали повышенную функциональную значимость. Но в условиях возобладавшей "нехозяйской" мотивации эти извечные атрибуты крестьянского благополучия подавлялись стремлением к созданию лишь образа рационального хозяйствования, нежели к действительному улучшению работы и ее результатов. И понятно, что ожидать в этом случае каких-то неординарных возможностей, неведомых частному производителю, было излишне самонадеянно.

В рассматриваемые годы существовали определенные общественные силы, представителей которых отличало альтернативное понимание проблемы оседания номадов и распространения в аридной зоне земледелия.

Наиболее полно их воззрения нашли отражение в ходе дискуссии по поводу судеб казахского кочевого хозяйства и перспектив зернового производства на аридных землях республики, развернувшейся в самый канун коллективизации. К числу публикаций, связанных с данным вопросом, следует отнести прежде всего статьи А.Н. Челинцева, А.А. Рыбникова, М.Г. Сириуса, О.П. Швецова, К.А. Чувелева, И.В. Дарина, А.Н. Доница и др.

Так, М.Г. Сириус в ряде своих выступлений в печати на достаточно серьезном материале доказал, что в районах Казахстана, расположенных между изогиями в 250-300мм осадков, рентабельность сухого земледелия при данном уровне развития производительных сил крайне проблематична, а потому главной отраслью, по его мнению, здесь должно оставаться скотоводство. В зоне же с количеством атмосферных осадков не менее 250мм земледелие вообще не может играть сколько-нибудь значительной роли, вследствие чего "наиболее рациональной формой эксплуатации природы этого района является именно кочевая форма хозяйства" (22). Предвидя недальновидность иных оптимистических оценок, М.Г. Сириус предупреждал: "Естественно-исторические условия... Северного Казахстана настолько суровы, что без напряженной борьбы, без детального обследования каждой пяди земли совершенно нецелесообразно осваивать новые земли земледельческим хозяйством. Необходима чрезвычайная осторожность в оценке пригодности тех или иных районов к насаждению земледельческого хозяйства" (23).

Известный теоретик размещения сельскохозяйственного производства А.Н. Челинцев в принципе являлся сторонником расширения земледельческого ареала в Казахстане. Однако как серьезный ученый он хорошо сознавал всю пагубность игнорирования объективных условий и потому, выступая на специальном заседании в Земплане РСФСР, признавал существование достаточно жестких пределов развития в крае зернового хозяйства. В частности, им подчеркивалось, что в зоне с осадками от 200 до 300мм ведущие позиции должны сохраняться за экстенсивным скотоводством, поскольку культурам зем-

леделия могла быть распространена здесь лишь в ограниченных размерах. По мере приближения к районам с осадками 300-350мм возможности земледелия будут возрастать, а экстенсивно-скотоводческое хозяйство станет обретать предпосылки, позволяющие ему включаться "с ходом времени" в земледельческую эволюцию (24). Далее делается акцент на том, что "преобладающим типом хозяйства, обусловленным самой природой края, является экстенсивное скотоводческое хозяйство, которое и является характерной и отличительной чертой Казахстана сравнительно с сельским хозяйством других районов СССР". И как бы резюмируя оказанное, А.И. Челинцев высказывает убеждение, что "эта черта в общем должна будет сохраняться в Казахстане на продолжительное время и впредь" (25).

Не составляет большого труда заметить, что А.И. Челинцев выступает здесь не только за осторожность в подходах к перспективам земледельческого и скотоводческого хозяйств, но и противником форсированно-волевого решения проблемы седентаризации, ратуя за естественно-исторический ход событий и постепенную трансформацию, считая, что экстенсивное скотоводство не имеет на данном этапе альтернативы, так как все еще достаточно адекватно отвечает стечению объективных обстоятельств и комплексу сложившихся условий. Повидимому, именно так или примерно так следует понимать постоянные оговорки ученого на фактор времени.

Приверженность взвешенным подходам можно обнаружить у целого ряда современников, имевших прямое или косвенное отношение к решаемой проблеме, т.е. расширению земледельческой зоны через сужение скотоводческого хозяйства и оседание. Понятно, что не все они отстаивали свою точку зрения на страницах периодической печати или в открытых дискуссиях: уже тогда делать это было далеко небезопасно. Кроме того, становилось все более очевидным, что оппоненты переводят полемику на уровень неадекватной аргументации, апеллируя не столько к научным доводам, сколько к идеологизирован-

ным представлениям, навешанным в одних случаях революционной романтикой, а в других - перестраховочным политическим начетничеством в угоду собственной безопасности.

Надо сказать, что концепции, "не вписывающиеся" в директивно санкционированные схемы, подавлялись нарастающе планомерно. Если в 1926-1928гг. еще прослеживается видимость некоего диалога, то в последующем, т.е. когда коллективизация стала обретать ранг абсолютной и официальной истины государства, спор превратился в "идеологическое избиение" сторонников иной точки зрения.

Критика противников силовых подходов разворачивалась на самых различных уровнях, но инициировалась она непосредственно из "коридоров власти". Так, председатель СНК КАССР У. Исаев, выступая на Первом краеведческом казахстанском съезде и выдвигая важнейшие, по его разумению, научно-исследовательские задачи, в качестве одной из самых главных назвал "работу над опровержением "научных" (так у У Исаева - Ж.А.) данных Сириуса". В этой связи глава правительства предлагал серьезно подумать над следующим: "нельзя ли еще больше увеличить наши посевные площади, нельзя ли с культурой нашей пшеницы спуститься еще ниже к центральному Казахстану, ниже зоны в 250мм осадков" (26).

И надо сказать, "идея" насаждения пшеницы в полупустынях и пустынях Центрального Казахстана нашла благоприятный отклик в умах иных "энтузиастов". Вероятно, оптимизм на этот счет прибавлял "опыт" совхозов КарЛАГа ОГПУ, раскинувшихся на площади в 1716 тыс. га в полупустынных степях Центрально-Казахстанского региона. Здесь, как сказано в отчете научно-исследовательского сектора КарЛАГа, "чекисты, неся ответственность за осуществление исправительно-трудовой политики партии и правительства, проводя гигантскую работу по культурно-политическому перевоспитанию и трудовой перековке бывших правонарушителей, взяли на себя

ответственность за успех наступления на малоизученные степи с суровыми климатическими условиями, за успех организации здесь крупнейшего советского сельского хозяйства" (27).

К счастью, столь "обнадеживающий эксперимент" не получил распространения в более широких масштабах, и Центральный Казахстан был все-таки "оставлен" за животноводческим хозяйством. Очевидно, все же нашлись более или менее трезвые головы, осознавшие, что создать в "вольных" колхозах и совхозах научный потенциал и материально-техническую базу, равные "учреждениям" КарЛАГа, ни при каких условиях не удастся* и что между рабско-каторжным трудом заключенных и феодально-крепостным трудом колхозников есть, хоть и небольшая, но разница.

Общественный остракизм в отношении ученых и практиков, высказывавших отличные от официальных установок суждения, достиг своего накала после Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929г.) и сфабрикованного органами ОПТУ "дела" так называемой Трудовой крестьянской партии. Руководство этой "контрреволюционной организацией" было инкриминировано Н.Д. Кондратьеву, А.Н. Чаянову, А.И. Челинцеву (28). После разгрома "кулацко-эссеровской" группы (29) в центре началось "очищение" периферии. В этой связи только в 1930-1932гг. здесь было арестовано более тысячи человек (30).

Казахстан не являл собой в этом отношении исключения. "Адепты кулачества и байства", "мелкобуржуазные и буржуазные недобитки", "двурушники и вредители сельского хозяйства" усилиями местных идеологов и пропагандистов, а также "марксистско-мыслящих ученых и

* В КарЛАГе был организован так называемый научно-исследовательский сектор, в который входили секции растениеводства и борьбы с вредителями сельского хозяйства, контрольно-семенная лаборатория, агрохимическая и ветеринарно-бактериологическая лаборатория, секция пастбищ и лугов, метеорологическая сеть, в которых работали арестованные специалисты высокого уровня.

практиков" были "разоблачены" здесь более чем оперативно. В "идейном разгроме кондратьевцев-чаянцев" сыграл "выдающуюся роль" сборник статей "Кондратьевщина в Казахстане", вышедший в 1931 г. Авторы сборника особенно возмущало то, что "в то время как аграрная политика пролетарского государства решительно отвергает оппортунистические минималистические установки, равнение на узкие места (естественно-исторические и климатические условия) и в то время как признано, что земледелие в Казахстане возможно в районах с годовыми осадками ниже 250мм" (сугубо аридная территория), кондратьевцы (сюда включились все, кто имел иную точку зрения) стремятся "сознательно и с очевидною вредительской целью... приуменьшить перспективы земледелия в Казахстане" (31). По мнению "разоблачителей", выступать с подобными заявлениями могли лишь люди, ратующие за капиталистический путь развития народного хозяйства, сохранение феодальных пережитков, укрепление кулацко-байского хозяйства, противящиеся планам индустриализации, не жалеющие сил, чтобы сохранить аграрный характер страны и законсервировать вековую отсталость казахского народа и являющиеся к тому же великодержавными шовинистами (а если это были лица казахской национальности, то - буржуазными националистами). Вот примерно та стилистика, в духе которой писались страницы сборника.

Наиболее ожесточенной критике в названном сборнике были подвергнуты М.Г. Сириус и С.П. Швецов. В "обличительной" литературе того времени, а также в гневных филиппиках партийных чиновников взгляды последнего неизменно характеризуются как апология байства и "идеология великорусской державной колонизаторской политики" (32). В таком мнении многочисленных оппонентов убеждали высказывания С.П. Швецова о том, что "уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собой не только гибель степного скотоводства и казахского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни" и что "казах-скотовод и кочевник поэтому, что иным он не может быть при данных, окружаю-

щих его условиях; от него требует этого окружающая его природа"

В своей статье "Природа и быт Казахстана", которая, собственно, и послужила поводом для отнесения ее автора в стан злостных врагов социалистического преобразования сельского хозяйства и адептов кулацко-байских элементов, В.П. Швецов писал: (орфография и стилистика документа - Ж.А.): "В прошлом у нас многими с ранней школьной скамьи усваивалось положение, что человечество в своем развитии обязательно проходит через три стадии хозяйственного быта: охотничью, пастушескую и земледельческую. Развиваясь одна из другой, они неуклонно следуют в указанном порядке и ни в каком ином. Некоторые с этим положением... как бы срослись, ...оно определяло их отношение к окружающему, руководило их критической деятельностью. Для них зверолов - бродячий инородец", "дикарь", иным он и быть не может; скотовод - "кочевой инородец", если и не дикарь, то и не тот, кто способен к восприятию высшей культуры, которая совместима только с оседлым состоянием", т.е. земледельческим бытом. Скотовод самим бытом своим как бы осужден на примитивную культуру и примитивное развитие, высшие формы культуры и развития для него откроются только тогда, когда он перейдет к земледелию, станет оседлым жителем... И чем скорее исчезнет с лица земли кочевание, тем лучше, со всяких точек зрения, лучше для самого кочевника, который получит возможность выйти из первобытного состояния.

Эта же мысль, притом в ее грубейшей форме, была почти фанатически усвоена и некоторыми из царских учреждений, такими, как бывшее Министерство земледелия и землеустройства и Переселенческое управление, составляющее его как бы автономную часть. От нее исходили в своей практической деятельности везде, где только сталкивались с представителями "низшей культуры" - звероловами или скотоводами. Во имя ее, со спокойной совестью и ясностью во взоре, ломали народную жизнь, отнимая в одном случае промысловые угодья у остяков или якутов, в другом - лучшие земли у бурят или казахов,

разоряя хозяйства "дикарей" и "полудикарей", превращая часто в нищих дотоле обеспеченных людей.

И все это в конце концов прикрывалось заверениями, что отнятие промысловых угодий у одних, земельных угодий у других производится в их же - остяков или казахов - интересах, ставя их в условия возможности дальнейшего культурного развития, какового блага, покуда они оставались в условиях звероловства или кочевания, они были лишены. И всякие в этом случае возражения принимались как свидетельство политической неблагонадежности возражающих.

Эта была целая система хозяйственного управления, жестокая, ни с чем не считавшаяся, вносявшая в жизнь много зла. И если нельзя сказать, что она всецело выросла из указанной мысли..., то с нею она во всяком случае теснейшим образом связана, и в ней, в этой мысли, жестокая система разорения лесных охотников и степных кочевников находила свое обоснование, свою теоретическую и моральную опору.

Можно категорически утверждать, что никакая другая часть царской России так жестоко не пострадала от практического приложения этой мысли, как Казахстан, необъятный степной простор которого царским чиновникам не давал покоя до последних дней.

У нас установился взгляд на казахское кочевое хозяйство как на хозяйство крайне отсталое, примитивное. Отсталое потому, что оно кочевое, а следовательно, мало культурное, впереди которого стоит хозяйство более высокого типа - оседлое, примитивное по своим приемам, а главное, по сравнению с теми образцами ведения его, которые выработаны опытной агрономией. Так ли это действительно?

...Кочевой быт, характеризующий большую часть Казахстана, сохранился до сегодняшнего дня здесь не потому, что сам казах и казахское хозяйство еще так примитивно, что они еще не доросли в большей своей части до культурного уровня оседлого состояния. С этим предрассудком, нелепым и вредным, давно и решительно следует расстаться. Казах-скотовод и потому, что иным он

не может быть при данных окружающих его условиях: от него требует этого окружающая природа.

...В сухих степях с редкими и скудными водными источниками человек может вести только скотоводческое хозяйство, притом хозяйство кочевое, т.к. растительность в таких местах скудная, пригодная для корма скота относительно короткое время, и скот вынужден передвигаться за кормом с места на место, иногда на огромные расстояния.

...Устраните это периодическое передвижение скота - и казаху нечего в ней будет делать, т.к. никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в пустыню.

...Надо удивляться не тому, что казахи до сих пор сохранили кочевой быт, а тому, как они сумели при помощи кочевания овладеть сухими безводными степными пространствами и установить постоянное их хозяйственное использование.

... Современное казахское хозяйство должно рассматриваться как наиболее полно приспособленное к окружающей природе, как наиболее продуктивное... Из всего этого как "правило поведения" вытекает необходимость внимательного и осторожного к нему отношения... Уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собою не только гибель степного скотоводства и казахского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни" (33).

В ходе дискуссий второй половины 20-х гг., развернувшихся по поводу дальнейших судеб скотоводческого и земледельческого комплексов в аридных регионах Казахстана, сторонники взвешенных подходов выдвигали достаточно серьезные доводы, чтобы быть услышанными инициаторами радикальных перемен. Однако их мнение было проигнорировано, а затем квалифицировано как "яркое свидетельство буржуазного непонимания огромного потенциала революционного творчества масс". Думается, что если бы аргументы оппонентов были еще более доказательными, то и в этом случае они вряд ли оказались бы понятыми, ибо вектор их мыслей не совпа-

дал в данном вопросе с интересами Системы.

Итак, что же побудило сталинское руководство и его креатуру на местах решиться на проведение беспрецедентного социального эксперимента - массового оседания кочевых и полукочевых хозяйств? В предшествовавшей историографии сложилось мнение, что эта акция была движима исключительно задачей как можно более быстрого выведения степных кочевых на дорогу социального прогресса и всеобщего благополучия.

Приверженность такой категоричной трактовке в общем-то объяснима, ибо официальные документы тех лет прикрыты столь плотной завесой идеологической казуистики, что в комплексе дают картину, будто именно идея благосостояния и прогресса предопределила курс на массовое оседание кочевых и полукочевых хозяйств. Но так ли это на самом деле? А если нет, то что же послужило начальным импульсом для развертывания кампании именно на рубеже 20-30-х гг., и почему она не началась раньше или позднее?

Как будет рассмотрено в следующем разделе, планы гипердинамичного индустриального развития резко актуализировали так называемую зерновую проблему. Во весь рост вставала задача обеспечения минимума продовольствия для миллионов рабочих и служащих, занятых в промышленности. Без крупного увеличения производства зерна становилась проблематичной также закупка технического оборудования (а индустриализация с самого начала строилась на импортзамещающей основе), ибо для этого требовалась валюта, а ее в условиях ограниченной экспортной структуры можно было получить главным образом в обмен на хлеб. Между тем мировая экономика вступала в кризисный цикл, что сказалось на резком падении цен на зерно (34). Поэтому необходимый для обеспечения индустриализации объем валютных средств достигался путем наращивания продажи зерна за кордон. Если в 1926г. вывоз зерна из СССР составил 0,1 млн.т то в 1929 г. - 1,3, в 1930 - 4,8, а в 1931г. - 5,2млн.т (35).

Таким образом, зернотребовалось все больше и больше. В этой связи возникал не только вопрос, как его по

возможности бесконфликтно изъять из аграрного сектора, но и просто как произвести требуемые объемы. Что касается первого, то это становилось возможным по мере уничтожения частной собственности, полного обобществления средств производства, массового объединения крестьянских хозяйств в огосударствленные квазикооперативы. После этого уже ничто не могло помешать безвозмездной перекачке общественного продукта из сельского хозяйства.

По поводу второй задачи в условиях недостаточного развития производительных сил и факторов научно-технического прогресса, деформации мотивационного механизма (устранения частного интереса) виделся только один вариант решения: экстенсивный путь максимального расширения посевных площадей. Поэтому зерновая ориентация приветствовалась даже в тех регионах, где комплекс возможных разнохарактерных издержек (экономических, социальных, экологических и т.д.) абсолютно не оправдывал ее. Главным был вал. И получить его нужно было любой ценой. Если не за счет повышения урожайности и интенсификации (последняя могла быть достигнута даже без включения факторов НТП, только благодаря рационализации системы экономического стимулирования, всяческого развязывания интересов производителя), то хотя бы через увеличение посевных площадей.

В этой связи у сталинского руководства резко возрастает интерес к необъятным земельным просторам востока страны. Тем более, что картины здесь "рисовались" заманчивые. Так, союзный нарком земледелия Я.А. Яковлев рапортовал с трибуны XVI съезда ВКП(б): "По расчетам...в Казахстане от 50 до 55 млн. га можно считать годными для посева, из которых около 36 млн.га расположены в северных округах...: Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Акмолинском, Павлодарском, Семипалатинском. Здесь посевы пшеницы занимают только 5 процентов всей пахотнospособной площади. Если из этих 36 млн.га, годных для посева, до 30 процентов занять под пшеницу, то мы к концу пятилетки в одном только Казах-

стане получим дополнительно 8-10 млн. га под пшеницей при среднем урожае 6-7 ц/га" (36).

Столь "радужные перспективы", однако, "омрачались" тем обстоятельством, что "годные для посева" земли служили объектом хозяйственной утилизации кочевых и полукочевых скотоводов, ибо испокон веков использовались ими под пастбища. Иными словами, случилось так, что планы Системы натолкнулись на "некое" препятствие в виде традиционного скотоводческого комплекса. В призме данной констатации проблема оседания начинает обретать несколько иные светотени. В частности, появляется основание предположить, что на тот момент (рубеж 20-30-х гг.) степные номады с их специфическим способом производства вошли в противоречие не столько с логикой развития производительных сил или какими-то другими объективными предпосылками, сколько с государственным курсом на всемерное расширение зернового производства во имя сверхбыстрых темпов индустриализации. Развязка конфликта виделась в форсированном и массовом переводе кочевников и полукочевников всего радиуса "пахотноспособной площади" на оседлые формы хозяйства и быта, т.е. превращении скотоводов в земледельцев или "культурных животноводов". Посредством этого предполагалось, во-первых, высвободить новые земельные площади (т.е. пастбища) под зерновые посевы, а во-вторых, обеспечить их субъектами хозяйствования в лице вчерашних скотоводов (37) (там, где трудовых ресурсов не хватало, земли должны были осваиваться за счет переселенцев) (38).

О том, что решение проблемы мыслилось именно в такой заданности, говорят официальные источники того периода. Так, председатель Совнаркома КАССР в своем докладе о пятилетнем плане развития народного хозяйства республики прямо дал понять, что "один из моментов, обуславливающих большой рост посевных площадей и продукции растениеводства республики, - это оседание казахского населения" (39). Еще более недвусмысленные акценты были расставлены на этот счет в докладе Наркома земледелия республики на VII съезде Советов

Казахстана (апрель 1929 г.): "Казахстан по своим естественнoисторическим условиям имеет громаднейшие возможности для развития зернового хозяйства... Каким конкретно путем мы можем достигнуть расширения посевной площади⁹ Конкретно мы сейчас ставим такие задачи. Первая задача по расширению посевной площади, на которую мы сейчас должны обратить самое центральное наше внимание,- это вопрос об оседании казахского населения...Сейчас мы переходим к землеустройству большого масштаба, поэтому берем такую установку, что раз земля годна для земледелия, то на всей территории каждое хозяйство должно быть земледельческими, казахские хозяйства также должны заниматься земледелием" (40).

Достаточно показательна в этом отношении и резолюция, принятая VII съездом Советов КАССР по докладу Наркомзема. В ней постановлялось:

"1... Съезд советов считает, что наличие колоссального количества пахотноспособных земель, не используемых сейчас вовсе или используемых под выгон в экстенсивном пастбищно-скотоводческом хозяйстве, обуславливает возможность превращения Казахстана в один из важнейших зерновых районов Союза.

2. Развитие зернового хозяйства в крае упирается прежде всего в проблему оседания полукумечового и кочевого населения Северного Казахстана и ряда районов Южного.

Расширение посевных площадей должно быть достигнуто за счет: ...оседания казахского населения во всех частях республики, пригодных ...для развития зернового хозяйства" (41).

О том, что проблема нoмадизма рассматривалась в этот момент не как самодовлеющая (т.е. актуальная сама по себе) задача, а преимущественно как "досадный" фактор, препятствующий включению обширных земельных пространств Казахстана в экстенсивное зерновое производство, говорит и то, что о ней вспоминали лишь там, где, по мнению администрации, имелись перспективы приращения зернового клина или культивирования хлопчатника. В отчете Наркомзема КАССР за 1932г. отмеча-

лось, что "оседание... увеличило площадь под хлопком в старых хлопковых районах,...дало возможность заложить новые хлопковые участки в новых, ранее... неосвоенных районах - Туркестанском, Таласском и Аулие-Атинском, что вдребезги разбило пресловутую теорию националистов и правых оппортунистов о приспособленности казахов только к кочевой жизни... Посевная текущего года доказала, что кочевники..., даже в районах чисто кочевых.., могут возделывать культуры, ранее совершенно им неизвестные (хлопок, корнеплоды, огороды, кукуруза, масличные культуры и т.д.)" (42).

Что касается регионов, считавшихся для этих целей явно непригодными, то здесь интерес к судьбам кочевников заметно ослабевал. Более того, если в "районах возможного товарного земледелия" "пастбищное скотоводство категорично и однозначно признавалось "вредным пережитком", то во втором случае (т.е. "непригодных" районах) оно вопреки декларируемым приоритетам квалифицировалось как "пока единственно возможная форма хозяйственного использования территории". Иными словами, несмотря на то, что в обоих вариантах речь шла об аридных районах, имела место явная избирательность в подходах, что лишний раз свидетельствует об их подчиненности зерновой проблеме и достижению "хлопковой независимости СССР".

Надо сказать, что в этом смысле здесь она являлась почти слепком "степной" концепции царской администрации (хотя та, естественно, предполагала более откровенные и грубые методы своего решения). В этой связи можно напомнить, например, известную установку Имперского Департамента земледелия, который, сокрушаясь, что на пути переселенческой политики и земледельческого освоения степей стоит кочевое хозяйство, недвусмысленно давал понять, что "кочевой быт должен быть уничтожен, и все кочевники должны быть выдвинуты в определенные границы земельных владений" (44).

В свете вышесказанного правомерно предположить, что в рассматриваемый период идея форсированного развертывания кампаний по массовому оседанию кочевни-

ков и полукочевников была подвижна больше утилитарными интересами административно-командной системы, нежели ее стремлением в одночасье приобщить жителей степи к "достижениям цивилизации". Хотя, безусловно, преследовался и последний момент, но он, повторяем, не являлся для системы приоритетным и, по-крайней мере на начальном этапе, рассматривался скорее как вторичный, т.е. лишь как сопутствующий элемент.

Говоря о зерновой проблеме как факторе, в то время более всего стимулировавшем политику оседания кочевников и полукочевников и резко усилившем интересней со стороны государства, необходимо все же подчеркнуть, что она имела характер казуса тактического плана. Между тем у Системы были в этом отношении и стратегические цели, которые рано или поздно привели бы к ликвидации номадного комплекса. Но и среди них, по-видимому, было бы наивным искать мотивы повышения благосостояния и культурного уровня, ибо, повторяем, эти категории вообще выносились за скобки сталинской концепции построения социализма, где приоритет человека воспринимался сугубо абстрактно.

Думается, что все здесь было подвижно также куда как более прозаичными интересами. Во-первых, проводя оседание кочевников и их коллективизацию, Система добивалась реализации центрального критерия социалистичности - тотального обобществления средств производства (точнее, государственной узурпации собственности на них) и ликвидации частной собственности.

Во-вторых, будучи непримиримым антагонистом гражданского общества, Система стремилась во что бы то ни стало разрушить любые естественно возникшие в его недрах горизонтальные социальные связи, какой бы характер они ни носили и какими бы предпосылками ни объективировались (45). В казахском ауле, как было уже сказано, доминировавшим типом таких социальных связей выступали общинные отношения, интегрировавшие значительную часть населения и отождествлявшие собой функцию совершенно самоуправляемых образований. Включенные в их данность индивиды во всех сферах своей

жизнедеятельности исходили из примата действовавшего здесь мотивационного механизма и сложившейся структуры интересов, а потому оставались как бы вне авторитарно-этактистских устремлений государственной власти. Понятно, что уже в силу только этого обстоятельства связи такого типа не вписывались в интенсивно формировавшуюся Административную Систему, а потому были обречены на полное блокирование через ликвидацию источника их генерирования - традиционных структур.

Выделяя отмеченный фактор в качестве одной из определяющих причин, было бы, однако, крайне опрометчивым предполагать, что корпоративные связи как таковые были чужды нарождавшейся государственно-редистрибутивной модели и являли собой ее контртенденцию. Напротив, тоталитарная механика, зиждясь на властных, внерыночных, невещных императивах, воспроизводила именно ту систему отношений, которая во многих своих чертах более всего напоминала традиционно-личностную парадигму.

Конфликт состоял лишь в том, что режим, сохраняя за системой связи все тот же традиционный и глубоко личностный характер, стремился перевести ее из горизонтальной плоскости в вертикальную с тем, чтобы все функционировавшие в обществе структуры были строго субординированы и в вертикалях своей иерархической соподчиненности замыкались исключительно на верховном Редистрибуторе (распределителе), будь то узурпировавший власть Аппарат или персонифицировавший его харизматический лидер. Поэтому, с точки зрения власти, венцом преобразований в аule должна была стать не просто ликвидация, а замена традиционно-личностных структур с их горизонтальными связями, централизованной Системой, конструированной также во внешнеэкономической ориентации, но уже с вертикальными связями, где "сверху до низу все рабы", все несвободные, несuverенные статисты, "человеки-винтики". Решению этой задачи как нельзя лучше и отвечала политика оседания и коллективизации. С ее осуществлением жесткая зависимость личнос-

ти от корпоративно-общинных связей заменялась гораздо более страшной зависимостью от тоталитарно-корпоративной государственной власти.

Надо сказать, что "теневые" утилитарные притязания Системы определялись ее внутренней логикой. Думать обратное - значит сводить все не к глубинным порокам самой системы, а к неким частностям, вроде паранойи вождя-диктатора, утраты контроля над органами безопасности, нарушения норм партийной жизни или чего-то еще из этого же кабаллистического ряда. Одним словом, будет гораздо ближе к истине считать, что существовал объективно заданный алгоритм, который, собственно, и со-общал импульс тем или иным целевым установкам.

Очень часто последние не выступали в своем явном виде, а камуфлировались изощренными формами социальной иммитации и реализовывались под прикрытием идеологической мистификации. Подобное имело место и в ходе осуществления политики седентаризации, в рамках которой для этого открывались более чем благоприятные возможности.

Дело в том, что к тому времени в общественном сознании уже достаточно твердо закрепился такой стереотип понимания социального прогресса, который ассоциировался с революционной ломкой всего старого. Кочевое же хозяйство рассматривалось как атрибут даже не старого быта, а вообще "допотопной архаики". А раз так, то ни у кого не должно было возникать сомнений в целесообразности его немедленной ликвидации, ибо эта акция абсолютно вписывалась в доктрину отрицания старого, и, следовательно, была во благо социального прогресса.

Подобная сентенция подкреплялась и возобладавшими в научных сферах концепциями географического индетерминизма (отрицания природного фактора). В унисон официальным трактовкам общественного прогресса они насаждали идею, что для кочевников путь к нему не может пролегать вне радикальной трансформации хозяй-

ственно-культурных типов деятельности, т.е. вне форсированного и массового оседания, и чем быстрее это произойдет, тем лучше.

В силу отмеченных обстоятельств установка на тождество социального прогресса и массовой седентаризации очень скоро заполонила все ниши общественного сознания и стала восприниматься им как стопроцентная аксиома, опровергать которую могут лишь враги народа, великодержавные шовинисты и буржуазные националисты. Поскольку же такое упрощенное понимание стало частью менталитета, то Системе, естественно, не пришлось даже напрягаться в поисках сколько-нибудь приемлемых идеологических аргументов в оправдание поспешного и силового характера своей политики. В данном случае ее цели и интересы очень удобно совпадали с наработанными в обществе стереотипами. И сквозь призму такой слитности любые устремления Системы в данном вопросе воспринимались не иначе, как радение за социальное благополучие кочевого аула, и всякие другие мотивы здесь не допускались.

Придерживаясь данных выше констатации и считая их весьма принципиальными, мы тем не менее не собираемся впадать в обратную крайность, исключая всякую мысль о какой бы то ни было обусловленности государственной политики оседания стремлением открыть казахскому кочевому аулу доступ к благам социального прогресса. Безусловно, такая увязка, хотя она и носила (на тот момент) вторичный характер и отнюдь не являла собой главной детерминанты, присутствовала. Но она и должна была быть, поскольку режим тоталитарной власти считал само собой разумеющимся, что массовый одноактный перевод кочевников на оседлость, пусть даже при отсутствии объективных предпосылок, это и есть социальный прогресс. И в своем понимании Система была более чем искренна, так как ей было глубоко имманентна вера в общественную полезность любых катаклизмов, так или иначе расшатывающих старые устои.

Однако к большому огорчению власть имущих, такая доктрина далеко не везде и не всегда воспринималась

с энтузиазмом. Так было, например, (как мы увидим далее) во время коллективизации, когда крестьяне стали "почему-то" противиться обобществлению, хотя оно подавалось как альфаиомега прогресса. Во многом с аналогичной реакцией государство столкнулось и в ходе проведения политики оседания.

Казалось бы, тут самое время задуматься: почему крестьяне столь упорно не желают идти вычерченным на административных лощах маршрутом социального прогресса? Но духу Системы просто претил такой анализ, поскольку она уверовала, что обладает универсальным кодом всеобщего благополучия и процветания. А "если удалось наконец решить сакраментальный вопрос, что есть истина, если знаешь единственный путь к всеобщему счастью, обладаешь уникальным рецептом спасения человечества, возникает понятное стремление - обратиться к людям, в большинстве своем "не понимающих", в такую веру. Во чтобы то ни стало, добровольно или насильно! У других есть свои истины, в которые они нередко верят столь же свято, но эти истины, с точки зрения той единственной, которую ты принимаешь за аксиому, - ложны, и не только ложны, но вредны, даже, может быть, пагубны для народа, для человечества. Поэтому любой ценой надо заставить их принять ту, единственную. Для их же блага! И неизбежно возникает императив - хорошо и морально все, что способствует успеху дела, нужно идти ко всеобщему благу, используя любые средства" (46).

Против таких претензий на монопольное понимание прогресса, а отсюда - и на исключительное право распоряжаться судьбами людей как раз выступали многие ученые и общественные деятели, на которых, как мы уже писали, за это навешивались ярлыки "буржуазных националистов" и "великодержавных колонизаторов и шовинистов". Но все говорит о том, что именно сталинский режим, игнорировавший волю народов, отказывавший им в собственном мироощущении и видении жизненного бытия, как раз-то и воплощал на практике имперско-великодержавные амбиции и устремления, прикрываясь при этом идеями абстрактного гуманизма.

Итак, несмотря на неадекватное состояние производительных сил и отсутствие объективных предпосылок, действовавшая система власти все же пошла на осуществление политики форсированного и массового перевода кочевников на оседлость и силовое включение их в огосударствленные формы организации производства (колхозы). Волюнтаризм этой меры обернулся самыми тяжелыми последствиями. Ниже мы еще скажем о голоде и демографической катастрофе, беспрецедентных по своим масштабам откочевках населения, многомиллионном сокращении поголовья скота, отбросившем животноводческую отрасль Казахстана на целые десятилетия назад, деградации сельского хозяйства в целом (47). Думается, что уже в контексте этих трагических событий становится более чем очевидной несостоятельность аргументов, продолжающих выдвигаться в защиту и оправдание "великого перелома" в ауле. Однако пагубность "силовой" альтернативы прослеживается и через другие звенья причинно-следственных связей. Попытаемся рассмотреть некоторые из них.

Для начала приведем следующую, на наш взгляд, весьма интересную выдержку:

"Круглогодичное пастбищное содержание овец широко применяется в южных, юго-западных и некоторых юго-восточных районах Казахстана, где имеются пастбища всех сезонов года... Сезонные пастбища в Казахстане расположены в разных природно-климатических зонах. Поэтому круглогодичное пастбищное содержание связано с ежегодным перегоном овец на большие расстояния - до 300-400... Например, хозяйства северо-восточных районов Джамбулской области зимой содержат овец в песках Муюнкум. Ранней весной и поздней осенью используются пастбища в низовьях р.Чу. Летом овцы отгоняются через пустыню Бетпак-Дала, на богатые пастбища Центрального Казахстана - в Сары-Аркинские степи. Во время весеннего и осеннего перегона используется пустынная растительность Бетпак-Далы.

В предгорной полосе Юго-Восточного Казахстана пастбища используются последовательно до вертикаль-

ной зональности. Зимой овцы содержатся в песках и предпесках Таукум и Сары-Таукум, ранней весной и поздней осенью - на пустынных пастбищах Бозой, поздней весной, в первую половину лета и осенью - на предгорно-степных пастбищах и летом - на высокогорных лугах" (48).

Вчитываясь в эту, на первый взгляд, неуместную здесь цитату, можно предположить, что она извлечена из какого-то хрестоматийного описания кочевого хозяйства казахов дореволюционного или, в крайнем случае, доколхозного (т.е. когда еще не было проведено массового оседания) периода. Однако в данном случае речь идет не больше не меньше, как о развитии колхозного овцеводства, причем даже не начала 30-х, а конца 50-х гг. Взята же эта выдержка из брошюры, цель которой - распространение передового опыта в этой отрасли животноводства.

Но коль скоро в нашем примере говорится об овцеводческом хозяйстве колхозного периода, да к тому же отнюдь не начальной его стадии, то мы вправе задаться вопросом: где и в чем следует усматривать здесь искомую хозяйственную трансформацию, т.е. ту самую метаморфозу, которую, согласен устоявшимся представлением, испытал кочевой аул с переходом на оседлость? Как бы предугадывая возникавшее по этому поводу недоразумение, авторы брошюры спешат оговориться, что на ее страницах описывается опыт отгонно-пастбищного животноводства, и что, хотя последнее и имеет сходство с кочевым и особенно с полукочевым скотоводством, оно все же существенно отличается от него. Они так и пишут: "...Между современной отгонно-пастбищной системой содержания сельскохозяйственных животных и кочевым хозяйством имеются коренные различия" (49).

Каковы же они? Оказывается, радикальность их заключается в следующем: "В отличие от кочевых социалистические хозяйства - колхозы и совхозы осуществляют отгонно-пастбищное содержание овец по плану. За каждым хозяйством закрепляются участки отгонных пастбищ и сенокосов. Для перегона скота устанавливаются скотопрогонные трассы, которые обслуживаются районными и областными организациями.

...Размер отар определяется исходя из норм, устанавливаемых Министерством сельского хозяйства, при этом, помимо породы, возраста и племенной ценности овец, учитываются также местные кормовые условия, обеспеченность пастбищ водой и рельефность.

...Если раньше во время джута, корку (снежный наст -Ж.А.) пробивал косяк лошадей, то сейчас используют трактор ДТ-54 с прицепленными к нему боровами" (50).

Представляется, что выделенные в этом фрагменте так называемые различия мало убедительны: они не носят ярко выраженного контрастного характера и в целом не создают образа качественно иной организационно-технической модели хозяйствования, принципиально отличной от пастбищно-кочевого варианта. В самом деле, почти все моменты, отмеченные здесь как дифференцирующие, имели место и в кочевом скотоводческом хозяйстве. В частности, в его рамках содержание овец осуществлялось вовсе не хаотично, а также "по плану", хотя последний диктовался не директивными органами, а хозяйственным опытом. Аналогичным был и порядок межсезонного пастбищного передвижения отар. Развитая инфраструктура скотопрогонных путей эксплуатировалась со строго заданными ритморежимными характеристиками, хотя тогда эти трассы-, конечно, не обслуживались "областными и районными организациями". И уж совершенно наивно полагать, будто в пастбищно-кочевом комплексе были произвольными размеры стад. Их соизмерность выверялась достаточно адекватно и исходила не из каких-то инструкций и указаний, а из императивов технологического и экологического оптимума, т.е. в этом плане отгонно-пастбищная система, учитывавшая "местные кормовые условия, обеспеченность пастбищ водой и рельеф местности", не была достаточно оригинальной, чтобы видеть в ней нечто радикально новое. Пожалуй, единственное, в чем она действительно демонстрировала новацию, так это то, что если раньше "во время джута образовывавшуюся ледяную корку пробивал косяк лошадей", то в конце 50-х гг. - уже "трактор с прицепленными к нему боровами" (51). Но это надо отнести за счет науч-

но-технического прогресса, который не мог не сказаться, пусть даже и в таком примитивном виде.

Таким образом, "социалистическое отгонно-пастбищное животноводство", сыгравшее роль альтернативы кочевому хозяйству, отнюдь не являлось антиподом последнего, а выступало скорее как достаточно близкий аналог, хотя и более модернизированный за счет подключения некоторых достижений научно-технического прогресса (механизации труда на отдельных стадиях технологического процесса, селекционных мероприятий, зоотехнического обслуживания, ветеринарного наблюдения и т.д.). В самом деле, отгонно-пастбищное животноводство по своим основным организационным принципам во многом совпадало с пастбищно-кочевой и полукочевой системой. Не случайно в этнографической литературе отгонно-пастбищное животноводство, обозначающееся под понятием "трансгуманс", квалифицируется как полуномадный, т.е. полукочевой, хозяйственно-культурный тип (52). Таким оно продолжает оставаться даже в наши дни (53), а про 30-е гг. и говорить просто не приходится.

Из сказанного можно заключить, что в процессе форсированного и массового оседания кардинальной трансформации принципов организации производства не произошло (за исключением, конечно, тех случаев, когда скотоводы становились земледельцами). А раз так, то правомерно ли отождествлять политику силовой седентаризации с неким действительно великим переломом? Думается, что речь здесь следует вести скорее о надломе огромного множества человеческих судеб, впавших волей властей предрежающих в полосу длительной и стабильно воспроизводящей маргинализации: как будто уже и не кочевники, но и не работники принципиально нового типа организации животноводческого хозяйства; старые социальные связи деформированы или утрачены, но качественно иные так и не обреты. Если же к этому добавить, что, будучи вырванным из старых традиционных личностных связей, индивид вовсе не включался в другую субстанцию, а становился субъектом столь же корпоратив-

ных и в такой же мере личностных отношений, что, утратив признаки одной социальной группы, он так и не стал являть собой представителя "нового" класса крестьянства, то можно с полным основанием говорить о множественной маргинализации. Последняя проецировалась во все сферы бытия и сознания.

И данное обстоятельство представляется весьма важным особенно сегодня, когда в анализ тех или иных социальных напряжений и общественных катаклизмов продолжают обильно вводиться все те же привычные идеологические схемы, в основе которых - апелляция к обкатанному в самых разных ипостасях имиджу "джузово-родовых пережитков". Между тем пора понять, что речь здесь должна идти не о каких-то консервативных рудиментах массового сознания, а о комплексе социокультурных и социально-психологических явлений (о характеристиках "аграрного" сознания будет сказано в специальном разделе), объективно детерминирующихся процессами маргинализации. Одним словом, так называемые пережитки являют собой не столько дериват далекого прошлого, сколько продукт маргинализации, вызванной десятилетиями проводившейся государственной политикой. Однако командно-административная система, привыкшая оперировать упрощенно-примитивными идеологемами, продолжала кивать на некие мифические факторы. И это понятно, поскольку ее природе было чуждо стремление к серьезному анализу, нацеленному на выявление реальных "импульсов возмущения", зарождающихся в глубинных пластах социально-экономических коллизий.

Очерчивая комплекс негативных последствий силовой альтернативы, следует иметь в виду и то, что она в значительной степени повинна в возникновении проблемы экологической напряженности. Мы уже отмечали, что скотоводческое хозяйство являлось достаточно активным элементом аридной экосистемы и выполняло в ее пределах строго определенную экологическую функцию. С его устранением экосистема лишалась функционально значительного компонента, что, естественно, не могло не ска-

заться отрицательно на ее общем состоянии, ибо, согласно экологической аксиоматике, разрушение любого из звеньев природной системы неизбежно вызывает цепную деформацию в направлении всех действующих взаимосвязей.

Как подчеркивалось выше, оседание тогда охватило главным образом Северо-Казахстанский регион. Между тем значительная часть его территории традиционно использовалась в качестве сезонных пастбищ кочевниками и полукочевниками Западного, Центрального и Южного Казахстана. По мере исключения больших земельных площадей севера республики из номадного хозяйственного комплекса положение с кормовыми ресурсами резко обострилось.

Согласно здравому смыслу, решение проблемы (или хотя бы ее смягчение) могло видаться в интенсификации скотоводческого хозяйства западных, южных и центральных районов Казахстана. В тех условиях под этим подразумевались некоторая оптимизация количественно-качественных характеристик совокупного стада и увеличение кормового потенциала посредством расширения культурных пастбищ. Данные меры, хотя и частично, но все же могли компенсировать исключение из хозяйственного оборота ряда северных пастбищных территорий. Однако в сколько-нибудь широких масштабах этого сделано не было: осуществить такие крупные акции государству было просто не под силу.

В результате нагрузка на пастбища резко возросла. Скотоводческим хозяйствам уже некуда стало кочевать, а потому они вынуждены были перебиваться со своим стадами на одних и тех же массивах во все сезоны - зимой и весной, летом и осенью. Понятно, что в условиях нарастающего давления на пастбища они попросту не успевали восстанавливаться, а потому очень скоро началась пасторальная дигрессия с динамично развивающимся опустыниванием.

Но и на этом цепь экологических последствий не прерывалась. В те годы в Казахстане стали складываться предпосылки для нарастающего развития еще одного

весьма нежелательного фактора, проявлявшегося в широкоареальном разрушении растительного покрова земли. В одних случаях это происходило из-за перевыпаса или недовыпаса, в других - распашки степи. Власть до самого последнего времени фактору этому не придавала серьезного внимания. Между тем, как выясняется, он способен вызвать крайне отрицательные климатические изменения. Ученые считают, что по сравнению с почвой, лишенной постоянной органической защиты, почва, имеющая таковую, поглощает солнечную энергию в 7-17 раз меньше, нагревается лишь до 18-23°, или в 3-4 раза слабее. А как известно, лучистая энергия солнца, дополнительно поглощенная открытой поверхностью почвы, переходит в тепловую, является излишней и расходуется исключительно на засуху (54). Отсюда ясно, что почвы с обнаженной поверхностью служат источником усиления засух, причем на огромных расстояниях.

Теоретико-методологические конструкции и концептуализированные версии, десятилетиями насаждавшиеся в историографии, проецировали на феномен кочевничества исключительно негативные ассоциации. Сегодня привычные схемы претерпевают кардинальное переосмысление. Безусловно, процессы эти должны только приветствоваться. Однако, к сожалению, и здесь не обходится без издержек. Как показывает историографический опыт, подобные прецеденты нередко оборачиваются другой крайностью, когда исследователь, увлекшись "реабилитацией" некогда "поруганного" явления, перестает замечать даже его явно отрицательные стороны.

Меньше всего хотелось бы, чтобы изложенные выше суждения были восприняты как аналог именно такой ситуации, т.е. в данном случае как стремление к идеализации нomaдизма. Мы далеки от такой установки, ибо хорошо осознаем, что кочевой тип хозяйственно-культурной деятельности объективно представляет собой исторически тупиковую ветвь общественного развития. Нам представлялось важным лишь подчеркнуть, что ветвь эта - часть древа мировой цивилизации, призванная до определенной поры выполнять отведенную ей функцию, и

преждевременное 'обрезание' которой может вызвать медленное усыхание всего исполина.

Говоря другими словами, наша цель не простиралась далее попыток показать, что в рассматриваемый период пастбищное скотоводство оказывалось еще способным демонстрировать приемлемые потенции в плане экономической целесообразности. Обратная констатация требует доказательств того, что в реалиях имело место функционирование в тех же аридных условиях альтернативных систем с качественно иными принципами организации животноводческого хозяйства и, что самое главное, с более высокой степенью рентабельности и эффективности производства. По-видимому, только в этом случае будет справедливым говорить об утрате на тот момент пастбищно-кочевым скотоводством экономической рациональности. Но при такой коллизии номадный комплекс просто не выдержал бы экономической конкуренции и сошел на нет естественным путем. Однако в этом направлении не фиксировалось сколько-нибудь заметных тенденций. И не только потому, что ни о какой конкуренции в рамках внерыночной ориентации государства не могло быть и речи, но и в силу того, что система, опираясь в своих "вторжениях" в общественную и естественноисторическую эволюцию на неадекватный задуманным проектам уровень развития производительных сил, попросту не могла создать такие "конкурентоспособные" структуры.

Поэтому государство в своих попытках радикального преобразования номадной организации производства вынуждено было (вопреки декларациям) ограничиться лишь ее некоторой модернизацией (если, конечно, иметь в виду не аспект социальной организации - здесь отмечалась полная смена формы и содержания (колхозы), а сугубо производственно-технологическую сторону). Вследствие такой трансформации были созданы предпосылки для воспроизводства процессов множественной маргинализации. И это обстоятельство во многом предопределяло социальный негатив явления.

Что касается еще одного аспекта, который мы пытались проследить – момента экологической рациональности, то здесь тоже следуют совершенно однозначные выводы. Пастбищное скотоводство органично вписывалось в ту экологическую нишу, которую другим системам хозяйства занять не удавалось, а потому можно утверждать, что кочевническая структура хозяйствования как стратегия достаточно эффективного природопользования в аридных районах, не имела сколько-нибудь равной альтернативы.

Таким образом, имеется немало оснований полагать, что политика оседания, осуществлявшаяся в русле коллективизации сельского хозяйства, была лишена объективно обуславливающих предпосылок: естественноприродных и материально-технологических. Тем не менее было бы неверным отрицать какие бы то ни было возможности седентаризации. Возможности таких перспектив существовали. Рано или поздно противоречия, заложенные в недрах кочевническо-скотоводческой структуры, должны были обнаружить тенденции к своему нарастанию. Но случиться это могло лишь по мере накопления достаточных факторов для образования критической массы условий, что, в свою очередь, было достижимо только на определенном уровне развития производительных сил, однако не на той доиндустриальной их стадии, которая отличала общество в рассматриваемый период.

В своем историческом развитии кочевничество постепенно исчерпывает свой экологический и технологический потенциал и просто отмирает, ибо данная форма ведения хозяйства имманентно неспособна адаптироваться к условиям индустриального и урбанизированного общества, требованиям рыночной экономики и ценностям высокоразвитой системы потребления (56). Следовательно, "силовые" методы перевода на оседлость отнюдь не являли собой единственно разумную альтернативу номуадизма, поскольку его трансформация могла произойти естественным путем без многочисленных жертв и последующих негативных последствий, многие из которых проецируются в нашу современность.

ГЛАВА 7. ЧТОБЫ "ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ"?

Новый режим хозяйствования (нэп) воспринимался в 20-е годы как долговременная политическая стратегия. Именно в ее рамках виделось решение проблем индустриализации, кооперирования крестьянства, повышения материального благосостояния и культурного уровня народа.

Планы индустриализации предполагалось выстраивать в контексте взвешенных подходов в области распределения национального дохода, т.е. путем достижения экономически и социально целесообразной соотношенности между фондами потребления и накопления, выхода на более или менее приемлемые пропорции в производстве средств производства и предметов потребления (1). Такая политика представлялась способной обеспечить достаточно устойчивые темпы развития промышленности, причем не в каком-то форсированном режиме, сопряженном с резким падением качества жизни населения.

Кооперация, мыслившаяся как наиболее простой способ вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, осознавалась, по крайней мере на уровне деклараций, в виде постепенного процесса, базирующегося на принципе добровольности и самостоятельности "без всякого насилия" (2).

Ориентация на нэп исключала и сопряженное с прямой экспроприацией раскулачивание. Однозначно сохраняя приверженность идеям классовой нетерпимости, сторонники "нэповской линии" (прежде всего Н. Бухарин, Н. Рыков, И. Томский) тем не менее считали, что более действенным в этом вопросе может оказаться механизм экономической регуляции, тем более, что опыт первых лет нэпа подтверждал такую возможность.

И индустриализация, и кооперация трактовались тогда как органически взаимосвязанные задачи, решаемые в тесном соподчинении, однако никак не в ущерб одна другой. Но самым принципиальным в нэповской модели

реформирования общества было то, что индустриализация и кооперация не рассматривались как самодовлеющие цели, а выступали моментами роста благосостояния и культурного уровня народа, понимаемого в качестве условия "снятия" факторов дестабилизации общества и "главного критерия социалистичности".

Отстаивая именно такие установки в стратегии партии, Н. Бухарин при этом особо подчеркивал: "... Решительный отказ от чрезвычайных мер... должен быть непременнейшим базисом... политики. Ибо только так можно оставить систему нэпа. Чрезвычайные меры и нэп есть вещи друг другу противоречащие. Чрезвычайные меры есть отмена нэпа, ...чрезвычайные меры как система исключают нэп" (3).

"Бухаринская альтернатива", таким образом, предполагала в качестве своего фундамента указание Ленина, что нэп есть политика "всерьез и надолго" (4). Однако "самый верный его ученик", "Ленин сегодня" (по выражению М. Горького), выступая на конференции аграрников-марксистов (27 декабря 1929г.), напрочь отказал в "претензии" нэпу как чему-то "серьезному и долговому". Эта политика, заявил Сталин, перестает "служить делу социализма, мы ее отбросим к черту" (5).

Уже к концу 20-х годов реалистический курс, формировавшийся в рамках нового политического мышления, претерпел коренные изменения, а говоря более точно, обрел диаметрально противоположный вектор. "Чрезвычайная" методология (словами Бухарина) превращалась в альфу и омегу государственной доктрины.

Главным приоритетом и даже всепоглощающей целью была объявлена индустриализация. При этом планы ее задавались в сверхфорсированном режиме. "Мы отстаем от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет", - назидал Сталин (6).

Между тем индустриализация, будучи по сути процессом расширенного воспроизводства, предполагала в качестве своего обязательного условия наличие достаточного фонда накоплений. Поэтому все упиралось в эту про-

блему, точнее, в поиск путей ее оптимального решения.

В главном она сводилась к тому, что согласно экономическому правилу удельный вес фонда накопления (стоимость того, что идет на расширение производства) в национальном доходе должен всегда быть меньше другой его составляющей - фонда потребления (стоимости благ, потребляемых обществом и его отдельными членами). Резкое нарушение этих пропорций, т.е. "ущемление" последнего в пользу фонда накопления, сопряжено с падением уровня жизни, подрывом воспроизводства рабочей силы, дезорганизацией экономического порядка (именно фонд потребления "отвечает" за качество жизни и населения в целом).

Мировой опыт показывает, что для перевода народного хозяйства аграрного типа в параметры экономики с индустриально-технологическими характеристиками достаточно поднять удельную величину фонда накопления с 5-10 процентов до 20-25 (7). Уже отсюда ясно, что промышленная модернизация вовсе не предполагает какого-то причудливо гипертрофированного перераспределения национального дохода в сторону фонда накопления. Исключение могут составлять лишь некие экстремальные ситуации, например, война, которая всегда требует гигантской мобилизации всех ресурсов общества ценой вынужденных страданий и жертвенности.

Сталин же в мирное время "взвинтил" величину фонда накопления до почти невероятных пределов, аргументируя это лишь той гипотетически мыслимой им экстремой, что "мы в капиталистическом окружении" и, следовательно, в противном случае "нас сомнут" (8). Если в середине 20-х годов доля накоплений в национальном доходе составляла 10 процентов, то уже в 1930г. - 29, а в 1932г. - 44 процента(9).

Естественным результатом поспрапания экономической аксиоматики в угоду идеологическим ценностям государства должны были стать катастрофическое падение уровня жизни, страдания и голод населения. Но большевистское государство воспринимало это как неизбежные "тернии к звездам". "Надо потерпеть", ибо, как всегда вспо-

минал в таких случаях Сталин, "революции без жертв не бывает".

До "скончания империалистического света и победы революции в мировом масштабе" предполагалось "потерпеть" и в плане тех лишений, которые искусственно создавались вследствие почти патологической "симпатии" государства к группе "А" (производство средств производства) при полном игнорировании подразделения "Б" (производство предметов потребления). Именно тяжелая промышленность, капитальное строительство, военно-промышленный комплекс ставились во главу угла индустриализационного процесса, тогда как производство, ориентированное непосредственно на человека (легкая и пищевая промышленность, жилищное строительство, социальная инфраструктура и т.п.), было обречено оставаться на его обочине.

Так, в плановых корректировках на два последние года первой пятилетки (1931-1932гг.) капиталовложения в промышленность Казахстана предусматривались в размере 1228413 тыс. руб., из них в группу "А" - 1140542 тыс., или 93 процента, а в группу "Б" - лишь 87771 тыс. руб., что составляло примерно 7 процентов (10). Притяких вопиющих диспропорциях было закономерным, что группа даже элементарных потребительских товаров пребывала в постоянном дефиците, не говоря уже о таких "предметах роскоши", как резиновые калоши или патефон, которыми какбольшой привилегией могли обладать лишь немногие герои - Чкаловы или артисты (Жаровы).

С приоритетами было как будто все ясно: "ручеек" инвестиций - в сферу потребления и огромный поток - в фонд накопления, а уже отсюда - прямым ходом в ненасытную утробу группы "А". После "идейного разгрома" оппозиции (читай: сторонников нэпа) в лице Н. Бухарина, А. Рыкова, И. Томского на апрельском (1929г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (Центральная Контрольная комиссия - орган партийной "инквизиции") такой "расклад" окончательно отлился в "твердую генеральную линию партии".

Определились и с источниками накопления - рабо-

чий класс, крестьянство и, конечно же, "лагерная экономика".

Рабочий класс вносил свою "лепту" не только и не столько прямым участием в производстве (которое оставалось нерентабельным, с очень высокой себестоимостью выпускаемой продукции), сколько своим крайне низким уровнем потребления. Значительнейшим каналом "участия" рабочих в накоплениях являлась недоплата их труда. Размеры заработной платы (в промышленности Казахстана она находилась на уровне 30 руб.) (11) абсолютно не соответствовали действительным затратам труда. Следовательно, весьма и весьма существенная часть реально заработанной, но невыплаченной рабочим зарплаты "оседала" в фонде накопления.

Немалая доля фонда заработной платы возвращалась в бюджет посредством почти что принудительного распространения облигаций государственного займа, которые начали выпускаться с 1927 г. Тяжесть "режима экономии во имя накопления" рабочие и их семьи познали и в связи с введением акциза как косвенного налога на товары массового спроса (чай, сахар, табачные изделия и т.п.), размер которого включался в их цену. Механизм абсорбции (поглощения) дополнялся и действием инфляционной спирали.

Недавние сельские жители, многие фабрично-заводские рабочие являли собой маргинальную страту города. Обрывая корни привычной для них общинной морали, они познавали весь негатив "разорванности" в социальных связях и стереотипах, становились объектами отчуждения городской субкультуры, испытывая при этом угнетающее чувство "комплекса неполноценности". Понятно, что рабочие-маргиналы (уже не сельчане, но еще и не горожане), морально деградируя, быстро превращались в жертвы политики "спаивания народа". Но государство и здесь видело источник накопления, официально рассматривая "водку" как важную статью доходной части бюджета. (Иной читатель может здесь возмутиться "поклепом" на добродетель государства, которое, дескать, всегда боролось "зеленым змием". Действительно, на

уровне пропаганды антиалкогольные кампании типа "красных месячников" и "пролетарских рейдов" следовали непрерывно. Но всей своей политикой в этот период, оборачивавшейся для населения страданиями и лишениями, гигантским перенапряжением и страхом, деформированными стандартами потребления и культуры, государство объективно толкало его в болото пьянства. Это именно так, если учесть, что, по крайней мере на массовом уровне, корни последнего имеют социальную природу).

Что касается еще одного источника формирования накоплений - "лагерной экономики", то тут, думается, и говорить много не надо, если иметь в виду, что труд сотен и сотен тысяч (далее счет пойдет уже на миллионы) заключенных выступал как неоплачиваемый, т.е. как "дармовой" (а когда что-то платили, то этого хватало лишь на покупку в лагерной лавке махорки и кое-когда сахара). Именно заключенные, каторжно надрываясь на золотых рудниках и лесоповалах, "приносили" стране огромные золото-валютные резервы, которые в ходе индустриализации овеществлялись в импортных станках и оборудовании. Чтобы "родник" этот не иссякал и постоянно бил ключом, не требовалось каких-то изощренных премудростей. Всего-то дел: сажай больше (понятно, не деревьев). А уж в этом государство начинало все более преуспевать.

В рамках заданного целями накопления режима "строжайшей экономии" государство изыскивало множество других источников: от более существенных (например, промышленный налог, крупномасштабные сокращения учреждений и служащих) до рутинных, а порой и просто гротескных (типа описанной Ильфом и Петровым "экономии" канцелярских скрепок и кнопок или электрического света в коммунальных уборных). Но, повторимся, именно вышеназванные каналы служили главными источниками накопления.

Однако даже их масштабы меркли на фоне такого гигантского резервуара (из которого, по мысли Сталина, черпать - не исчерпать), как крестьянство. Оно-то и виде-

лось государству в качестве "локомотива" "чрезвычайной" методологии формирования накоплений для индустриализации. Суть ее состояла в беспрецедентной в мировой истории "перекачке" материальных ресурсов аграрного сектора в промышленность.

Еще до революции в большевистской пропагандистской литературе имел хождение рисунок (перешедший затем в несколько измененном виде в советские учебники истории), где изображалась пирамида, в основании которой "корячился" крестьянин, держа на своих плечах всю "верхушку" социальной структуры Российской империи (царя, дворян и помещиков, капиталистов и попов и прочее).

Октябрь скинул Атлантов груз иерархической пирамиды. Но последняя оказалась "холмиком" по сравнению с той, поистине пирамидой Хеопса в виде огромнейшей индустриальной инфраструктуры, которая была взвалена на окровавленные плечи крестьянства.

Тех, кто не спешил подставлять свои плечи, ждали уже не какие-нибудь штрафы по приговору земских судов или порицание общины, как при царизме, а силовые карательные акции государства, ибо его нормой становилась сталинская максима - "репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления" (12).

К. Маркс в своем анализе капитала вскрыл всю мерзость и без преувеличения бандитские методы первоначального капиталистического накопления. По прямой аналогии с ним троцкисты выдвигали теорию "первоначального социалистического накопления".

Один из их идеологов, Е. Преображенский, писал: "... Первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, главным образом... из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства... Такая страна, как СССР, с ее разоренным и достаточно вообще отсталым хозяйством должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства (ясно, что прежде всего

крестьянства - Ж.А.)... Задача социалистического государства заключается не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше..." (13).

Гневно осуждая "левацкие вывихи троцкистского блока", Сталин оказался на поверку "католиком больше, чем Папа Римский", ибо выступал в своей реальной политике еще более радикальным троцкистом, чем сам "крестный отец" течения - Лев Давидович. И вся "идейно-теоретическая" казуистика, обильно присутствовавшая в его выступлениях этого периода, все его искусство манипулирования выдернутыми из общего контекста ссылками на указания Маркса, Энгельса и Ленина как "верховных понтификов" и абсолютных авторитетов не могли завуалировать явно обозначающейся инверсии (перевертывания) в политических установках вождя.

Сталин на деле воспринял идеи "социалистического первоначального накопления" и быстрых темпов промышленной модернизации, которые он еще совсем недавно (в середине 20-х годов) обличал как троцкистские "сверхиндустриалистские фантазии" (14) (в этой связи страшной карикатурой выглядели обвинения Н. Бухарина и его сторонников в "уклонизме", которые в отличие от всех других партийных бонз-флюгеров непоколебимо придерживались "нэповской линии").

Надо заметить, что даже ужасы "первоначального накопления капитала" с его "огораживанием" в Англии или пиратскими рейдами Дрейка не шли по масштабам трагизма в сравнение с "социалистическим первоначальным накоплением", поскольку фронтальное вторжение государства на аграрную периферию с целью массивного отчуждения фонда потребления деревни на нужды индустриализации оборачивались (как дальше мы это увидим) отчуждением самой жизни миллионов крестьян.

Смыкаются они разве что лишь в той части, где речь идет об ограблении колоний. Но и здесь есть разница. В социалистической модели накопления "метрополией" выступал бюрократический командно-административный Центр, "имперской нацией" - партийный "орден меченос-

цев" (словами Сталина), а "колонией" - вся огромная страна, впадавшая во власть тоталитаризма.

Таким образом, в качестве главной предпосылки решения проблемы накопления для индустриализации государство усматривало широкое изъятие крестьянского продукта. Между тем в условиях уже сложившейся нэповской макроструктуры включенных хозяйственных интересов, предполагавшей функционирование нормальных экономических связей, столь примитивный маневр был осуществим лишь в обход товарно-денежных отношений, т.е. через внеэкономические методы.

Это становилось очевидным после провалившихся попыток получить прибавочный продукт деревни посредством навязанного ей неэквивалентного во всех отношениях обмена. Как только заготовки стали проводиться по заниженным ценам, крестьянство перестало продавать хлеб и другие продукты своего хозяйства (об этом мы подробно писали в главе 5). В результате так называемой "хлебной стачки" 1927-1928гг. государство недополучило 128 млн. пудов хлеба.

Нэп с его экономическими "правилами игры" стал "костью в горле" власти, срывая ее попытки осуществить "примитивную аккумуляцию" (накопление). А потому эту политику "отбрасывают к черту".

В следующем 1928-1929 году с помощью нажимных чрезвычайных, а по сути, репрессивных мер, масштабно развернутых в ходе заготовительной кампании, продовольственный кризис удалось смягчить, но ценой жестокого подавления, повсеместно возникших в этой связи крестьянских протестов. Мировое общественное мнение заговорило о геноциде крестьянства в СССР.

Легкомысленно отрекшись от нэпа, рулевые государства оказались в замкнутом круге. Силовое неэквивалентное отчуждение сельскохозяйственных продуктов неминуемо порождало массовое крестьянское (а отнюдь не только, как вещала пропаганда, кулацкое) неприятие, подавление которого требовало включения репрессивной машины. А это, несмотря на "железный занавес" и всякие там "санитарные кордоны", тут же становилось до-

стоянием широкой международной общественности, дискредитируя ангажированный на весь мир "советский социалистический гуманизм".

Снять все эти "хлопоты" предполагалось очень просто: загнать крестьян в колхозы. Здесь они утратят право частной собственности на факторы и условия производства, которое перейдет исключительно в монополию государства. А узурпировав всю структуру отношений собственности крестьянства, можно будет уже как угодно эксплуатировать "вечно строптивного пахаря", ибо сам Маркс говорил, что эксплуатация есть наличие собственности у одних и ее отсутствие у других. Лишившись собственности, крестьянин, назови его хоть колхозником, превращается в "раба" государства.

Форма не меняет содержания, а потому сельхозартели можно назвать для благозвучия "кооперативно-колхозным сектором собственности", что не помешает уверенно командовать ими, зная, что на самом-то деле они не что иное, как огосударствленные структуры, вмонтированные в централизованную директивно-распределительную плановую Систему. Кончатся "купи-продай" и всякие там чуждые социализму товарно-денежные отношения, эквивалентные обмены и прочие "выдумки" нэпа.

Директива "Даешь план!" станет неукоснительной нормой. Ударникам - Почетная грамота с подписью лично товарища Сталина, отклоняющимся - репрессии. А чтобы не разбежались из колхозов - лишить паспортов, чтобы работали пуще, чем на феодальной барщине - обязательная норма выработки трудодней. Поймали "дезертира с колхозного фронта", выявили не набравшего требуемого числа "палочек-трудодней"* - навывысылали в концентрационные лагеря.

Вот тогда, будьте уверены, никакой головной боли с этими крестьянами. Спустил план на республику, та - на область, она - на район, а он-до колхозов. И потекут караваны с хлебом, выдувая на ветру кумачовые плакаты "По-

* Заработанные трудодни отмечались в виде палочек в книжке колхозника.

лучай хлеб, Родина!", "Досрочно сдадим хлеб государству!", "Даешь план по хлебосдаче!". И никаких тебе Т-Д-Т. У партии свои формулы: "Нет таких крепостей, которые не смогут взять большевики", а кто в этом штурме "не с нами - тот враг!".

Итак, именно проблема "накопления" выступала главным двигателем развертывания коллективизации. Однако здесь преследовались и другие цели, уже стратегического характера.

Большевики рассматривали крестьянство как противника пролетариата в классовой борьбе. Сталин открыто заявлял, что классовая борьба в деревне ведется пролетариатом отнюдь не только против эксплуататорских элементов. "А противоречия между пролетариатом и крестьянством в целом - чем это не классовая борьба (чем "парень" нехорош, чем вам не подходит - Ж.А.)... Разве это неверно, что пролетариат и крестьянство составляют в настоящее время два основных класса нашего общества, что между этими классами существуют противоречия..., вызывающие борьбу между этими классами!" (Подчеркнуто нами - Ж.А.) (15).

Так ли это было на самом деле? Известно, что любое общество есть концентрированное выражение огромной совокупности малых и больших социальных групп, континуум которых простирается от семьи и производственной бригады до класса и этноса. Уже одна эта данность предполагает, что всякий социум буквально соткан из множества противоречий, основанных на материальных и идеальных интересах различных социальных групп, которые даже в теоретической абстракции просто не могут совпадать везде и во всем. Другими словами, уже по природе своей любое общество в принципе конфликтно-генно.

Из сказанного следует, что действующие в обществе противоречия есть лишь потенции конфликта, они еще не суть его открытых форм и уже тем более не тождество классовой борьбы, как это трактует Сталин. Функция властных структур в том и заключается, чтобы, используя арсенал социально-экономических и политических регуля-

тивных средств, пытаться не доводить противоречия до открытых структурных конфликтов и особенно в их насильственных формах. Государство есть инструмент поддержания баланса разновекторных интересов в обществе как императивного условия его равновесия и стабильности. В этом же состоит чрезвычайно сложное искусство государственной политики.

Однако Сталин, следуя своим идеологическим предшественникам, видел в государстве лишь машину подавления (отсюда его восхищения не А. Токвилем или, скажем, А. Линкольном, а такими персонификаторами государственной тирании, как Иван Грозный и Петр Первый, в деяниях коих он видел свою "индальгенцию" перед судом будущих поколений, которые, следует надеяться, найдут в логике и контексте истории российской "смуты" рационализацию и его преступным действиям).

В тоталитарном государстве всякие противоречия не разрешаются, а подавляются и, как точно подмечает Р. Даррендорф, заменяются единообразием и полным согласием с существующей системой власти (16). А если это "социалистическое" тоталитарное государство, то здесь это оправдывается классовой борьбой.

Следует иметь в виду, что именно в это время Сталин выступает с претензией на творческое развитие теории марксизма-ленинизма, выдвигая тезис об "обострении классовой борьбы по мере движения к социализму" (17). Оппозиция подвергла его уничтожительной критике. Так, Н. Бухарин, выступая на Пленуме ЦК и ЦКП ВКП(б) (апрель 1929г.), иронизировал: "По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны... открыть гражданскую войну... Теория... провозглашает такой тезис, что чем быстрее будут отмирать классы, тем больше будет обостряться классовая борьба, которая, очевидно, разгорится самым ярким пламенем как раз тогда, когда никаких классов уже не будет!" (18).

Эта саркастическая ремарка Бухарина на Пленуме

вызвала смех в зале (как видно из его стенограммы). Между тем именно Н. Бухарин, а не Сталин проявил себя в данном случае дилетантом от политики. Тогда как "правый уклонист" продолжал наивно мыслить в абстрактных идеалах марксизма-ленинизма, Сталин выстраивал свою "теорию" в прагматических категориях тоталитарного государства. А их квинтэссенцией является изничтожение всякого инакомыслия, любых размышлений (даже дома на кухне или в кровати под одеялом) по поводу правомерности тех или иных действий власти как главного условия сохранения режима.

Неважно, что в целях соблюдения "политеса", т.е. социалистической традиции, подавление инакомыслия (пусть оно даже проявляется в различиях образа жизни, социальных или этнических стереотипах) облачается в тогу "классовой борьбы". Это даже "удобно", поскольку не требует изощрений в выдумке идеологических ярлыков: "классовый враг" и все тут.

Поэтому неправ был Н. Бухарин, высмеивая Сталина. Как раз-таки с построением социализма (в любых его ипостасях) завершается формирование тоталитарной Системы и, следовательно, насилие не только не устраняется, но подобно раковым метастазам еще больше разрастается по всему общественному организму.

Итак, Сталин и иже с ним требовали усматривать в имевших место противоречиях не что иное, как проявление классовой борьбы. А поскольку в наиболее обнаженном виде они разворачивались в деревне, то здесь и локализовалось властью главное направление последней.

Выступая перед слушателями Коммунистического университета им. Свердлова (июнь 1925г.), он говорил, что "если иметь в виду отношения между городом и деревней", то классовая борьба имеет "три главных фронта". И далее называл "фронт борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и крестьянством..." (19). Причем этот "фронт" шел у него под пунктом "а", и только потом называлась борьба государства с кулачеством и классовые противоречия внутри самой деревни (богатые - бедные) (20).

Однако, "разжигая классовую борьбу с крестьянством" (характерен сам термин - "разжигать"; он отражает не объективное, а субъективное, т.е. не внутреннее, а исходящее от кого-то действие), государство хорошо осознавало, что "обычными", пусть даже массовыми репрессиями ее "не выиграть". Восемьдесят процентов населения страны не упрячешь в лагеря. Кроме того, власть при всей своей "болезненной" антипатии к деревне вынуждена была считаться с тем, что, говоря словами известного польского исследователя Б. Галенского, "труд крестьянина необходим для существования общества, однако существование общества в целом не является в той же мере необходимым для существования крестьянина".

Но если не подходит ГУЛАГ, то можно создать "колхозный АгроГУЛАГ", опоясав "колючей проволокой" всю аграрную периферию. Именно коллективизация крестьянства и должна была окончательно решить исход "классовой борьбы с деревней" в пользу государства. Массовая крестьянская оппозиция с ее завершением переставала существовать. Отчужденный от средств производства крестьянин уже не мог быть угрозой любым волюнтаристским акциям власти, так как он вставал с рабочим в один ряд - бесправных поденщиков государства.

Перестала существовать не только крестьянская оппозиция, но и как таковое, т.е. в своих сущностных характеристиках, само крестьянство, поскольку в ходе социальных опытов власть полностью изменила его социально-экономический генотип, растворив присущие ему родовые признаки в коллективной анонимности под названием "колхозы" - корпорации нового советского типа, абсолютно подвластной контролю тоталитарного режима. И в этом был еще один смысл коллективизации.

Другим стимулирующим ее моментом было то, что с созданием колхозного АгроГУЛАГа государство обрело способность содержать огромную армию промышленного труда. Отчуждение колхозной продукции по чисто символическим закупочным ценам (они окупали лишь от

1__до 1__ее себестоимости) давало возможность уста-
10 20

навливать на нее относительно низкие и торговые розничные цены, а через это - искусственно уменьшать стоимость минимальной потребительской корзины в городе. Это, в свою очередь, позволяло недоплачивать рабочим за их труд, обеспечивая промышленность дешевой рабочей силой.

- Власть всегда (но особенно, если она имеет тоталитарную природу) есть навязывание кем-то, узурпировавшим ее в своих особых собственных интересах, всем остальным, невзирая на их интересы (21). При этом она подает свои интересы как якобы интересы всего общества или, по крайней мере, его большей части, используя для этого изощренную популистскую демагогию и обыгрывая в нужном ей контексте социальные стереотипы (классовые, сословные, этнические, религиозные, региональные и т.п.).

Советская власть уже по своему определению самоидентифицировала себя как власть "всего трудящегося народа". Поэтому, начиная коллективизацию, государство декларировало эту идею как выражение "классовых" чаяний всех трудящихся. Между тем в действительности оно руководствовалось прежде всего утилитарными целями, отвечающими собственным интересам власти, но не общества в целом.

Думается, рассмотренные выше сюжеты отчасти подтверждают это. Здесь можно было бы описать и другие (как более общие, так и частные) мотивы коллективизации. Однако представляется, что в этом нет особой необходимости, ибо все они так или иначе, но заставляют сильно подозревать, что она затевалась отнюдь не исключительно ради того, чтобы "жить стало лучше, жить стало веселее", как в этом пытался убедить Сталин.

ГЛАВА 8. АПОГЕЙ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В советской историографии решения XV съезда компартии (декабрь 1927г.) трактовались как курс на массовую коллективизацию деревни. Один из разделов фундаментальной 5 - томной "Истории крестьянства СССР" (т.2, М., 1986г.) так и назван - "XV съезд ВКП(б) - съезд коллективизации".

Между тем если внимательно вчитаться в его резолюции, то станет очевидным, что здесь выдвигается задача осуществлять **"постепенный"** (выделено нами - Ж.А.) переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства..., всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда" (1). Ни методы, ни формы, равно как и какие-то темпы этого процесса, в документах съезда никоим образом не оговариваются.

Но нельзя не признать, что съезд, хотя и полунамеками, дал понять "куда усиливается ветер и куда начинает клониться руководство страны". Партийные функционеры самого разного уровня чутко уловили это. Наученные практикой, что "забегание вперед" ненаказуемо, тогда как "промедление смерти подобно", они принялись, как говорилось в одной из газетных передовиц, "стимулировать колхозную инициативу".

Вскоре их "кипучая" деятельность была налицо. Меньше чем за год (с середины 1927г. по июль 1928г.) численность колхозов в Казахстане увеличилась на 581 процент (с 324 до 1881) (2), хотя удельный вес колхозов во всем аграрном секторе оставался еще незначительным - 1,8 процента (3).

Предвосхищая события, чиновники - администраторы не ошиблись. Пунктирная линия колхозного движения начинала обретать вид все более "жирного" вектора.

В начале июня 1928г. в Москве открылся Первый Всесоюзный съезд колхозов (естественно, колхозных активистов). Подытоживая прозвучавшие на нем инсинуации о якобы "массовом устремлении крестьян в колхозы", нарком земледелия Я.А. Яковлев зачитал: "Снизу

возникает настоящее, массовое, здоровое (под "здоровым" в партии понималось лишь то, что "здорово" для ее руководства - Ж.А.) движение. И мы должны решить, какие меры производственной и организационной помощи наши органы должны принять, чтобы помочь этому идущему снизу движению" (4). "Помощь" была оказана быстро, но вовсе не в плане обеспечения колхозов материальными ресурсами. Таковая и при всем желании не могла иметь места, ибо "телегу запрягли впереди лошади": не индустриализация работала на коллективизацию, а наоборот. Действующие и даже перспективные мощности сельскохозяйственного машиностроения и близко не соответствовали "колхозному размаху". А как с сарказмом замечал по этому поводу Н. Бухарин, даже если "соединить тысячу деревянных сох - трактора все равно не выйдет".

Содействие колхозному "буму" пришло именно в виде "организационной помощи". "Стихийность" была оформлена в план.

Разработанный весной 1928г. Наркомземом и Колхозцентром РСФСР первоначальный перспективный план предусматривал вовлечение в колхозы в 1928-1932гг. 1,1 млн крестьянских хозяйств (по всей стране). На это в течение пятилетки должно было быть направлено 1 млрд. руб. капиталовложений (5) (заметим, что только в первый - 1928-1929 год пятилетки капиталовложения в госпромышленность составили в 5 раз большую сумму - 4775 млн. руб. (6), т.е. коллективизация давалась государству почти даром).

После съезда колхозов другая инстанция - Союз союзов сельскохозяйственной кооперации увеличила эту цифру в три раза (в колхозы - 3 млн. крестьянских хозяйств). При разработке контрольных цифр на пятилетку Госплан СССР установил цифру уже в 5 млн. хозяйств. И, наконец, после рассмотрения первого пятилетнего плана на XVII партийной конференции (апрель 1929г.) окончательно сошлись на 4-4,5 млн. хозяйств, или 16-18 процентах от их общего числа (7).

Поскольку, как наставлял Сталин, "наши планы есть

не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы", то именно столько "добровольцев" и должно было набраться в колхозах. Таким образом, масштабы "доброй воли" заранее программировались властью (поистине, "партия - воля народа"), что лишний раз обнажало лицемерие ее разглагольствований по поводу "добровольности и самодеятельности колхозного движения".

Планка была установлена. Но никто не запрещал "перепрыгивать" ее. С "развязанными руками" чиновная стихия вошла в "гуляй-поле" ударной кампании. Бюро Казкрайкома ВКП(б) с удовлетворением констатировало, что на 1 октября 1929г. в республике в 5144 колхозах было коллективизировано 92 тысячи хозяйств, или 7,4 процента их общей численности (8).

Спираль кампании все более раскручивалась. В двенадцатую годовщину Октября (7 ноября 1929г.) газета "Правда" публикует статью И. Сталина "Год великого перелома", где с большой долей пафоса (но не истины) говорилось: "Крестьяне... массами покидают хваленое знамя "частной собственности" и переходят на рельсы коллективизации..." (9).

10-17 ноября 1929г. прошел Пленум ЦК ВКП(б), на котором "коллективизаторская" установка была дана с предельно ясной артикуляцией. Все точки над "і" расставил В. Молотов. Озвучивая мысли Сталина, человек №2 в партийном и государственном руководстве "бодрил" высший партийный синклит верой в то, что в "недалеком будущем, и уже в будущем году, мы сможем говорить не только о коллективизированных областях, но и коллективизированных республиках..." (10).

Отныне даже "твердолобые нэповские романтики" уяснили, в каком направлении нужно вести работу, а о партийных функционерах, верноподданически колебавшихся вместе с "генеральной линией партии", и говорить не надо было. Не далее, как через месяц после Пленума секретарь обкома ВКП(б) Казахстана Голощекин посылает телеграмму (надо поспешить, чтобы инициативу не перехватили другие периферийные "водители") на имя наркома земледелия (и одновременно председателя Всесо-

юзного Совета сельскохозяйственных коллективов) Я.А. Яковлева, зам. председателя Совнаркома (правительства) РСФСР ТР. Рыскулова и председателя Колхозцентра РСФСР Г.Н. Калинского.

В ней, в частности, говорится, что в целях "решительного усиления темпа" республиканский план коллективизации на 1929-1930гг. пересмотрен таким образом, чтобы уже к осени 1930г. "охватить колхозами" не менее 350 тыс. хозяйств. Корректировки предполагают, что Кустанайский и Петропавловский округа, по два района Сырдарьинского, Семипалатинского, Уральского и Алма-Атинского, а также один район Актюбинского округов должны быть коллективизированы на 80 процентов. Здесь сообщалось, что по зерновым районам дана установка "обобществить" весь рабочий скот и сельхозинвентарь плюс "50 процентов пользовательского скота", в животноводческих же - абсолютно весь скот. Для финансирования плана он просил 126 млн. руб., остальное (180 млн. руб.) вложит само население (сам себе яму копай - Ж.А.). Для "решительного усиления темпа" Ф. Голощекин настоятельно просил о "выделении Казахстану 2 тыс. человек из 25-тысячного контингента" (11) (имеются в виду городские активисты, направляющиеся партией в деревню для проведения коллективизации - Ж.А.).

"Колхозное творчество масс" обрело все более и более необузданный характер. На вторую половину 1929г. численность уже созданных в Казахстане колхозов в два с лишним раза перекрывала весь пятилетний план Урала, приближалась к половине заданий, установленных Колхозцентром для Северного Казахстана (12).

В Москву шли депеши от местных руководителей, недовольных "заниженными" планами для их регионов и требовавших дать им возможность проявить инициативу. "Колхозная лихорадка" начинала давать явно обозначившиеся симптомы. Центр утрачивал контроль над движением.

С целью его упорядочения и большей предсказуемости было решено придать ему директивно-плановые ритмо-режимные характеристики. В этой связи в начале де-

кабря 1929г. была создана специальная комиссия во главе с А. Яковлевым. По понятным причинам представляется важным заметить, что решением Политбюро ЦК ВКП(б) в ее состав, кроме других руководителей центральных и местных партийно-правительственных и хозяйственных органов, были включены зампред СНК РСФСР Т. Рыскулов и секретарь Казкрайкома Ф. Голощекин (13).

Комиссии вменялась задача выработать и представить на рассмотрение Политбюро документы и предложения по ряду вопросов коллективизации, которые после их утверждения предполагалось санкционировать уже в виде его резолюции. Как отмечал Сталин, такая "резолюция нужна для того, чтобы зафиксировать новые темпы колхозного движения, пересмотреть темпы, установленные в последнее время плановыми и прочими органами, и наметить более короткие сроки коллективизации по основным хлебным районам" (14).

В ходе работы комиссии наиболее острые дебаты развернулись по вопросу о сроках коллективизации. Некоторые ее члены предлагали придать колхозному строительству более радикальную динамику, аргументируя это тем, что иначе партия может оказаться в "хвосте" движения. Но в конечном итоге возобладала точка зрения А. Яковлева. Его редакция, записанная в пункте 1 Проекта, предполагала, что зерновые районы могут закончить коллективизацию за 2-3 года (т.е. в пределах пятилетки), а потребляющие - за 3-4. Что касается национальных районов, то здесь предусматривались гораздо более медленные темпы с выходом за пятилетие.

В пункте 3 Проекта очерчивались границы обобществления имущества в колхозах, частной собственности колхозников. Всего в проекте было девять пунктов, регламентирующих принципы организации колхозов (15).

Текст проекта был разослан членам Политбюро. 25 декабря 1929г. Сталин писал Молотову, который находился в это время вне Москвы: "На днях думаем принять решение о темпе колхозного строительства. Комиссия Яковлева дала проект. Проект, по-моему, неподходящий" (16).

В ответной телеграмме от 1 января 1930г. Молотов в

тон Сталину высказал следующие замечания: "Проект... местами с фальшивыми нотами, например, в пп. 3, 8 и 9... Обобщения для всего СССР в первом пункте, по-моему, сейчас неуместны, ведут к бюрократическому планированию, особенно неуместному в отношении бурного широчайшего массового движения" (17). За этими обтекаемыми фразами явно обнаруживаются опасения Молотова, что устанавливаемые сроки могут замедлить стихийные темпы коллективизации, "развившиеся" в столь неожиданно благоприятном для власти направлении.

Получив телеграмму Молотова, Сталин в тот же день сообщил ему: "Твои замечания целиком совпадают с критическими замечаниями наших друзей" (18).

2 января 1930г. в Политбюро И. Сталину и в президиум ЦКК ВКП(б) Г. Орджоникидзе с поправками на проект комиссии А. Яковлева была направлена записка заместителя председателя СНК РСФСР Т. Рыскулова (в размноженном виде ее получили все члены Политбюро).

В ней он писал: "По линии технических культур (хлопка, льна, свеклы и др.) и животноводства поставлена задача всемерного развития этих отраслей... и принятия кардинальных мер по развитию животноводства. Такое расширение производства будет обеспечено, если в максимальной степени будет усилена коллективизация, а между тем эта коллективизация в указанных районах пока что в темпе своем отстает... Совершенно ничтожно количество специальных колхозов по животноводству. К середине 1929г. в колхозах (по РСФСР) было объединено меньше 1 процента от общего поголовья скота. Эти темпы коллективизации в районах специальных культур и скотоводства явно недостаточны, и не дательзадания в постановлении Политбюро по этому вопросу было бы неправильным".

В этой связи он рекомендовал в конце пункта 1 постановления "прибавить новый абзац в следующей редакции:

"Однако при этом бурном росте коллективизации в основных зерновых районах темп колхозного строительства в районах специальных культур и скотовод-

ства отстает, и по этим районам требуется усиление работы по коллективизации и оказание в этих целях специального содействия и помощи..."

В пункте 3 проекта комиссии Яковлева основной формой организации колхозного строительства признавалась "сельскохозяйственная артель, в которой коллективизированы **основные** средства производства (земля, инвентарь, рабочий скот, а также **товарный продуктивный скот**) при одновременном **сохранении в данных условиях частной собственности крестьянина на мелкий инвентарь, мелкий скот, молочных коров и т.п., где они обслуживают потребительские нужды крестьянской семьи**" (выделено нами - Ж.А.).

Т. Рыскулов по поводу данной редакции пункта 3 проекта постановления писал: "Обобществлять только **"товарный скот"** (понятие растяжимое) значит вообще затормозить обобществление скота, а давать категорическое указание вне всяких ограничений **"сохранить в частной собственности мелкий инвентарь, мелкий скот, молочных коров и т.д."** значит тянуть события назад и дать явно неправильный лозунг. Эта установка объективно направлена на затягивание борьбы с индивидуалистическим стремлением крестьянства и затягивание "выкорчевывания корней капитализма"... Если это мотивируется тем, что индивидуальные хозяйства лучше сохраняют скот и увеличат товарность его, то было бы неправильно и означало бы доказывать преимущество индивидуального хозяйства, тогда как задача сохранения скота и увеличения его товарности лучше всего обеспечивается во всех отношениях лишь в условиях коллективного хозяйства. Что тут неблагоприятно обстоит дело, видно и из того, что на заседании Комиссии т. Яковлева давалась установка... отом, чтобы выдавать крестьянам, обобществляющим скот, "премию", т.е. революционный характер колхозов подменять сугубой "добровольностью" всего дела".

Автор записки предлагал обобществлять не только "товарный продуктивный скот", а весь "основной продуктивный скот". Тот же абзац, где говорилось о "сохра-

нении частной собственности крестьянина на мелкий инвентарь, мелкий скот, молочных коров и т.п." как обслуживающей "потребительские нужды крестьянской семьи", Рыскулов предлагал исключить вообще.

Свои поправки в этом вопросе он мотивировал тем, что по фактам из Урала, Нижней Волги и т.д. "там началось усиленное обобществление всего продуктивного скота, и происходит это путем вынесения решения колхозниками, и особых недоразумений на этой почве не наблюдается". Кроме того, следует учесть, писал он, что "постановлением СНК РСФСР от II/XI с.г. по плану весенней сельскохозяйственной кампании уже предreshена необходимость "значительного повышения степени обобществления скота... Послеэтих постановлений, разосланных на места и уже приводящихся в исполнение, было бы совершенно неправильно отменять все это и дезориентировать колхозы... В специальной П/комиссии* (комиссии т. Яковлева) под председательством т. Гринько и при участии т.т. Каминского, Клименко, Беленькова, Вольфа и Рыскулова также бышо принято решение обобществить весь основной продуктивный скот, но это решение потом было изменено при окончательном редактировании проекта в основной комиссии" (19).

На своем заседании 5 января 1930г. Политбюро утвердило доработанный вариант проекта комиссии А. Яковлева, а на следующий день он был опубликован в виде "Постановления ЦК ВКП(б) о темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству".

Итак, вся страна, словно театр военных действий, была поделена на ударные плацдармы и районы эшелонированного продвижения кампании. Казахстан волей сталинского руководства был отнесен к той региональной группе, где коллективизацию предполагалось завершить весной 1932г. (за исключением кочевых и полукочевых районов) (20).

Однако чиновный азарт уже невозможно было "вогнать" в какие-то рамки. "Процент" коллективизации ста-

* Подкомиссия.

новился критерием оценки партийно-политической и организационно-хозяйственной работы, главным мерилom деловых качеств местного аппарата, своеобразным "сезамом", перед которым открывались широкие ворота карьеры. В результате общественный организм стал испытывать приступ почти что параноидной процентомании. Газеты не успевали давать ежедневно меняющуюся информацию с "колхозного фронта", районы и округа республики соревновались друг с другом в насыщенности победных релизий.

На 20 февраля 1930г. в Казахстане насчитывалось уже 6722 колхоза, которые включали 441931 хозяйство, или 35,3 процента их общего числа (21).

Форсированными темпами протекала коллективизация в животноводческих районах. Здесь со всей очевидностью сказывалась идеология, выработанная под нажимом Голощекина Ф.И. еще на V Пленуме Крайкома (декабрь 1929г.). Поясняя ее суть, один из тогдашних секретарей Казкрайкома И. Курамысов говорил: "Вполне возможно, что коллективизация животноводческих хозяйств несколько сложнее, труднее, чем коллективизация зерновых хозяйств. Это ни в коей мере не означает, что мы в этом отношении помирились на меньшем темпе коллективизации, нежели это предусмотрено в отношении зернового хозяйства" (22). Отсюда резолюция: "Всемерно... стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству" (23).

Детонатором "колхозного взрыва" послужила не крестьянская инициатива, как это пыталась представить пропаганда. Здесь прямо сказывались методы откровенного давления. Нарушения формально декларированного партийными постановлениями принципа добровольности и элементарной законности с самого начала приняли повсеместный характер.

Источники, например, отмечают, что очень часто во время проведения сельских сходов вместо обращения "кто хочет вступить в колхоз" проводники коллективизации, угрожающе "поигрывая" наганом, зловеще вопрошали:

"Кто против коллективизации?!". В тех случаях, когда крестьяне все же не проявляли "доброй воли" и не спешили избавляться от "буржуазной" частной собственности, к ним применяли иные "воспитательные" меры. Наиболее типичными и распространенными являлись такие приемы принуждения, как лишение избирательных прав, угрозы выселения за пределы района проживания или превентивный арест (24).

Информационные сводки сообщают и о таких изощренно-садистских приемах "коллективизации", как имитация расстрела (когда по несколько раз стреляли умышленно выше головы якобы приговоренного к расстрелу, что, естественно, доводило жертву до потери рассудка), раздевание на морозе, вождение под конвоем босыми по снегу через всю деревню, насильное заталкивание в ледяную прорубь и т.д.

Излюбленным средством наиболее рьяных коллективизаторов было огульное зачисление "колебавшихся" в так называемые подкулачники. Эта категория представлялась столь универсальной, что большая фантазия чиновных исполнителей могла подвести под нее кого угодно. Бывало, снять это обвинение можно было лишь "поплакавшись в жилетку" Всесоюзному старосте, что, конечно, удавалось отнюдь не каждому.

Понятно, что при таком "усердии" коллективизаторов колхозная динамика просто обречена была "выписывать" крутую параболу. Однако если количественные характеристики вызывали на всех уровнях иерархической отчетности чувство оптимизма, то качественные аспекты начинали порождать в умах руководства заметное смятение. Не случайно в документах того времени все чаще начинают пестреть эпитеты типа "бумажный", "дутый", "протокольный" колхоз.

Но даже те колхозы, которые квалифицировались как вполне "реальные", на самом деле являли собой некие эфемерные образования, мало напоминающие сколько-нибудь нормально функционирующую организацию производства. Как и следовало ожидать, простое сложение производственного инструментария включавшихся в кол-

хоз крестьянских хозяйств в общую сумму отнюдь не давало преимуществ перед крепким индивидуальным хозяйством.

Попрание принципа оптимума (соотнесения производственных целей и возможностей хозяйствующего субъекта) приводило к тому, что колхозы лишь частично могли утилизировать предоставленные в их распоряжение земельные ресурсы. В этой связи характерно признание одного из 25 - тысячников, работавшего в колхозе "Путь Ленина" Уральского округа. Он пишет своим товарищам на завод: "Колхозом мы должны засеять 7 тыс. га всех культур... А что же имеется у нас налицо? Рабочего скота - 600 голов. Тогда как... нужно... 1200... Да и тот скот, который имеется,... в неблагонадежном состоянии... Надежда на тракторы очень плохая... Нам пока ничего не обещают". В резолюции общего собрания членов колхоза "Сакко и Ванцетти" Голощекинского района Сырдарьинского округа отмечалось: "... Земля, которая сейчас находится в колхозе... в количестве 364 га, полностью обработана имеющимися членами колхоза быть не может, а их - 42 человека" (25).

Весьма маломощным оказывался сам вектор соединенных в колхозе "распыленных средств производства и физических волей". Что касается "воли", то их набиралось достаточно, чего нельзя было сказать о стоящих за ними хозяйственных ресурсах, ибо в колхозы вступали главным образом батрацкие и бедняцкие слои, не имевшие другой жизненной альтернативы.

Оптимистические заверения, что "вслед за бедняком в колхозы двинулась и середняцкая масса" (26), оказались сильно преувеличенными. На конец 1930г. средняя величина удельного веса середняцких хозяйств в составе колхозов фиксировалась Казкрайколхозсоюзом на уровне 25 процентов (по данным 40 обследованных районов), а кое-где и наполовину ниже. Например, в Бескарагайском районе в колхозах насчитывалось 9,9 процента середняцких хозяйств, Зайсанском - 9,4, Уланском - 10,9, Жана-Семейском - 12,4, Кзыл-Танском - 9,8 и т.д. (27). В колхозе "Бирлестик-Устем" (Чуйский район) из 196 хозяйств 168 были

батрацко-бедняцкими, в одном из проверенных колхозов Меркенского района их было 122 из общего числа в 135 хозяйств (28).

Такой расклад давал гораздо больше ассоциаций с пословицей "с миру по нитке - нищему на рубашку", нежели "песчинка к песчинке - рождает гору". Колхозное движение, будучи удовлетворительным в своей арифметике, получало "двойки" по "высшей математике" организации производства.

В свое время Дж. Скотт разработал концепцию крестьянской "моральной экономики". Ее исходным конструктом является признание фундаментальности того фактора, что в каждый момент над крестьянином висит "дамоклов меч" голода. Поэтому в его сознании никогда не вытесняется перманентный страх перед нехваткой жизненных средств (прежде всего - продовольствия).

В свою очередь, это предопределяло то, что проблема существования, задача воспроизводства человека (но не вещей) становилась центральной установкой аграрной экономики, которую не случайно называют еще и "экономикой выживания". В рамках ее принцип "безопасность существования прежде всего" выступал базисной идеей всей мотивации крестьянина, определяя его экономическое и политическое поведение (29).

Условием же "безопасности существования" являлось наличие потребительского минимума. Именно **право** на него как гарантию выживания воспринималось в крестьянской этике императивной моральной нормой. Сквозь призму оценок отношения к этому праву - его уважения или ущемления трактовались действия государства и господствующих классов или групп, констатировалась степень их соответствия социальной справедливости.

Дж. Скотт особо подчеркивал, что крестьяне реагируют не просто на лишение средств существования, а на попрание их **морально-экономического права** на существование. Это далеко не тавтология или идентичные понятия.

Неурожаи и какие-то другие стихийные бедствия могут не вызвать их восстания, направленного вовне (раз-

ве что апелляция к богу или другим метафизическим силам). Но если ущемляется само его право на получение минимального потребления, то открытый протест обязателен (30).

Социалистическое государство не посчиталось с морально-экономическим правом крестьянства на существование, посягнуло на гарантии обеспечения минимального потребления и тем самым выступило угрозой экономической и физической безопасности крестьянской семьи и как единицы производства, и как единицы потребления.

Оно "обобществило" средства производства - главный фактор и условие получения потребительского минимума. "Коллективизировало" общину - социальное пространство, в пределах которого крестьянин мог разделить риск, получая гарантию выживания через традиционные патерналистско-перераспределительные механизмы. "Закупорило" каналы достижения минимального потребления через включение в кабально-возмездные отношения найма-сдачи рабочей силы (кулацко-байские хозяйства ликвидировались). Позднее были блокированы и другие варианты, связанные, например, со сменой сферы занятости (паспортизация, а отсюда - и невозможность покинуть колхоз).

Последней "полосой безопасности" оставалась карликовая частная собственность (молочный и мелкий рогатый скот, птица, огороды и сады в пределах приусадебного участка и т.д.), обеспечивавшая самые необходимые потребительские нужды крестьянина. Однако и эта мелкая собственность, не получив какого-то специально оговоренного статуса в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930г., а соответственно - и во всех последующих "колхозных" нормативных актах, подпала под метлу чиновой вакханалии "всеобщего обобществления".

В информации Казкрайколхозсоюза высшим директивным органам сообщалось, что "коллективизируются" не только "семена и пользовательный скот", но и "швейные машинки, охотничьи ружья, сберкнижки и облигации хлебного займа, продовольствие.., додумались даже

до обобществления кур", а "казахам оставляли лишь по одной верховой лошади" (31).

Таким образом, власть делала "двойной удар": отчуждала морально-экономическое право крестьянина на существование и лишала его самих средств существования. В этих условиях он квалифицировал действия государства как неморальные и антиправовые, дающие ему "моральное право" выступить с демонстрацией открытого протеста против них.

В феврале 1930г. сильные крестьянские волнения начались в Зырянском, Усть-Каменогорском, Самарском, Шемонаихинском, Катот-Карагайском районах Семипалатинского округа. Тревожные вести о конфликтах приходили из Бетпаккаринского и Наурзумского районов Кустанайского округа, Балхашского, Алма-Атинского и Иргизского, Сарысуйского районов. Всего по сводкам ОГПУ по Казахстану в это время имело место более трехсот крестьянских выступлений, часть которых квалифицировалась как "вооруженные мятежи" (32).

Пассивные формы неприятия политики власти находили выражение в процессе "раскрестьянивания". В некоторых районах, например, Петропавловского и Кустанайского округов ликвидировало свои хозяйства и выехало (скорее всего, в город) до 25 процентов сельского населения (33). Массовый характер приняли откочевки скотоводческих хозяйств, которые уходили не только за пределы районов и округов, но и за границы СССР (по преимуществу, в Западный Китай).

В Наркомзем СССР и другие высшие органы, включая и секретариат Сталина, лавиной шли жалобы о творимом беспределе. В этой связи коллегия Наркомзема на своем заседании 28 февраля 1930г. выносит следующее ходатайство: "Просить редакцию "Правды" поместить статью против имеющих место случаев искажения линии партии в деле коллективизации" (34). 2 марта выходит статья Сталина "Головокружение от успехов". В ней он, как всегда, валил все с больной головы на здоровую. "Дразнить крестьянина - колхозника "обобществлением" жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого ско-

та, домашней птицы.., разве не ясно, что такая "политика" может быть удобной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?" - писал Сталин (35). Но в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января об этом (о пределах обобществления) и "духом не пахло". Поэтому реакция местных работников на эту статью была одна: не поняли?!

В опубликованном в том же номере "Правды" примерном Уставе сельхозартели мелкая частная собственность крестьян выводились из разряда "обобществляемых средств производства". Однако определение "примерный" оставляло лазейки для "творческой революционной инициативы" функционеров от коллективизации, которые, делая удивленный вид, заявляли: "колхозники сами выходят за границы Устава, желая идти в деле обобществления еще дальше" (36).

10 и 14 марта Политбюро принимает резолюцию "О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении". В ней опять говорилось о "забегании вперед", что такая "практика льет воду на мельницу контрреволюционеров и не имеет ничего общего с политикой нашей партии" (37). В очередной раз ЦК дезавуалировал (отказывался) свои прежние установки, как будто "ленинский штаб партии" вовсе и не являлся той самой призмой "искривлений", обвинения в которых "вешались" на места.

Местный аппарат, оказывается, неправильно понял и его документы по поводу пределов обобществления (хотя трудно понять то, чего не было и в помине). Поэтому в директиве ЦК предписывалось под "личную ответственность" партийных руководителей возратить мелкую частную собственность, "если это требуют сами колхозники" (38).

Надо сказать, что документ от 10 марта 1930г направлялся на места под грифом "секретно". И если статью в "Правде" в деревнях и аулах зачитывали "до дыр", то закрытые для печати директивы оставались вне гласности.

Но в принципе это мало что меняло. В полифонии фальшивых звуков мартовских резолюций ЦК ВКП(б) ("перегибы", "искривления", "головокружение" и т.п.) явно прослушивался обертон: вперед!

Сам Сталин не скрывал этого в своем ответе на письмо М. Рафаила. Тот спрашивал, не являются ли постановления марта аналогией отступления по типу Бреста или нэпа? На это Сталин писал: "Никакой аналогии нет и не может быть... Там мы имели дело с поворотом в политике. Здесь, в марте 1930г., не было никакого поворота в политике. Мы одернули зарвавшихся товарищей - только и всего" (39).

Инерция "темпа" продолжалась. Чиновники "зубами вцепились в захваченные плацдармы". Проверенным арсеналом средств они препятствовали выходу из колхозов, воспрещали возвращать крестьянам "обобщественную" мелкую собственность.

В ответ на это крестьянское движение сопротивление еще более усилилось. Масштабы его были таковы, что 31 марта руководство Казкрайкома выслало Сталину телеграмму с просьбой разрешить задействовать в карательных операциях регулярные армейские части (40). "Добро", по-видимому, было дано, ибо для подавления массовых выступлений стали привлекаться войсковые подразделения Туркестанского и Заволжского военных округов, включая артиллерийско-пулеметные и броневзводы. Но и это не помогало: повстанческое движение ширилось (41).

Власть была напугана, что обнаруживалось в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930г. В нем говорилось: "Поступившие в феврале сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО (Центрально-Черноземная область - Ж.А.), на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры..., мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших "низовых" работников была бы перебита крестьянами... и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение... Несмотря на указанные важнейшие директивы Центрального Комитета и по этому вопросу (директивы от 10 и 14 марта - Ж.А.), до сих пор не устранены вопиющие ошибки...

Это заставляет Центральный Комитет обратить внимание... на серьезность положения... Факты повстанческого движения... в ряде округов Украины, в горных районах Северного Кавказа и в Казахстане с особенной силой подчеркивают опасное обострение политической обстановки в деревне... Наблюдающееся местами легкомысленное отношение к втягиванию частей Красной Армии в борьбу с массовыми выступлениями в деревне может не только ухудшить положение, но и повести к ослаблению боевой дисциплины в Красной Армии... Под угрозу поставлено дело коллективизации и социалистическое строительство в целом..." (42).

Резкие констатации письма сбили "коллективизаторский пыл". Под угрозой политического кризиса началось вынужденное отступление в колхозном движении. Этим сразу же воспользовалось крестьянство.

Если на 1 апреля 1930г. было коллективизировано 649,4 тыс. крестьянских хозяйств Казахстана, или 52 процента их общего числа, то июне их численность упала до 353,9 тыс. (28,5 процента). Следовательно, процент коллективизированных хозяйств в одночасье упал почти в два раза. Из колхозов республики вышло (правильнее было сказать, "сбежало без оглядки") около 300 тысяч крестьянских хозяйств. Количество колхозов сократилось за этот период с 7019 до 5701 (43).

В течение апреля - июня местные органы "боролись за выпрямление партийной линии". Оказавшись "стрелочниками", многие мелкие функционеры поплатились карьерой, получили партийные и административные взыскания. Часть их была исключена из состава ВКП(б), подпав под партийную чистку, кампания которой проводилась в Казахстане до мая 1930г.

Это вызвало в рядах периферийного аппарата не только уныние, но и растерянность. Однако очень быстро "боевой коллективизаторский дух" был вновь опять востребован партией, о чем свидетельствовали передовицы "Правды" от 7 и 29 августа 1930г. Задача "добиться нового мощного подъема колхозного движения" прямо ставилась в письме ЦК ВКП(б) (24 сентября 1930г.) крайко-

мам, обкомам и ЦК компартий национальных республик, которое называлось "О коллективизации" (44). Отлив заканчивался, на деревню накатывалась новая волна кампании. В предшествовавшей историографии утверждалось, что "новый подъем колхозного движения" обеспечивался следующими факторами: усилением процесса технической реконструкции сельского хозяйства, прежде - всего созданием широко разветвленной сети машинно-тракторных станций (МТС), демонстрацией преимуществ колхозной формы организации производства в плане материального благосостояния колхозников, массовой пропагандистско-разъяснительной работой партийно-советских органов и, наконец, самое главное - возвращением к ленинским принципам добровольности в кооперативном строительстве.

Из всех перечисленных положений не вызывает критики лишь пункт об организационно-массовой работе: она действительно "кипела". Что касается "технической реконструкции", то вот данные: в 1930г. в Казахстане насчитывалось всего 6 МТС, а в 1931г. - 44. До конца 1932г. предполагалось довести их численность до 70 и передать им 665 грузовых автомашин и 120 комбайнов (45). Между тем уже на 1 января 1931 г. в Казахстане насчитывалось 7448 колхозов. Пропорции далеко не те, чтобы говорить о какой-то технической реконструкции, хотя бюро Казкрайкома ВКП(б) восторженно констатировало, что МТС "производят полную революцию в сельском хозяйстве Казахстана" (46).

Материальное благосостояние колхозника как фактор привлекательности "коллективной формы труда" также не убеждало "единоличника". В сводке Казкрайколхозсоюза (ноябрь 1930г.) сообщалось, что, например, по Красноармейскому району средняя величина валового дохода на одного колхозника составила 843 руб., тогда как у единоличника - 274 (47).

Но "единоличник" сам себе "бухгалтерия" - что заработал, то и получил. У колхозника же номинально на-

численная и реально полученная сумма дохода отнюдь не совпадали. Вот лишь один выявленный факт (а их множество): член колхоза "Победа" Джувалинского района Красноносов, имея шесть "едоков", выработал 638 трудодней и ему причиталось получить в денежном выражении 900 руб. 22 коп. При расчете, как указывалось в сообщавшем об этом документе, с него удержали: "а) паевых потребкоопераций - 174 руб.; б) за радиоустановку - 36 руб. 55 коп.; в) за облигации - 50 руб.; г) страховых платежей и сельхозналога 25 руб.; д) за общественное питание - 399 руб. 20 коп. Имея 2 трудоспособных члена семьи, он получил на руки только 216 руб. 47 коп., вследствие чего вышел из колхоза" (48). А это уже из письма в Колхозцентр СССР члена коммуны "Червона Украина" Казахской АССР: "Паек получаем от 10 фунтов до 35 фунтов (от 40 до 140 кг - Ж.А.) мороженой муки, и той до урожая не хватает..., приходится голодать..., новые коммунары разочаровываются и бегут..., а нас проклинают, вы, мол, уговариваете нас, что бедняку выход - колхоз, а нам приходится совершенно голодными работать..." (49).

Остается еще один момент, который действительно стал главным фактором наращивания "колхозного процента". Однако это вовсе не "возвращение к ленинским принципам добровольности в кооперативном строительстве".

Во-первых, кооперация и коллективизация, столь часто отождествляемые в литературе, абсолютно разнородные явления, поскольку колхозная форма организации производства ни по одному из имманентных критериев кооперации (мы об этом писали в третьей главе) не могла считаться таковой. Во-вторых, "возвращаться" было некуда. С нулевой отметки коллективизации добровольностью на ее действительно массовом уровне и "не пахло". Признать обратное - значить допустить, что крестьянство СССР под влиянием каких-то метафизических сил изменило генетический код своего сознания и вопреки всем другим землянам полностью атрофировалось в пла-

не восприятия личностно-собственнических интересов* (только у колхозников последующих поколений удалось подавить "частнособственнические инстинкты", превратив их в люмпенов духа и материи).

И все же следует признать, что "добровольное начало" присутствовало весьма заметно. Правда, при той "лишь" оговорке, что генерировалось оно опять-таки вынужденными обстоятельствами. "Невключенных" крестьян били уже "не в лоб, а по лбу". Коллективизация стала осуществляться не столько примитивными, откровенно грубыми силовыми способами, сколько системной мерой, претендующей на подобие экономического стимулирования.

На единоличников налагались повышенные налоги и обязательства по хлебозаготовкам. Постановлением Политбюро ставки сельхозналога на середняцкие хозяйства повышались на 15 процентов. Его же решением сумма самообложения на 1931 г. была установлена в размере 350 млн. руб. (против 240 млн. в 1930г.). Немногим более 40 процентов оставшихся по СССР "единоличников" должны были уплатить из нее 230 млн. руб., а колхозники - 120. Если один колхозный двор (благодаря налоговым льготам) платил 3 руб. сельхозналога, то единоличное хозяйство - 30. Специальный целевой сбор в первом квартале 1931г. предполагался в размере 250 млн. руб., при этом 80 процентов его взималось с единоличников. 16 ноября 1932г. Политбюро ЦК ВКП(б) по инициативе В. Молотова ввело спецналог на единоличные хозяйства. С этого момента он вводился ежегодно. Причем сумма его постоянно росла, хотя количество единоличных хозяйств из года в год падало (50).

Витал над единоличниками и страх раскулачивания,

* В информационных сводках орготдела ВЦИК фиксировалось множество свидетельств крестьян против обобществления. Типичными были такие, например, высказывания: "Крестьянство зло на Советскую власть за принудительную коллективизацию. Нет человека, который не стремился бы к собственности"; "Свое хозяйство, хотя и плохонькое, - человек свободен" и т.д. (См.: Документы свидетельствуют". С.241).

под которое можно бышо очень легко попасть, будучи даже трудовым семейным хозяйством. Иными словами, крестьянам просто не оставляли выбора: либо в колхоз, либо под пресс государства.

Декабрьский (1930г.) Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) уточнил новые задания по коллективизации на 1931г. В соответствии с его решениями в зерновых районах второй группы, куда входил Казахстан, должно было быть коллективизировано не менее 50-ти процентов крестьянских хозяйств. Пленум определился и с понятием "сплошная коллективизация". Критерием ее завершения признавался 80 - процентный рубеж (51).

"Машина коллективизации" включала форсаж, стремительно набирая заданную высоту. Вскоре (сентябрь 1931г.) Казкрайком ВКП(б) рапортовал: "Признать, что в 42 основных зерновых и хлопководческих районах, объединивших в колхозы 81 процент хозяйств..., коллективизация в основном закончена". В 20-ти районах было коллективизировано 82 процента крестьянских хозяйств, но "качественное состояние колхозов" здесь вызывало сомнения у руководства, тем не менее оно констатировало, что эти районы имеют "все данные к тому, чтобы уже в текущем году" их можно было характеризовать как "в основном закончившие процесс коллективизации". Десять районов имели 85 процентов коллективизированных хозяйств, семнадцать - 61 и 26, по преимуществу чисто скотоводческих - 43 процента. Низкий процент в последних объяснялся в постановлении Казкрайкома "родовыми пережитками и байско-аткаминерским влиянием". Наконец, в семи "рыбачко-животноводческих районах" (определение более чем странное - Ж.А.) уровень коллективизации определялся в 55 процентов (52). Таким образом, установки декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) на 1931 год были выполнены с лихвой. Уже на 1 сентября из 122 районов Казахстана 96 перешли "заданный партией" 50 - процентный рубеж, а 72 по формальным признакам могли быть отнесены к "районам сплошной коллективизации", ибо вышли за пределы восьмидесяти процентов.

Как видим, в скотоводческих казахских районах тем-

пы коллективизации мало уступали зерновым, а в ряде случаев и обгоняли их. Ф, Голощекин на "деле" доказывал, что все обвинения "национал-уклонистов" в "якобы присущих ему великодержавно-шовинистических замашках" ложны. Он - "истинный поборник ленинской национальной политики" и делает все, чтобы вывести казахских шаруа на "рельсы социального прогресса", локомотивом которого выступали колхозы.

В августе 1931г. перед скотоводческими районами прямо ставилась задача "выйти на линию более высоких темпов коллективизации". При этом строго вменялось "основной формой колхозного движения в ауле... считать животноводческую сельскохозяйственную артель" (53). И это требование на местах было выполнено более чем оперативно: в 60 кочевых и полукочевых районах республики из 2771 товарищества по обработке земли (ТОЗ) осталось всего 312, остальные были переведены на устав сельхозартелей (54).

Население казахского аула весьма туманно представляло разницу между ТОЗом и колхозом (не случайно аббревиатура "ТОЗ", созвучная казахскому слову "тоз" ("разоряться"), нередко так и воспринималась в среде степняков, как, впрочем, и "коллективизация" чаще ассоциировалась с уже знакомой "конфискацией").

Но различие было, и довольно существенное. Как известно, колхоз предполагал более высокую степень обобществления. Если в ТОЗах основные средства производства (в частности, скот) оставались в индивидуальном пользовании, то в сельхозартелях они обобществлялись.

При этом в животноводческих колхозах мера обобществления перешагнула всякие допустимые пределы. Источником расширительного толкования процессов социализации служили категоричные команды вышестоящих организаций, в том числе того же Казкрайкома. В решениях одного из его пленумов записано. "В животноводческих и животноводческо-земледельческих районах основное внимание должно быть направлено на полное обобществление в сельхозартелях всего товарно-продук-

тивного стада" (55).

В духе этой установки тургайские работники, например, поставили задачу "весь скот обобществить, не оставляя ни одного козленка в индивидуальном пользовании". Другим показалось этого недостаточно, и они решили "в целях изжития мелкособственнической психологии колхозника передать скот одного колхоза другим колхозам" (из районных директив) (56).

"Большевицкая атака на мелкобуржуазную собственность" очень скоро дала свои результаты. К февралю 1932 г. в Казахстане 87 процентов хозяйств колхозников и 51,8 процента единоличников полностью лишились своего скота (57).

Куда же девался скот? Будучи обобществленным на все 100 процентов, он собирался на так называемых колхозно-товарных фермах. Очень часто за этим громким названием в действительности значился участок степи, огороженный изгородью или колышками с арканами. Но здесь надо иметь в виду, что, как и настаивал Казкрайком, в ходе коллективизации делалась ставка на "создание крупных животноводческих хозяйств" (58). А это понималось как механическое объединение нескольких сотен хозяйств в радиусе до 200 и более километров в единый колхоз-гигант. В Курдайском районе существовало немало сельхозартелей, объединявших 600-800 хозяйств, в Келесском районе первоначальные 112 колхозов были объединены в 35, в Арысском из 138 было создано 67 сельхозартелей, в Таласском районе в так называемые городки сгонялось до 300-400 хозяйств (59). Разумеется, в таких уродливых образованиях не могло быть и речи о соблюдении основного экосистемного принципа кочевника (кочевого) способа производства - точной (симметричной) соотнесенности численности скота и природных водно-кормовых ресурсов.

Как отмечалось выше, во все времена кочевая община допускала концентрацию скота лишь до определенного оптимума (определявшегося кормовыми и водными ресурсами). Когда достигалась критическая масса стада, происходила спонтанная сегментация общины, что, со-

бственно, и обеспечивало непрерывность воспроизводства системы. Кроме того, в условиях среды постоянно "работал" такой механизм выживания, который во многом опосредовался через устоявшиеся ритмо-режимные характеристики организации процесса производства (посезонный цикл утилизации природных ландшафтов) (60).

Между тем хозяйственников "новой формации" все это мало интересовало. Вопреки народному опыту они всемерно поощряли любую концентрацию. Однако разрушение сложившейся организации производства с ее принципами концентрации (естественно, разумной) и дисперсности (пространственного рассеивания с целью рационального использования среды обитания) (61) не сопровождалось созданием другой, технологически приемлемой альтернативы.

Расплата за абсурдные решения не заставила себя долго ждать. Собранный в огромнейших концентрациях на колхозно-товарных фермах и не имевший возможности прокормиться, скот попросту погибал. Надо добавить, что и тот скот, который был собран *по* линии заготовок, в результате бескормицы и вызванных скученностью скота эпизоотий во многих случаях не доходил до потребителя, образуя на скотопрогонных путях гигантские "овечьи" кладбища.

В постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932г. отмечалось, что, несмотря на засуху, хлебозаготовки прошли в 1931г. лучше, чем в 1928г, т.е. до коллективизации. Действительно, государство "заготовило" в этот год 600 млн. пудов зерновых, тогда как в 1928г - 300 млн. (62).

В самом деле, здесь стоило "благодарить" коллективизацию, однако отнюдь не в том смысле, что она якобы обеспечила динамизацию товарности сельскохозяйственного производства. "Благодарность" режима должна была исходить от осознания, что именно через коллективизацию сталинский Левиафан заполучил в свой арсенал "гениальное" орудие беспрепятственной и тотальной "выкачки" продукта (причем не только прибавочного, но и необходимого) из аграрного сектора. В 1931 г урожай зер-

новых культур в стране составил всего 69 млн. т, по хлебозаготовкам изъяли 22,8 млн., т.е. одну треть (63). В 1932г. в СССР было заготовлено зерна на 32,8 процента больше, чем в 1930г., несмотря на то, что валовой сбор зерна 1932г. был гораздо меньше. Цифры эти могут означать только одно: государство проводило беспрецедентное по своим масштабам ограбление крестьянства. В этом и была "загадка" повышения товарности сельского хозяйства как отрасли в целом.

Понятно, что грабительская обираловка не могла не встречать сопротивления колхозов. Многие их руководители в то время еще не до конца осознали, что решения о форсированном расширении сельскохозяйственной формы производства определялись прежде всего задачей обеспечения удобной и бесконфликтной "перекачки" продукта деревни на нужды индустриализации. Они еще не успели свыкнуться с мыслью, что общественные zakрома должны рассматриваться не как элемент расширенного воспроизводства колхозной экономики и фактор повышения материального благосостояния членов сельхозартелей, а скорее как своеобразная транзитная база продвижения хлеба за кордон в целях получения валюты.

Поэтому в первое время находилось немало работников, наивно пытавшихся апеллировать к разумным пределам. Например, бюро Мендыгаринского райкома партии долго не соглашалось с твердыми заданиями по заготовкам, спущенными из Краевого комитета ВКП(б). Когда же нажим усилился, секретарь райкома заявил: "Ну что ж, раз так, то я возьму все до квашни, разую и раздену все колхозы, и они разбегутся". Из другого райкома (Карабалыкского) сообщали: "Экономика района окончательно подорвана непосильными планами. Колхозники, атакже бедняки и середняки не имеют перспективы своего существования. Мы оттолкнули от себя колхозников, они от нас уходят" (64).

Реакция Крайкома на многочисленные сигналы о заготовительном терроре была однозначна: "Все это не более как "кондратьевщина" и еще "не изжитые индивидуалистические настроения". Так, выступая в августе 1931г.

на Алма-Атинском городском партактиве, Голощекин разразился следующей тирадой: "В некоторых районах есть пониженная урожайность, и это определяет трудности, которые мы будем иметь. Трудности состоят не в том, что мы имеем пониженный урожай, а в том, что, где есть пониженный урожай, там он породил "кондратьевские" настроения, панику, размагничивание. Если райисполком, райком партии, ячейка начинают создавать панику, начинают составлять архиглупые "хлебофуражные" балансы (имеются в виду расчеты специалистов с мест о нереальности хлебозаготовительных планов - авт.), то тут со всей очевидностью встает угроза мобилизации колхозов на выполнение важнейшей задачи... - на выполнении хлебозаготовительного плана". Далее, как всегда поменяв местами причину и следствие, свалив все с "больной головы на здоровую", Голощекин грозно предупредил партийных "челобитников" районного масштаба: "С такими райкомами, с такими секретарями, с сеющими панику ячейками мы должны драться и будем драться крепко, по-большевистски, будем рассматривать каждого такого паникера как дезорганизатора социалистического строительства" (65).

"Драка по-большевистски" обернулась вскоре снятием одной трети председательского корпуса колхозов. "Чистили" и секретарей райкомов ВКП(б). Например, одного назначенного секретаря исключили из партии прямо по дороге во вверенный ему район, так как он заявил: "Я не поеду на костях колхозников заготавливать хлеб для государства" (66). Но применялись и более суровые репрессии. 14 декабря 1932г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области", которым вменялось применять по отношению к "саботажникам хлебозаготовок с партбилетом в кармане... осуждение на 5-10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях - расстрел" (67).

Когда стало ясно, что жалобы с мест рассматриваются в коридорах власти как "демарши капитулянтского оппортунизма" и, кроме негативной реакции, не возымеют

абсолютно никакого действия, в ход пошли всевозможные ухищрения. Для того, чтобы оставить себе на пропитание и семена хоть какую-то толику выращенного урожая, колхозники специально не быкашивали полосы хлеба у дорог, межей, арыков, недоочищали зернотока, пропускали зерно в мякину, оставляли на полях колосья, использовали умышленно неотрегулированные молотилки с целью пропуска колосьев в солому и т.д. (68).

Вскоре, однако, был вновь включен отработанный механизм государственного террора, и это стало пресекаться чрезвычайно суровыми мерами. После того как 7 августа 1932г. был принят закон "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и общественной (социалистической) собственности", за подобные дела грозил расстрел, а при "смягчающих обстоятельствах" - 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества (69).

На январском (1933г.) Пленуме ЦК и ЦК ВКП(б) нарком юстиции Н. Крыленко докладывал, что за неполных пять месяцев со дня действия этого закона в стране было осуждено 54645 человек, к высшей мере наказания приговорено 2110, в отношении 1000 человек приговор был приведен в исполнение. Тут же он потребовал от судей, у которых рука устала подписывать драконовские решения, прекратить всякие проявления "миндальничания". Откликаясь на эту установку, Казахское отделение Верховного Суда выговаривало своим судам: "... Уменьшение количества приговоренных к расстрелу в период с 5 мая по 1 августа 1933г. на 44,5 процента (с 305 до 163 человек) нельзя признать нормальным", тут же констатируется, что "на 163 осужденных к расстрелу только 18 классово чуждых элементов" (последняя фраза дает понять, что социальная принадлежность могла служить оправданием для лишения человека жизни)

Поводом для жесткого наказания могли стать самые пустяковые провинности. Примеров тому буквально сотни. Приведем здесь лишь несколько наиболее характерных случаев из судебной практики того периода.

Так, нарсуд Курдайского района приговорил к 10 го-

дам лишения свободы одного из колхозников за одноразовое использование "общественных лошадей в поездке по личным делам"; Усть-Каменогорский суд дал тот же срок (ниже не было) другому несчастному за то, что его дети "украли" 6 кг проса, акрестьянину-середняку - за "кражу" 17 кг зерна (по-видимому, судьи квалифицировали данное "дело" как крупное хищение, ибо во многих случаях "народные" судьи не раздумывая судили и за несколько сот граммов); Сталинский нарсуд (совпадение глубоко символично) отправил в лагеря колхозников, посмеявшихся не усмотреть, как на колхозную лошадь свалился стог сена и повредил ей глаз; тем же судом был обречен на ужасы ГУЛАГа их односельчанин, ударивший лопатой строптивного колхозного верблюда (70).

Опустошающим смерчем прошла коллективизация по казахскому аулу. Беспрецедентный урон понесло животноводство. В 1928г. в республике насчитывалось 6509 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1932г. - всего 965 тыс. Даже накануне войны, в 1941г. доколхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. голов). Еще больше поражают цифры по мелкому скоту: из 18566 тыс. овец в 1932г. осталось только 1386 тыс. (перед самой войной численность стада едва приблизилась к 8 млн. голов). Из конского поголовья, составляющего в 1928г. 3516 тыс., в 1941г. осталось 885 тыс. голов. Практически перестала существовать такая традиционная для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928г. их насчитывалось 1042 тыс. голов (71).

По некоторым скотоводческим районам картина была еще более страшной. Например, в Жана-Аркинском районе Карагандинского округа осталось на начало 1933 г. всего 343 лошади (в 1931г. - уже после многочисленных реквизиций - было 10666 голов), 453 единицы крупного рогатого скота (9971), мелкого рогатого скота - 665 голов (26620), верблюдов - 119 (4364) (72). Мнение Т. Рыскулова (по поводу проекта комиссии Яковлева), что "задача сохранения скота и увеличение его товарности лучше всего обеспечивается во всех отношениях лишь в условиях

коллективного хозяйства" (смотрите выше), оказалось ложным и это доказала жизнь, а, вернее, смерть сотен и сотен тысяч людей от голода. В своем мужественном письме на имя Сталина, раскрывающем картину страшной трагедии, он, может быть, не раз с горьким сожалением вспоминал о своем заблуждении на этот счет.

Как мы помним, многие честные работники и практики, лишённые карьеристских амбиций (поплатившиеся за это в дальнейшем своей жизнью), неоднократно пытались доказать Голощекину и его многочисленной креатуре, что все эти акции закончатся крахом экономики аула и деревни. Однако авторов "архиглупых хлебофуражных и скотозаготовительных балансов" (по выражению Голощекина) мало кто слушал, ограничиваясь заведением на ослушников партийных досье. Руководство края апеллировало к другим "по-марксистски научно выверенным балансам". В соответствии с ними численность скотавреспубликев 1932/33гг. должнабыладостигнуть 53381 тыс. голов (73). Но говоря словами пролетарского поэта, "планов громадьё" не сбылось: вместо желаемой динамики получили обвальный кризис. И именно потому, что планы задумывались и осуществлялись "по-марксистски".

Внушительные провалы вызывали некоторое замешательство в сталинскомруководстве. 17 сентября 1932г. выходит постановление "0 сельском хозяйстве", и в частности, животноводстве Казахстана (74), где давалась установка на "выпрямление перегибов". В научной литературе оно характеризовалось как "историческое", давшее "четкую программу действий".

Однако "программа" эта содержала в себе прямые установки на дальнейшее разрушение скотоводческого комплекса. Вся политика Казкрайкома признавалась в постановлении "правильной", что и позволило секретарю М. Курамысову, парируя критику с мест, заявлять: "Последнее постановление ЦК от 17 сентября одобряет линию Краевого Комитета партии, а вы знаете, что ЦК очень скуп на похвалы" (75). Поразительно, но в этом документе нет ни одной строки, ни одного намека на голод, охвативший республику, и крах животноводства.

Постановлением допускалась практика "индивидуального пользования колхозником до 2-3 коров, 10-20 голов баранов, 10-20 голов свиней и поросят хозяйство", а в скотоводческих районах соответственно "100 голов овец, 8-10 голов рогатого скота, 3-5 верблюдов и 8-10 табунных лошадей на хозяйство".

Из 1117 сельхозартелей, имевшихся в кочевых и полукочевых районах в сентябре 1932г., осталось к 1934г. 168, остальные преобразовывались в тозы. Были расформированы 624 фермы, а скот их возвращен в личную собственность членов товариществ. Имятакже было продано колхозами и совхозами около 680 тыс. голов скота (76).

Но основная масса хозяйств все равно оказалась лишенной скота. В этой связи характерны данные по Южному Казахстану. Так, напервую половину 1934г. в Тюлькубасском районе 99,8 процента колхозников и 93,4 процента единоличников не имели ни одной лошади, 74,9-и 82,1 процента были без коров, в Чаяновском районе на 100 хозяйств колхозников приходилось лишь 36 голов крупного рогатого скота (у единоличников - 7), 28 лошадей (22), -163 овцы (24), вСузакском районесоответственно 23 коровы (2), 29 лошадей (11), 444 овцы (у единоличников - 89) (77). Коллективизация нанесла последний удар по сельской экономике, окончательно разрушив как производительные силы аула, так и их функциональные структуры.

В статье с претенциозным названием "Год великого перелома", опубликованной в газете "Правда" в 1929г., Сталин, испытывая состояние эйфории, предрекал: "...Если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных, если не самой хлебной страной в мире" (78). Прошло три года. Темпы коллективизации обрели сверхдинамичный характер. Однако вместо обещанного Сталиным хлебного изобилия страна получила голод. В Казахстане масштабы и последствия его были ужасающими. Об этом можно судить уже хотя бы по тем пока еще немногочисленным документам, которые удалось

выявить в закрытых до сих пор архивах (гораздо большая часть свидетельств той страшной трагедии все еще мало-доступна исследователям). Некоторые из них без каких-либо комментариев приводятся ниже.

Из информационной записки ВР ПП ОГПУ* КазССР Миронова Ф. Голощекину (4 августа 1932г.): "В Атбасарском районе с 1 апреля по 25 июля зарегистрировано 111 случаев смертей. За это же время отмечено 5 случаев людоедства" (79).

Из докладной записки Представительства ОГПУ в КазССР (11 января 1932г.): "В Павлодарском районе, ... в ауле №1 на почве голода отмечено 40 случаев смертности, в большинстве детей, остальные для питания употребляют в пищу кошек, собак и другую падаль. Аналогичные случаи и в других аулах данного района" (80).

Из акта обследования санитарного состояния питательного пункта и общежития голодающих откочевников на ст. Чу (21 марта 1932г.): "Произвели обследование санитарного состояния питательного пункта и общежития откочевников в бараке №75..., причем нашли следующее: барак... в возмутительном антисанитарном состоянии: помещение переполнено истощенными, из них многие еле-еле двигаются. В помещении сыро, грязь, вонь, люди лежат на полу (около 100 человек) голодные, в углу при входе лежит труп. Территория барака загрязнена: всюду валяются кости, рваная одежда, человеческие отбросы, и с восточной стороны лежит 9 трупов. Восточнее расположения барака..., в яме лежит 5 трупов, не засыпанных землей, с обрезанными мышцами на нижних конечностях и кистях рук, что свидетельствует о людоедстве..." (81).

Из докладной записки помощнику прокурора Союза ССР о состоянии казахов-откочевников на территории Киргизской АССР в период с ноября 1932г. по август 1933г.: "Появление откочевников из Казахской АССР на территории Киргизии относится к сентябрю 1932г. К январю 1933г. гор. Фрунзе был окружен сплошным коль-

* ПП ОГПУ - Полномочное представительство ОГПУ в Казахстане.

пом казахских юрт... Общая численность их... около 1000... Среднее число жителей каждой юрты - 8 человек.. Частичная регистрация смертности приводит в следующем цифрам: с января по март... через больницу принято 123 трупа; с таянием снегов в феврале и марте было обнаружено большое количество трупов в самом городе и на его окраинах. В конце улицы Пушкинской обнаружено 53 трупа... В местечке Токульдош обнаружено 78 трупов, разбросанных на территории полукилометра, в период с 15 марта по 28 апреля на территории города, кроме перечисленных выше..., подобрано 217 трупов; питательном пункте близ Фрунзе умерло 508 казахов... О состоянии смертности в районах точных данных мы не имеем, за исключением массового обнаружения трупов казахов в Таласском районе, когда казахское население в течение зимы 32/33 года пыталось пройти через горы... и вследствие истощения и голода на высоких горных перевалах умерло, в нескольких ущельях Таласского района... ежедневно подбирались в январе, феврале и марте 5-7 трупов... Население, истощенное до последней степени, питавшееся травой, отбросами помойных ям, падалью, молотыми костями, подобранными на улицах, не обошли и случаи людоедства... В городе Токмаке на питательном пункте обнаружены два трупа девочек 5 и 6 лет, из которых одна была уже сварена в пищу в котле, а вторая - только приготовлена для употребления в пищу. В городе Беловодске... в погребе женщина-казашка снимала кожу с трупа ребенка... В Калининском райцентре... был задержан казах, неший вареное мясо, которое, по заключению врачей, - человеческое..." (82).

Из докладной записки о стихийном переселении в пределы Западно-Сибирского края из КАССР и о положении переселившихся в крае (29 марта 1932г.): "Начиная с октября заметно усилился рост... переселения казахов: в Славгородском районе - около 10000..., в Баевском районе - около 1500, в Ребрихинском - 3500, в Алейском - более 3000. Значительный нажив в Послепелехинском, Шипуновском, Угловском, Годинском районах, на всей территории бывшего Рубцовского округа, очень много казахов в Ойротии, в Барнауле, Бийске, есть они в Ново-

198

сибирске... Как общее правило, казахи идут значительными группами, плохо для наших условий одеты, без каких-либо продовольственных запасов... Они голодают... Среди переселенцев широко распространились инфекционные заболевания, растет смертность. Голодные казахи употребляют в пищу что попало. В Славгородском районе отмечены случаи поедания павших животных, даже выкапывания из скотских могил уже закопанных трупов... По дорогам подбирают очень часто обмороженных казахов и много умерших" (83).

Из письма секретаря Западно-Сибирского Крайкома ВКП(б) М. Зайцева в Казкрайком ВКП(б) (9 февраля 1932г.): "С осени 1931г. стали наблюдаться случаи бегства казахов с территории Казахстана в смежные с ним районы Западно-Сибирского края. За последнее время это бегство приняло массовые размеры. Прибежавшие казахи в своем большинстве являются колхозниками... Только в одном Славгородском районе насчитывается до 10000 человек казахов..., из которых 6000 осели в самом городе Славгороде, в Баевском районе учтено до 1300 человек казахов ит.д.... Большинство из них буквально голодает, среди них развивается нищенство, появляются инфекционные заболевания. Отмечены массовые случаи употребления в пищу суррогатов, мяса павших животных. Милицией ежедневно на улицах подбираются больные и умершие от голода казахи. ...Столовые Славгорода переполнены нищенствующими казахами, которые там подбирают хлебные крошки, вылизывают тарелки..." (84).

Из сообщения прокурора транспортного отдела Турксиба в транспортный отдел прокуратуры Верховного Суда СССР о положении на станции Пишпек (27 апреля 1933г.: "На станции Пишпек... скопилось не менее 800 человек казахов-откочевников, в числе которых очень много детей и женщин... В течение этого времени (апрель) среди них подбирались ежедневно шесть-семь трупов (а в один день поднято одиннадцать трупов) умерших от голода" (85).

Из докладной записки зампреда ЦК Общества Красного Полумесяца Мелькумова о положении беженцев, оказавшихся в Узбекистане (27 августа 1933г.):

"Устроено в детдома 3095 детей-казахов, умерло в августе в изоляторах Общества истощенных подобранных казахов 345 человек" (86).

Из письма Дуйсенбинова Нургали Председателю ВЦИК СССР М. Калинину (10 февраля 1932г.) из Павлодарского округа: "В последнее время везде стала гибель, смерть населения, посев не родился, весь скот сдан государству, питаться населению нечем. В единоличном пользовании каждого хозяина и в колхозах ни одного скота, ни лошади не имеется, хлеба совсем не имеется... С этой гибелью, смертью, конфискацией, взятками и грабежом имущества население идет куда хотят, просят милостыни по нищете и даже в другой край или округ. Были такие случаи: отец, мать оставляют из-за голода своих малолетних ребятишек, сами идут. Это объясняет, что в дальнейшем в Казахстане население существовать не может, жить очень ужасно, трудно. Кроме того, местные власти проводят на этом голодном населении кампании разных заготовок, а население не может найти себе даже пищу, ни одного куса хлеба... Все население нашего района и других районов Казахстана из-за голода недовольно Советской властью. Кроме голода, очень голые - промышленными товарами не снабжают" (87).

Из докладной записки в ЦКК ВКП(б) (октябрь 1933 г.).

"...По неполным данным, откочевками затронут 71 район, из них 50 - кочевых и полукочевых, 21 -оседло-земледельческий... По неполным данным, ...снялись со своих мест и двинулись в другие районы внутри КАССР свыше 100 тыс.хозяйств (около 300-350 тыс.хозяйств) (88).

Сообщение Председателю СНК КАССР У.Исаеву (3 апреля 1932 г.): "Из Кегенского района откочевало 5856 хозяйств (26369), из них 5090 - в Китайскую республику, из Чиликского - 3300 хозяйств, из них в Китай - 1300, из Аксуйского - 2992 хозяйства, в Китай из них ушло 800, из Аягузского - 2300, из которых 600 хозяйств откочевало в Китайскую республику. Всего откочевало из 10 районов 25488 хозяйств" (89).

На Украине в это же время, также как и в Казахстане,

сотнями и сотнями тысяч умирали голодной смертью. В конце 1932 г. Сталин в разговоре с секретарем ЦК КП (б) Украины Р.Тереховым, писавшем ему о массовом голоде, сказал: "Нам говорили, что Вы, товарищ Терехов, хороший оратор, оказывается, Вы хороший рассказчик - сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но - не выйдет. Не лучше ли Вам оставить пост секретаря обкома и ЦК КП (б) и пойти работать в Союз писателей; будете сказки писать, а дураки будут читать" (90).

Из докладной записки Комитета по оседанию при СНК КАСССР в Казкрайкоме ВКП (Б) о положении Жанааркинского района Карагандинской области (23 июля 1933 г.): "...В связи с откочевками население просто бросило своих детей с расчетом, что их детей все-таки подберут. Вот таких детей в конце октября было собрано в райцентре 350 человек... К нашему приезду осталось только 50, 300 умерли от голода. В ауле № 3 было 350 хозяйств, осталось только 17, часть умерли, часть откочевали. Аул № 7: из 500 хозяйств осталось 27. Аул № 9: из 343 хозяйств осталось 49... В этих аулах было распространено людоедство, люди выкапывали из могил, брали тех людей, которые умирали от оспы с расчетом, что трупы имеют больше жировых веществ, чем люди, умершие от голода. По сведениям ГПУ, умерших от голода насчитывается по району 3 612 человек. Ужасную картину голода можно было видеть в самом районном центре. Люди мертвыми лежали на улицах, во дворах, на крышах домов, в сенях, базах и даже в домах, где оставшиеся еще живыми люди спали вместе с мертвецами... В конце ноября-начале декабря, когда голодное население повалило на производство Караганды..., все трактовые поселки и аулы Нуринакского. Акмолинского района на протяжении 300 верст были заняты голодными жанааркинцами, где они, не получая подпомощи, умирали; поднимая этих мертвецов, по дороге их ставили в снег в позу с вытянутой на восток правой рукой, в позу оратора, стоящего перед тысячной толпой.... наэтой вытянутой руке мертвеца мы находили небольшой клочок бумаги с надписью - "результат коллективизации" (90) (выделено нами - Ж.А.).

ГЛАВА 9. СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЙ ГЕНОЦИД: РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Административно-террористический характер коллективизации с особой силой проявился в тех репрессивных мерах, которые разворачивались в рамках курса на ликвидацию кулачества и байства как класса.

Следует подчеркнуть, что государство широко инициировало "раскулачивание" еще до печально известного постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930г. Мы, в частности, уже писали выше о кампании по конфискации хозяйств крупных баев, отождествлявшей собой по сути прямую экспроприацию. Самоликвидация (по терминологии партийных документов - "самораскулачивание") крестьянских хозяйств в массовых масштабах имела место и в ходе сильнейшего закручивания налогового пресса (сельхозналог, индивидуальное налогообложение и т.п.).

28 июня 1929г. ВЦИК и СНК приняли постановление "О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов" (1). В соответствии с ним сельским сходам разрешалось в порядке самообязательства по хлебозаготовительному плану производить раскладку задания между отдельными хозяйствами. При этом на отдельных хозяев, так называемых "твердозаданцев", не подчинявшихся решениям схода и уклонявшихся от сдачи хлеба, в административном порядке налагались штрафы в пределах пятикратного размера стоимости несданного хлеба, а имущество их могло подлежать продаже с торгов. Постановление предусматривало уголовное преследование по ст. 61 УК РСФСР ("лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества с высылкой из данной местности или без такового"). На основании постановления ЦИК и СНК СССР "о мерах борьбы с хищническим убоем скота" (2) в январе 1930г. в судебное производство была принята ст. 79, направленная против лиц, обвиненных в убое скота и подстрекательстве "с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъема". Данная статья пред-

усматривала наказание в виде "лишения свободы сроком до двух лет с высылкой из данной местности или без таковой" (3).

Тем не менее режим, следуя заветам Ленина ("Миру не бывать, кулака можно, и легко можно, помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда") (4), продолжал раскручивать адскую машину антикрестьянских репрессий. Выступая в конце декабря 1929г. на конференции аграрников-марксистов, Сталин объявил о том, что курс на ликвидацию кулачества как класса обретает статус официальной партийно-государственной политики.

11 января 1930г. в "Правде" вышла передовая статья, в которой констатировалось: "Вопрос ликвидации кулака как класса из области теоретических постановлений перенесен теперь в плоскость "практической работы" партии на данном этапе" (5). 15 января решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия из 21 человека (в нее вошел и Ф. Голощекин) во главе с В. Молотовым. Она разработала ряд конкретных мер по "раскулачиванию", которые 30 января 1930г. получили директивное оформление в виде постановления Политбюро.

Согласно этому документу в районах сплошной коллективизации прекращалось действие закона об аренде и запрещалось применение наемного труда. У кулацких хозяйств должны были конфисковываться средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, продовольственные, фуражные и семенные запасы.

Чтобы придать задуманному социально-классовому геноциду большевистский "ordnung" и плановность, обреченные на уничтожение жертвы делились на три категории. Первая категория (так называемый контрреволюционный актив, организаторы восстаний и терактов) означала заключение в концлагеря или расстрел. Вторая (наиболее богатые кулаки) - ссылку в отдаленные районы СССР. И, наконец, третья категория (остальная часть кулацких хозяйств) предусматривала расселение в границах района проживания, но за пределами колхозных массивов (поскольку колхозное "море разливное" по мере

форсирования коллективизации затапливало все большие территории, "запредельное по отношению к колхозным массивам" пространство вскоре стало локализоваться в необжитых регионах страны, и третья категория практически слилась со второй) (6).

Количество подлежащих раскулачиванию крестьянских хозяйств определялось в пределах 3-5 процентов от их общего числа. Между тем по данным ЦСУ СССР на 1929г., доля кулацких дворов была чуть больше двух процентов (7). Следовательно, предусматривался люфт в 3 процента, который должны были "заполнить" 600-700 тыс. трудовых семейных хозяйств (т.е. примерно 3,5-5 млн. человек).

Ликвидаторские акции планировались настолько изошренно, что уже заранее устанавливались даже конкретные цифры крестьянских семей, должных попасть в ту или иную категорию. В терминах высшей партийной директивы это называлось разбивкой на "ограничительные контингенты", хотя в гораздо большей степени последним подходило определение "расширительные", ибо их санкционированная численность открывала простор для развертывания беспрецедентных до того репрессий.

В первую категорию предписывалось включить 150 тыс. семей, во вторую - 60 тыс. (8). Согласно логике документа выходило, что "мозг партии" силою неведомого "немарксистам" ясновидящего транса уже знал, что в предстоящие "отчетные годы" в СССР окажется именно столько крестьянских антигероев контрреволюции, теракта и колхозного саботажа, а следовательно, столько же кандидатов на расстрельные стенки, концлагеря и суровые таежно-степные "Terra incognita". Однако это было далеко не абсурдом или плодом воспаленного воображения. Здесь присутствовала продуманная в деталях установка на искоренение массовой крестьянской оппозиции, которая оказалась между молотом и наковальней: коллективизацией и раскулачиванием.

Названным постановлением устанавливались директивные задания и для Казахстана. Для первой категории давалась разрядка 5-6 тыс. семей, для второй - 10-15 тыс.

(9). Приговоры по делам лиц первой категории выносились списочным порядком на внесудебных заседаниях так называемых троек, в состав которых входили первые руководители партийных органов, ОГПУ и прокуратуры. Вторая группа отдавалась на "откуп" общим колхозным собраниям с участием бедняков и батраков, но все списки утверждались местными органами. Акцию планировалось провести в течение февраля-мая 1930г. Оперативное обеспечение "кампании" осуществляло ОГПУ.

2 февраля ОГПУ разослало своим структурам директиву с требованием начать немедленные операции по изъятию и ликвидации "контрреволюционной агентуры", "активно-действующих кулацких элементов первой категории" Почти тут же в Казахстане было арестовано 3113 человек (10). Вслед за этим начались массовые выселения. Уже к началу мая 1930г. на внутрикраевое расселение была выслана 1341 семья, или 7535 человек (11).

Во второй половине марта 1931г. Голощекин посылает телеграмму в Центр с просьбой разрешить выселить за пределы Казахстана 1500 хозяйств из пограничных и хлопковых районов. Но поскольку территория республики сама выступала местом "кулацкой ссылки", Крайкому и Полномочному представительству ОГПУ было рекомендовано найти "возможности переселения внутри края" (13).

20 июля 1931г. Политбюро ЦК ВКП(б) констатировало на своем заседании, что массовая депортация кулацких хозяйств в основном закончена, и дальнейшее выселение рекомендовалось проводить в индивидуальном порядке. В действительности "порядок" этот измерялся десятками тысяч новых жертв.

Так, на этом же заседании Казахстану дали "добро" на выселение кулаков и баев. В этой связи ОГПУ вменялось установить количество, сроки и места высылки. Такая "работа" вскоре была проведена, и 30 августа Политбюро санкционирует внутрикраевые выселения 5000 хозяйств (14).

Таким образом, массовые аресты, заключения в концлагеря и выселения продолжались в 1930 и 1931 годах. По данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, за этот период депортациям только в пределах Казахстана были подвергнуты 6765 хозяйств (15). В сводку вошли хозяйства лишь первой и второй категорий, т.е. высылаемые на спецпоселения. Что касается хозяйств третьей группы, изгоняемых за границы "колхозных массивов", то их статистику органы ОГПУ, по-видимому, особо даже и не отслеживали (они "путались" и с первыми двумя категориями, давая очень противоречивые данные). Но нетрудно представить, что их численность была огромна.

Осуществлялось выселение и за пределы республики. По имеющимся данным (требующим еще уточнения), в 1931г. из Казахстана было вывезено 5500 семей (16). Из этого можно предположить, что в 1930 и 1931гг. в Казахстане было "раскулачено" 12265 хозяйств, т.е. на муки изгнания были обречены не менее 60-70 тыс. человек, в том числе стариков, детей и женщин. Для многих из них ссылка обернулась смертью.

К сожалению, в силу известной закрытости бывших центральных, да и местных, ведомственных архивов (прежде всего партийных и "чекистских") приведенная выше статистика не может восприниматься как всеобъемлюще адекватная. Так, скажем, из совокупности "раскулаченных" хозяйств мы не имеем пока возможности выделить семьи, члены которых были расстреляны или заключены в концлагеря. Тем не менее "тайное становится явным", и рано или поздно количество жертв, вернее, их "максимум", будет установлен.

Что касается "минимума", то он "выявлен" уже самим постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930г. (разбивки на категории и их директивная количественная разрядка). Немыслимо даже сомневаться, что спущенные сверху "контрольные цифры" не были тут же выполнены. Вспомним еще раз сталинское "наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы"

(17). Тем более, что "реализатором" этих планов выступал Голощекин, отнюдь не случайно введенный в состав комиссий Политбюро ЦК ВКП(б) и по коллективизации, и по раскулачиванию. Из этого следует, что никак не менее 6 тыс. хозяйств Казахстана было репрессировано по первой категории и 15 тыс. - по второй.

Знаем мы также, что "ограничительные контингенты" многократно перекрывались. Это признавало само руководство. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930г. "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении" констатировалось, что "в некоторых районах процент "раскулаченных" доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав - до 15-20" (18) (напомним, что согласно директиве ЦК ВКП(б) от 30 января 1930г. раскулачиванию подлежало 3-5 процентов всех хозяйств). Например, в Красноармейском районе Петропавловского округа было "раскулачено" 7 процентов хозяйств (496 дворов) - втрое больше, чем было выявлено данными индивидуального налогообложения (в 1929г. под него подпадали зажиточные нетрудовые хозяйства), а в одном из сел Боровского района Кустанайского округа определялись к выселению сразу 37 хозяйств, хотя поверить, что в этой деревне имелось около четырех десятков частных предпринимателей кулацкого типа, более чем абсурдно (19). Известно и то, что "раскулачивание" продолжалось в 1932г. и далее - вплоть до "победы колхозного строя", так как оно рассматривалось в качестве "органической" части коллективизации, стимула ее поступательного развития, как "жупел страха и предостережения".

Подконвойные эшелоны, до отказа набитые несчастными жертвами "классовой борьбы", нескончаемо двигались навстречу друг другу. Одни увозили из Казахстана крестьян, обреченных каторжно надрываться в горных штольнях Кольского полуострова, на приисках Колымы и лесоповалах Сибири, другие - разгружались среди голых казахских степей.

Наряду с районами Севера, Урала и Сибири территория Казахстана была определена местом "кулацкой ссыл-

ки" для многих десятков тысяч крестьян из других районов страны. Согласно приказу ОГПУ (2 февраля 1930г.) первоначально в необжитые районы республики предполагалось выслать 5 тыс. хозяйств. Но вскоре выяснилось, что краевые органы не готовы расселить такое количество. ОГПУ разработало план по выселению более 50 тыс. семей в Северный край и на Урал (20). Ознакомившись с ним, Сталин наложил резолюцию: "Казахстан и Сибирь как районы выселения отсутствуют. Надо их включить" (21).

20 февраля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) специально рассматривало вопрос о выселении раскулаченных. В этой связи ОГПУ была дана директива провести в течение полугода операции по подготовке районов "для устройства кулацких поселков тысяч на 200-300 семейств под управлением специально назначенных комендантов, имея в виду прежде всего районы Казахстана - южнее Караганды" (22). Цель понятна - обеспечение дешевой рабочей силой Карагандинского угольного бассейна.

11 марта 1931 г. на заседании комиссии А. Андреева (специальный рабочий орган Политбюро по проведению кампании выселения и расселения) в повестку дня был поставлен вопрос о высылке в бывшие Акмолинский и Каркалинский округа 150 тыс. хозяйств. Но в силу "технической невозможности" проведения столь широкомасштабной акции было решено выселить в край 56 тыс. семей (23).

Если на 6 июля 1931г. в Казахстан было выслано 80 семей (281 человек) из Средней Азии, то уже на 1 сентября 1932г. на учете комендатур здесь состояла 46091 семья, или 180015 спецпоселенцев (24). Это были крестьяне с Нижней и Средней Волги, Центрально-Черноземной и Московской областей, Закавказья и Средней Азии.

Огромными массами прибывали в край раскулаченные и в 1932г. После "карательной командировки" Л. Кагановича Северный Кавказ входил в состав хлебозаготовок 1932-1933г. из районов Северного Кавказа в Казахстан было

выслано 1992 хозяйства (9442 человека) (25). При этом выселялись целые станицы, занесенные на "черную доску" саботажников хлебозаготовок.

В начале 1933г. ОГПУ вошло с ходатайством в Политбюро с предложением расселить в Казахстане 1 млн. человек, в их число предполагалось включить не только "раскулаченных", но и горожан, нарушивших паспортный режим, крестьян, бежавших в города, и т.д. На этой записке Сталин написал: "Кроме всего прочего, надо связать это дело с разгрузкой тюрем" (26). К счастью, в силу финансовых и технических трудностей этот проект не удалось осуществить. В 1933г в республику было выслано более 55 тыс. человек. Мало кому ведомый до того Казахстан обретал синоним слова "Сибирь".

В советской историографии восшествие крестьян на каторжную Голгофу спецпоселений лицемерно обозначалось как "трудовое перевоспитание". Так, в одной из многочисленных работ, дающих "отпор буржуазным фальсификаторам истории", с огромным пафосом писалось буквально следующее: "... Шаг за шагом Советское государство в труде перевоспитывало бывших эксплуататоров-кулаков, превращая их в тружеников социалистического общества. Опыт нашей страны дал образец решения труднейшей социальной задачи - коренной перделки экономики, сознания, психологии, быта бывших эксплуататоров-кулаков, включения их в социалистическое строительство" (27).

По поводу "опыта" вряд ли можно спорить, ибо он стал действительно образцом для многих диктаторских режимов, в том числе для Мао и Пол Пота. Что касается "воспитательного" эффекта, то тут можно усматривать только гримасу, поскольку на "трудовое перевоспитание" в спецпоселения выдворялись наиболее предприимчивые, опытные и квалифицированные работники, построившие свое хозяйство изнурительным, продолжавшимся из года в год трудом, олицетворявшие собой что называется "крестьянскую косточку".

В столь же идиллических тонах расцветивается в историографии и быт "раскулаченных". Так, например, из известной монографии "Ликвидация эксплуататорских классов в СССР" мы узнаем, что "бывшие кулаки и их семьи получили все необходимые условия для обеспеченной и культурной жизни" (28). Здесь же пишется: "Советское государство взяло на себя огромные расходы, связанные с трудоустройством и жизнеобеспечением переселенцев. Затраты на переселенцев значительно превзошли стоимость экспроприированного у них имущества" (29). Сразу отметим, что в последнее верится с трудом, поскольку, во-первых, по неполным данным Наркомфина СССР, только к лету 1930г. стоимость конфискованного у "раскулаченных" имущества оценивалась по стране в размере 180 млн. руб. (30), во-вторых, почти бесплатный труд спецпереселенцев многократно окупал все затраты и, наконец, в-третьих, если даже допустить, что это действительно так, то данная "бюджетная проблема" была порождена самим государством с его приматом "классовых идеалов".

Но нас в данном случае интересует другое: в самом ли деле жизнь спецпереселенцев была не так уж трагична и протекала в общем-то вполне нормально? Достоверное представление по этому вопросу применительно к Казахстану мы можем получить благодаря исследованиям Д.Т. Чирова, долго и самоотверженно изучавшего историю карагандинских спецпереселенцев и получившего в результате кропотливого поиска огромный материал, который мы и используем ниже.

Прежде всего процитируем несколько выдержек из воспоминаний карагандинских переселенцев, записанных Д.Т. Чировым.

Из воспоминаний М.В. Копейкиной: "Родилась я в 1925г. в селе Родник Рассказовского района Тамбовской области... В деревне Родники жили бедно. Мой отец жил одной семьей со своим братом... Оба рослые, сильные. А родители отца и дяди умерли в голодном 1921 году. Отец

с дядей сумели построить кузницу, а затем и мельницу и стали понемногу обживать после стольких голодных лет. А что значит обживать? Лишь бы с голоду не умереть, да голому-босому не ходить. Пахали, сеяли, молотили цепами...

В 1930г. началась коллективизация... Отца моего и дядю забрали в тюрьму. А меня, пятилетнюю, и братишку, которому было три с половиной года, посадили в телегу и повезли на станцию Платоновка... Привезли нас на станцию, а там народу - тьма. Отцов наших отпустили на соединение с семьями, охрану не сняли, и все мы чувствовали себя под арестом...

Погрузили нас в телячьи вагоны, двери закрыли снаружи на засов, так что не убежишь. В вагоне параша, одна на всех - и на мужчин и на женщин. Словом, везли нас как преступников-заключенных. Везли нас долго, а привезли в голую степь, выгрузиться приказали на том месте, где нынче поселок Компанейский. Было это в сентябре 1931г., и степь, где мы выгрузились, уже пожелтела. Стали сооружать самодельные палатки: выкапывали ямы глубиной примерно в полметра, укрепляли над ними жердочки и набрасывали рядна-половики или домодельные одеяла. А вместо кровати мы использовали деревянную борону, которую почему-то привезли с собой.

А поблизости даже воды не было, так что за водой людям приходилось ходить чуть ли не за 20 километров. Чем нас кормили? Первые дни вообще ничего не давали, а потом стали привозить муку и выдавать по кружке на человека. А людей навезли много, шалашей и землянокстроили огромное множество. И люди стали от голода и болезней умирать. Болели дизентерией и тифом. Мне было тогда восемь лет, но я помню, как обессиленные взрослые, голодные и больные, не в силах были своих родственников похоронить, и умерших подбирали похоронщики и свозили их в общую яму. Очень много тогда народу поумирало, особенно малых детей и стариков. Помню, какстроили дома-бараки из дерна. Авселили нас

в эти дома уже в начале зимы. И понатерпелись мы в ту первую зиму и от голода, и от холода... А летом открыли детплощадку, и мы с братишкой ходили туда обедать, давали нам по кусочку хлеба и по тарелке красного свекольного супа, который есть было невозможно, хотя и были мы очень голодными. Помню, идем с братишкой с этой самой детплощадки, а он плачет, есть просит, а где ему взять-то поесть? А братишка плачет, и я вместе с ним плачу..."

Приведем еще несколько свидетельств карагандинских спецпереселенцев (31). Прасковья Михайловна Горбунова: "Летом 1931 г. у меня умерла дочка, прожив всего годик, тогда же погибли от дизентерии почти все дети до пяти-, шестилетнего возраста".

Прасковья Михайловна Украинская: "У меня умерли мама и десятилетний братик. Мне было тогда семь лет. Поселили нас в Осакаровке, в бараки без крыш, в каждый по 70-80 человек. К весне 1932г. выжило по 5-6 человек из барака".

Василий Михайлович Судейкин: "Когда нас в декабре 1932 года привезли с Кубани в Девятый поселок, в нашей семье было шесть человек. К концу лета 1933г. в живых остался я один".

Петр Петрович Крылов, земляк В.М. Судейкина: "В Девятом поселке в 1933г. умирали семьями".

Мария Ивановна Лисина: "В Девятый поселок летом 1931г. привезли 17 тысяч человек, а к весне 1932г. в живых осталось тысяч семь, не больше. На моих глазах умерла почти вся семья Ломовицких, было 13 человек, выжило трое. Тех, кто выжил в Девятом, осенью 1932 года переселили в Пятый, опять в недостроенные бараки".

Свидетельства, зафиксированные нами по другим регионам республики, также убеждают, что трагедия этих людей была безмерна. Их грузили в эшелоны, дав на сборы подчас не то что сутки - часы. Что в этой спешке можно было взять, кроме самого необходимого скарба? Все остальное, т.е. нажитое долгой жизнью добро, оставалось

активистам-люмпенам.

В инструкции ОГПУ говорилось, что каждой выселяемой семье разрешается взять с собой до 30 пудов имущества. В каждый вагон сажается 40 человек, в одном эшелоне - 1700-1800 человек. В каждом товарном вагоне должны были быть, печь - 1, рамы оконные - 2, ведра - 3 (2 - под кипятком, 1 - для естественных надобностей). Двери вагона закрыты и только во время движения эшелона открываются на 5-6 вершков для притока воздуха. При подходе к станции двери наглухо затворяются. В случае побега охрана обязана была стрелять без предупреждения (32). Но в практике конвоирования эшелонов эти инструкции еще более ожесточались.

Эшелоны шли неделями, а то и месяцами. Кормили в пути в основном соленой рыбой, что, естественно, вызывало сильную жажду. Но воду давали лишь на станциях. От болезней и жажды многие умирали. Однако трупы выносились только на редких остановках. От их разложения и испарений в вагонах стоял невыносимый смрад. Матери, у которых в дороге умирали дети, не могли их похоронить. И они целые недели ехали с трупиками своих детей на руках. Многие из них не выдерживали столь нечеловеческих испытаний, теряли рассудок или седали. На станциях, где предполагались остановки, поезда загоняли в тупики (подальше от постороннего взгляда), а их невольные пассажиры строились в колонну. Затем всех заставляли встать с заложенными за голову руками, коленями на снег. В таком виде колонна застывала на несколько часов. За малейшие разговоры или движения - удары прикладами и натравливание собак. Понятно, что после такой экзекуции многие уже не поднимались.

Все эти страдания запечатлены в одной из песен карагинских спецпереселенцев:

Мы жили крестьянским хозяйством,
Трудясь от зари до зари,
Умели мы многое делать,

Орловцы, мордва, волгари.
Лишили нас прав и свободы.
Родных нас лишили полей.
Повыгнали всех нас из домов,
И жен, стариков и детей.
Но год наступил тридцать первый,
Нас стали по тюрьмам сажать,
А жен и детей-малолеток
Семьей кулака обзывать.
Привезли нас к железной дороге.
В вагоны набили битком,
Закрыли все наглухо двери.
И - в путь. А что было потом!
Мы смрадом параши дышали,
Нас мучила жажда в пути,
И дети от жажды стонали:
"Водички! Водички! Воды" (33).

По прибытии на место спецпереселенцы оказались в столь же тяжелых условиях. Выше мы об этом уже писали. Отметим только, что для них отводились районы преимущественно с экстремальными природно-климатическими условиями: на пустынных и полупустынных землях, а также в местах развертывания промышленного и железнодорожного строительства. Так, в протоколе Тройки при Казкрайкоме ВКП(б) (23 января 1930г.) давалась следующая директива: "Расселение выселяемых кулацких хозяйств вместе с семьями производить компактными массами в районах пустынныхучастков" (34). В качестве таковых отводились, например, земли побережья Каспия (от Джилай косы до Мертвого Култуха), Адаевский район, южная часть Тургая (Аккумские пески), западный берег Балхаша, где земфонд еще не был даже обследован.

Приведенные выше свидетельства подтверждаются и данными ОГПУ, которые сообщают, что только в 1932 и 1933гг. наказахстанскихспецпоселенияхумерли 55441 человек. В 1933г. в "кулацкой ссылке" в Северном Казахстане умерло больше человек, чем родилось, в 19 раз, а в Южном - в 13 раз (35). В этом и была правда раскулачивания.

22 июня 1941г. фашистская Германия вторгла свои военные орды в пределы СССР. Началась Великая Отечественная война советского народа.

Уже в первые пять месяцев вероломного нападения враг оккупировал районы, где проживало 40 процентов населения страны, производилось 68 процентов чугуна, 58 - стали и алюминия, 65 - угля, 40 - железнодорожного оборудования. Понятно, что исход войны во многом зависел оттого, как быстро удастся наладить "военную экономику", что, в свою очередь, было невозможно без тотальной эвакуации производительных сил на Восток.

Масштабы ее были беспрецедентны в мировой истории. Из районов, которым угрожал захват противником, по железнодорожным магистралям проследовало около 1,5 млн. вагонов, или 30 тыс. эшелонов с грузами (1).

В июне-декабре 1941г. в тыловые регионы было перебазировано 1530 крупных предприятий и цехов. Более 200 из них были размещены в Казахстане (2). В Алма-Ату, например, были эвакуированы три цеха Луганского паровозостроительного завода (на их базе был создан АЗТМ), завод им. Кирова из Запорожья (ныне Алматинский машиностроительный завод), в Гурьеве монтировалось оборудование Украинского завода нефтяного оборудования и т.д. (3).

Казахстан превращался в мощный арсенал фронта. Уже в первые месяцы началась конверсия промышленности республики. В полной мере была задействована ее сырьевая база, в значительной мере компенсировавшая утраченные природоресурсные источники на оккупированных врагом территориях. Успешно работала "третья всесоюзная кочегарка" - Карагандинский угольный бассейн. Более чем на третьувеличилась добыча нефти на Урало-Эмбинском месторождении, почти вдвое возросла выработка электроэнергии. На Победу работали Текелийский полиметаллический и Акчатауский молибдено-вольфрамовый комбинаты, Восточно-Коунрадский молибденовый, Джездинский марганцевый и Донской хромо-

вый рудники. На фронтовую вахту встали металлурги Балхаша и медеплавильщики Жезказгана, свинцевики Чимкента и Лениногорска.

Казахстан стал давать 85 процентов союзного производства свинца (из десяти пуль, выпущенных по врагу, 9 были изготовлены из казахстанского свинца), 70 процентов - добычи полиметаллических руд, 65 - металлического висмута, 50 - медной руды, 30 - черной меди, 20 - вольфрама, 60 процентов - молибдена (4). Джездинский рудник на 50-60 процентов обеспечивал потребности Магнитогорского комбината в марганцевой руде (как известно, марганец входит необходимым компонентом в производство обязательной для изготовления брони легированной стали). Из каждых 100 тонн молибдена, добывавшихся в стране во время войны, 60 тонн давали металлурги Балхаша (5). В январе 1943г. первые тонны продукции, важной для производства вооружения, выдал Актюбинский завод ферросплавов, работавший на базе Донских хромитовых рудников (6).

На военные нужды были перестроены предприятия легкой и местной промышленности. Только летнего солдатского обмундирования было изготовлено в количестве, достаточном для экипировки 487 дивизий, шинелей - 70, валенок - 67, ватного обмундирования - 59, полушубков - 25, вещевого снаряжения - 245 дивизий (7).

Разрабатывая военно-стратегическую концепцию "блицкрига", германское ОКВ считало, что успех ее будет в немалой степени определяться и тем, как быстро удастся разрушить продовольственный потенциал нашей страны. Поэтому, когда немецкие танковые клинья "отсекли" крупнейшие житницы СССР - Украину, Белорусию, Северный Кавказ, геббельсовская пропаганда стала вещать о близком "конце Советов", ибо "там голод и хаос", а "сталинские колхозы", как это пытался представить рейхсминистр земледелия Дарре, "уже работают на Вермахт". В одной из директив войскам в июне 1941 г. германское ОКВ требовало: "Из... хозяйственных соображений пока в порядок дня не должны быть поставлены вопросы о разделе земли и роспуске колхозов, хотя такие мероприя-

тия и имеются в виду в будущем. Немедленное изменение производственных форм хозяйства только увеличило бы вредные последствия вызванных войной нарушений хозяйственной жизни" (8).

На занятой фашистами территории до войны производилось 38 процентов всех зерновых, около 50 - технических культур, 87 - сахарной свеклы, выращивалось 45 процентов поголовья крупного рогатого скота, здесь насчитывалось 98 тыс. колхозов (41,7 процента их общего числа по СССР), 1876 совхозов (50 процентов) и 2890 МТС (41,3 процента).

Нельзя сказать, что основные фонды колхозов были утрачены полностью. Удалось эвакуировать много техники, перегнать в районы тыла 2,4 млн. голов крупного рогатого скота, 5,1 млн. голов овец и коз, 0,8 млн. лошадей и т.д. (9). Летом-осенью 1942г. под непрерывными вражескими авианалетами и артобстрелами люди героически налаживали небывалую переправу через Волгу. Здесь скопилось много колхозной техники, около 2 млн. голов скота, основной поток которого двигался в Западный и Северный Казахстан. Всего через Волгу было переправлено 5 тыс. автомашин, 3500 тракторов и комбайнов, 10 тыс. подвод с имуществом колхозов и совхозов, в пределах 2 млн. голов скота (10) (сразу скажем, что в Казахстане было оставлено до освобождения западных областей 560 тыс. голов всех видов скота).

И все же с оккупацией фашистами районов с традиционно развитой сельскохозяйственной инфраструктурой аграрная сфера материального производства оказалась подорванной до предела. Оккупанты утилизировали на местах или вывезли в Германию 17189 тыс. голов крупного рогатого скота (в 1940г. на этой территории его насчитывалось 31 млн.голов), 7 млн. лошадей (12 млн.), 20300 тыс. свиней (16600 тыс.), 27700 тыс. овец и коз. Кроме того, захватчики вывезли или уничтожили 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, около 4 млн. плугов, борон, 265 тыс. посевных и посадочных машин (11).

Приведенные цифры дают представление о том, насколько трагически масштабно и сразу же оказался су-

женным продовольственный потенциал страны. Между тем, как это общеизвестно, в годы войны на государственном продовольственном обеспечении находилось около 76,8 млн. гражданского населения и 11 млн. воинов Красной Армии (по примерным подсчетам только для снабжения 2-го Белорусского фронта в начале 1945г ежедневно требовалось около 2 тыс. голов крупного рогатого скота, а кроме того, и много других видов продовольствия) (12).

В создавшихся условиях центр тяжести по продовольственному обеспечению армии и населения перемещался в восточные регионы, в том числе в Казахстан. Республика встала на героически самоотверженную вахту Победы.

В первую военную осень труженики села сдали только по обязательным поставкам 100 млн. пудов хлеба, т.е. почти на 24 млн. больше, чем в 1940г. Тут же они засеяли озимый клин, причем с его приростом в 44 процента (13).

В 1942г. в Казахстане было освоено почти 450 тыс. га целинных и залежных земель. Посевные площади увеличились на 17 процентов. Республика сдала государству зерна больше, чем в 1941г. (14). В 1944г. хлеба было сдано на 20,6 млн. пудов больше, чем в 1943г. (15).

Казахстан наряду с Закавказьем и Средней Азией превратился в главный свеклосеющий район. В производстве сахарной свеклы удельный вес этих районов поднялся с 3,6 процента в 1940г. до 50 в 1942г. (16).

Ценой огромного перенапряжения выполняла задания разрушенная в годы "великого перелома" животноводческая отрасль. В 1941-1943гг. по отношению к довоенным годам (1938-1940гг.) поставки по мясу возросли на 66,5 процента, молока - 18,7, шерсти - 38,1 процента (18).

За годы войны героические труженики села Казахстана дали фронту продукции больше, чем за последние пять довоенных лет: хлеба - на 30,8 млн. пудов, мяса - 15,8 тыс. центнеров, картофеля и овощей - 14,4, шерсти - на 176 тыс. центнеров (19).

Динамика "сухих" цифр, скрупулезно выверенных статистикой. Но за каждой их "десятой", "сотой" и "тысячной" долей - пот, кровь и слезы, неимоверные страдания и безмерные лишения. Ни "дантовы круги ада", ни библейское восхождение на Голгофу не помогут нам представить тяжесть испытаний, выпавших на военное покое-ление наших людей, величайшую высоту взлета их духа и воли. Святость этой жертвенности становится осознанней, если вспомнить, что в рядах непокоренных вместе с мужьями и отцами стояли женщины, дети и старики.

В годы войны 1 млн. 200 тыс. казахстанцев были призваны на фронт (на 1.01. 1941г. население республики насчитывало 6425 тыс. человек) (20). Выбытие столь огромной массы носителей труда из деятельностной сферы буквально "взорвало" баланструдовых ресурсов. Особенно это касалось аграрного производства. Здесь качество рабочей силы претерпело резкие изменения по всем своим характеристикам.

В армию ушли не только физически наиболее трудоспособные жители села, но и его самая профессионально-квалифицированная часть - механизаторы, шоферы и т.д. "Военной" стала и половозрастная структура сельских трудовых ресурсов. Деформация ее была столь масштабна, что рельефно проступала даже на привычном фоне экстенсивной колхозной экономики, где традиционно в огромных массах постоянно задействовался труд женщин и детей.

В 1944г. в общей численности трудоспособного населения колхозов (1056100 человек) на мужчин приходилось 20 процентов, женщин - 58 и подростков - 22 процента (21) (в число мужского населения включались и люди пожилого возраста). По данным бюджетов колхозников, изменения в величине удельного веса различных половозрастных групп в балансе рабочей силы колхозов выглядели следующим образом:

Затраты труда различных групп колхозного трудоспособного населения (в процентах к итогу) (22)

Группы колхозников	август. 1941г.	август, 1942г.
Мужчины 16-59 лет	42,8	28,6
Женщины 16-59 лет	42,3	51,2
Подростки 12-15 лет	9,5	14,2
Старики обоего пола	5,4	6,0
Итого	100,0	100,0

В 1942г. удельный вес мужского трудоспособного населения, занятого в колхозном производстве, составлял 22 процента. И в то же время здесь трудилось 649 тыс. женщин и 255 тыс. подростков (23). Последних фактически было еще больше, так как на уборку урожая было привлечено 200 тыс. школьников (24). С Юдекабря 1941г. во всех средних учебных заведениях были введены дополнительные занятия по обучению учащихся сельскохозяйственным работам (25). Это означало, что привлечение учащихся на полевые работы ставилось на планово-массовую основу.

Приведенные выше цифры говорят о том, что женщины, старики и дети (причем отнюдь не только подростки) выступали главной движущей силой колхозного производства. При этом они были заняты по огромному преимуществу ручным трудом.

Колхозы, МТС и совхозы Казахстана отдали на нужды фронта 7416 тракторов (главным образом, последних выпусков), более 90 процентов грузовых автомобилей, 110 тыс. лошадей (26). Осталась далеко не лучшая техника, что говорится, латаная-перелатанная, которая требовала регулярного ремонта. Однако запчастей не было. Был объявлен их повсеместный сбор. "Искали повсюду, - вспоминает один из колхозников. - В одном сарае нашли старые невыплавленные вкладыши подшипников. Там же обнаруживали ...слиток баббита в несколько десятков килограммов" (27). Но это не спасало положение и кустар-

но реставрированная техника вскоре в очередной раз выходила из строя. В дефиците пребывали и горюче-смазочные материалы: в 1942г. сельскохозяйственное хозяйство получило их в 2,5 раза меньше, чем в 1940г. (28).

В этих условиях переходили на живое тягло: лошадей и быков. Но и их не всегда и не везде хватало. Поэтому очень часто в плуг заряжали цугом коров. При весенней вспашке 1942г. более 50 процентов общего объема полевых работ выполнялось с использованием рабочего скота (выражение "пахали на бабах" тоже отнюдь не гиперболы, а практика войны).

Итак, рабочая сила женщин, стариков и детей выступала определяющей характеристикой качества сельских трудовых ресурсов. При этом энерговооруженность их труда находилась на отметке почти критического дефицита. Последний компенсировался многократным наращиванием доли ручного труда.

Понятно, что это не могло не вызвать гигантского перенапряжения труда, катастрофического износа физических сил участников производства. Перекрывались не только допустимые, но и сверхвозможные нормативы.

Только за один год (с 1941г. по 1942г.) численность трудоспособного колхозного населения уменьшилась на 164 тыс. человек (минус еще и техника). Между тем согласно установленному плану было засеяно на 508 тыс. га площадей больше (29). Нагрузка на одного трудоспособного (включая женщин, стариков и подростков) составила более 5 га (для сравнения: в 1941г. нагрузка посевных площадей на одну рабочую лошадь составляла в среднем по РСФСР 3,7 га) (30).

Поскольку сельскохозяйственные операции были до предела сжаты в своих технологических сроках (а также жесткими директивными планами), то для выполнения такого объема работ трудовой день продлевался на многие часы. Столь тяжелые физические нагрузки усугубля-

лись отсутствием возможностей рекреации (восстановления) и постоянно давящим психо-эмоциональным стрессом (переживания за судьбу близких на фронте). На истощении людей сказывался и крайне неадекватный уровень энергетического баланса (энергетические затраты и их восстановление питанием).

Как и прежде, в годы войны главным каналом отчуждения сельскохозяйственной продукции колхозов являлись обязательные поставки государству.

В 1943г. из общей доли реализованного по стране колхозного стада государственные заготовки составили по крупному рогатому скоту 84 процента против 63 в 1940г., и 79 процентов - по овцам и козам (44). В этом же году колхозы страны сдали по обязательным поставкам мяса столько же, сколько в 1940г., тогда как к этому времени в результате оккупации численность их сократилась почти на 40 процентов (31).

В Казахстане скотозаготовительные балансы многократно превышали динамику поголовья стада, тогда как по отдельным видам скота рост фиксировался на уровне 20 (крупный рогатый скот) - 50 (овцы и козы) процентов, заготовки мяса в 1943 г. увеличилась по отношению к 1939г. в 3,4раза(32).

Хлебозаготовки по отношению к валовым урожаям достигали в республике 55 и более процентов. При этом, несмотря на то что масштабы цен на рынке возросли на многие порядки (например, 1кг зерна стоил 25 руб., 1кг картофеля - 25, 1кг мяса - 100 руб.), заготовительные расценки оставались на уровне довоенного времени: за 1кг зерна - 7-8 коп., картофеля - 3 коп., за голову овцы - 8-11 руб. Следовательно, заготовительные цены выполняли чисто символическую функцию и даже близко не покрывали себестоимость колхозной продукции, т.е. государство получало ее почти безвозмездно.

Объемы государственных продовольственных ресурсов увеличивались вследствие постоянного сокращения

фонда потребления колхозов. В 1943г. лимиты, выделяемые для оплаты трудодней, упали по сравнению с 1939г. на 6,2 процента. Но фактически на эти цели отпускалось еще меньше. Так, в 1942г. было выдано 24 млн.ц зерна, вместо предусмотренных к выдаче 44 млн., а в 1943г. на оплату трудодней выделили зерна меньше на 6,5 млн.ц (33).

Крупнейшим источником заготовок в годы войны стали добровольные и постоянные отчисления продуктов в фонд Красной Армии и фонд обороны. Например, колхоз "Красный колос" Актюбинской области уже в начале войны сдал в фонд обороны из своего артельного хозяйства 12 тыс. пудов хлеба и 20 голов скота (34). Таким же образом участвовали в патриотической инициативе все хозяйства. "Почти нет таких колхозов, которые не считали бы своей моральной обязанностью сверх установленных государством поставок сдавать часть продукции в фонд Красной Армии", - писал М. Калинин (35).

На 1 января 1942г. труженики республики внесли в фонд обороны 318 тыс. пудов зерна, свыше 78 тыс. пудов мяса в живом весе и т.д. В фонд Красной Армии колхозы Казахстана сдали в 1944г. 14 тыс. голов крупного рогатого скота, 94 тыс. овец, 2 тыс. свиней (36). Огромным потоком шла продукция в фонды обороны и Красной Армии из личных подсобных хозяйств колхозников.

Описанные выше масштабы заготовок продовольствия говорят сами за себя: село Казахстана отдавало буквально последние крохи на Победу. Само же оно существовало на грани голода.

Нормы отоваривания трудодней не достигали даже самого минимального физиологически необходимого уровня. В 1942г. на один трудодень выдавалось 850 г зерна и 500 г картофеля, в 1943г. - соответственно 300 г и 500 г. Иначе говоря, фактически на душу населения в 1943 г. приходилось в день 100-150 г зерна и чуть более 100 г

картофеля, т.е. меньше стакана зерна и одна-две картофелины.

В потребительском бюджете сельчан колхозы играли минимально значимую роль. Об этом свидетельствуют средние данные по стране о доле продукции и денег, полученной колхозниками от работы в общественном хозяйстве. Так, в 1944г. на одного члена семьи она составляла к общему приходу: зерновые - 34,2 процента, картофель - 9,8, мясо и сало - 1,0, молочные продукты - 0,2, деньги - 3,5 процента (37).

Спасало главным образом личное подсобное хозяйство колхозников. Не будь его, село в результате голода и полного истощения дало бы обилие жертв, сравнимое с фронтовыми потерями. Однако и этот источник был доступен далеко не всем. В 1943г. (самом тяжелом, неурожайном) 21 процент колхозных дворов Казахстана не имел скота (38).

Значительная часть продукции личного сектора отчуждалась на нужды государства. В годы войны в силу нарастания дефицита товарной массы масштабы централизованного государственного снабжения оказались суженными до предела.

В наихудшем положении оказалось село. Удельный вес выделенных для него хлопчатобумажных тканей составил в 1944г. лишь 16,5 процента всего объема их рыночного фонда, шерстяных - 6,1, кожаной обуви - 7,9, хозяйственного мыла - 22,3 процента (39). Восполнение этих товаров (а также керосина, сахара, соли и т.д.) требовало отвлечения части продукции личного двора в сферу товарно-денежных отношений и натурального обмена в городе.

Следует сказать, что в силу многократного роста цен на продовольствие сельчане получали от колхозно-рыночной торговли достаточно существенные доходы. Но если рабочие, получая мало денег, все же могли их отовари-

вать по карточкам, то колхозники такой возможности были лишены. Этим отчасти объясняется факт накопления на селе довольно значительной массы денег, которая в рамках системы нормированного снабжения выбывала из оборота.

Часть ее изымалась посредством повышения сельскохозяйственного и введения военного налогов (необходимость их уплаты также вынуждала продавать далеко не лишнюю продукцию личного хозяйства). Значительные суммы государство получило через массовые подписки на военные займы и распространение денежно-вещевой лотереи. Движимое чувством огромного патриотизма, колхозное крестьянство переводило большие средства на нужды фронта (на его деньги строились целые танковые колонны, корабли и катера, авиаэскадрильи и т.д.). Только к февралю 1943г. колхозники Казахстана передали на строительство танков 421 млн. руб. За годы войны патриотические взносы колхозного крестьянства СССР составили никак не меньше 70 млрд. рублей (40).

Итак, крестьянство демонстрировало высочайший патриотизм и жертвенность, идущие от огромной боли и тревоги за судьбу Отчизны. Но даже в этот грозный час, когда все слились в едином сыновьем порыве и всеобщей солидарности, тоталитарный режим продолжал недоверять своему народу. Мобилизация ресурсов села, осуществляемая по разным каналам и намасштабной основе, подстегивалась механизмом жесткого контроля.

"Перестройка партийно-политической работы на военный лад" вылилась в создание на селе новых директивных органов и принятие дополнительных репрессивно-регламентирующих нормативных актов. 17 ноября 1941г. ЦК ВКП(б) принял решение о формировании политотделов при МТС и совхозах (41). Они наделялись столь широкими прерогативами, что начальники их утверждались и смещались только ЦК ВКП(б) и не были подотчетны

райкомам ВКП(б). Помимо всего прочего, политотделам вменялись дисциплинарная функция, контроль за исполнением планов сельскохозяйственных работ, обеспечение интенсивности товарных потоков. По сути дела это был многополномочный контрольный орган режима на селе.

Очередным подтверждением того, что колхозы являлись квазикооперацией и рассматривались государством не иначе, как собственные вотчины, послужило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942г. "О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней" (42). В соответствии с ним обязательный минимум увеличивался в два раза. Постановление узаконивало использование детского труда, ибо распространяло свое действие на подростков от 12 до 16 лет. Колхозники, не выработавшие обязательный минимум, могли предаваться суду, как и председатели колхозов, не исполнявшие это постановление.

В 1946г. вышла брошюра наркома земледелия СССР И.А. Бенедиктова "Несокрушимый колхозный строй", Главная идея - аграрный тыл устоял в годы войны лишь благодаря колхозному производству. Вся последующая историография также разворачивала этот тезис. Следует признать, что колхозно-совхозная система действительно сыграла в годы войны огромную роль. Она оказалась весьма действенной структурой. Но эффективность ее никоим образом не была связана с такими, особо выделяющимися в историографии моментами, как качество организации производства, уровень материально-технической обеспеченности, высокая производительность труда и т.д. Эти факторы в условиях экстенсивного по своей природе колхозно-совхозного производства как раз-таки сводились на нет. Колхозно-совхозная система оказалась эффективной именно как инструмент мобилизации ресурсов села, четко вписывающийся в арсенал административно-командных средств тоталитарного государства.

ГЛАВА 11. ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После завершения войны вера в эффективность сверхцентрализованной экономики обрела качество еще более устойчивой идеологической константы. Апеллируя к победе в войне как доказательству правильности избранной модели развития, сталинская партийно-государственная пропаганда усиленно внедряла в массовое сознание имидж особой универсальности директивно-распределительной системы.

Между тем становилось все более очевидным, что вне чрезвычайных, по сути своей мобилизационных условий последняя утрачивает свои, и без того ограниченные потенции, ибо способна как-то функционировать лишь в экстремальной ситуации (война и т.д.). Поэтому не случайно уже в первые послевоенные годы весьма явно обозначились негативные тенденции.

Их действие усугублялось тяжелейшими последствиями войны и стихией, обрушившейся на сельское хозяйство в 1946г. Страшная засуха, более сильная, чем в 1891 и 1921гг., охватила весной и летом этого года обширную территорию Молдавии, Украины, Центрального Черноземья, Нижнее Поволжье, Приморский край и другие районы страны. Общая площадь погибших посевов зерновых составила 4,3 млн. га (1). На сотнях тысячах гектаров всходы не возместили даже семенной материал, затраченный на посевы. Средняя урожайность по стране едва превышала 4ц/га (по Казахстану - 5ц). Валовые сборы зерна по отношению к довоенному уровню в Центрально-Черноземной области и Поволжье дали лишь 17,9 процента, на Украине и Северном Кавказе - 30,6, в районах Сибири и Дальнего Востока - 54,1 процента (в более благополучном Казахстане - 97 процентов). В целом по стране был собран урожай в размере 36,9 процента от довоенного уровня (2).

Молдавия, Украина, другие районы оказались охваченными голодом. Как и в "лихую годину" (1932/33 гг.),

люди, чтобы спасти себя и своих детей от голодной смерти, срезали по несколько колосков, припрятавали пригоршню зерна, тайком пытались вынести с полей одну-две картофелины. В некоторых колхозах, хорошо зная, что государство не посчитается с критическим положением и "выгребет" из общественных амбаров все до последнего зернышка, стали еще до расчета по обязательным поставкам выдавать зерно авансом в счет трудовой и на общественное питание.

Как всегда, карательные акции государства не заставили себя ждать. Исходя из опыта массовых "посадок" крестьян по делам "о пяти колосках" в голод 1932/33г., режим масштабно развернул упреждающие санкции. Во второй половине 1946г. (когда стало ясно, что грядет голод) Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановления по охране хлеба "О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи" (27 июня) и "Об обеспечении сохранности государственного хлеба" (25 октября) (заметим определение: не "колхозный", а "государственный"). Уже осенью 1946г. за хищение хлеба в стране было осуждено 55369 человек, при этом по закону от 7 августа 1932г. осудили 1146 человек, 37 из них были приговорены к расстрелу (3).

За "преступную мягкотелость" и невыполнение государственных поставок по хлебозаготовкам было осуждено огромное количество председателей колхозов. Во второй половине 1946г. в ходе хлебозаготовок в Казахстане было арестовано 317 председателей правлений сельхозартелей, 308 человек сельсоветского и колхозного актива, что еще больше дезорганизовало колхозное производство (4).

4 июня 1947г., т.е. в самый разгар голодной стихии, было принято два драконовских закона, которые в части наказания были гораздо суровее, чем закон от 7 августа 1932г. (о хищении соцсобственности) (5). Указ "Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества" предполагал наказание в виде

заключения в лагеря на срок от 5 до 8 лет, второй указ - "Об усилении охраны личной собственности граждан" - от 10 до 15 лет. По секретному распоряжению Совмина СССР действие указов от 4 июня было распространено также на мелкие кражи на производстве. Рабочие и служащие наказывались за мелкие кражи уже не одним годом лишения свободы, как было это ранее (указ от 10 августа 1940г.), а 7-10 годами (6). Формально направленные против воров и злостных расхитителей указы по масштабам их применения обернулись массовыми репрессиями против населения, толкаемого голодом и безысходностью на самые различные ухищрения, большая часть которых никак не могла быть квалифицирована как уголовное преступление.

Об антигуманном характере указов говорило то, что около 50 процентов осужденных в 1946-1947гг. составляли женщины с малолетними детьми, следовавшими вместе с матерями по этапу. На 1 июня 1947г., т.е. менее чем через месяц после издания указов, в тюрьмы, колонии и лагеря было заключено 18790 детей в возрасте до 4 лет, 6820 беременных женщин. Детей осужденных вдов (потерявших мужей на фронте) в возрасте старше 7 лет, которых некому было взять на воспитание, направляли в детдома и дома ребенка (7). Такрежим воздал благодарность павшим за Родину, сделав их детей полными сиротами. Всего к концу 1947г. по указам от 4 июня в тюрьмы и лагеря было заключено 300 тыс. человек (8).

Несмотря на кризисное положение в сельском хозяйстве, государство продолжало отчуждать значительную часть колхозной продукции. В 1946г. удельный вес обязательных поставок по хлебозаготовкам составил по отношению к валовому урожаю 51,5 процента. Потери в неурожайных областях компенсировались увеличением объемов хлебозаготовок в других районах страны. В Казахстане, где урожай оказался тоже далеко не лучших видов, государство изъяло около 56 процентов валового сбора зерна (9).

Выстраданное таким трудом и болью зерно, казалось

бы, должно было направляться в голодающие районы. Однако руководство страны ставило идеологическое доктринерство превыше отчаяния и смерти своих сограждан. Вопреки возможностям страны оно развернуло широкомасштабную продовольственную помощь так называемым народно-демократическим режимам Восточного блока. Десятки тысяч вагонов с зерном следовали мимо вымирающих от голода украинских и молдавских сел в направлении Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Германии.

Матерей сажали в лагеря за горсть зерна, принесенную плачущим от голода детям, а в это время в Польшу направлялись эшелоны с 1 млн. зерна (1946-1947гг.). В. Молотов слал телеграмму Клименту Готвальду в Чехословакию: "Я понял, до чего тревожно у вас хозяйственное положение (а в СССР все ломится от изобилия - Ж.А.)... Мы можем довести количество зерна для вас до 600 тысяч вместо обещанных 488 тыс. тонн". В июне 1947г. премьер-министр Румынии П. Грозуге говорил: "Годы засухи поставили нас в тяжелое положение... Мы были вынуждены снова стучаться в двери наших друзей на Востоке (можно было "постучаться" и на благополучный Запад, но Сталин блокировал "план Маршалла" в Восточной Европе - Ж.А.). Мы знаем, что у них была засуха и что, несмотря на это, они дали нам займы в прошлом году 30 тыс. вагонов (300 тыс. тонн) зерна с доставкой на дом, не требуя взамен никаких гарантий, не требуя золота, а мы не смогли отдать этот долг. Несмотря на это, мы снова обратились к нашим друзьям, и они поняли нас и помогают нам снова". Всего Румыния получила 780 тыс. тонн зерна, 120 тыс. тонн получила в 1946г. Болгария и т.д. (10).

Арсенал средств реагирования на продовольственный кризис в условиях административно-командной экономики был сужен до предела. По сути весь выбор ограничивался двумя рычагами: нормированием снабжения населения из экстенсификацией. В декабре 1946г. Совмин СССР принял постановление "О расширении посевных площа-

дей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР" (11) (идеология его была в последующем развернута в "целинной" политике партии). Согласно заложенным в нем установкам в 1947г. планировалось расширить посевные площади на 10 млн. га. В 1947-1949 гг. площади под зерновыми в Казахстане, Сибири, Южном Урале должны были возрасти на 6,5 млн. га. В рамках программы экстенсификации зернового производства в 1950г. зерновые площади увеличились в Казахстане по сравнению с 1946г. на 1 млн. 173 тыс. га (12). Только за счет этого фактора и удалось несколько увеличить валовые сборы зерновых культур.

Тем не менее экстенсификация могла лишь несколько "взбодрить", но не динамизировать сельское хозяйство, которое продолжало оставаться в застое. Так, в 1949-1955 гг. среднегодовой сбор зерновых составил только 4,9 млн. пудов при средней в стране урожайности 7,7 ц/га, что было лишь немногим больше, чем в 1910-1914 гг. (соответственно 4,4 млн. пудов и 7,0 ц/га) (13). Вопреки декларациям, прозвучавшим с трибуны XIX съезда Компартии, валовой сбор зерна в 1952г. дал не 8, а 5,6 млрд. пудов (если же считать не по бункерному весу и потери в хранении, то, вероятно, и того меньше). Даже после изъятия у колхозов и совхозов всего семенного материала удалось заготовить только 2,1 млрд. пудов хлеба, т.е. налицо был явный дефицит потребностей (14).

В Казахстане в годы первой послевоенной пятилетки (1946-1950 гг.) статистика фиксировала среднегодовую урожайность, равную показателям 1913г. (5,6 ц/га). Среднегодовые валовые сборы зерна оказались меньшими, чем в 1928г. а государственные закупки (в среднегодовом исчислении) уступали по своим объемам уровню 1941г. (15).

В тяжелейшем состоянии продолжало оставаться животноводство республики. В 1951г. здесь насчитывалось лишь 4,5 млн. голов крупного рогатого скота (в 1928 - 6,5 млн.), 1,5 млн. лошадей (3,5 млн.), 127 тыс. верблю-

дов (1 млн.). И только по овцам в силу их большей биологической репродуктивности удалось приблизиться к уровню 1928г.-В 1951г. их насчитывалось 18036тыс. (16).

Рассматривая собственно послевоенную пятилетку, было бы неверным умолчать, что в ее интеграле (1946-1950 гг.) прослеживались достаточно заметные подвижки, т.е. в целом она дала определенный восстановительный эффект и даже сообщила какой-то импульс к дальнейшему развитию народного хозяйства. Однако данная констатация, зафиксированная, кстати, практически во всех учебниках и хрестоматиях, обретает совершенно иные светотени в контексте некоторых конкретно-исторических фоновых увязок.

Так, наши представления о степени динамики послевоенных народнохозяйственных изменений скорее всего подвергнутся существенной коррекции, если мы вспомним исторический прецедент нэпа. Как известно, опыт перехода от разрухи Гражданской войны к миру, сопровождавшийся радикальной переориентацией с бестоварной утопии "военного коммунизма" на новые формы хозяйствования, показал, что выход на всеобъемлющую структуру включенных хозяйственных интересов с ее мотивами "хозяйского самоотождествления", использование преимуществ частной собственности и рыночных отношений позволяют сразу же и полностью реализовать восстановительный потенциал экономики с последующим продвижением ее в режим нарастающего развития.

Тем не менее этот глубоко позитивный опыт не был востребован большевистскими ортодоксами, продолжавшими и после войны делать ставку на планово-распределительное администрирование, экстенсивно-силовые методы, феодализацию сельского хозяйства.

Кажущийся "позитив" опыта послевоенного развития меркнет и на фоне сравнений с послевоенным развитием Германии и Японии - стран, потерпевших во второй мировой войне сокрушительное поражение. Здесь восстановление разрушенного хозяйства (а в последующем и его быстрое движение к "экономическому чуду") обес-

печивалось сугубо за счет реформаторской переориентации хозяйственной политики на создание механизма экономической мотивации. В СССР действие этого фактора было равно практически нулю, ибо ни о каких реформах не было и речи. Восстановление народного хозяйства осуществлялось главным образом благодаря трудовому энтузиазму и патриотизму народа, героически и самоотверженно трудившегося во благо Родины.

Нельзя не знать и того, что за внешне благополучными показателями послевоенной пятилетки стояли каторжный труд сельских тружеников, со всех сторон обложенных репрессивным принуждением, нищета и голод населения, варварская эксплуатация детского и женского труда, низкий уровень продолжительности жизни, высочайшие нормативы физического износа населения, использование рабского труда миллионов заключенных ГУЛАГа.

Таким образом, оценивая результаты послевоенного восстановления и развития экономики, надо сказать, что эти процессы проходили не благодаря, а вопреки Системе, продолжавшей сковывать величайшую энергию масс, огромный потенциал трудового подвижничества, заложенный в природе народа.

В рамках неизменной системы координат продолжала выстраиваться стратегия промышленного развития. Стержнем ее по-прежнему оставалась идеология, выпестованная еще в годы индустриализации. Тогда, гипертрофируя внешнюю угрозу, Сталин выдвинул в качестве абсолютного приоритета всемерное развитие оборонного комплекса и тяжелой индустрии (группа "А"). Что касается производства товаров широкого потребления (группа "Б"), то оно фактически блокировалось, поскольку, как в то время фарисействовал вождь, "революции без жертв не бывает", а потому задача воспроизводства благосостояния может быть признана актуальной лишь в "светлом будущем".

После войны оправданием продолжавшейся политики игнорирования группы "Б" и чрезмерной концентра-

ции ресурсов на развитии военно-промышленного комплекса и производства средств производства стала служить данность "холодной войны" и выводимая из нее опасность "новой империалистической агрессии". Играя на стереотипах некритического отношения к внутри- и внешнеполитическому курсу страны, ее руководство взамен нормального уровня жизни предлагало народу продолжать восхищаться грозной техникой на военных парадах, "впечатляющими" индустриальными пейзажами и невиданным размахом новых "строек коммунизма", без которых не одолеть нового врага, образ коего начинала лепить идеологическая машина. Одним словом, вместо давно назревшей структурной перестройки промышленности с ее нацеливанием на "прозаические" нужды конкретного человека страна продолжала перенапрягаться в беспрецедентном наращивании производства стали, чугуна, свинца, угля. И промышленность Казахстана являлась, пожалуй, одной из самых ярких иллюстраций этой политики.

В это время в республике начались работы по строительству Карагандинского металлургического завода (его называли "Казахстанской магниткой"), в Усть-Каменогорске дал первую продукцию свинцово-цинковый комбинат, увеличивались производственные мощности Балхашского медеплавильного завода, воздвигался комплекс объектов крупнейшего медеплавильного комбината в Джезказгане, интенсивно эксплуатировались Карагандинское и Экибастузское месторождения угля и т.д.

Добавим, что в рассматриваемые годы Казахстан превращался в крупнейшее звено военно-промышленного комплекса. Наряду с развертыванием широкой инфраструктуры военного производства здесь начиналось строительство атомного полигона под Семипалатинском, ракетного - в районе Балхаша, а чуть позже - космодрома Байконур и др.

Что касается производства предметов потребления, то его масштабы продолжали оставаться в республике более чем скромными. Так, к 1950г. в огромном Казах-

стане насчитывалось всего 65 предприятий легкой промышленности, причем многие из них имели чуть ли не дореволюционную историю. Выступая одним из крупнейших производителей хлопка и шерсти, кожевенного сырья, республика имела крайне неадекватный удельный вес в союзном производстве хлопчатобумажных (0,1%) и шерстяных (1,4%) тканей, кожаной обуви (1,7%). Такая же ситуация была характерна для всех отраслей группы "Б"

Вопреки расхожим стереотипам следует подчеркнуть, что уровень жизни населения по сравнению с довоенным периодом и уж тем более с периодом нэпа в рассматриваемое время продолжал снижаться, хотя действительно в первые послевоенные годы была отменена карточная система распределения товаров, проведена денежная реформа (1947г.). Тем не менее расчеты показывают, что и после отмены карточек и денежной реформы, которая, кстати, носила ярко выраженный конфискационный характер, уровень розничных цен был втрое выше, чем в 1940г. Денежная же заработная плата рабочих и служащих (в среднем исчислении) в 1950г. превышала довоенную менее чем вдвое, т.е. снижение в 1948-1954 гг. цен понизило их общий уровень в 2,2 раза и, следовательно, не возвратило к уровню 1940г. (17).

В то же время индекс розничных цен в 1940г. превышал уровень 1928г. в 6,4 раза. Примерно также возросла за эти годы и денежная зарплата, т.е. покупательная способность за двенадцать довоенных лет не увеличилась (8).

Кроме того, не следует забывать, что снижение цен 1948-1954 гг. осуществлялось на фоне изъятия у населения значительных денежных средств в виде принудительных государственных займов и крайне низкого уровня зарплаты. Поэтому понятно, почему в то время магазины были завалены самыми изысканными деликатесными продуктами (от икры до экзотических кальмаров), но в дефиците числились хлеб и сахар: ведь в 1950г. среднемесячная зарплата составляла в Казахстане всего 62 руб. (19).

Еще больше бедствовали сельские жители. Размеры их зарплаты определялись величиной колхозного дохода, которая оставалась крайне незначительной. Иного быть не могло, поскольку государственные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию были столь низкими, что, например, в зерновом производстве возмещали лишь одну восьмую часть себестоимости, а в животноводческом и того меньше. Денежные доходы в среднем на один колхоз в 1946г. составляли в Казахстане 143 тыс. рублей, а в 1950г. - около 170 тыс. (в ценах соответствующих лет). Поэтому среднемесячная зарплата сельских жителей к концу пятилетки (1950г.) едва приближалась к 40 рублям. Что касается натуральной оплаты, то только 60 процентов колхозов выдавали на трудодень более 1 кг зерна, а остальные - ниже этой нормы.

Впрочем, удельный вес доходов от колхоза в совокупном доходе семьи колхозника был невелик: он составлял всего 20 процентов денежных доходов и 38 процентов прихода зерновых. Основным источником существования оставалось личное приусадебное хозяйство. Именно за счет его колхозники обеспечивали свое потребление: картофеля - на 88,4 процента, овощей - 73,4, мяса - 85,3, яиц - 95,6 процента, молока - 97,7 процента. От продажи продукции своего подсобного хозяйства сельские жители формировали до одной трети совокупного денежного дохода.

Но государство и здесь простерло свою длань. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) (1939г.) каждый колхозный двор, имевший приусадебный участок, принуждался к обязательным поставкам сельхозпродукции по государственным (читай: неэквивалентным) ценам. В зависимости от зональных условий каждая семья сдавала от 40 до 60 кг мяса, 120-280 л молока, 30-150 шт. яиц в год (20). И лишь часть продукции, произведенной в своем дворе, крестьяне могли реализовывать на рынке, уплатив от объема продажи довольно высокие для них сборы и налоги.

Но и на этом государственная обираловка не закан-

чивалась. И без того скудные доходы колхозников изымались на оплату страховых платежей и в счет принудительного государственного займа. Немалые средства отчуждались посредством налога обложения. С 1939 г. сельхозналог исчислялся в соответствии с доходами, полученными от скота, от посевов на приусадебном участке, от фруктовых деревьев и т.д. Размеры доходности устанавливались с каждой коровы, находящейся в личном пользовании двора, каждой "сотки" посева, каждого фруктового дерева и т.д. При доходе, исчисленном, например, в размере от 2 до 3 тыс. рублей, налог с хозяйства составлял 220 руб. и 13 коп. с каждого рубля сверх 2 тыс.

"Обложив" приусадебное хозяйство колхозников со всех сторон, государство продолжало сужать его возможности. Так, в 1946-1948 гг. в 1600 сельхозартелях Казахстана было изъято из приусадебного пользования 536,6 тыс. га земли (якобы как "незаконно захваченной"), 70 тыс. голов скота, взыскано 213 млн. руб. так называемой дебиторской задолженности.

Естественно, что все эти прямые и косвенные изъятия резко снижали и без того мизерное потребление крестьянской семьи, сохраняя его на уровне лишь биологически допустимого минимума. Например, из 21,7 кг мяса (приходящегося на одного члена семьи в год) в 1950 г. отчуждалось по тем или иным каналам около 5 кг, из 64 шт. яиц 13 продавалось, 12 сдавалось по обязательным госпоставкам и только 39 оставалось на питание. В 1950 г., т.е. к концу "пятилетки послевоенного восстановления", на сельского жителя приходилось всего 1,76 кг сахара (в год), 3,6 кг пшеничного хлеба, 0,87 кг рыбы, 47 кг овощей, 15 кг мяса, 160 кг молока и молочных продуктов (21). Отсюда ясно, что энергетический баланс питания формировался главным образом за счет хлеба и картофеля.

Таким образом, государство продолжало обрекать население на страдания и полуголодное существование, деформируя не только духовное развитие нации, но и ее физический генотип.

ГЛАВА 12. "ЛАГЕРНАЯ ЭКОНОМИКА

Тоталитарное государство с его экстенсивным хозяйством, базировавшимся на приращивании массы дешевого труда, изошренно эксплуатировало и ту его сферу, которую формировала "лагерная экономика". Представляется, что выделение такого понятия достаточно правомерно, поскольку режим всегда рассматривал пенитенциарную (исправительную) систему в качестве функционально самостоятельного сегмента в производстве валового продукта, отводя ей роль источника дармовой рабочей силы, использовавшейся на тяжелых физических работах в климатически неблагоприятных районах.

В 20-е годы труд заключенных был задействован в относительно узких масштабах и направлялся главным образом на обеспечение собственных нужд лагерей. Но уже в начале первой пятилетки была осуществлена реорганизация тюремно-лагерной системы с целью интеграции принудительного труда в решение крупных народнохозяйственных задач. В 1929 г. ОГПУ инициировало ряд мероприятий, в числе которых предусматривался переход "от системы существующих мест заключения к системе концлагерей..." (1). 27 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило постановление "Об использовании трудауголовно-заключенных". Согласно ему концентрационные лагеря ОГПУ переименовались в исправительно-трудовые с заключением в них осужденных на срок три года и более. В этой же связи предписывалось расширить существующие и организовать новые лагеря в районах, где планировалось освоение "природных богатств путем применения труда лишенных свободы". (2) Осужденные на срок до трех лет должны были оставаться "контингентом" специально создаваемых сельскохозяйственных и промышленных колоний.

В 1934 г. был образован Наркомат внутренних дел (НКВД), в структуры которого передавалось главное управление лагерей и колоний - ГУЛАГ. К 1941г. из послед-

него выделился ряд подразделений, на первый взгляд с вполне гражданскими аббревиатурами - ГУЖДС (главное управление лагерей железнодорожного строительства), ГУШОССДОР (главное управление лагерей шоссейно-дорожного строительства) и т.д. В состав ГУЛАГа входили специализированные управления: промышленного и специального строительства (номерные оборонные объекты, алюминиевые, целлюлозно-бумажные, цементные заводы и др.), горно-металлургической промышленности, управление топливной промышленности и др. (3). Таким образом, ОГПУ - НКВД, оставаясь карательно-силовыми органами, в то же время обретали функции хозяйственно-экономических ведомств. Они проходили отдельной строкой в народнохозяйственных бюджетах, специально для них верстались экономические задания и планы.

Лагерная система разрасталась весьма стремительно и, что примечательно, синхронно грандиозным планам пятилеток. В 1932г. в стране насчитывалось 11 исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа, на начало 1940г. в его ведении находилось уже 53 лагеря и так называемых лагерей строительства НКВД (создавались специально для сооружения крупных объектов), 425 исправительно-трудовых колоний (170 промышленных, 83 сельскохозяйственных). (4) Понятно, что росла и численность заключенных. Если в 1930г. их насчитывалось 179 тыс., то к началу 1940 г. "контингент" ГУЛАГа определялся в 1668200 осужденных (4а).

По-видимому, излишне говорить, что наиболее значительную их часть (чуть менее 30 процентов) составляли осужденные по политическим мотивам (хотя многие уголовные дела, как, например, "дела о пяти колосках", следует также рассматривать в качестве реализации политических репрессий). В 20-30-х годах по этим категориям прошло более 3 млн. человек (749421 человек был приговорен к расстрелу). Пик, как известно, пришелся на 1937-1938 гг., когда было репрессировано 2,5 млн. человек - 2,5 процента взрослого населения страны (в регионах - близкая к этому цифра) (5).

Архипелаг ГУЛАГ простирал свои границы и в пределы Казахстана (здесь уже в 1930-1931 гг. на тяжелых физических работах-угольных разработках и строительстве Карагандинской железной дороги были заняты более 30-ти тысяч раскулаченных, высланных на так называемые трудпоселения и являвших собой также "контингент" ГУЛАГа). По данным на начало 1939 г. на территории республики находилась 21 тюрьма с 13657 заключенными, а в колониях ГУЛАГа работало 7899 осужденных (6).

Одной из крупнейших структур ГУЛАГа являлся Карагандинский лагерь - на 1939 г. среди 42 лагерей НКВД он занимал девятое место по численности заключенных (35072 человек, около 3 процентов всех лагерных узников страны) (7). Карлаг был создан в 1930 г. в границах Тельманского, Жанааркинского и Нуринаского районов Карагандинской области и, постепенно расширяясь, занял территорию в 1780 тыс. гектаров (до этого здесь находилось несколько поселков и казахских аулов, насчитывавших 4361 хозяйств с населением 21979 человек - все они были выселены в другие районы). Управление лагеря находилось в с. Долинское. Имелось несколько лагерных пунктов и отделений - своеобразных "филиалов" Карлага - Балхашское отделение (подрядные работы), Карабаское (пересыльный пункт и база снабжения) и др.

По своему преимущественному "профилю" Карлаг считался сельскохозяйственным лагерем НКВД. В административном отношении вся его территория делилась на 19 отделений. Последние в свою очередь разграничивались на ряд хозяйственных подразделений, именуемых в отчетности участками и фермами. Всего в лагере насчитывалось 106 животноводческих ферм, 7 огородных и 10 пахотных участков.

Лагерь располагал обширными сельскохозяйственными угодьями: 82,6 тыс. га - основной пашни, 19 тыс. га - целинных залежей и перелогов, 468 тыс. га - сенокосов, 7,5 тыс. га - лиманов, более 1 млн. га - выгонов. Согласно

лагерному отчету от ноября 1940 г. на этих площадях содержались 17,7 тыс.голов крупного рогатого скота, 193,2 тыс.овец, 5,8 тыс.лошадей, 3,8 тыс.рабочих волов.

В лагере имелась достаточно развитая хозяйственная инфраструктура. Здесь функционировала собственная сельскохозяйственная опытная станция (она выпускала даже "научные" отчеты по степному животноводству и арендному земледелию, которые писались высококлассными специалистами-аграрниками из числа заключенных), действовали более 100 пунктов искусственного осеменения, для содержания скота имелось 211 овчарен (площадью 131,7 тыс.кв.м), 110 коровников (49,6 тыс.кв.м), 68 телятников (22,9 тыс.кв.м), 54 тепляка (7,2 тыс.кв.м).

Как и везде в лагерях, механизация почти полностью отсутствовала, и на всех хозяйственных операциях абсолютно преобладал ручной труд заключенных (например, на весь Карлаг имелся только один агрегат для электрострижки овец). Объемы же работ были огромны. В 1940 г. в соответствии с плановыми заданиями по заготовкам Карлаг сдал 27531 центнер мяса в живом весе (кроме 18717 центнеров на собственные нужды), 3408 центнеров шерсти, много другой животноводческой продукции.

Промышленность Карлага включала в себя сеть предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции: 12 мельниц (мощностью 12 тыс.т в год), 9 крупорушек (6,5 тыс.т), 13 маслозаводов (7,4 тыс.т), 1 маслобойный завод (2,5 тыс.т), 2 сыроварни (50 т.сыра), 9 брынзоварен (15 т.брынзы), 11 пунктов засолки овощей (3 тыс.т), 1 бойню (35тыс.голов скота в год). На Акмолинской швейно-вышивальной фабрике работали 1100 человек, выпускавшие продукции почти на 2 млн.руб., деревообделочная мастерская давала товаров на 1,5 млн.руб., прядильно-ткацкая фабрика в Спасском отделении производила 2 млн.варежек в год (во время войны мощности ееувеличились). Помимоэтого, функционировали каменноугольная шахта производительностью 60 тыс.т угля в год, 10 кирпичных заводов (2 млн.штук кирпичей), 6 известко-

вых карьеров (2800 т извести). Балхашское отделение лагеря выполняло подрядные работы по строительству медеплавильного завода, на нем было занято ежедневно 650 заключенных. Карлаг выполнял подряды на строительстве Карагандинской ГРЭС, Карагандинской железной дороге, шахтах угольного бассейна и т.д. (8).

"Лагерная экономика" в довоенный период была представлена в Казахстане и другими подразделениями ГУЛАГа. Так, заключенные лагерных отделений и пунктов Сазлага (Среднеазиатский исправительно-трудовой лагерь) трудились на подрядных работах Чуйского новолубтреста, в собственных хлопковых совхозах. На ирригационных работах и уборке хлопка трудились заключенные Пахта-Аральской ударной колонии. Чуйская ИТК массовых работ "обслуживала" цементный завод в с.Георгиевка, Коскудукская ИТК - леспромхоз на ст.Чу. ИТК массовых работ выполняли подряды в Талды-Кургане, Аягузе, Литвинске и т.д. (9).

О роли ГУЛАГа в экономике страны в 30-е годы можно судить по следующим данным. В 1936 г. капитальные работы НКВД планировались в размере 3,5 млрд.руб., в 1937 г. наркомат освоил около двух, а в 1938 г. - трех миллиардов рублей. В программе реорганизации ГУЛАГа, направленной в правительство Берией в апреле 1939 г., сообщалось, что "на рабочую силу исправительно-трудовых лагерей... в 3-ю пятилетку возлагается проведение важнейших строительных работ общей стоимостью до 12 миллиардов рублей...". В 1939 г. план капитальных работ НКВД определялся в размере 4,2 млрд.руб., в 1940 г. - 4,5 и на 1941 г. утвердили план в 7,6 млрд.руб. В 1940 г. на ГУЛАГ НКВД приходилось 13 процентов капитальных работ по народному хозяйству СССР (10).

Стоимость валовой промышленной продукции, произведенной ГУЛАГом в 1935 г., составила 744 млн.руб., в 1936г.- 1,1 млрд.руб., в 1937г.-около945 млн.руб., в 1938 г. - около 1 млрд.руб. (Н).

Существенное место занимали лагеря НКВД в про-

изводстве цветных металлов (в основном в отдаленных районах). В 1941 г. из 17,2 тыс.т никеля 9,3 тыс. было поставлено ГУЛАГом (в Казахстане-Актюбинская область), он дал 1,2 тыс.т из суммарных 1,6 тыс.т молибденового концентрата, 60 из 150 т кобальта, 1,2 из 3,22 тыс.т вольфрамового концентрата, 85 из 120,8 т золота, добыл 40,5 процента общесоюзной добычи хромитовой руды (в Казахстане - крупнейшее Донское хромитовое месторождение), его лагеря работали на производстве угля, кирпича, цемента и многого, многого другого. Одним словом, номенклатура продукции лагерей НКВД была поистине беспредельна (12).

Значительный вклад в экономику страны внесли заключенные в годы Великой Отечественной войны. Довольно подробные сведения об этом содержатся в докладе начальника ГУЛАГа НКВД СССР комиссара госбезопасности 3 ранга В.Наседкина, подготовленном для Л.Берии (данные приведены по состоянию на 1 июля 1944 г.) (13).

В документе сообщается, что к этому времени система ГУЛАГа включала в себя 56 исправительно-трудовых лагерей, 910 отдельных лагерных подразделений, 424 исправительно-трудовых колонии. За время войны вновь создано 40 исправительно-трудовых лагерей. С территорий, занятых врагом, в глубь страны было эвакуировано 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний с числом заключенных 750 тыс.человек. Всего же на 1 июля 1944 г. число заключенных составило 1,2 млн.человек, 43 процента их общего числа - осужденные по политическим мотивам (контрреволюционная деятельность и т.п.), 5200 заключенных приговорены к каторжным работам (14).

НКВД имел собственные объекты строительства. Именно наркомат осуществлял, например, возведение металлургического комбината в Актюбинске. Но кроме того, он выполнял подрядные работы по строительству новых и "обслуживанию" действующих оборонно-промышленных предприятий. К лету 1944 г. ГУЛАГ поста-

вил рабочую силу на 640 объектов других наркоматов, в местах дислокации которых было создано 380 специальных исправительно-трудовых колоний(15). К рассматриваемому времени на строительстве железных дорог работали 448 тыс.заклученных, в промышленном строительстве - 310 тыс., на лесозаготовках - 320 тыс., сооружении аэродромов и строительстве шоссейных дорог - 268 тыс.человек. "Контингент" ГУЛАГа из 171тыс. осужденных был занят на предприятиях горно-металлургической промышленности. Так, на Джезказганском медеплавильном комбинате Наркомата цветной металлургии на выплавке меди работали 3 тыс.человек. Огромное количество заключенных было занято на добыче молибденового сырья на Восточно-Коунрадском и марганцевого - на Джездинском рудниках.

О масштабах "лагерной экономики" в годы войны говорят сведения о производственной деятельности НКВД СССР (читай: ГУЛАГа) за 1941-1944 гг. За эти три года трудом заключенных были построены и сданы в эксплуатацию 3 доменные печи (общей мощностью около 1 млн.т чугуна в год), 16 мартеновских и электроплавильных печей (445 тыс.т стали), несколько прокатных станов (542 тыс.т проката), 4 коксовые батареи (1740 тыс.т кокса), угольные шахты и разрезы (6790 тыс.т угля), 46 электрических турбин (596 тыс.киловатт), 6 гидролизных и сульфатно-спиртовых заводов (3 млн.декалитров спирта), 2 химических завода по производству соды и брома, завод нитроглицериновых порохов, 3573 км железных дорог, 4700 км шоссейных дорог, 1058 км нефтепроводов, 612 оперативных аэродромов, группа авиационных заводов в районе Куйбышева и т.д. (17).

Лагерями ГУЛАГа было произведено 315 т золота, 6795 т - вольфрамового и 1561 т молибденового концентратов, 14398 т олова в концентрате, 6511 т электролитного никеля, 996 тыс.т хромитовой руды, 8924 тыс.т угля, 10150 т газовой саж, 407 тыс.т нефти, 90 млн.куб.м леса и дров, 3 млн.куб.м деловой древесины и другой продук-

ции (18).

В годы войны в ГУЛАГе НКВД насчитывалось 414 сельскохозяйственных подразделений: 3 лагеря (в том числе Карлаг), 96 колоний и 315 подсобных хозяйств. Они располагали 441 тыс. гектаров пахотной земли. С 1941 г. по 1944 г. посевные площади, осваиваемые трудом заключенных, возросли с 250 тыс. га до 380 тыс. В Карагандинском лагере за счет лиманов и искусственно вырытых водоемов (конечно, техника при этом отсутствовала) орошаемые площади возросли с 5,6 тыс. га до 17,4 тыс., была удвоена площадь и орошаемых сенокосов (19).

В 1944 г. трудом заключенных было произведено около 200 тыс. т зерна, 400 тыс. т - овощей и картофеля, 300 тыс. т - сена. С 1941 по 1944 гг. было сдано мяса (в живом весе) 42 тыс. т, молока - 112 тыс. т, животного масла - 2,6 тыс. т (20).

Всего было выпущено сельскохозяйственной продукции на сумму около 1,2 млрд. рублей. Таким образом, лагеря ГУЛАГа находились не только на продовольственном самообеспечении, но и были включены в государственные планы сельхоззаготовок.

Как известно, в годы войны многие народы были подвергнуты насильственной депортации. Постановлением ГКО на ГУЛАГ было возложено проведение "мобилизации этих контингентов и направление их на важнейшие строительства НКВД и предприятия других наркоматов". Мобилизациям подверглось более 400 тыс. человек, из них 220 тыс. использовались на объектах НКВД и 180 тыс. - на предприятиях других наркоматов (21).

Так называемые "трудовые армии" и "рабочие колонны" направлялись на добычу угля и нефти, производство черных и цветных металлов, вооружения и боеприпасов. Подобные мобилизации и формирование "трудовых армий" широко практиковались в Казахстане (по относительно близким к военному периоду данным, на начало 1949 г. в республике проживало более 820 тыс. спецпоселенцев, в том числе 393537 немцев, 302526 - чеченцев и

ингушей, 33088- карачаевцев, 17512 - балкарцев и др.) (22).

Накануне войны в Казахстане насчитывалось 180015 трудпоселенцев. т.е. крестьян, отправленных в годы коллективизации в "кулацкую ссылку". Проживая на так называемых трудовых поселениях, они состояли на учете спецкомендатур и были также включены в орбиту деятельности ГУЛАГа. В качестве принудительной рабочей силы трудпоселенцы были заняты на угледобыче, металлургическом производстве, строительстве железных дорог и электростанций, на строительных объектах НКВД, выращивании и обработке хлопка, свеклосахарных предприятиях и т.д., внося немалый вклад в "военную экономику".

К ведению ГУЛАГа относились и осужденные к исправительно-трудовым работам без лишения свободы и заключения в лагерь и колонии с отчислением части их заработка в доход государства. На начало войны данная категория насчитывала 1264 тыс.человек, к лету 1944 г.- 700 тыс., осужденных в основном за прогулы и опоздания на работу (указ 1940 г.). За годы войны отчисления от их заработка в доход государства составили около 1 млрд.руб. (23).

Говоря о роли принудительного труда в экономике страны в годы войны, нельзя не сказать, что в значительных масштабах он был задействован и непосредственно в военном производстве. В 1942 г. в структуре ГУЛАГа был образован специальный отдел военной продукции, занимавшийся "предприятиями" НКВД, выпускавшими боеприпасы и спецукупорку. Целый ряд лагерей и колоний переориентировался на их выпуск. Было освоено производство 17 видов боеприпасов, в том числе столь необходимых фронту 82-мм и 120-мм осколочно-фугасных мин, противопехотных мин, ручных гранат "РТД-33" и др.

За три года войны (с 1941 по лето 1944 гг.) трудом заключенных было изготовлено 70 700 000 единиц боеп-

рипасов (в неизменных ценах их стоимость составила 1 250 000 000 рублей). В это число входили 22,5 млн. 82-мм и 120-мм мин, 35,8 млн. ручных гранат и запалов, 9,2 млн. противопехотных мин, 100 тыс. авиабомб. По объемам производства осколочно-фугасных мин НКВД занимал второе место среди других наркоматов (24).

Кроме этого, лагеря НКВД выпустили 20 700 тыс. комплектов спецукупорки для снарядов, мин и пр., изготовили 1400 аппаратов "КИП" (комбинированные источники питания для связи), 500 тыс. катушек полевого телефонного кабеля, 30 тыс. лодок-волокуш, 1700 тыс. масок для противогазов, 2250 т снарядных поясков и т.д. Был организован и пошив обмундирования для армии. За 1942-1944 гг. переработано 67 млн. м тканей, из которых пошито 22 млн. единиц обмундирования (25).

В годы войны весь тыл трудился в тяжелых условиях. Однако узники ГУЛАГа, подвергаясь моральному террору, испытывали еще сильное физическое напряжение. Как правило, лагеря находились в районах с суровым климатом. Заключенные размещались в малоотапливаемых деревянных лагерных бараках с двух- и трехъярусными нарами. В начале войны на каждого человека в таких блоках приходилось всего по 1 кв.м площади, в 1944 г. - 1,8 кв.м, но кое-где было и меньше. Такие болезни, как дизентерия, пеллагра, тиф, крупозное воспаление легких, туберкулез, были обыденными реалиями лагерей. Лагерная санитарно-лечебная сеть и близко не соответствовала масштабам заболеваний. На всю огромную сеть ГУЛАГа в 1941 г. насчитывалось всего 845 больниц на 40 тыс. коек (на 2300 тыс. заключенных). Не случайно уровень смертности в лагерях был просто чудовищным. В 1941 г. в ГУЛАГе умерло 100 997 тыс. заключенных, в 1942 г. - 248 877, в 1943 г. - 166 967, в 1944 г. - 609 48, в 1945 г. - 438 48 (26).

В Карлаге НКВД только в декабре 1942 г. умерло 1300 человек, в январе 1943 г. - 1439. Какому "лечению" подвергались здесь заключенные, видно из отчета оператив-

но-чекистского отдела лагеря. Приведем здесь только две выдержки из него:

". В Джартасском отделении (лагеря) в ноябре 1942 г. умерли 67 заключенных, в декабре - 101 человек и в январе - 110 человек. Основными причинами смерти являются пеллагра и крупозное воспаление легких... В этом же отделении бани при стационаре нет, отчего больных возят в баню метров за 300 от стационара. Причем больных не одевают, а в нижнем белье кладут по 8-10 человек на сани, покрывают одеялами и везут в баню и в таком же положении из бани без сопровождения санитарки... Были случаи "утери" больных, что обнаруживалось при доставке больных в баню, когда на санях недосчитывались 1 -2 больных,... которые вываливались из саней и в одном белье валялись в снегу... Подобные факты имели место в январе при 28-30° мороза. В помещении же стационара температура -8-10° тепла". А вот еще: "...Заведующая аптекой отделения - вольнонаемная Демина выдала в Дом младенцев для введения под кожу детям вместо раствора кофеина раствор мышьяка, что своевременно было предотвращено врачом"(27). И подобных случаев в отчете оперативно-чекистского отдела, который заботился, конечно, не о здоровье заключенных, а о сохранении "контингента" рабочей силы, немало, что говорит об их массовом характере.

В послевоенные годы тюремно-лагерная сеть продолжала разрастаться. На начало 1953 г. ГУЛАГ включал в себя 146 исправительно-трудовых лагерей, 687 исправительно-трудовых колоний, 52 пересыльные тюрьмы. Численность заключенных составила 2 млн. 468 тыс. человек.росло количество спецпоселенцев: 2 млн. 753 тыс (28).

Среди последних, как и в числе осужденных, появились новые "категории" (которые в большинстве своем проходили по политическим мотивам). Так, в 1944-1952 гг. из Западной Украины вместе с семьями были выслааны "оуновцы" (ОУН - "Организация украинских националистов"), в 1946-1947 гг. на спецпоселения поступили

"власовцы", в 1944 г. - члены секты "Истинно православные христиане", в 1951-1952 гг. - поселенцы из Грузии ("мингрельское дело"), в 1949 г. - с "Черноморского побережья" (из Грузии, Одессы и Крыма), в 1948-1952 гг. - "указники" (по указу от 2 июня 1948 г. об ответственности за уклонение от общественно полезного труда и аналогичному указу от 23 июня 1951 г.) и др.

На 1 января 1953 г. в Казахстане находилось 974 900 спецпоселенцев, из них 13 143 человек были заключены в лагеря, колонии и тюрьмы. Среди них - 448 626 немцев, 244674 чеченцев, 80444 ингушей, 37114 греков, 35960 поляков, 32619 человек из Грузии, 6560 из Крыма, 8011 "оуновцев", 1327 "власовцев" и др. Что касается численности заключенных, то согласно справке, составленной для Н.Хрущева в феврале 1954г., только в Карагандинской области их насчитывалось 56423 человек (29).

После войны система ГУЛАГа обрела еще более злобный вид. В январе 1948 г. министр госбезопасности В.Абакумов (позже расстрелян) и министр внутренних дел С.Круглов подготовили по заданию Сталина проект, предусматривающий создание лагерей и тюрем с особо строгим режимом, куда должны были заключаться "опасные государственные преступники", главным образом из числа "политических" (в том числе - члены троцкистских, меньшевистских, эсеровских, анархистских, националистических, белоэмигрантских и прочих антисоветских организаций, осужденные за шпионаж, терроризм и диверсии; осуждение в эти лагеря по другим мотивам запрещалось). В феврале 1948 г. был издан приказ МВД СССР "Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников" (30).

В соответствии с приказом в течение 1948-1952 гг. было создано 12 особых лагерей, каждый из которых имел свой номер (с N 1 по N 12). Однако в целях конспирации все они проходили под условными наименованиями - "Горный лагерь МВД", "Дубравный лагерь", "Береговой

лагерь", "Речной лагерь" и т.д.

На территории Казахстана было организовано 4 особые лагеря. В районе г.Караганды в помещении Спасозаводского лагеря МВД для военнопленных был создан особый лагерь N 4 на 10 тыс. заключенных (условное название - "Степной лагерь МВД"), в 1949 г. - еще два лагеря, здесь же, в Карагандинской области - особый лагерь N 8 ("Песчаный лагерь" на 15 тыс. заключенных) и лагерь N 9 ("Луговой лагерь" на 15 тыс. человек). В 1952 г. в Павлодарской области был образован особый лагерь N 11 ("Дальний лагерь МВД" на 5 тыс. человек)(31).

Заключенные этих лагерей трудились на тяжелых физических работах, а каторжане - на особо тяжелых. Продолжительность рабочего дня устанавливалась в 10 часов, при этом организация лечебно-оздоровительных служб не предусматривалась.

Нетрудно заметить, что особые лагеря дислоцировались по районам строительства крупных народнохозяйственных объектов, поставляя на них рабочую силу. Только в Джезказганском промышленном районе находилось несколько лагерных отделений и пунктов, немало их было в районах Караганды, Балхаша, Актюбинска.

Особую известность получил особый лагерь N 4 - "Степной лагерь", в частности, его 3-е отделение в Кенгире. После смерти Сталина Верховный Совет СССР принял Указ об амнистии (27 марта), согласно которому освобождению из мест заключения подлежало 1 млн. 120 тыс. человек. Вскоре был арестован и расстрелян Берия. Лагеря жили в ожидании скорых перемен. Однако они мало затронули особые лагеря (хотя режим содержания заключенных несколько смягчился). В результате в ряде их прошли бунты (летом 1955 г. - в лагере N 2 в г.Норильске, лагере N 6 в Воркуте (32).

В мае 1954 г. восстание началось в особом лагере N 4 (Степном) в Карагандинской области (на июль 1951 г. лимитная численность заключенных здесь была опреде-

250

лена в 25 тыс.человек). В докладной записке Министра внутренних дел СССР С.Круглова и Генерального прокурора Р.Руденко в Совет Министров СССР и ЦК КПСС говорилось : "Докладываем, что заключенные, содержащиеся в 3-м отделении Степного исправительно-трудового лагеря в районе Джезказгана Казахской ССР (Кенгир - Ж.Л.) в количестве 4 тысяч человек 25 мая с.г. отказались выйти на работу" (33).

Лагерный "бунт" длился в течение месяца, обретая все более острые формы. 24 июня, разумеется, без санкции ЦК КПСС руководящим лицам МВД, направленным для ознакомления обстановки в Кенгир, была послана шифрованная телеграмма. В ней говорилось: "Обсудив создавшуюся обстановку в Степном лагере, комиссия в составе тт.Руденко, Серова (председатель КГБ при Совете министров СССР - Ж.А.) и Круглова пришла к выводу о том, что неповиновение заключенных в 3-м лагерном отделении и уголовно преступную деятельность организаторов этого неповиновения надо пресечь. В связи с этим с Вашими предложениями об использовании танковых экипажей, служебно-розыскных собак, пожарных автомашин и имеющейся вооруженной силы согласны..." (34). В телеграмме (подгрифом "совершенно секретно") С.Егорова (зам. министра внутренних дел СССР, направленного в Кенгир, - Ж.А.) на имя С.Круглова докладывалось: "Неповиновение заключенных 3-го лагерного отделения Степного лагеря МВД в количестве 5251 человека, продолжавшееся с 16 мая сего года по 25 июня сего года, сломлено путем ввода войск и танков в зону лагеря 26 июня сего года" (35).

Надо сказать, что "бунт" в Степном лагере вызвал серьезную тревогу не только у силовых структур (говоря сегодняшним языком), но и у народнохозяйственных ведомств. И это не случайно. Ведь заключенные особого лагеря N 4 были заняты на тяжелых физических работах по строительству Большого Джезказгана. Поэтому ми-

нистерства некоторых гражданских отраслей, привыкшие еще со времен первых пятилеток решать многие свои проблемы за счет ГУЛАГа, буквально требовали скорейшего наведения порядка в Кенгире. Так, в письме министра цветной металлургии СССР П.Ломако в Совет министров СССР говорилось: "Важнейшие предприятия медной промышленности-Джезказганские медьзавод и рудник эксплуатируются и строятся силами специально организованного лагеря МВД СССР (лагерь N 4 - Степной-Ж.А.)... Невыход заключенных на работу приостановил строительство обогатительной фабрики, ТЭЦ, гидроузла и жилищно-бытовых объектов медьзавода, а также деятельность производственных предприятий (кирпичного завода, деревообрабатывающего завода, завода железобетонных изделий и др.)... Беспорядки в Кенгирских отделениях лагеря оказали разлагающее действие на отделения, обслуживающие горные работы, в результате чего за 17 дней июня с.г. план по добыче медной руды Джезказганским рудником выполнен только на 85 процентов.

Считая подобное положение совершенно нетерпимым, просим Совет министров Союза ССР:

1. Обязать МВД СССР (т.Круглова) в 10-дневный срок навести порядок в Джезказганском лагере, обеспечить выход заключенных на работу в количестве, потребном для выполнения установленных на 1954 г. планов по добыче руды и строительству Джезказганских предприятий медной промышленности..." (36).

Приведенные здесь фрагменты из письма Ломако говорят сами за себя: строительство Большого Джезказгана в существенной мере обеспечивалось лагерями ГУЛАГа. То же самое можно сказать и о других "ударных стройках коммунизма", где Система самым изощренным способом эксплуатировала принудительный труд заключенных. И это есть еще одна долго скрываемая реальность в истории советской иррациональной экономики.

ГЛАВА 13 . ХРУЩЕВСКИЙ ПОВОРОТ

Со смертью Сталина, последовавшей 5 марта 1953г., началось ожесточенное соперничество за власть в партийно-государственном синклите. Оказавшись без самодержца, "кремлевский двор" окунулся в тайны новых политических интриг и изощренных борений, находивших отражение в резолюциях партийных пленумов.

С марта страной стал править триумvirат - Н. Хрущев, Г. Маленков, Л. Берия. 26 июня, прямо на заседании Президиума Совета Министров СССР, последний был арестован и вскоре расстрелян. С этого момента формальным лидером являлся Г. Маленков. После осуждения ЦК партии "фракционной деятельности антипартийной группы" В. Молотова, Л. Кагановича и Г. Маленкова новым кормчим государства стал Н. Хрущев.

Это был один из немногих деятелей сталинской креатуры, обладавший достаточно развитой политической интуицией в сочетании с неординарным организаторским мышлением и, самое главное, не утративший способности воспринимать импульсы, идущие из реальной жизни. Поэтому не случайно период правления Хрущева отличался в политическом отношении ярко выраженной реформаторской направленностью.

Начинали с аграрного сектора. Именно здесь концентрировались "болевые точки" народного хозяйства. "Хлебная проблема" продолжала будоражить страну, перманентно выводя ее на грань продовольственного коллапса. Производство зерна хронически не поспевало за потребностями государства (добавим: и соцлагеря). К 1950г. численность населения увеличилась на 20 млн. человек, в том числе городского - на 40 млн. (1) (эти годы отмечены массовым "бегством" из деревни). В 1953г. в стране заготовили 31 млн. т зерна, израсходовав на потребление 32 млн. Дефицит пришлось востребовать из государственных резервов.

Жизнь настойчиво требовала пересмотра традицион-

Изменения в "аграрной" концепции получили, естественно, свою реализацию и в Казахстане. Объемы капиталовложений в сельское хозяйство нарастали здесь еще более стремительно, чем по стране в среднем (в значительной мере это объяснялось "ставкой на целину"). В 1953-1958гг. они увеличились по сравнению с 1946-1952гг. более чем в 4 раза. Если в 1953г. в сельскохозяйственное производство было вложено 97,2 млн. руб., то в 1960г. - 814,1 млн. Капиталонасыщенность посевных площадей в расчете на один гектар с 1953 по 1960гг. возросла в 2,5 раза (4).

Расширение инвестиционных потоков в направлении аграрного сектора создало предпосылки для бурного роста его материально-технической базы. С 1958г. в связи с реорганизацией МТС их техника стала продаваться колхозам: у них формировался собственный парк тракторов и других сложных сельскохозяйственных машин. Произошло беспрецедентное увеличение энергетических мощностей сельского хозяйства Казахстана. Количество тракторов (в 15 - сильном исчислении) возросло с 49 тыс. в 1950г. до 264 тыс. в 1958г., комбайнов - соответственно с 16 тыс. до 96 тыс., автомобилей грузовых - с 8 до 74 тыс. В 1960г. энерговооруженность труда одного рабочего совхоза составила в пересчете на традиционные коэффициенты измерения 23 п.с. (5).

Поворот "лицом к деревне" дал весьма ощутимые результаты, причем, неожиданно для руководства страны, почти сиюминутные. За период с 1954 по 1958гг. прирост валовой продукции сельского хозяйства составил 35,3 процента. Таких темпов колхозно-совхозная система не знала со времени коллективизации.

Советская экономическая наука дружно заговорила о "золотой пятилетке", о том, что благодаря "мудрости партийно-государственного руководства" сельское хозяйство страны доказало свою "органическую" способность к интенсификации производства, к таким темпам роста, которые не доступны "постоянно болеющей кризисами

капиталистической экономике" и т.д. В эйфорию впало и руководство страны. Под влиянием произошедших сдвигов на селе оно уверовало, что механизмы динамики производства найдены и запущены в постоянное действо. Из этих иллюзий родились самонадеянные лозунги типа "Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла", "Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!" ит.д.

Но вряд ли принималось во внимание, что интенсификация суть не просто наращивание капиталовложений, энергетических мощностей, численности поголовья скота, посевных площадей и даже увеличение выпуска продукции, а именно повышение эффективности производства. В контексте же этого решающего критерия экономика СССР не шла ни в какое сравнение с развитыми капиталистическими странами.

Однако органы, призванные отслеживать тенденции в народном хозяйстве (Совмин, Госплан, ЦСУ, наука и т.д.), а по большому счету и сам правящий режим, не нуждавшийся в рационализации своей деятельности, продолжали насаждать в общественном сознании инсинуации, пронизанные апологетикой "самого прогрессивного советского строя". Эзотеричность, мания засекречивания экономической и социальной информации на всех ее уровнях, присущие "закрытому обществу", не позволяли ему самоидентифицироваться на фоне реальных (а не идеологически надуманных) оппозиций к другим структурам, моделям и качествам развития. Сравнительный анализ, необходимый для критического осмысления и понимания хозяйственной ситуации (захоти того даже ЦК КПСС) не мог быть получен и в силу идеологической ориентации и заданности экономических теоретико-концептуальных конструкций, методологического инструментария, понятийно-категориального аппарата. Отсюда - благостные картины, рисовавшиеся в тот период развития страны.

Между тем по сравнительно более поздним альтер-

нативным оценкам становится очевидным, что уровень интенсификации экономики, и особенно сельского хозяйства, оставался в рассматриваемые годы неадекватным широкомасштабности предпринятых мер.

Конечная продукция сельского хозяйства (валовая продукция за вычетом текущего потребления на производственные нужды в самой отрасли) в своих средних годовых показателях составила в стране в 1951-1955гг. 50 млрд. долларов, в 1961-1965гг. - 79,5, тогда как в США - соответственно 118 и 137,5 млрд. долларов. Годовая выработка на одного занятого в сельском хозяйстве в рассматриваемые пятилетия фиксировалась в СССР в пределах 1600 и 2500 долларов (в США - 19625 и 31250 долларов, в ФРГ - 5300 и 9700, во Франции - 4750 и 8900, Великобритании - 10150 и 17450 долларов). Уровень производительности труда в аграрном секторе США в это же время был выше, чем в СССР, в 12,3 раза, в ФРГ - в 3,9, Франции - в 3,6, Великобритании - в 7 раз (6).

Вместе с тем СССР обгонял названные страны по темпам наращивания техники, масштабам пространственного расширения сельскохозяйственного потенциала (посевные площади и т.д.). Огромны были и трудовые ресурсы, задействованные в сельском хозяйстве. В 1951-1955гг. и 1961-1965гг. здесь было занято 32 млн. человек, в то время как в США - 6,0 и 4,4 млн., ФРГ - 4,8 и 3,2, Великобритании - 1,2 и 0,9 млн. человек (7).

Все эти цифры говорят, что в рассматриваемые годы подвижки в сельскохозяйственном производстве происходили не за счет качественных, а за счет количественных моментов. Другими словами, экстенсивный механизм колхозно-совхозной системы не был сломан. Более того, он продолжал раскручиваться, набирая все большие обороты.

Думается, однако, что и экстенсивные факторы по своей роли и значимости в беспрецедентном росте валовой продукции сельского хозяйства в 1954-1958гг. уступали личным подсобным хозяйствам. Это становится

очевидным, если учесть, что в 1958г. в этом секторе было сосредоточено 43,6 процента всего крупного рогатого скота, 34,6 процента поголовья коров, 23,7 процента поголовья свиней, 17 процентов поголовья овец и 47,5 процента поголовья коз. Личные подсобные хозяйства давали 36,2 процента всего производства мяса, 45,6 - мяса, 16,4 - шерсти. Ими обеспечивалось 27 процентов товарной продукции мяса, 16 - молока, 61 - яиц, 11 процентов - товарной продукции шерсти. Еще более высокие соотношения были в овощеводстве, садоводстве и т.д. (8).

Но и в рассматриваемые годы Хрущев придерживался "генеральной линии партии" на выкорчевывание всяких проявлений частной собственности, тотальное обобществление сельского хозяйства. Даже колхозы с их якобы кооперативной формой собственности рассматривались как временная стадия перехода к более высоким общественным (читай: огосударственным) структурам. Отсюда - во многом программные тезисы о стирании "границ между городом и деревней", "различий между промышленным и сельскохозяйственным трудом", идеи о создании агрогородов, поселков городского типа, индустриализации сельского хозяйства, понимаемой не только и даже не столько как его промышленная модернизация, а как средства придания колхозникам статуса, социального облика и стереотипов рабочего. В этом же ряду действовала и усилившаяся установка на преобразование колхозов в совхозы. Хотя здесь присутствовали экономические мотивы, но они отлично вписывались в идеологическую доктрину о сближении государственной и колхозно-кооперативной форм собственности, в миф об общенародной собственности как неизбежного будущего социалистического развития.

Что касается личных подсобных хозяйств, то они еще со времен коллективизации рассматривались как вынужденное неудобство, с которым в критические моменты продовольственного напряжения приходится мириться, но которое рано или поздно надо будет ликвидировать,

ибо без этого не достигнуть полного "раскрестьянивания", столь победно начатого в годы сталинского "великого перелома".

Уже в марте 1954г. Совет Министров СССР принял постановление, в соответствии с которым уменьшались размеры приусадебных участков. Ровно через два года (6 марта 1956г.) выходит постановление "Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели". За мудреным названием документа стояли новые запретительные акции, должны были сократить приусадебный земельный фонд, ибо "использование земель в общественном хозяйстве при наличии в МТС большего количества техники и высокой механизации будет несравненно выгоднее, и колхозники в конечном счете будут получать доход значительно больше..." (9). Желаемое, однако, не стало действительным, и колхозники по-прежнему имели больше в своем бюджете от личного хозяйства, чем от общественного.

"Соединить личный и общественный интерес", т.е. сделать труд в колхозе экономически гораздо более выгодным, чем в личном подворье, пытались и путем введения авансирования, перехода на денежную гарантированную оплату труда (10). Но эти, а также другие меры по совершенствованию распределительных отношений не смогли в полной мере компенсировать все более сужавшиеся возможности подсобного хозяйства как источника личного потребления.

Как полагают многие специалисты, свою эффективность аграрные реформы сохраняли где-то до 1957-1958гг. Далее начинается очередной спад. В 1965г. валовая продукция сельского хозяйства Казахстана составила по отношению к 1960г. всего 92 процента. За вычетом действия экстенсивных факторов (целина и многократный рост численности занятых в аграрной сфере) падение темпов роста представляется еще большим.

Методология экстенсификации продолжала оказы-

вать деформирующее влияние и на развитие промышленности. Момент этот многократно усиливался действующими идеологическими установками, в рамках которых экономика рассматривалась не только как условие жизнеобеспечения общества, но и важнейшая область состоятельности двух систем: социализма и капитализма.

При этом в качестве главного соперника видели США. В это время здесь под воздействием рыночных механизмов (конкуренции и конъюнктуры) произошли структурные передвижки в промышленности. Удельный вес добывающего сектора в валовом национальном продукте снизился до 5 процентов (1959г.), тогда как обрабатывающего сектора составил более 20 (11). Но и внутри последнего менялись "полюсы роста". С трудозатратных отраслей переходили на материало-, энерго- и капиталоемкие. Наблюдалась заметная переориентация потоков труда и капиталовложений с традиционных видов производств (черной и цветной металлургии, угольной промышленности и т.д.) на современные.

В СССР промышленная политика определялась субъективно-волевыми факторами, исходящими от руководства страны, которое продолжало верить, что исход соревнования будет определяться динамикой базисных отраслей (металлургии, добычи угля и железной руды и т.д.). Поэтому не случайно, когда Г. Маленков выдвинул довольно мягкий тезис о возможности опережающего развития легкой промышленности по сравнению с тяжелой индустрией, Н. Хрущев буквально зашелся в приступе идеологического гнева. Выступая на январском (1955г.) Пленуме ЦК, он квалифицировал это как "отрыжку правого уклона, враждебных ленинизму взглядов, которые проповедовали Рыков, Бухарин и другие" (12).

Начинал раскручиваться очередной виток экстенсификации. Гигантские ковши шагающих экскаваторов врезались в породу, оставляя после себя "лунные" пейзажи горнодобывающих карьеров, дымы новых заводских труб еще больше окутывали города, партии заключенных от-

правились на "химию" (на поселения в места, где возводились химические комбинаты). "Стройки коммунизма" шагали по стране, которая "требовала еще больше руды, угля, стали, чугуна и т.д."

В Казахстане только к 1960г. было построено и введено в действие 83 крупных промышленных предприятия. В это время в республике получает развитие топливно-энергетическая база. В Карагандинском угольном бассейне было введено в действие более десятка крупных шахт и обогатительных фабрик. К 1955г. свыше 2 млн. т угля (добыча угля осуществлялась открытым способом) дал Экибастуз. В эти же годы началась эксплуатация Усть-Каменогорской гидроэлектростанции, тепловых электростанций в Джезказгане и Джамбуле. Увеличились мощности Карагандинской, Чимкентской и других ТЭЦ. Выработка электроэнергии возросла в республике в 2 с лишним раза, в том числе гидроэнергии - в 5 раз.

К 1960г. общий объем промышленной продукции составил по отношению к 1940г. 732 процента. В этом году вошел в строй действующий Иртышский химико-металлургический завод, на котором впервые в стране было налажено промышленное производство целого комплекса редкоземельных элементов и редких металлов. В 1957г. начал отгрузку продукции крупнейший в стране Джезказганский комбинат, построенный на базе Соколовско - Сарбайского месторождения. На рудах Атасуйских месторождений стал работать с полным производственным циклом Карагандинский металлургический завод.

По-видимому, именно здесь будет уместным вспомнить то трагическое событие, которое связано с Карагандинским металлургическим заводом. Оно, пожалуй, впервые после XX съезда КПСС, осудившего Сталина, показало, что, даже отрекаясь от сталинизма, Система продолжает оставаться тоталитарно-антиправовой, способной решать любые социальные и политические конфликты исключительно в контексте привычных репрессивных методов.

Сооружение Кармета (в г. Темиртау Карагандинской области) было объявлено всесоюзной молодежной стройкой. По линии ЦК комсомола сюда со всех концов страны прибывало огромное количество молодежи. В 1959г. на Казахстанской магнитке работало 25,5 тыс. человек, среди них - несколько тысяч юношей и девушек, не достигших совершеннолетия.

Спекулируя на энтузиазме молодых, не зная проблем с рабочей силой, партийные и советские функционеры, а также чиновники-хозяйственники абсолютно игнорировали задачи усовершенствования организации труда на стройке, мало обращали внимание на решение вопросов культурно-бытового и жилищного строительства.

Многие рабочие не имели занятости или были задействованы на низкооплачиваемых операциях (земляные работы вместо простаивавших экскаваторов). Множество людей жили в палатках. На 31 тыс. строителей, проживавших в восточной части г. Темиртау, имелось столовых лишь на 1300 посадочных мест, на тысячу человек приходилось только 3,5 больничных койки (а травматизм на стройке превышал всякие нормы), 55 школьных и 6 детских мест. Нередки были перебои с хлебом и питьевой водой.

... В субботу, 1 августа 1959г. группарабочих направилась в столовую, но так и не смогла пообедать (все столовые были закрыты). Это вызвало возмущение, а в последующем - и стихийные волнения рабочих (среди которых были и люди далеко не "комсомольской репутации" и даже судимые, именно они пытались направить толпу в русло противоправных действий).

Далее события развивались по закону действия постоянно возбуждаемой массы (погром отделения милиции, захват универсама и т.д.). По законам Системы развивались события и с обратной стороны: была стянута милиция, подтянуты войска. Не понятно кем санкционированная команда вызвала беспорядочный огонь милиции и солдат.

Когда 4 августа 1959г., т.е. на следующий день после пикатрагических событий, в Темиртау приехали тогдашний секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев (его направил сюда Н. Хрущев) и руководство республики, уже можно было подводить кровавые итоги "умиротворения": 16 убитых и свыше 50-ти раненых в результате незаконного применения милицией и военными оружия. Охрана порядка в городе передавалась армии, особое положение обеспечивали около двух полков (чуть не дивизия) военнослужащих (13). Таков был первый "опыт", далее будут Новочеркасск (июнь 1962г.), Алма-Ата, Тбилиси, Вильнюс, Баку и т.д.

..."Вот возведем еще один сталелитейный завод, освоим еще одну горнообогатительную фабрику - и тогда полностью удовлетворим наши ресурсопотребности", - примерно так думалось в верхах. Но чем больше расширялась промышленная инфраструктура, тем острее становился дефицит. И в этом не было парадокса. Новые "дети" экстенсификации - стройки, заводы и фабрики, появившиеся на промышленной карте страны, увеличивали круг и без того уже многих потребителей, стучавшихся в кабинеты распределительных органов (Совмин, Госплан и т.д.) с требованием своей "доли" в получении угля, чугуна, стали, электроэнергии и т.д.

А "доли" эти были огромны. Катастрофическое отставание в структурной и научно-технической политике порождало моральный износ оборудования, ресурсозатратные технологии и т.д. Попытки "снять" проблему директивным путем не увенчались успехом: доля народнохозяйственного эффекта от внедрения достижений науки и техники упала с 12 процентов в 1950-1960гг. до 7,4 в 1961-1965гг. (14). Гигантские (для того времени) капиталовложения пропадали в "черной дыре" экономики. Экстенсивная природа социалистического хозяйства пожирала саму себя.

"Тянули на себя одеяло" союзники по соцлагерю, а также "прогрессивные режимы" и "антиимпериалистичес-

кие" движения. Тяжелейшим прессом давили на бюджет страны лобби из непроизводительного военно-промышленного комплекса. Одинаково бедно одетый советский народ с подлинным чувством восторга рукоплескал первым космонавтам, а в это время в квадрат "А" тихоокеанской акватории один за одним запускались "эшелоны масла" в виде очередных учебных запусков баллистических ракет. Мы, наверное, уже никогда не узнаем, каких средств и напряжений стоили стране байконурский ракетно-космический комплекс или взрывы на Семипалатинском атомном полигоне (принесшем столь много трагического народу Казахстана). За каждой пионерской научно-технической идеей, способной реализоваться в военных целях, тут же следовала очередная мобилизация ресурсов общества, воздававшая взамен лишь гордость за супердержаву и осознание временного выхода страны на военно-промышленный приоритет. На путях гонки вооружения научно-технический прогресс противоестественным образом работал не на благосостояние советского человека, а, наоборот, ущемлял его право на достойный уровень жизни.

Нельзя не сказать, что в годы правления Н. Хрущева государство впервые повернулось лицом к жилищной проблеме. До него миллионы и миллионы людей ютились в коммуналках (в каждой комнате по семье), обветшалых домах. Лишь немногие получали привилегию жить в отдельных квартирах в элитарных домах, построенных в канонах сталинской фундаментальной архитектуры. Массовое жилищное строительство осуществлялось по относительно дешевым типовым проектам. Сегодня эти микрорайоны и "хрущевские" поселки (двухэтажки) представляются архитектурным анахронизмом. Но тогда именно благодаря их массовому и быстрому строительству люди были "вызволены" из сырых подвалов, обретая счастье иметь собственную квартиру. Если в 1950г. в Казахстане было построено жилья общей площадью 2103

264

тыс. кв.м, то в 1960г. - 7447 тыс. - это был буквально "жилищный" бум (15).

В этот же период, после десятилетий застоя, довольно широко развернулось производство предметов массового потребления, многие из которых были для населения в диковинку. Дворовые мальчишки целой ватагой ходили к своему более "счастливому" другу смотреть телевизор, а его такая же счастливая мама "одалживала" подружке стиральную машину. Появились магнитофоны, на смену бабушкиным буфетам и этажеркам приходили супермодные тогда серванты, мужчины с гордостью щеголяли в "безразмерных" носках и отливавших белизной нейлоновых рубашках.

Говоря более строго, благодаря количественному и качественному росту производства потребительских товаров произошла диверсификация "законсервированного" до того времени общественного стандарта потребления. Тем не менее объемы выпускаемых в этой сфере (группа "Б") товаров далеко не отвечали масштабам спроса населения, доходы которого в результате ряда принятых мер существенно выросли. Так, в 1960г. на почти 10- миллионное население в Казахстане было произведено всего 35,5 тыс. стиральных машин, 127 тыс. электроутюгов, 1,2тыс. диванов-кроватей, 14тыс. сервантов, 0,6 тыс. деревянных кроватей и т.д. (16). Понятно, что производство некоторых товаров вообще отсутствовало в республике, а потому она ввозила их. Но дефицит наблюдался по всей стране.

Не удовлетворял людей и узкий ассортимент товаров. Они хотели приобретать более разнообразные и "модные" вещи. Рыночная экономика моментально отреагировала бы натакую "прихоть". Однако в директивно-плановом хозяйстве номенклатуратоваров расписывалась по пятилеткам. А это значит, что общественный стандарт потребления как бы замораживался на пятилетие.

Иначе говоря, государство навязывало населению спрос: какие именнотовары покупать. Естественно, только те, что в ту или иную пятилетку будет выпускать советская экономика. А чтобы эта, чисто тоталитарная претензия не выглядела слишком обнаженно, то включалась идеологическая машина.

Скажем, в кинопрокатезапрещался показ пусть даже идеологически безобидных фильмов, где советские люди могли увидеть западную "красивую жизнь". Модные пиджаки и узкие брюки, джинсы и яркие рубашки, обувь на микропоре (производство которой до поры до времени просто не могла освоить советская промышленность) объявлялись вкусами буржуазной растленной культуры, а их "носители" - стилистами и туеядцами (за ношение рубашки "Парагвай", где всего-то была нарисована пальма, дружинники на улице запросто могли забрать в отделение милиции). Но как только производство примерно таких же товаров (например, обуви на микропоре) налаживалось в СССР или соцстранах, они тут же выводились из-под идеологического огня. Другими словами говоря, потребительская конъюнктура и массовый спрос получали идеологическую санкцию.

В литературе уже много писалось, что именно в рассматриваемый нами период, т.е. при Н. Хрущеве, благосостояние и уровень жизни народа обрели тенденции к росту. Вряд ли кто будет оспаривать это положение, тем более люди того поколения, что познали голод и холод, безысходность и подавленность в сталинское время, страдания военного лихолетья. Но с позиций сегодняшнего критического переосмысления истории следует признать и то, что государство могло делать для своих граждан во много крат больше, отрекись оно от политики, выстраиваемой в административно-командной системе координат. Но думать так - иллюзия, ибо это было бы уже совсем другое государство, как, впрочем, и общество.

ГЛАВА 14. "ЦЕЛИННАЯ ЭПОПЕЯ"

Мы уже отмечали, что в начале 50-х годов страна испытывала достаточно острый продовольственный кризис. Волько или невольно, но новое руководство должно было продемонстрировать обществу свое видение выхода из него.

Теоретически ситуация могла развиваться по двум путям. Первый вариант выхода из кризиса предполагал радикальную развязку, а именно: глубокую трансформацию системы производственных отношений, т.е. переход к рыночным механизмам, а также включение личного интереса, что было достижимо лишь по мере приватизации собственности, и прежде всего - на землю. Понятно, что подобное развитие событий даже не обсуждалось.

В целях самосохранения Система выбрала гораздо более привычную, так сказать, экстенсивную модель решения проблемы. Смягчить (а затем устранить) продовольственный коллапс предполагалось за счет резкого увеличения зернового клина. В этой связи был взят курс на распашку гигантских земельных массивов на востоке страны, т.е. на "освоение" целины. Для этого не требовалось поступаться идеологическими догмами. Достаточно было собрать в единую армаду тракторы и, обыгрывая энтузиазм народа, совершить марш-бросок за Урал.

Таким образом, будет правомерным сказать, что в известном смысле целина сыграла роль фактора, сработавшего на реанимирование входившей в состояние комы системы, оттянув ее агонию еще на долгие годы (подобно тому как чуть позже Сомотвор, позволивший долгие годы держать страну на наркотике нефтедолларов и создавать иллюзию благополучия). Хотя и гипотетически, но можно предположить, что если бы не "целинный маневр", то возможности для сохранения системы в неизменном виде оказались бы еще более суженными.

Отвергая данный тезис и пытаясь найти ему контрдоводы, обычно утверждают, что Хрущев просто не имел

другого выхода, ибо подъем зернового производства в традиционно сложившемся земледельческом ареале (Украина, юг России и т.д.) был в то время невозможным в силу недостаточного развития химической отрасли, т.е. промышленности удобрений.

Соглашаясь с констатацией последнего обстоятельства, следует тем не менее подчеркнуть, что даже за пределами рыночно-приватизационной возможности, т.е. в рамках привычного экстенсивного варианта, имелись достаточно приемлемые, во всяком случае, альтернативные по отношению к "целинной идее" пути решения проблемы. Их просто не могло не быть, если учесть уже хотя бы ту данность, что из 300 млн. га черноземных и черноземовидных почв мира 190 млн. га, или две трети находились на территории СССР. Это ли не гигантский резерв! Кроме того, нужно вспомнить, что в 1954-1958гг. средняя урожайность зерновых составила в республике всего 7,3 ц/га, а в 1962-1965гг. и того меньше - 6,1 ц/га. Как справедливо утверждают экономисты, при таком положении прирост урожайности в стране даже на один центнер по своему результату был бы фактически равносильен освоению всей целины (1). Добавим, что для поднятия урожайности на один центнер вовсе не требовалось "большой химии", достаточно было придерживаться технологической дисциплины или, допустим, провести на полях снегозадержание.

Одним словом, все говорят о том, что идея целины, выдвинутая февральско-мартовским (1954г.) Пленумом ЦК КПСС, отнюдь не носила неизбежно-необходимого характера. Напротив, данная акция была лишена объективно обусловленных предпосылок и в своем сущностном целеполагании была движима скорее политико-идеологическими моментами, нежели мотивами сугубо экономической рациональности.

С этого времени именно целина становится наиболее зримым символом восприятия образа Казахстана,

предметом особой заботы республики и страны в целом. Что касается Н. Хрущева, то для него она стала подлинной *idée fixe*, важнейшим критерием подбора и расстановки руководящих кадров в республике.

Уже на сентябрьском (1953г.) Пленуме ЦК КПСС он подверг критике руководство Казахстана за недостаточную реализацию сельскохозяйственного потенциала. В этой связи руководителям партийной организации и правительства республики было предложено (естественно, в директивном порядке) разработать конкретный план подъема целинных земель. В конце ноября 1953 г. такой план был представлен в ЦК КПСС. В соответствии с ним предполагалось, что в течение 1954-1957гг. посевные площади в Казахстане будут увеличены на 2,5 млн. гектаров (2).

Понятно, что такие "робкие наброски" не устраивали "Дом на Старой площади" (здание ЦК партии), ибо там уже созрел план гораздо более крупномасштабных распахов "целинной нови", и не за четыре, а буквально за один-два года. Поэтому вскоре Москва (соблюдая, впрочем, политес в виде пленумов и прочее) снимает с должности секретаря Казахстанской партийной организации Ж. Шаяхметова, а затем и председателя Совета Министров Н. Ундасынова. Новым главой правительства назначается Д.Кунаев. Что касается "укрепления партийной организации республики", то Центр направляет сюда одного из организаторов партизанского движения в годы войны, а тогда министра культуры СССР П. Пономаренко (первым секретарем республиканской партийной организации) и первого заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии Л. Брежнева (вторым секретарем).

Трудно сказать, сколько раз бывал Л. Брежнев на западе, востоке или юге республики, но с целины (согласно ненаписанным им мемуарам) он буквально не вылезал, чем и заслужил в дальнейшем расположение Н. Хрущева (после XX съезда КПСС в 1956г. стал секретарем ЦК).

Сам же лидер страны шесть раз приезжал в Казахстан, неизменно посещая при этом целину. К этому времени (1962г.) по его инициативе пять северных областей республики были объединены в Целинный край (Н. Хрущев: "... пора переходить на краевое управление народным хозяйством..., а в перспективе исчезнут границы между республиками") (3) со "столицей" в городе Акмолинске, переименованном им же в Целиноград ("С этой могилой - русский перевод Акмолы ему дали как "белую могилу" - Ж.А. - надо кончать и город переименовать в Целиноград!") (4). Столь нехарактерно частое для первых руководителей страны посещение Казахстана тем не менее не помешало Н. Хрущеву в один из его приездов салютовать с трапа самолета здравицу "узбекскому народу", а в другой раз, подобно школьнику на уроках географии, удивляться территориальным просторам республики и вопрошать, что же за большой народ здесь жил в прошлом, если "занял такую громадную территорию" (5).

Вернемся, однако, к целине. Если рассматривать ее в призме современных социально-экономических и политических реалий, то ее роль для республики несомненна. Во многом благодаря ей в Казахстане производится на душу населения от 1,5 и более тыс. кг зерна. Между тем согласно мировой практике для снятия продовольственной проблемы достаточно иметь показатель в пределах 1 тыс. кг. Таких стран насчитывается в мире лишь несколько (Канада, Австрия, США Дания, Франция, Венгрия, Румыния и другие). Следует также иметь в виду, что 90-95 процентов мировых посевных площадей, отводимых под хлебные злаки, занимают мягкие пшеницы, тогда как целинный регион Казахстана производит преимущественно твердую пшеницу, ее сильные сорта, отличающиеся высоким содержанием белка; именно здесь находится один из крупнейших мировых массивов ее производства (для сравнения: из сотни килограммов муки, произведенной из зерна с низкими технологическими качествами,

выпекают 91 килограмм хлеба, а из такого же количества муки сильного зерна - 115 килограммов; 20-30 процентов сильной пшеницы, добавленной к слабому зерну, уже позволяют получить качественный хлеб). Отсюда ясно, что в результате освоения целинных земель республика получала в принципе все предпосылки не только для полного удовлетворения собственных потребностей, но и для выхода на мировой рынок в качестве страны-экспортера высокотехнологического зерна (отвлекаясь, заметим, что из всех республик бывшего СССР только Казахстан обладает таким потенциалом, что, естественно, увеличивает возможности его политического влияния в пространстве СНГ; например, Россия потребляла около 130 млн.т зерна, а производила в среднем 105 млн, недостающую разницу возмещали завозом из Казахстана - до 4 млн. т и импортом).

И все же, если рассматривать "целинный вопрос" в контексте таких моментов, как экологическая рациональность, экономическая целесообразность и социальная эффективность (политический дискурс дан выше), то выявится немало и негативных сторон целинной эпопеи.

Думается, что уже первый аспект снимает чрезмерный позитив в оценке целины. В первые же годы (1957-1958гг.) в результате беспрецедентных распахов начались пыльные бури на легких почвах в Павлодарской области, а в начале 60-х годов процессы дефляции (выдувания почв) охватили земли всего целинного региона. К 1960г в Северном Казахстане было подвержено ветровой эрозии более 9 млн. га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади такой страны, как Франция.

Правда, в дальнейшем были разработаны почвозащитные системы земледелия, в частности, безотвальная обработка почвы (отвальный плуг был заменен на плоскорез, что позволяло сохранить стерню и другие органические остатки). Однако, как отмечают специалисты-эко-

логи, любые мероприятия в современных их формах лишь смягчают, но отнюдь не обеспечивают необходимой защиты окружающей среды. Следовательно, даже падающие системы обработки почв не решают проблемы, а что касается основы степного целинного земледелия - паров, то, как известно, чистый пар наиболее подвержен ветровой и особенно водной эрозии, т.е. является сильным источником потерь почвенного плодородия.

Сказанное отчасти объясняет, почему Советский Союз терял больший объем верхнего слоя почв, чем любая другая страна. Подробная информация о масштабах эрозии в стране отсутствовала, однако, по самым осторожным оценкам Института всемирного наблюдения Лестера Брауна (США), потери верхнего слоя почвы на пахотных землях бывшего СССР составляли почти 2,3 млрд. т в год (6). И значительная часть этих почвенных потерь приходилась на целинные районы Казахстана. За период освоения целинной пашни потери гумуса из пахотного горизонта превысили миллиард тонн, или треть его исходных запасов в черноземах и каштановых почвах. Наблюдалась не только дегумификация, но и существенное ухудшение структуры и водных свойств, что неизбежно вело к снижению устойчивости почвы к эрозии.

Гумусный слой разрушался, а вместе с гибелью его каждого миллиметрового слоя на одном гектаре терялось 76 кг азота, 240 кг фосфора, 800 кг калия, и никакая "большая химия" не способна компенсировать потери. Слой этот весьма тонкий: если представить Землю в виде футбольного мяча, то слой почвы должен быть изображен оболочкой тоньше человеческого волоса.

Между тем функция почв многообразна. Современная наука фиксирует их гидросферные, атмосферные, литосферные, общебиосферные, наземно-экосистемные корреляты. Например, выявлено влияние гигантских распахов на глобальные нарастания засушливости (скажем, из 25 лет - с 1960 по 1985гг - 23 года оказались в районах

целинного Казахстана, Нижней Волги и других районах засушливыми).

К сожалению, на современном уровне эколого-географического прогноза предугадать региональные и глобальные последствия масштабных антропогенных (в данном случае агрогенных) воздействий на природную среду весьма трудно. Тем не менее не вызывает сомнения, что такое воздействие вызывает деградацию отдельных компонентов биосферы Земли, приводит к разбалансировке исторически сложившихся круговоротов и общему качественному перерождению. Разрушение же эволюционно возникшей качественной определенности и специфичности делает проблематичным развитие цивилизации.

Таким образом, целинные земельные распахки в Казахстане (в 1954-1960гг. здесь было поднято 25,5 млн. га) не могли не дать масштабных негативных проекций. Приняв курс на целину, отражавшую стратегию глобально расширяющегося (экстенсивного) природопользования, партийно-государственное руководство проигнорировало общегуманитарный принцип "Земля - наш общий дом", взяв тем самым на себя моральную ответственность за грядущие экологические катаклизмы. Гигантская зона рискованного земледелия, формировавшаяся на пространствах Востока, была рискованна не только по отношению к урожаям, но прежде всего и главным образом в плане экологии нашего общего дома - планеты Земля.

Что касается экономической целесообразности, то этот аспект трудно иллюстрируется, ибо такие подсчеты статистика не вела. Поэтому вряд ли кто точно знает, какова действительная цена экономических издержек легендарных "казахстанских миллиардов".

Тем не менее если учесть, что в целинный гектар "вдывается" от 1 до 2 ц зерна, а собирается не более 6-9 ц (в 1954-1958гг средняя урожайность была на уровне 7,3 ц/га, а в 1961-1965гг. - 6,1 ц/га) (7), то вопрос об экономии

ческой целесообразности предстает весьма актуальным. Но кроме этого, на величину издержек производства влияли и масштабы привлечения трудовых ресурсов. Ежегодно на целину прибывала огромная масса студентов, городских жителей, комбайнеров и механизаторов из других областей и республик. Например, в 1956г. (первый случай, когда Казахстан дал 1 миллиард пудов хлеба) на уборку урожая со всех концов страны было стянуто около 12 тыс. комбайнеров, 20 тыс. шоферов с соответствующей техникой, десятки тысяч учащихся из студенческих отрядов (как пелось в комсомольских песнях, это был их "третий трудовой семестр"). Кроме того, на целину регулярно посылались десятки армейских автомобильных батальонов, тысячи солдат срочной службы и воинов резерва, оттягивавшихся с гражданского производства. Порой число занятых на хлебной ниве достигало более 1 млн. человек. Все это, безусловно, сказывалось на рентабельности зернового производства, его себестоимости. Огромны были и энергетические затраты (горюче-смазочные материалы), которые росли в силу поистине бескрайних просторов целинных совхозных земель (уже одна транспортировка хлеба с полей до совхозного зернотока требовала чрезмерного количества энергоносителей).

Ориентировавшаяся на методологию экстенсификации советская агроэкономическая наука считала, что для решения продовольственной проблемы важно достигнуть такого положения, чтобы на душу населения приходился как минимум гектар пашни. В этом плане в 50-х годах в СССР отмечался дефицит в 50 миллионов гектаров. Поэтому цифра в 42 миллиона гектаров распаханной целинной нови отнюдь не случайна.

Задача, поставленная научными авторитетами, была решена - каждый советский человек "получил" по гектару.. На долю СССР приходилось 16 процентов всех зерновых площадей на земном шаре (для сравнения: КНР - 13, Индия - 14, США - 8,5 процента). Однако проблема осталась.

Располагая гигантским сельскохозяйственным потенциалом, страна тем не менее стабильно входила в пятерку крупнейших мировых импортеров зерна (наряду с Японией, Китаем, Саудовской Аравией и др.). За 10 лет (1976-1985 гг.) его было закуплено более 308 миллионов тонн на сумму в 50 с лишним миллиардов долларов. Причем это были "нефтедоллары": в 1960 г. было продано 17,8 миллионов тонн нефти, куплено 200 тысяч тонн зерна, в 1985 г. - экспортировано 117 миллионов тонн нефти, импортировано 44,2 миллиона тонн зерна. Попросту говоря, зерно обменивали на невосполняемые ресурсы - нефть. В этой связи глубоко прав один из экономистов, заявивший: "не будь нефти Самотлора, жизнь заставила бы начать перестройку лет 10-15 назад" (8) (в качестве ремарки заметим, что СССР был объективно заинтересован в ближневосточном кризисе, поскольку его незатухающие коллизии позволяли держать курс "нефтедоллара" на достаточно высоком уровне, а следовательно, решать внутренние проблемы страны; в этом интересы "социалистического интернационализма" и "американского империализма" смыкались).

Жизнь доказала, что в условиях НТР природный фактор сам по себе еще не есть решающее условие. Взять хотя бы Нидерланды, которые крайне ограничены в земельных площадях и вынуждены метр за метром отвоевывать польдеры у моря. Однако СССР - одна шестая часть земли, не шел с ней в силу экстенсивного характера экономики ни в какое сравнение.

В Голландии площадь пашни составляла всего 0,9 млн.га (в СССР - 233 млн.). Продукция на один гектар пашни составила здесь 8900 долларов (в СССР -300). Один гектар пашни кормил 16,5 человек (в СССР - 1,2), один работник сельского хозяйства обеспечивал продовольствием 60 человек (в СССР -13). Между тем на гектаре пашни в СССР было занято людей в 15-20 раз больше, чем в Голландии (9).

Итак, целина как "экстенсивный" маневр экономически не оправдала себя. Страна оставалась импортером зерна, а выход на вынужденную интенсификацию был заблокирован, и в этом роли целины и Самотлора одинаковы.

Целина породила ряд негативных моментов и в контексте социальных опосредований. Конечно, она сыграла большую роль в создании в регионе обширной социальной и производственной инфраструктур, возникновении новых городов в бурном расцвете старых. Не следует забывать и то, что освоение целины осуществлялось главным образом через привлечение трудовых ресурсов из других республик (в 1960-1965 гг. рост населения Северного Казахстана на 61 процент обеспечивался за счет межреспубликанской миграции) (10) - выходцев из РСФСР, Украины, Молдавии, Белорусии и т.д.; у Н. Хрущева во время его встреч с лидером Китая Мао-Цзедунем обсуждалась даже возможность широкомасштабного привлечения на целину китайской рабочей силы. В результате здесь сформировалась широкая социокультурная и этноконтактная зона, сильно динамизировавшая процессы интернационализации общественной жизни.

В то же время обширность миграционного потока имела и отрицательный результат. Так, регионы-доноры, т.е. районы-источники миграционных потоков, превратились из трудоизбыточных в трудонедостаточные территории и на сегодня сохраняют острейший дефицит рабочей силы (например, Нечерноземье). Вместе с тем неконтролируемая миграция содействовала тому, что удельный вес коренного этноса в национальной структуре населения Казахстана снизился до тридцати процентов. В результате возникла объективная угроза языку (ареал функционирования казахского языка еще более сузился: более 700 школ были переведены с казахского языка обучения на русский), социокультурным институтам и всей

системе жизнеобеспечения казахского этноса. А это не могло не отразиться на всем комплексе межнациональных отношений, порождая здесь взрывоопасные проблемы и напряжения.

Говоря о социальных последствиях целины, нельзя также упустить из виду, что в ходе ее освоения еще более обострилась проблема региональных противоречий в развитии производительных сил Казахстана. Целина, как и промышленный Восток, стала основным центром притяжения государственных инвестиций. Другие же регионы республики были в этом отношении существенно ущемлены. В результате производственные и социальные инфраструктуры развивались здесь гораздо менее динамично, а производительные силы чуть ли не стагнировали, порождая вопросы занятости и пауперизации населения, демографические и экологические проблемы и т.д. Все это служило базой для возникновения проблемы "Север-Юг" (отсталые в плане развития производительных сил западный и юго-восточный регионы и относительно более развитые Север, Восток и отчасти Центр), чреватой самыми негативными последствиями в самых разных проекциях.

К началу 60-х годов стало очевидно, что административно-командная система полностью исчерпала себя. Жизнь все больше и больше требовала расширения инициативы и самостоятельности предприятий, укрепления хозяйственного расчета, а следовательно, и радикальных изменений в организационной структуре всей общественно-политической жизни. В этом отношении бесконечная цепочка непродуманных реорганизаций, осуществляемых экспромтом Н. Хрущевым, не давала и не могла дать требуемого эффекта, поскольку ухватившись за частное, невозможно было решить целое. Однако понимание, что система не поддается реформированию, придет в общественное сознание еще нескоро.

ШАБА 15. ЗАСТОЙ ИЛИ КРИЗИС?

Аппаратный партийный переворот, осуществленный в октябре 1964г. стал финалом насыщенной противоречивыми исканиями и борениями, надеждами и утраченными иллюзиями "хрущевской декады".

Придав анафеме "субъективистско-волюнтаристскую политику Хрущева" и облачившись в тогу "отцов-реформаторов", новоявленные лидеры партийно-государственной иерархии во главе с Л.И. Брежневым тут же принялись за санацию хронически больной социалистической экономики.

Гонг к очередному раунду косметической стилизации под реформы прозвучал на мартовском и сентябрьском (1965г.) Пленумах ЦК КПСС, где, как писали газеты тех лет, "были приняты исторические директивы по совершенствованию хозяйственного механизма". В содержании последних нашли отражение некоторые теоретические заделы и концепции, наработанные в экономической науке, продолжавшей следовать в фарватере догматов марксистско-ленинской политэкономии.

Игнорируя фатум исторической тупиковости социалистической утопии, предаваясь иллюзиям возможности реформирования экономики аномальной административно-командной системы, ведущие научные авторитеты страны пытались решить проблему кризиса через изменение отдельных фрагментов экономических отношений, никак не затрагивая при этом фундаментального начала - отношений собственности. Философия реформ допускала некоторое вторжение в частности, но только не в саму природу сущностного целого (так называемая социалистическая собственность), которое продолжало сохранять статус сакрального табу. Естественно, что такая методология уже изначально обрекала реформаторские потуги на провал.

Объективно не могли увенчаться успехом и частные решения, поскольку в условиях неизменной обществен-

но-политической и социально-экономической системы они становились абсолютно иррациональными. Как, например, можно было достигнуть расширения прав и самостоятельности предприятий (за что ратовал сентябрьский (1965г.) Пленум ЦК КПСС), если параллельно этой ключевой установке реформ было принято решение о воссоздании взамен совнархозов министерств, на которые налагались ответственность за распределение материалов и оборудования, оперативное руководство отраслью, финансирование, отслеживание качественных и количественных показателей и многие другие функции, совокупность коих, собственно, означала контроль за всем производством. Понятно, что, получив такие prerogatives (в дальнейшем они еще более расширились), министерства, отнюдь не став структурами нового типа (как в этом убеждал на Пленуме глава правительства А. Косыгин), превратились в отраслевые супермонстры, быстро подмявшие под себя права, инициативу и самостоятельность предприятий.

По большому счету и сами предприятия были не столько заинтересованы в самостоятельности. Если последняя и востребовалась, то только до определенных пределов. И это понятно, так как при отсутствии рыночных механизмов и тотальном господстве директивно-распределительных принципов организации экономики поиск ресурсов, каналов реализации, установление смежных связей, финансирование и многое другое могли вызвать у руководителей предприятий лишь головную боль, которую удобнее было переложить на министерства.

И все же, несмотря на имманентные изъяны, реформы вызвали определенное "взбадривание" экономики. Выросли показатели среднегодового роста промышленности и сельскохозяйственного производства, динамика была характерна для валового продукта и национального дохода, повысилась эффективность труда. В годы восьмой пятилетки (1966-1970гг.) народнохозяйственный комплекс достиг наивысших со времен введения плановой экономики индексов роста.

Однако вскоре инерция реформ, так и не выйдя на мультипликативный эффект, была исчерпана, а сами они, обретая все более паллиативный характер, были окончательно заблокированы.

За двадцать лет (1965-1985гг.) индустриализационные процессы в Казахстане развивались весьма динамично. Республика превратилась в один из крупнейших промышленных регионов СССР. Здесь находилась основная база цветной металлургии страны, действовали обширный топливно-энергетический комплекс, развитая химическая отрасль, угледобывающая промышленность, имелся огромный (даже по мировым стандартам) потенциал нефтедобычи.

По объемам добычи хрома республика вышла на первую позицию в стране, по углю, железным и марганцевым рудам - на третью. Казахстан давал около 90 процентов общесоюзного выпуска желтого фосфора, 40 процентов кормовых фосфатов, от 30 до 70 процентов меди, цинка, свинца. До союзного значения наращивались мощности в производстве ферросплавов, титана, магния, редкоземельных элементов. С вводом в эксплуатацию крупнейшего в стране Карагандинского металлургического комбината существенно повысилась роль региона в производстве стали.

Если рассматривать промышленность Казахстана в структурном разрезе, то нетрудно будет заметить ее явно обозначившуюся сырьевую направленность. Преимущественное развитие получили топливно-энергетический комплекс, цветная и черная металлургия, химическая и нефтехимическая отрасли. В результате сложился относительно высокий удельный вес добывающего сектора промышленности (в 1986г. - 14,7 процента против 9 по СССР), тогда как, например, доля машиностроения в общем объеме промышленного производства составила 7 процентов (27,4 процента по СССР). В республике почти отсутствовали предприятия, производящие высокотехнологическую продукцию.

За пределы Казахстана вывозилось, как правило, дешевое сырье (хотя на мировых рынках оно стоило как раз дорого), а поступала дорогостоящая готовая продукция. Отсюда - перекося стоимостного баланса ввоза - вывоза. Республика вывозила продуктов на 8 млрд. руб., а ввозила - на 16 млрд.

В 1976-1980 гг. число построенных и введенных в действие только крупных промышленных предприятий достигло 117 единиц, в 1981-1985 гг. - 60 (1). Бурное развитие получила производственная инфраструктура. Концентрированным выражением "индустриального бума" стало увеличение доли промышленности в валовом общественном продукте республики до 50 процентов (на начало 80-х годов) (2).

За двадцать пять лет (с 1960 по 1985 гг.) численность рабочих увеличилась на 2347 тыс. человек, или 203 процента (это, кстати, говорило, что подъем промышленного производства обеспечивался главным образом не за счет интенсивных, а за счет экстенсивных факторов: рост промышленной продукции многократно отставал от роста численности занятых). Удельный вес населения, занятого в промышленности и строительстве, достиг одной трети (1985 г. - 31,2 процента). Промышленное развитие вызвало рост численности городов. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Казахстане насчитывалось более 30 городов с населением свыше 50 тыс. человек, 19 городов - свыше 100 тыс. человек и пять городов с населением свыше 300 тыс. человек. В 1970 г., впервые в истории народонаселения региона, удельный вес городских и сельских жителей уравнился, а с 80-х годов горожане стали преобладать в структуре населения республики (1987 г. - 58 процентов) (3).

Все приведенные выше цифры, взятые из статистических народнохозяйственных отчетов, рисуют в целом-то благостную картину развития промышленности. И конечно же, вчитываясь в них, широкая общественность не видела не то что явных симптомов, но и каких-то косвен-

ных намеков на кризис. Ведь долгие десятилетия единственным критерием функциональности и эффективности экономики был валовый подход, приучивший оценивать любую динамику только с количественной стороны. О делах в той или иной отрасли, том или ином производстве судили исключительно сквозь призму бинарной оппозиции "больше-меньше": если объемы продукции по сравнению с предшествовавшей базой хоть как-то возросли - значит, отрасль в динамике, если нет - производство в прорыве, оно стагнирует. И как тут не возрадоваться от круто ползущих вверх кривых, отражавших перевыполнение на миллионы тонн планов по стали, чугуну, нефти, углю и т.д.

Между тем "ползли в заоблачную высь" и графики импорта. Такая симметричность тенденций могла означать только одно: промышленность, выпуская огромное количество, скажем, стали самой по себе, испытывала столь же огромный дефицит ее сортамента (электростали, проката из низколегированной стали и т.д.; в 1985г. из 155 млн.т стали, выплавленной в стране, 85,5 млн., т.е. значительно больше половины, приходилось на "дедовский" мартеновский способ) (4). Следовательно, если в количественном отношении валовое предложение продукции с лихвой перекрывало спрос, то в аспекте качества ничего подобного не наблюдалось. А это говорило о том, что имеет место производство ради производства, т.е. в интересах вала.

Вместе с тем динамика в производстве той же стали при ее относительно незначительном экспорте свидетельствовала о гипертрофированной металлоемкости промышленности. В подтверждение достаточно привести здесь лишь один пример: только в машиностроении излишний вес продукции достигал 12-15 млн.т, что в 2,5 раза перекрывало годовой объем сталелитейной промышленности Казахстана.

Крайне непроизводительная ресурсоемкость была характерна для всех отраслей экономики республики.

Например, статистика фиксировала, что в Казахстане в расчете на душу населения производилось электроэнергии больше, чем во многих высокоразвитых странах. По логике, согласно которой экономическое благосостояние и производительность труда во многом определяются среднедушевыми показателями производства энергии, Казахстан должен был являть собой весьма процветающий регион. Однако в этом плане корреляции не прослеживалось, т.е. индексы энергопотребления и развития экономики были более чем неадекватны. Следовательно, и здесь имел место "холостой ход": "энергетический бронтозавр" экономики расточительно пожирал невосполняемые топливно-энергетические ресурсы.

"Дикие" масштабы ресурсоемкости экономики, помимо всего прочего, прямо стимулировались и действовавшей системой централизованного фондового обеспечения предприятий.

Следует сказать, что в ходе подготовки реформ 1965г. высказывалась идея о необходимости перехода от централизованного фондирования материальных ресурсов и прикрепления потребителей к поставщикам на оптовую торговлю средствами производства. Ее поддерживал, например, ученый-экономист Е. Либерман - один из деятельных инициаторов реформаторских новаций. Однако многие ученые и практики увидели в замыслах ученого лишь "смешную либерманию" (тогда как западные наблюдатели, обыгрывая термин "либерализация экономики", с иронией называли реформы "либерманизацией экономики"). Настаивая на сохранении жесткого лимитирования, они утверждали, что отход от него возможен лишь после накопления материальных ресурсов и, следовательно, ликвидации дефицита.

Между тем этого как раз не могло произойти, ибо именно сохранявшаяся система централизованного фондового обеспечения предприятий и порождала дефицит. В Казахстане функционировали десятки тысяч предприятий, и все они безотказно брали все, что им давали и в

любых количествах. Дело доходило до таких пассажиров, когда, например, предприятие сдавало в счет металлолома первоклассную катанку, которая ему никогда и не была нужна, но которую оно когда-то взяло, исходя из принципа "свой карман не тянет", или когда оперный театр давал объявление в газете о распродаже материалов, свойственных не учреждению культуры, а скорее промышленному производству. Руководствуясь поговоркой "бьют - беги, дают - бери", промышленность республики довела сверхнормативные запасы материальных ресурсов буквально до астрономических цифр.

Разорвать "заколдованный круг" могла лишь структурная перестройка промышленности с ее ориентацией на ресурсосберегающие технологии. Но тут все опять упиралось в то самое сущностное целое, поскольку без радикальной трансформации отношений собственности и перехода к рыночной парадигме развития остановить затратный механизм экономики было попросту невозможно. Экономика в ее социалистическо-плановой ипостаси была обречена пожирать саму себя.

Итак, пробираясь сквозь частокोल статистической казуистики, нагроможденной директивными ведомствами, можно было обнаружить, что в экономике республики (как и всей страны) развивались тенденции отнюдь не позитивного свойства. Хотя сделать это было не так просто, ведь насквозь идеологизированная статистика, очень умело манипулируя цифрами, выстраивала динамические ряды таким образом, что отрицательные индексы обретали только знак "плюс". В целях фальсификации действительной картины разрабатывались особо изощренные методики. Так, например, Продовольственной программой СССР до 1990г (декларированной на майском (1982г.) Пленуме ЦК КПСС) была поставлена задача обеспечить подушевое потребление мяса до 70 кг. И статистика делала все, чтобы "подтянуть потребление" до этой партийно-санкционированной цифры. Для этого в категорию "мясо" стали засчитывать кости, субпродукты, внутрен-

ний жир (лярд) и т.д., были введены различные коэффициенты пересчета (например, говорили, что раз калорийность жира выше калорийности мяса, то можно 1 кг жира засчитывать как включенные в потребление несколько килограммов мяса).

Через так называемый множественный счет определялись объемы валового продукта (например, на каком-то заводе сделали деталь стоимостью 100 руб. и передали ее смежному предприятию, на котором в ходе операций с этой деталью произвели стоимость в 50 руб., но в отчетах этого предприятия указывалось не 50, а уже 150 руб. и так по всему продвижению продукции), в результате чего они "демонстрировали" рост даже не на какие-то проценты, а в "разы". Подобным образом фальсифицировались и стоимостные показатели плана. Последний, по статистике, всегда выполнялся и перевыполнялся, хотя 61 процент предприятий машиностроительного комплекса, 42 процента металлургического и т.д. не выполняли договорных обязательств (стоимость продукции, не полученной по договорным обязательствам, определялась в сотни и сотни миллионов рублей). Все объяснялось просто: недовыполнение в одном звене перекрывалось перевыполнением в другом фрагменте производства. Допустим, где-то трехкратно превысили плановые задания по производству ведер. И вот этим излишком закрывается эквивалент равных по стоимости, но не созданных других продуктов, скажем, электромоторов.

Плачевное положение складывалось в аграрном секторе экономики. Несмотря на постоянное наращивание капитальных вложений в сельское хозяйство, двукратный рост его энергетических мощностей, объемы валовой продукции не только не возрастали, но, напротив, обнаруживали устойчивую тенденцию к убыванию. Так, если в самые благополучные 1966-1970 гг. среднегодовые темпы роста были зафиксированы на уровне 28 процентов, то в 1971-1975 гг. - 15, а в 1981-1985 гг. - 0,1 процента. Если же учесть, что немалая доля валовой продукции аграрно-

го комплекса приходилась на личные подсобные хозяйства населения (в среднем за год: за 1981 - 1985гг. - по картофелю - 56 процентов, овощам - 32, бахчевым - 35, плодоягодным культурам - 53, мясу - 31, молоку - 44, яйцам - 35, шерсти - 22 процента), то динамика валового производства в колхозно-совхозных структурах обретает в рассматриваемые годы еще более удручающую картину (5).

Согласно традиционным оценкам производительность труда в сельском хозяйстве росла от пятилетки к пятилетке. В действительности же его эффективность оставалась низкой, что видно особенно на фоне некоторых сопоставлений. Так, чистый результат от всей деятельности в расчете на одного работника составил в Казахстане всего 11 руб., или по нереальному валютному курсу тех лет что-то около 25 долларов, тогда как в США - 59 тыс. долларов, Великобритании - 42 тыс., Германии - 32 тыс. долларов. Один работник в среднем кормил лишь 13 человек (в США - 80, Швейцарии - 100, Нидерландах - 60 человек) (6).

В свое время Сталин следующим образом раскрывал "преимущества" социалистического сельского хозяйства: "... У капиталистов крупные... хозяйства имеют своей целью получение максимума прибыли. У нас, наоборот, крупные... хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли... Наконец, при капитализме не существует для крупных хозяйств ни особых льготных кредитов., тогда как при советских порядках, рассчитанных на поддержку социалистического сектора, такие льготы существуют и будут существовать. Обо всем этом забыла достопочтенная "наука" (7).

Ясно, что такая идеология порождала иждивенческие тенденции в совхозах и колхозах, которые в условиях государственного патернализма, выражавшегося прежде всего в огромнейших дотациях на сельскохозяйственное

производство и многомиллиардных кредитах (конечно же, они не возвращались, а ежегодно просто "списывались"), мало задумывались о рентабельности.

В результате в 1981-1985гг. в Казахстане 53 процента совхозов и колхозов были убыточны, а размеры убытка вылились почти в миллиард рублей (в Талды-Курганской области убыточными были 72 процента совхозов и колхозов, Уральской - 78, Семипалатинской - 68, Целиноградской - 60 процентов и т.д.) (8).

Продолжал действовать затратный механизм. Так, в животноводстве затраты на производство 100 руб. валовой продукции составили в 1981 -1985гг. 120 руб. (в Кызыл-Ординской области Казахстана - 118 руб., Целиноградской - 116, Павлодарской - 107 руб. и т.д.). В рассматриваемые годы цена реализации не возмещала даже себестоимости в производстве мяса крупного рогатого скота, овощей, сахарной свеклы, молока и молочных продуктов, свинины, шерсти (9).

Таким образом, колоссальные объемы целевых финансовых инъекций в сельское хозяйство не давали адекватной отдачи. Механизм действовавших организационно-хозяйственных структур, несмотря на обильную "смазку" из мультимиллионных ассигнований, постоянно пробуксовывал, обнаруживая неспособность трансформировать гигантские затраты в нужный результат. Возникал порочный круг: для рывка структур была необходима широкомасштабная интенсификация, для которой, в свою очередь, требовались наряду с прочим огромные средства, однако, последние, поступив в те же структуры, ими же и блокировались.

Результирующей проекцией глубоко иррациональной природы "классических" структурных образований эпохи "великого перелома" явилась их несостоятельность в плане реализации основной функции - обеспечения общества продовольствием.

Располагая на своей территории 2/3 мировых черноземов, занимая первое место в мире по площади сельхо-

зубодий (603 млн. га в СССР, 431,5 млн. - в США, Канаде - 78, Нидерландах - 2,0 млн. га), являясь абсолютным лидером по поголовью крупного рогатого скота, овец, свиней и птицы, обладая стадом коров, в 10 раз большим, чем Великобритания и 40 с лишним раз, чем Дания (крупнейший экспортер масла), имея 23 млн. человек, занятых в сельском хозяйстве (в США - 3 млн), страна оставалась крупнейшим импортером продовольствия (10).

Советский импорт сельхозпродукции возрос со среднегодового уровня в 2,6 млрд. долларов (20 процентов всего импорта) в 1970-1972гг. до 19 млрд. долларов (24 процента) в 1981 -1985гг. Если в 1970г. было закуплено на мировых рынках 165 тыс.т мяса и мясопродуктов, то в 1985г. - 857 тыс., животного масла соответственно - 2,2 и 276 тыс.т, сахара-песка - 2745 и 4125 тыс.т (11).

Гримасой социалистического сельского хозяйства являлись стремительно нараставшие из года в год импортные закупки зерна. И дело здесь заключалось отнюдь не в его дефиците. Главными стимуляторами импорта выступали затратный характер экономики и магнетизм пресловутого вала. Это становится очевидным, если учесть, что в стране, даже в неурожайные годы, собиралось в среднем 70-75 млн.т пшеницы (в благополучные - до 80 млн.), тогда как, скажем, в США - 55-60, а в странах ЕЭС, вместе взятых, - 70-75 млн.т (12).

Куда же исчезало зерновое изобилие? Если даже принять во внимание несбалансированную структуру питания населения, где основными "энергетиками" выступали картофель и хлеб (подушевое потребление хлебопродуктов в 1985г. составляло в СССР 132 кг, в США - 96, Дании - 71, Канаде - 69, Нидерландах - 64 кг), то все равно масштабы производства зерна должны были оставаться достаточными для удовлетворения собственных потребностей и даже для экспорта.

Однако это в теории. На практике все сводилось на нет тем же затратным механизмом. Гигантские объемы зерна ежегодно исчезали в пропасти под названием "эк-

стенсивное животноводство"

Нарастив в погоне за валовыми показателями огромное и в то же время низкопродуктивное, поголовье скота - средний вес одной головы крупного рогатого скота увеличивался всего на 3 кг в год (в Казахстане при стаде коров в 3 млн. голов средние удои составляли 1800 кг, тогда как, например, в Дании - соответственно 951 голова и 5700 кг), сельское хозяйство постоянно упиралось в кормовую проблему. При сохранении деформированной структуры сельскохозяйственного производства (в рекордный по урожаю 1987г. из 211 млн.т зерновых на кукурузу приходилось всего 14,8 млн.т, сою - 0,7 млн.т) потребности животноводства решались главным образом за счет грубых кормов и зерна. Последнего ежегодно скармливалось до 40-45 млн.т. Где-то в таких пределах и фиксировались импортные поставки (13).

Первые крупные импортные операции с зерном были проведены в 1963 г. Но на постоянную, так сказать, плановую основу они были поставлены начиная с 1972-1973гг., когда цены на нефть по сравнению с ценами мирового продовольственного рынка резко возросли, создав у руководителей страны иллюзию выгоды обмена сырьевых ресурсов на зерно. Если в 1970 г было закуплено 2,2 млн. т зерновых, то в 1980 г. - 29,4 (из них 14,7 млн.т пшеницы), а в 1985 г. - 45,6 млн.т (21,4 - пшеницы). По данным ФАО, с 1971 по 1988 гг. СССР закупил за рубежом (в основном в США, Канаде, Аргентине Турции) 483 млн.т зерна на сумму 70 млрд. долларов (14). В 1985 г. каждая третья булка хлеба и каждая вторая пачка макарон, поступавшие в потребление населения, были импортного происхождения (15).

Катастрофические провалы в народном хозяйстве неминуемо проецировались на качество и уровень жизни населения. Вопреки декларациям экономика работала не на человека, а только на саму себя. Об этом, в частности, свидетельствовала и структура промышленности, т.е. со-

отношение двух ее основных подразделений - производства средств производства (группа "А") и производства предметов потребления (группа "Б"). Если в 1970 г. удельный вес группы "А" (тяжелая индустрия, капитальное строительство, военно-промышленный комплекс и т.д.) в общем объеме продукции промышленности составил в Казахстане 73,3 процента, то группы "Б" - 26,7. В 1985 г. доля потребительских товаров упала до 25 процентов. Столь деформированные пропорции (заданные еще в годы сталинской индустриализации) обнаруживали, что динамика промышленности обеспечивается главным образом за счет первого подразделения. Следовательно, увеличение валового продукта, а через него и национального дохода, весьма слабо влияли на уровень жизни населения, коррелируя больше в сторону военно-промышленного и индустриального потенциала, нежели в векторе благосостояния общества.

Об относительно низком уровне жизни свидетельствовало множество индикаторов: здравоохранение, социальное обеспечение, жилищная проблема, экология, норматив физического износа населения, условия труда и его оплата, культурные и духовные потребности и т.д. и т.п. За неимением возможности мы кратко рассмотрим два показателя, которые в литературе очень долго замалчивались - инфляцию и питание населения.

Стереотипы политэкономии социализма все эти годы насаждали в общественном сознании инсинуации о том, что инфляция в условиях социалистического планового хозяйства не может иметь места, ибо она есть атрибут исключительно рыночной экономики. Внешне как будто так и было: десятилетиями цены на товары оставались стабильными,

Однако на самом деле инфляционные процессы, подчиняясь объективным законам экономики, развивались весьма бурно. Правда, при этом они не имели прозрачного характера, а выступали в "подавленной", деформированной, т.е. скрытой, форме.

О высоком уровне инфляции говорил сильнейший дисбаланс спроса и предложения. При социалистической (деформированной) модели цены низки и стабильны, но товары в дефиците и, следовательно, малодоступны или, наоборот, товаров много, но в силу убогости их ассортимента и качества они становятся попросту никому не нужными.

Все годы существования советского планового хозяйства сохранялся острейший дефицит по большинству групп товаров, и прежде всего - товаров широкого потребления, выпуск которых в силу блокирования группы "Б" и близко не отвечал спросу. Например, в 1985 г. производство предметов потребления на душу населения в стоимостном выражении составило в Казахстане всего 468 руб. Теоретически среднестатистический житель мог выкупить этот объем товаров за свою двух-трехмесячную заработную плату, зарплата же оставшихся девяти месяцев, не находя реализации, откладывалась в сберегательные банки, формируя так называемый "отложенный спрос". Следовательно, увеличение вкладов от населения в сберегательных кассах говорило не о росте благосостояния (как это всегда интерпретировалось в статистике), а о росте инфляции. Если в 1970 г. в Казахстане насчитывалось 3057 тыс. вкладов в сберегательных банках на сумму 1793 млн.руб., то в 1985 г. - соответственно 7274 на сумму 7870 млн.руб. (16).

Как подсчитали в свое время экономисты, в результате дефицита товаров неудовлетворенный покупательский спрос в масштабе страны составил 21-25 млрд.руб (явно заниженные оценки), население в поисках товаров теряло (на середину 80-х годов) 65 млрд. человеко-часов, что соответствовало годовому фонду рабочего времени 35 млн.человек, занятых в народном хозяйстве. Все названные цифры и выступали внешне невидимым проявлением инфляции. Ее же явным обозначением были длинные очереди в магазинах.

Выражением проявления инфляции служили и силь-

но опережающие темпы динамики оплаты труда по сравнению с ростом его производительности (в республике это была устойчивая тенденция), так называемый "долгострой" (в Казахстане случаев его было множество), когда возведение гигантских заводов продолжалось десятилетиями, т.е. десятилетиями они не давали никакой продукции, но их строители исправно из года в год получали высокие зарплаты. В этих и многих других случаях нарастала денежная масса, не имевшая товарного обеспечения, что и есть прямой признак инфляции. Среди многочисленных утопий, "отлитых" Н. Хрущевым в партийно-санкционированные максимы (как то: "стереть грань между городом и деревней", "устранить различия между умственным и физическим трудом", "достигнуть общности общественных и личных интересов", "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме" и т.д.) была и такая - "догнать и перегнать Америку по производству молока, мяса, масла".

Как же реализовала эту партийную установку социалистическая экономика? В 80-х годах уровень потребления мяса в СССР по отношению к США (по расчетам не фальсифицированной советской статистики, а по оценкам ряда независимых экспертов) составил всего 34,2 процента, жиров и масла - 29,8 процента, рыбы - 67 овощей - 19,3, фруктов - 19,7 процента (17). Хотя средняя калорийность питания в СССР (в Казахстане близкие показатели) и США фиксировалась примерно на одинаковом уровне (3300 ккал в день на душу населения), у советского потребителя 46 процентов дневного рациона пищи приходилось на картофель и хлеб, на мясо же и рыбу - только 8 процентов (в США - соответственно 22 и 20 процентов).

В потребительских расходах семьи из четырех человек, работающих и получающих доход в 380 руб. в месяц (до вычета налогов), расходы на питание составили 59 процентов, тогда как в США этот показатель равнялся 15,2

процента Фактические объемы потребления были в стране значительно ниже физиологически рациональных норм, рекомендованных специалистами. Если допустить выход на эти рациональные нормы, то доля расходов на питание составила бы в расходах среднестатистической семьи не 59, а 71 процент, для достижения же количественных норм питания американской семьи потребовалось бы 90 процентов бюджета семьи (в Казахстане - 98 процентов), а если учесть стандарты качества - 180 процентов (17).

Оценки экономической доступности, выводимые через количество рабочего времени, необходимого для того, чтобы заработать на покупку продуктов питания, показали следующее: советскому работнику для того, чтобы купить условную единицу мяса, в 80-е годы приходилось трудиться больше, чем американцу, в 10-12 раз, птицы - в 18-20, молока - в 3, сливочного масла - в 7, яиц - в 10-15, хлеба - в 2-6, водки - в 18 раз.

В 1965 г. жители городов потребляли мяса (с учетом его качества) почти на 50 процентов меньше, чем в 1913 г. и 1927 г. (причем для покупки 1 кг мяса нужно было отработать по времени в 1,5 раза больше, чем в 1913 г. и 1927 г.)(19).

Таким образом, огромный и разнообразный комплекс мер, постоянно усложнявшийся, абсорбировавший гигантские ресурсы общества, периодически "встряхивал" экономические структуры, но не сообщал им поступательного движения. Говоря образно, структуры, созданные в ходе революционаристского эксперимента, испытывали сильнейшую аритмию, которая выписывала кардиограмму, близкую к предынфарктному кризу. И именно кризис определял состояние общества, но отнюдь не застой - термин, выдуманный официальной пропагандой для обоснования и оправдания новых утопических экспериментов.

ГЛАВА 16. КОНЦЕПЦИЯ "ПЕРЕСТРОЙКИ"

Курс на социально-экономические преобразования, провозглашенный М.С. Горбачевым с приходом его к руководству СССР, имел на отправном этапе такую же тенденцию, как и попытки его предшественников, пытавшихся при восхождении к власти показать себя деятельными, демократичными реформаторами. Система социально-экономических и политических акций, направленных на реформирование общества, вошла в историю под названием "перестройка".

В развитии этого периода выделяется несколько этапов (1).

Первый этап. 1985 г.(апрельский Пленум ЦК КПСС) - лето 1987г. В рамках данного этапа были приняты тщетные попытки реализовать концепцию так называемого ускорения. Как предполагало и верило руководство страны, вывести общество из застоя (пока еще слово "кризис" не упоминалось) поможет борьба с пьянством (отсюда беспрецедентная антиалкогольная кампания) и распушенностью (продолжение курса Ю. Андропова на ужесточение дисциплины). Как ожидалось, эти меры должны были оперативно сказаться на росте производительности труда, а следовательно, и на ускорении общественного развития.

Однако в качестве главного фактора ускорения виделась идея обновления производственного аппарата (станков, оборудования, технологических линий и т.д.). Как считали некоторые "архитекторы перестройки" (академик-экономист А.Г. Аганбегян и др.), с помощью перераспределения валютных ресурсов с закупки потребительских товаров (продовольствия, одежды, обуви и т.д.) на приобретение преимущественно машиностроительного импорта удастся уже к 1990г. довести долю машин, оборудования и приборов гражданских отраслей машиностроения, отвечающих мировым стандартам, до 90 про-

294

центов. Как следствие - резкое повышение производительности труда и ускорение общественного развития.

В аграрной сфере возможность ускорения виделась также во внедрении достижений НТР, новых технологиях и других факторах интенсификации сельскохозяйственного производства. Как подчеркивал М.С. Горбачев в своих выступлениях в Целинограде в сентябре 1985г., эти моменты способны сообщить сильнейший импульс колхозно-совхозной системе, потенциал которой якобы огромен.

Между тем в условиях отсутствия рынка и частной собственности и, как следствие, конкурентной борьбы за потребителя всякие идеи ускорения оставались не более чем иллюзией. Действительно, зачем заводу, являющемуся монопольным производителем, скажем, телевизоров, новые технологические линии (пусть хотя бы и японские), если у него при всеобщем дефиците даже самая устаревшая некачественная продукция будет, что говорится, с руками-ногами оторвана потребителем. Ведь последний лишен выбора и будет вынужден брать то, что ему предложит производитель-монополист, причем по монопольно высоким ценам. А раз так, то какой смысл в новых технологиях, станках и т.д.? И без них предприятия-монополисты будут процветать. Поэтому заводы и фабрики всячески отказывались от навязываемого им в рамках партийного курса на ускорение импортного оборудования, а когда это не удавалось, то последнее в ящиках или в распакованном виде складывалось на задних дворах, открытое всем ветрам, снегам и дождям.

Очень быстро несостоятельность концепции ускорения выявилась и в сельском хозяйстве. Здесь тоже все объяснялось отношениями собственности. Государственная колхозно-совхозная система уже в силу своей природы была не способна воспринять достижения научно-технической революции, новейшие технологии и научные системы земледелия. Колхозники и рабочие совхозов,

будучи бесправными поденщиками у государства, отчужденными от средств производства и результатов труда, были в принципе безразличны к общественному производству и рассматривали работу здесь как своеобразную барщину. В рамках такой мотивации говорить о сколько-нибудь серьезной интенсификации было излишне самоуверенно.

Что касается извечной ставки на борьбу "всем миром" за дисциплину, то с помощью этой меры удалось повысить эффективность производств лишь на один процент, да и то только в первый год перестройки. Антиалкогольная же кампания привела к нарастанию дефицита госбюджета и обострению ситуации на потребительском рынке (этому же способствовала, кстати, и резкая переориентация импортных закупок с потребительских товаров на продукцию машиностроения).

Второй этап. Лето 1987г. - май 1989г. Результаты начального периода перестройки наглядно продемонстрировали несостоятельность попыток реформирования экономики посредством облегченных подходов. Становилось ясным, что "косметическими" мерами, стилизованными под реформу, здесь не обойтись, ибо кризисные (как раз в это время протекавшие в обществе процессы впервые начинают характеризоваться не как застой, а именно как кризис) причины лежат гораздо глубже - в системе производственных отношений. В этой связи общественным сознанием начинает все более широко овладевать аксиома, что путь к динамизации и благосостоянию страны лежит через рынок и частную собственность, т. е. те вехи, которые в своей эволюции не миновало ни одно развитое цивилизованное государство.

Однако руководство страны по-прежнему проявляло нерешительность, медлительность и излишнюю осторожность. Именно этим объясняются попытки соединить план и рыночную стихию и тем самым выйти на некую модель социалистического рынка, подменить частную собствен-

ность надуманными гибридами (арендой, арендным подрядом и т. д.). Ярким проявлением шараханий этого периода стали половинчатые законы о государственном предприятии (объединении) и о кооперации. Хотя они и сообщали обществу движение вперед, тем не менее проблемы не решали. Требовались гораздо более радикальные меры.

Третий этап. Май 1989г. - август 1991г. Идеи перестройки не могли пойти не только в силу определенной нерешительности реформаторского крыла партийно-государственного руководства, но прежде всего вследствие яростного сопротивления бюрократической номенклатуры всех оттенков и уровней. Только с перемещением центра принятия решений из бюрократических чертогов в действительно представительный орган можно было ожидать эффективного прохождения реформаторских идей. Такие предпосылки были созданы после образования в результате весенних выборов 1989г. народного парламента. Именно на его трибуне развернулась активная борьба за переход к рынку и частной собственности как важнейшим условиям создания на обломках тоталитарной империи демократического, т. е. гражданского, правового общества.

На протяжении 1990-1991 гг, когда в стране обсуждался вопрос о будущем СССР, Казахстан активно выступал за сохранение Союза на принципах обновленной федерации и суверенности республик. Лидером Казахстана выдвигались также инициативы по созданию конфедеративного образования. Однако в стране возобладали центробежные тенденции, повлекшие за собой "обвальное" крушение советской сверхдержавы. С подписанием Соглашения о создании Содружества независимых государств (8 декабря 1991г.) и протокола к Соглашению (21 декабря 1991г.) СССР как государственное образование перестал существовать.

ГЛАВА 17. УРБАНИЗАЦИЯ ИЛИ РУРАЛИЗАЦИЯ? ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ЯВЛЕНИЙ

В 70-80-е годы произошли существенные изменения в этнодемографических характеристиках народонаселения Казахстана. На фоне десятилетнего периода между Всесоюзными переписями населения 1979 и 1989гг. они отслеживались достаточно четко.

Прежде всего следует отметить, что, несмотря на отрицательный миграционный баланс (в 1981-1985гг. из республики выехало больше, чем въехало, на 320 тыс. человек, а в 1986-1989гг. - на 481 тыс.), численность населения продолжала расти. С 1979 по 1989гг. она увеличилась почти на 2 млн. человек (с 14684 тыс. до 16536 тыс.) (1).

Подвижки были характерны и для этнической структуры населения. Возросла численность титульного этноса - казахов. Их удельный вес в составе всего населения республики поднялся с 36,0 процентов до 39,7 (с 5289 тыс. человек до 6535 тыс.). В общем объеме прироста населения удельный вес казахов составил 23,5 процента (2).

Замедлились темпы прироста русского этноса (наряду с миграционными потерями сказывался и урбанизированный тип воспроизводства). В рассматриваемый межпереписной период его доля в общем объеме прироста населения не превышала 4 процентов (3). Хотя абсолютная численность русских в эти годы также росла (в 1979г. - 5991 тыс. человек, 1989г. - 6228 тыс.), их удельная величина в составе населения республики снизилась с 40,8 процента до 37,8. Тем не менее они продолжали оставаться этнодемографической доминантой в Центральном (47,6 процента), Северном (46,2) и Восточном (51,8) Казахстане (4).

Еще отмечался прирост немецкого населения (с 900 тыс. человек до 958 тыс.), но миграционные ожидания в их среде имели характер устойчивой тенденции. Уже в

1989-1991гг. в Германию выехали 1/3 немцев южных и 1/4 центральных областей Казахстана (по некоторым данным, в 1989-1993гг. из республики эмигрировало около 350 тыс. человек) (5).

На начало 1991г., т.е. накануне распада СССР, численность населения Казахстана определялась в 16793 тыс. человек. При территории в 2717,3 тыс. км² такие пропорции давали один из самых низких в мире коэффициентов плотности населения - 6,2 чел./км² (меньше только в Монголии - 1,4 чел./км², Австралии - 2,3 и Канаде - 2,7 чел./км²) (6).

С 1985г. по 1991г. коэффициент смертности (число умерших на 1000 человек населения) оставался примерно на одном уровне - 8-7,9. Однако упали показатели рождаемости (с 25,1 до 20,9). В силу этого снизился естественный прирост населения республики. Если в 1985г. его коэффициент был равен 17,1, то в 1991г. - 13,0. В 1990г. ожидаемая продолжительность жизни у мужчин и женщин составила разницу почти в 10 лет: у первых - 63, 8 лет, у вторых - 73,1 (самый высокий показатель в мире у японцев: мужчины - 76 лет, женщины - 82) (7).

На 1 января 1991г. численность населения в трудоспособном возрасте определялась в 9,2 млн. человек, или 54,8 процента всей его совокупности. Собственно в народном хозяйстве республики было занято 7,5 млн. человек. Отраслевая структура занятости в процентной дифференциации давала следующую картину: в промышленности и строительстве - 32 процента населения, в сельском хозяйстве - 23, на транспорте и связи - 9, в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении - 7, в других отраслях - 29 процентов (8).

В рассматриваемые годы усилился миграционный отток сельского населения. В Казахстане он был одним из самых высоких в СССР и уступал только Белоруссии. Из сел республики выбыло в эти годы 14 процентов населения. Главными центрами притяжения миграционных потоков из сельской местности выступали города. В 80-е годы темпы роста городского населения в 5,8 раза превышали численную динамику сельчан (9).

"Урбанизированный" характер историко-демографических тенденций хорошо виден из следующей таблицы:

Годы	Городские (%)	Сельские
1920	7,0	93,0
1959	44,0	56,0
1970	50,0	50,0
1979	54,0	46,0
1989	57,0	43,0
1991	57,6	42,4

Традиционно высокими темпами урбанизировался русский этнос. Доля горожан в составе русского населения росла и в эти годы. Если в 1926г. только 22 процента русских республики были горожанами, то в 1989г. - 77,5 (10). В абсолютном большинстве городов Казахстана в рассматриваемый период преобладало русское население.

Что касается казахов, то степень их погружения в миграционные потоки "село-город" оказалась на общем фоне гораздо менее глубокой. В 1926г. в городах проживало всего 2,1 процента казахского населения, 1959г. - 24,3, 1970г. - 26,3, 1979г. - 30,9, 1989г. - более 38 процентов (11). Иначе говоря, последняя Всесоюзная перепись населения показывает, что к концу 80-х годов казахи все еще оставались по преимуществу "аграрным" этносом, ибо абсолютное их большинство являлись сельскими жителями.

Об этом же свидетельствовала и структура распределения по сферам трудовой занятости. Так, по данным на 1987г., 34 процента казахов работало в сельском хозяйстве (если учитывать и колхозы, по которым статистики нет, то, по-видимому, еще больше), тогда как в промышленности - 14, транспорте и связи - 9, строительстве - 8, торговле и общественном питании - 5, бытовом обслуживании населения - 2, народном образовании - 11, в сфере культуры и искусства - 2, науке - 2, органах управления - 3 процента (12).

Относительно слабая урбанизированность казахского этноса имела свое объяснение, проецирующееся как в область субъективных, так и объективных опосредований. Можно вспомнить, например, что тоталитарное государство, вторгаясь во все сферы жизни общества, столь же жестко контролировало миграционную политику. Если в странах с нормальной экономической парадигмой развития рынок труда обеспечивал нормальное передвижение трудовых ресурсов, то административно-командная система допускала сколько-нибудь массовое перемещение лишь в рамках партийных программ, различных оргнаборов, "целинных эпопей" и т.д.

На долгие годы блокировала миграцию в города "феодалная" система сельского хозяйства, насильно прикреплявшая сельских жителей к земле, а точнее, к колхозу (они были лишены паспортов и, разумеется, не имели никакой возможности получить городскую прописку). Позже это достигалось за счет "держания" на плаву многомиллиардными и безвозвратными дотациями уже изначально стагнирующего колхозно-совхозного производства, поддержания на селе сколько-нибудь приемлемого качества жизни. Роль регулирующего инструмента играла и идеология, делавшая все, чтобы заблокировать в сознании сельских жителей всякие сомнения насчет оправданности жизненных ожиданий и "высокого социально-политического статуса тружеников села".

Нельзя не сказать и о латентной (скрытой), но подчас целенаправленной политике Центра, декларировавшего свою приверженность политике интернационализма, но де-факто, как это показал исторический опыт, выстраивавшего типичную модель этноцентристского государства с его гипертрофированной ориентацией на доминирующую этнонацию.

В цепи факторов, сдерживавших миграционные позы, свою роль играли и мотивы этнопсихологического порядка, установки и стереотипы массового традицион-

ного сознания, воспринимавшего город как враждебный антимир, а урбанизированную субкультуру как некий чужеродный феномен. Легко впасть, однако, в серьезную ошибку, если романтизировать действие этого момента, поскольку в принципе он "снимается" экономическими императивами (которые на начальном этапе, правда, мало трансформируют социокультурное начало - эффект маргинализации). Но в том-то и дело, что в СССР последние были подменены внеэкономическим содержанием и, следовательно, не могли эффективно "работать" в этом направлении. Отсюда сохранение в "аграрном" массовом сознании социопространственной оппозиции (село-город).

Известно, что урбанизация включает три главных демографических компонента: сельскую миграцию, естественный рост городского населения (превышение числа рождаемости над числом смертей) и урбанизацию сельских районов.

Как показывает статистика народонаселения, естественный рост первоначально оказывал свое влияние на уровень урбанизации казахского этноса. Мигранты, прошедшие первичную социализацию на селе, прибыв в город, в первом поколении объективно еще выступали носителями сельской субкультуры и в своем демографическом поведении выражали установки на так называемый аграрный тип воспроизводства (т.е. на большее рождение детей). Однако уже в последующих поколениях под влиянием урбанизированной субкультуры демографические стереотипы и тип воспроизводства претерпевали изменения (как правило, горожане ориентировались на одно-двухдетную семью). Следовательно, действие фактора естественного роста носило периодический характер. Его интенсивность зависела от "подпитки" новыми миграционными волнами.

Урбанизация казахского этноса в определенной степени коррелировалась и процессами урбанизации сельс-

ких районов или рурбанизацией. За годы целины, промышленного освоения территорий многие, некогда чисто сельские поселения были преобразованы в города и поселки городского типа. Значительная часть сельских поселений вошла в состав городских агломераций, становясь тем самым также субъектами урбанизации, так как включалась в городские инфраструктуры. Кроме того, в таких агломерациях получила широкое распространение (особенно в Алма-Ате, Караганде и др.) челночная (маятниковая) миграция, когда сельчане ежедневно ездили на работу в город. Тем не менее рурбанизация имела свой предел и на каком-то этапе снизила свой потенциал в развитии рассматриваемого нами явления.

Итак, из трех вышеназванных демографических компонентов урбанизации казахского этноса наибольшую значимость имела все же миграция из села в город. Но она, как уже отмечалось, сдерживалась в это время целым комплексом причин. Главным же блокиратором выступала ориентация на внерыночную модель общественного развития. При этом она не только тормозила процессы урбанизации, но и существенным образом деформировала их.

В индустриальных странах аграрное перенаселение (выталкивание относительно избыточной части населения из аграрной сферы занятости) было движимо природой рынка и выражалось в своей типичной форме. Порождалось оно не столько исчерпыванием потенциальной емкости территории, т.е. критически усиливавшимся демографическим давлением на фонд жизненных средств, сколько интенсивной рыночной конкуренцией и снижением потребностей в трудовых ресурсах в связи с ростом компенсирующих возможностей достижений научно-технического прогресса.

В этих странах потоки сельских мигрантов, направляясь в города, растворялись в них, так как последние, будучи гигантскими рыночными инфраструктурами, ока-

зывались способными поглощать их. Тем более, что сельскохозяйственная миграция не носила характера какого-то библейского вселенского исхода и даже в циклы экономического кризиса не обретала форму одноактного массового действия. Характерно также, что главными каналами абсорбции (поглощения) мигрантов были не фабрично-заводские, промышленные предприятия, а именно свойственно развитые для рыночных городов сфера услуг, многочисленные структуры малого бизнеса.

Город как главный генератор рыночной политики распространял ее сигналы на агросферу, которая, в свою очередь, ретранслировала их опять на город, давая ему знать о необходимости синхронной перестройки инфраструктуры в соответствии с последствиями новых изменений. Поэтому в рыночных индустриальных странах сельскохозяйственная миграция протекала относительно предсказуемо (хотя и здесь множество проблем).

В странах Востока перемещение сельских жителей в города происходило (и происходит) под огромным воздействием качественно иных факторов: тяжелого аграрного перенаселения, усугубляемого послевоенным демографическим "взрывом". Унаследованный еще от прошлых исторических времен отсталый, в некоторых случаях почти архаический, уровень сельского хозяйства и агрикультуры при быстром росте деревенского населения и деградации почвенных ресурсов вызывает нарастающее давление на территорию. В сочетании с факторами, выражающими общемировые тенденции - капиталистическую дифференциацию и разорение, это воспроизводит пауперизацию (обнищание) деревенских жителей, которая выступает уже как непосредственная результирующая миграции (13). В данной модели следует усматривать докапиталистический тип аграрного перенаселения или трудоизбыточности, т.е. вытеснения "лишних" трудовых ресурсов из аграрной сферы материального производства в область альтернативной городской занятости.

В Казахстане, как и в СССР в целом, механизм миграционных процессов по понятным причинам не вписывался ни в одну из описанных выше моделей (хотя с 90-го года начинается тяготение к "восточной" парадигме). Здесь побудительными моментами выбывания в город являлись неразвитость сельской социально-культурной инфраструктуры, невозможность в рамках ее реализовать комплекс молодежных экспектаций (ожиданий), до предела опасная экология.

Вряд ли нужно доказывать, что урбанизация суть глубоко позитивный процесс. Весь исторический опыт показывает, что в том обществе выше уровень экономической, социально-политической, правовой, наконец, просто бытовой культуры, где выше показатели урбанизированности того или иного этноса, социума и его нации в целом. В США и Западной Европе рост качества жизни ассоциировался именно с развитием городов. В городах выше производительность труда, а социальные услуги могут быть предоставлены несоизмеримо гораздо большему числу людей. Они - средоточие новейших технологий, именно здесь вырабатываются и распространяются интеллектуальные новации, здесь формируется чрезвычайно плотное информационное поле. Одним словом, не случайно урбанизация признана синонимом прогресса, ибо действительно современная цивилизация начинается с городов, а большинство видов деятельности и явлений имеет в качестве своей динамичной основы городскую жизнь (14)

Но нельзя не видеть и второй стороны урбанизации. Ее мировая история обнаруживает, что она (особенно в своих деформированных формах) способна интенсивно порождать социальную, экономическую и психологическую напряженность, служить источником дестабилизации, препятствовать эффективному национальному строительству (15), вносить в сознание тех или иных слоев общества идеи сепаратизма, выступать не фактором консолида-

ции того или иного этноса, той или иной нации, но, напротив, способствовать их "разлому". К сожалению, свойством урбанизации является также то, что она очень часто порождает в людях чувство одиночества, отчуждения, превращая их порой в деструктивные личности.

В силу сложившихся исторических обстоятельств расселение народонаселения Казахстана в своем этническом контексте в рассматриваемые годы достаточно четко дифференцировалось как раз по линии "село-город". Города и городские поселения традиционно являли собой ареалы расселения преимущественно русского этноса (выше мы об этом уже говорили), тогда как казахи проживали главным образом в сельской местности. Поэтому при "входе" миграционных потоков в города происходила встреча не просто двух пространственно локализованных социокультурных миров, но и двух этнически различных субстратов. Это вызывало как диффузию (взаимопроникновение), так и взаимоотторжение неадекватных модусов.

Казахи-мигранты как носители сельской, а следовательно, традиционной культуры, прибывая в города, были вынуждены осваивать иные, чуждые им культурные ценности и стереотипы, социальные роли и образ жизни, присущие как собственно городской субкультуре, так и культуре доминирующей городской этногруппы. И если городские казахи (в последующих поколениях) стали являть собой субъекты причудливого симбиоза или конгломерата разноплановых культурных ориентации, во многом дезориентированных в своей социокультурной идентификации, то сельские мигранты выступали носителями контртенденции.

В результате отмеченных моментов города образовывали динамические социальные поля, где действовали разновекторные силы притяжения и отторжения, разнообразная гамма социально-групповых интересов - этнических, региональных, профессиональных, элитных и т.д.

Их носители могли подолгу жить бок о бок в состоянии определенного симбиоза, но сохраняя при этом чувство подавленной потенциальной ксенофобии (неприятия всего чужого), которая, "оставаясь в растворе", могла время от времени (на бытовом уровне) "кристаллизироваться"

Мигранты из села в город - это как бы еще полугорожане. Во многом они отличаются от горожан, родившихся и выросших в городе. Пройдя первоначальную социализацию в сельской местности, они привносят в город присущие им системы ценностей, психологию, стереотипы и установки, особые потребности, отличающие их от горожан. Все это затрудняет их адаптацию к урбанизированной субкультуре, вызывает в их "разорванном" сознании целый комплекс негативных психологических эмоций.

В описываемый период в силу деформированности общественной структуры в целом эти явления имели весьма сильное выражение (в рыночных обществах их присутствие тоже значительно, но там они проявляются преимущественно в контексте межстрановой миграции, а именно по линии "Север-Юг": например, Германия и Турция, арабский Магриб и Франция, США и латиноамериканский регион и т.д.). Одним словом, в Казахстане, как и по всему СССР (Москва с ее лимитчиками яркий тому образчик), урбанизация сопровождалась массовой маргинализацией.

Как известно, под последней понимаются некие переходные или промежуточные состояния, порождающие разрыв социальных связей. Такой разрыв наблюдается, когда индивид утрачивает самоидентификацию с "родовой" (т.е. исходной для него) социальной общностью или социокультурой, демонстрируя в то же время свою неадаптивность (объективно predetermined) в пределах иной социальной и культурной среды, когда размываются стереотипы исходной для него субкультуры, но ценностные императивы, характерные для другого социаль-

ного и субкультурного пространства, не могут освоиться. Обобщенно говоря, это состояние, когда человек как бы оказывается на периферии пограничных социокультурных миров, обнаруживая объективную неспособность стать органической частью ни того, ни другого поля (16).

Маргинальное состояние в такой ситуации может вызвать дезориентацию в иерархической структуре ценностей, разрушить систему мотиваций и моральную регуляцию поведения и в конечном счете привести человека на грань аномии, десоциализации со всеми вытекающими отсюда последствиями (17). Проблемы городов (преступность, алкоголизм, наркомания ит.д.) во многом были связаны именно с этим.

В 80-е и особенно в начале 90-х годов на явления маргинализации накладывались процессы пауперизации. Очень часто сельские мигранты в силу ряда причин (большая часть которых - пороки Системы) оказывались неспособными интегрироваться ни в одну из ниш городской сферы занятости. Не располагая достаточной квалификацией, выходцы из села весьма редко устремлялись в современный сектор занятости, который предъявлял повышенные, порой довольно жесткие требования к образовательному уровню и профессиональной подготовке.

Отсутствие четко налаженной системы переквалификации рабочей силы и ее трудоустройства (в СССР нет в этом необходимости, безработицатоолько там, "за бугром" - твердила все эти годы пропаганда) приводило к тому, что сельские мигранты были заняты преимущественно на малоквалифицированных, низкооплачиваемых работах. Очень часто они "проходили школу" неформальной занятости, находя работу преимущественно в сфере личных услуг (особенно в начале 90-х годов), мелкой розничной торговли в качестве лиц "свободных" профессий и т.д. Подобная занятость, обеспечиваемая им не за счет деловых качеств и квалификации, но прошлых связей (региональных, родственных и т.д.), давала жизненный

уровень, лишь с трудом обеспечивавший прожиточный минимум.

Если в 70-80-е и более ранние годы пауперизация протекала в скрытых формах, то к началу 90-х годов она стала проявляться в своей "классической" модели как результат безработицы, падения жизненного уровня и т.д. Но интенсификация этого процесса входила в режим постоянного действия уже позже.

Примерно с середины 80-х годов начали выявляться новые процессы. Потоки сельских жителей, устремившихся в города в поисках лучшей доли, стали столь обширны, что начинали "затапливать" города республики, особенно в ее южных регионах. В результате урбанизация все чаще походила по своим последствиям на процессы рурализации или кантрификации. Уже не столько сельские мигранты в целях адаптации осваивали урбанизированную субкультуру и этос, а города, будучи нерыночными и неспособными растворить всю миграцию, становились объектами интродукции традиционной сельской культуры, когда они вопреки своей "родовой" функции начинали жить по правилам, стереотипам и логике сельской жизни, подчиняясь ее нормам и установкам.

Выражением этой тенденции становились и учащавшиеся случаи "обратной" маргинализации городских жителей. В целом ряде фрагментов городской жизни уже они были вынуждены адаптироваться и осваивать или, по крайней мере, принимать к сведению ментальность, характерную для стереотипов аграрного общества, ибо последние не только не размывались в городе, но, и имея широкую маргинально-пауперизованную базу, обретали тенденцию к своему расширенному воспроизводству. Этот деформированный процесс, сдерживавший урбанизацию этноса, повторяем, начал обнаруживаться в описываемые здесь годы, но динамизация его была еще впереди.

ГЛАВА 18. НАИЗЛОМЕ: "РАЗОРВАННОЕ СОЗНАНИЕ", ИЛИ КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Мир вступает в XXI век. Вглядываясь в него, социологи предсказывают беспрецедентный рост человеческого знания и "рисуют" захватывающие воображение футурологические картины грядущего постиндустриального (информационного, телематического, биотехнологического и т.п.) общества (1).

И в этом, надо полагать, не так уж много от утопических иллюзий, ведь уже сейчас мы являемся свидетелями поистине революционных изменений в характере и содержании труда, способах производства знаний, социальной технологии, социокультурных механизмах. Сегодня трудно найти страну, которая в той или иной степени не претерпевала бы адекватной разворачивающейся научно-технической революции модернизации и где социальный уклад хоть как-то не воспринимал порождаемые ею инновации.

Но вместе с тем нельзя не видеть и того, что если в плане философской глобалистики мир подтверждает свой культурно-исторический универсализм, то в контексте обыденной прагматики он остается еще очень разным и асимметричным. Не случайно наблюдаемые в его пространстве противоречия достаточно часто рационализируются посредством оппозиции "Север-Юг" (пришедшей на смену кипплинговой максиме "Восток-Запад"), которая несет в себе не только и не столько геополитический, сколько культурно-цивилизационный смысл, ибо на уровне генерализованного представления отражает исторически сложившуюся дихотомию "традиционное (аграрное) - современное (индустриальное)" общество.

В самом деле, аграрное общество далеко не утратило роль своеобразной константы. Его во многом глобальная данность продолжает привносить в пространственную и временную динамику общественно-исторической эволю-

ции если и не определяющие, то весьма существенные коррективы. Проецируемые этим феноменом реалии простираются в обширнейший ареал социально-экономических и социокультурных, политических и геополитических, демографических и экологических, а также многих других производных от него трансформаций, напрямую влияя на исторические судьбы и саму будущность значительной части населения Земли. Таким образом, аграрное общество - более чем актуальный фактор всемирно-исторического процесса.

К какому же культурно-цивилизационному вектору тяготело советское общество?

Еще совсем недавно все мы проникались неподдельным чувством пафоса от осознания того, что являемся гражданами одной из величайших в мире индустриальных держав. И в этом было не так уж мало от истины, ибо СССР действительно представлял собой страну с гигантской индустриальной инфраструктурой, высоким удельным весом промышленного сектора в валовом общественном продукте, солидным научно-техническим и образовательным потенциалом, динамичными процессами урбанизации и вполне индустриальной структурой занятости, достаточно адекватным качеством трудовых ресурсов и населения в целом.

Однако если в контексте технико-экономических характеристик вырисовывался образ индустриального гегемона, то в призме культурно-цивилизационных маркеров общество обнаруживало статус, весьма и весьма далекий от этой претензии.

Фанатично уверовав в директивно-распределительную, внерыночную парадигму как единственно правильную лоцию общественно-политического устройства, большевистские радикалы провели огосударствление всей структуры отношений собственности, отбросив тем самым общество на обочину всемирно-исторической эволюции, обрекая его прозябать в плену иррационального бытия.

Догоняющая промышленная модернизация и воздействие факторов научно-технической революции динами-

зировали индустриализационно-технологические процессы в СССР, но в культурно-цивилизационном плане не меняли его статуса как общества аграрного типа, остающегося далеко за пределами ареала индустриального универсума. "Китайская стена", выстроенная государством, поющим гимн "коллективному братству равных", надолго заключила людей в закрытое общество, превратив их в заложников традиционно-аграрного логоса с его приматом вневещных (личных) связей и примитивно-групповой идеологии.

"Homo sowjetikus", гордо прозванный "человеком новой эры", в действительности сохранял ментальность все того же аграрного общества. По-прежнему растворяясь в группе и отождествляя себя лишь с ней, мазохистски и всецело отдаваясь магии авторитета, он видел в качестве единственно рациональной и надежной субстанции слепое подчинение большому и сильному целому и олицетворявшему это целое - "богу - человеку".

Содержание данной ментальности не менялось от того, что, будучи адаптированной к "социалистической идее", она стала нарекаться "марксистско-ленинской идеологией", референтные группы вычленялись как "партия" или "класс", а авторитет персонифицировался не племенным вождем, но харизмой в лице Генерального секретаря.

Эту превращенную форму доиндустриальной идеологии (т.е. нерасчлененность в сознании индивидуального и коллективного, синкретическое восприятие группы и ее лидера), сам того не осознавая, совершенно точно выразил "трибун пролетарской литературы" В. Маяковский, который в поэтической оде партии с революционным пафосом писал:

"Единица - вздор,

единица - ноль..

Партия - это

миллионов плечи,

друг к другу

прижатыетуго

... Партия - бессмертие нашего дела.

Партия - единственное,
что мне не изменит...
...Мы говорим - Ленин,
подразумеваем партия,
мы говорим - партия,
подразумеваем Ленин".

Итак, советское государство, если отвлечься от его социально-политических обозначений (тоталитарности) и придерживаться исключительно характеристик социально-экономического плана, являло собой тип аграрного, традиционного общества. Реальная данность этого предопределяла и природу массового общественного сознания. Как мы уже отмечали, идеологическое обрамление изменяло лишь его внешние формы, но отнюдь не сущностное содержание. Несмотря на пропагандистско-идеологические претензии на "особость" советской ментальности, она, по большому счету, была рефлексией (отражением) пусть превращенного, но все же именно аграрного общества.

Поэтому ниже рассмотрим основные (конечно, далеко не полные) характеристики ментальной структуры массового "аграрного" сознания. При этом мы считаем излишним как-то комментировать их или иллюстрировать явлениями и процессами, фактами и примерами из советской исторической действительности. Думается, что даже в абстрагированно-нейтральном и академично строгом (к сожалению, в данном случае этого не всегда можно избежать) изложении они более чем узнаваемы. Вероятно, каждый найдет в преломлении к ним подтверждения и наблюдения из еще недавнего, да и нынешнего (ибо мы все еще не до конца сменили культурно-цивилизационные параметры) собственного опыта, увидит их общий знаменатель.

По определению аграрное (традиционное) общество суть социальность, базирующаяся на доиндустриальных, то есть природообусловленных производительных силах. Для него характерны преобладание живого труда (рабочая сила человека) над овеществленным, а также слабая

дифференциация (разделение) производителя и естественных предпосылок труда (они оказываются как бы сращенными). В качестве непосредственного контрагента живого труда выступает производительная сила природы.

Отсюда-сильнейшая экологическая зависимость аграрного общества, развитие которого детерминировалось природным императивом. Именно последний выполнял роль ограничителя роста. И если до определенного момента факторы торможения роста по линии взаимодействия "человек-природа" еще могли "сниматься" за счет совершенствования навыков труда и наращивания его массы, то далее наступал объективный предел.

Относительная узость потенциала овеществленного (воплощенного в средствах производства и предметах потребления) труда предопределяла его ограниченные возможности в качестве средства компенсации недостаточно эффективной работы природного фактора как главного условия производства. В ходе длительной эволюции экологического, производственного и социального опыта был выработан своеобразный компенсаторный механизм, позволивший значительно рационализировать и повысить производительность технологических способов воздействия на природу как предмет труда. Им стала трудовая кооперация, в основе которой лежала солидаризация трудящихся индивидов (работников производства) на почве общности хозяйственных интересов.

Как социальная форма организации производства трудовая кооперация получила свое оформление в виде общинных, корпоративных структур. Здесь коллективный характер производства, то есть групповое ведение хозяйства, предполагал отношение к средствам производства (и прежде всего - к земле) как к собственности коллектива, когда каждый индивид являлся собственником или владельцем таковых лишь в качестве члена этого коллектива (2), этой группы и, следовательно, только через группу, принадлежность к данному коллективу мог получить доступ к средствам и условиям производства, к прибавочному продукту. Следовательно, группа, выступая своеобразным адаптивно-адаптирующим инструментом (3)

(позволявшим субъекту приспосабливаться к природной среде и в то же время приспосабливать ее к своим потребностям), являлась гарантом самого его существования. Именно она обеспечивала "экономику выживания" и сопряженные с ней стабильность, надежность и безопасность.

В условиях неразвитости процесса приватизации, при которых принцип частной собственности не получал безусловного статуса, трудящийся индивид не мог обладать абсолютной (и даже относительной) монополией на условия своего собственного производства и сами средства производства. Отсюда же - отсутствие свободы в распоряжении прибавочным продуктом, который в силу вышесказанного оставался за пределами товарного обращения, не опосредовался в полной мере рыночными, товарно-денежными отношениями.

В аморфности, неинституционализированности частной собственности, фатальной групповой зависимости, слабой включенности в сферу товарного обращения и рыночных, товарно-денежных отношений большинство исследователей и склонны видеть тот водораздел, который отличает традиционную (аграрную) цивилизацию от современного (индустриального) общества. Из этого же проистекают специфика духовного производства и особенности "аграрного" (традиционного) массового сознания.

Отсутствие экономической свободы делало личность несвободной в целом: ее энергия поглощалась группой, а сама она "растворялась" в коллективной анонимности. Естественно, что в силу этого индивид становился субъектом личных, но никак не вещных рыночных, товарно-денежных (т.е. деперсонализированных) отношений.

Приступая далее к краткому рассмотрению структурной модели личных (межличных), невещных отношений, характерной для традиционной социальности, подчеркнем еще раз, что определяющим для нее была ценностно-нормативная ориентация на группу, коллективное начало.

Одним из важнейших условий осуществления такой

ориентации выступал конформизм. Только в случае подчинения как части целому, некритического принятия и следования санкционированным в группе нормам, установлениям и стереотипам индивид мог рассчитывать на личностную идентификацию с ней.

Вместе с тем конформизм инкорпорированных субъектов выступал условием самосохранения и самовоспроизводства самой группы, являлся своеобразной защитой от потенций ее внутреннего разрушения, так как служил механизмом "снятия" конфликта между личным (частным) и преобладающим мнением и, следовательно, способствовал поддержанию иллюзии или подлинного внутригруппового согласия.

"Инстинкт самосохранения" порождал перманентное давление со стороны группы на ее участников. Девиантное поведение, то есть отклонение от наработанной системы моральных кодов, групповых норм и установлений, пресекалось жестким социальным контролем. Однако из таких типов неформального социального контроля, как поощрение (одобрение), наказание, убеждение и переоценка норм (4), как правило, имеют место лишь первые три. О какой-то переоценке или корректировке групповых норм не могло быть и речи, поскольку они, закрепляясь в форме традиции, облекались в сакральное табу и воспринимались как "приказ из прошлого".

Что касается наказания, то оно преимущественно выражалось в виде "морального террора" и общественного ostracism в сторону девианта. Но такие прецеденты случались крайне редко, ибо конформизм членов группы носил объективно predetermined, неосознанно внутренний (личный) характер, т.е. являлся результатом не какой-то внешней имитации с целью получения одобрения, а именно внутреннего принятия поведенческих стандартов группы.

Для носителей традиционного массового сознания свойственна сильнейшая приверженность идеологии солидарности. Наряду с конформизмом солидаристские отношения внутри группы обеспечивали ее консолидацию и стабильность.

Но если конформизм предполагал установку на синкретичность (слитность) "Я" и "Мы", то "солидаристская мораль", помимо этого, как бы закрепляла фатум извечного противостояния "Мы" - "Они" ("свой"- "чужие"). Следовательно, солидарность служила не только "нормативным" инструментом сплочения группы, механизмом "выстраивания" устремлений и воли ее членов в единый вектор, но и формировала ее защитный периметр. Все, что находилось за пределами последнего, подвергалось отторжению и неадекватному восприятию. Так, исходящая с внешней границы группы "добродетель" квалифицировалась как "зло", "справедливость" - как "коварство", "искренность" - как "вероломство" и т.п.

"Солидаристская" социальная перцепция (общественное восприятие) воспроизводила такое явление, как групповой фаворитизм - благосклонность, однозначное и некритическое предпочтение своей группе перед всеми другими. В этом случае групповая самооценка не знает иных вариаций, кроме как максимы "Мы - хорошие, мы - умные, мы - лучшие". Понятно, что сознание, деформированное подобными претензиями, предполагает, что все остальные если и не "плохие и глупые", то уж во всяком случае хуже.

Коллективистско-солидаристский фанатизм, тенденции иногрупповой дискриминации и группоцентризма (трансформирующегося в том числе и в этноцентризм) не могли не порождать незатухающую агрессивную рефлекссию на все внешнее, т.е. запредельное по отношению к данной группе. Не случайно важнейшей характеризующей "коллективной логики" выступает ксенофобия, т.е. неприятие всего чужого (с уровня пассивного отчуждения ксенофобия может переводиться на уровень активного подавления) (5).

Как уже не раз отмечалось, аграрное общество во множестве своих проявлений демонстрирует достаточно выраженную иррациональность. Последняя характерна и для его понятийного мира, в границах которого любые коллизии, даже те, что обязаны своим возникновением сугубо материальным, объективным, т.е. безличным, пред-

посылкам, объясняются посредством апелляции к неким персонифицированным, наделяемым волей моральным силам (6).

Так, скажем, причины неурожая усматриваются не в засухе или отсутствии удобрений, а в злом роке, чьем-то коварном умысле, дурном сглазе или наговоре (ворожбе) и т.д. При этом причинный поиск (кто виноват?) чаще всего направляется не "вовнутрь", а за его внешние границы, т.е. в запредельное по отношению к "своей" группе пространство. И это вполне объяснимо, ибо партикуляристско-солидаристское сознание с его психологическим комплексом "Мы и Они", помноженное на такие его производные, как антагонизм и ксенофобия, всегда локализует "источник зла" за пределами "Мы", требуя вслед за этим наказания и реванша (7), пусть даже и ценной гипертрофированной мобилизации всех ресурсов общности на реализацию одной лишь этой цели.

Для массового сознания аграрного общества характерно мощное, если не абсолютно доминирующее присутствие консервативной тенденции. В отличие от той тенденции, что "вырастает из сомнения и неудовлетворенности прошлым опытом и ориентируется на изменение существующего социального устройства...", выражается в более или менее явной оппозиции к окружающей действительности и ее отрицании" (8), консервативная тенденция работает на сохранение существующего порядка в его неизменном виде и поэтому может быть названа еще и "стабилизирующей" (9). Консервативно-стабилизирующая тенденция оттого и является атрибутом собственно традиционного общества, что основана на некритическом признании и консервации опыта прошлого и унаследованных от него традиций как идеальной социокультурной нормы.

С психологией отторжения нового как угрозы стабильности и надежности, комплексом почти фатального страха перед риском во имя непознанного, а потому проблематичного "лучшего" (поэтому представление "лучшего" в аграрном сознании - это когда "плохо, но понятно, стабильно и надежно", зафиксированное во множестве

пословиц типа "лучше синица в руках, чем журавль в небе") связана еще одна весьма видимая проекция, рассматриваемая ниже.

Поскольку в аграрно-традиционных структурах главной целеполагающей установкой является не производство вещей, а человека (конечно же, не в смысле гуманитарного "Человеческого фактора"), а потому примат получает именно формула "надежность прежде всего", но никак не принцип "прибыль прежде всего". Последний, хотя и находит локальную реализацию, но интерпретируется социокультурно кодифицируемой этикой скорее как аномалия.

Под надежностью и безопасностью же подразумевается сама возможность существования, в принципе недостижимая без наличия хотя бы минимального уровня потребностей. Обеспечение этих минимальных потребностей признается моральным, ущемление же их - аморальным (10).

Отсюда - представления о справедливости (социальной справедливости) и эксплуатации. Всякие посягательства на физический минимум, т.е. минимальный уровень дохода и потребностей, воспринимаются как несправедливость и эксплуатация. До этого порога действия субъекта не вызывают протеста, и социальное равновесие более или менее сохраняется.

Взаимопроникающие позывы, т.е. стремление индивидов обеспечить необходимый минимум потребностей и, следовательно, свое существование, с одной стороны, и тенденция самой общности к самосохранению, с другой (а глубокое игнорирование социального равновесия прямая тому угроза), реализовывались через такую важнейшую функцию традиционных социумов, как социальные гарантии в получении части общественного продукта. Причем в качестве морального императива признавалось такое его перераспределение, которое гарантировало бы нишу существования всем, независимо от каких-либо критериев (эгалитаризм).

В этой связи представляется важной небольшая ремарка. Как уже отмечалось, в аграрных общностях хозяй-

ствующий субъект, будучи лишенным легитимного права частной собственности, скованный коллективистско-корпоративными институтами и установлениями, утрачивает возможность сообразно своей воле и устремлениям распоряжаться прибавочным продуктом, отчуждать его в сферу товарного обращения, опосредовать рыночными, товарно-денежными отношениями.

Поэтому в аграрных структурах продукт не только и не столько продавался, сколько перераспределялся помимо товарно-денежных отношений (игравших по преимуществу вторичную роль) - "менялся" на отношение, различные услуги, распределялся в виде пожалования, подарка, выкупа, всевозможных вспомоществований, особых прерогатив, привилегий, наград и т.д. (11). Этим объясняется та особая значимость, которую приобретала в традиционном социуме сфера распределения, ставшая "важнейшим субстратом, местом выявления, материализации идеологических императивов и ограничений, общественных законов и господствующих всеобщих определений" (12).

Одним из таких "идеологических императивов и господствующих определений" и являлся традиционный институт социальных гарантий, посредством которого доля общественного продукта, часть общих ресурсов перераспределялась в пользу неимущих, обеспечивая им прожиточный минимум. При этом установка массового сознания работала на "естественное право" равного (справедливого) представительства в распределяемой части общественного продукта (вспомним "каждому по миске с рисом" в маоистском Китае или советскую саркастическую метафору о "равенстве в нищете").

Распределительское отношение к совокупному продукту питало сильные эгалитаристские настроения в той, абсолютно преобладавшей в традиционной социальной структуре, части населения, существование которой во многом обеспечивалось перераспределительным механизмом.

С традиционной моделью распределения была связана и идеология патернализма ("отеческая забота, пок-

ровительство"). Гарантия на часть общественного продукта означала возможность разделить риск внутри общности и войти в "полосу безопасности", т.е. надежно и более или менее стабильно решать проблему существования под патронажем (покровительством) данной общности или ее персонификаторов: государства, элиты, чиновников и т.д.

Эгалитаристские и патерналистские тенденции многое объясняют в установках аграрного сознания касательно труда и богатства. В этой связи ограничимся цитатой известного исследователя традиционного массового сознания Б.С. Ерасова. Он, в частности, пишет: "В традиционных обществах имеет ценность конкретный труд, связанный с профессиональным мастерством и рассматриваемый как источник... приобретения и потребления материальных благ. Труд ради накопления и сбережения с целью развития материальных факторов производства осуждается не только потому, что это ведет к росту эксплуатации, но и потому, что усиливает тенденцию к изъятию растущей части "общего достояния" и создает для имущих слоев новый источник социальной обеспеченности, недоступный другим. "Излишние" накопления должны прямо или косвенно перераспределяться между членами коллектива (подарки, пиры, религиозные пожертвования и т.п.)" (13). Одним словом, труд во благо богатства и роста "нормального благосостояния", как и стремление к самому богатству, не получают в традиционном обществе моральной коллективной санкции.

Показательно отношение к богатству самих его "носителей". В редких случаях под давлением группового конформизма часть накопленного богатства отчуждается в пользу реальных или мнимых общественных потребностей (благотворительность, религиозные пожертвования и т.д.). Гораздо же в большей своей части оно, минуя производительные цели, тазаврируется (превращается в драгоценные металлы, предметы роскоши и т.п.) или расточительно растрачивается. Не случайно аграрная "экономика выживания" обозначается еще и как "расточительная экономика", "экономика престижа", "экономика де-

монстрационного эффекта" (14).

Посредством демонстрации "мертвого капитала" (помпезные особняки или шикарные "мерседесы" нуворишей) и расточительного транжирования (различные, к месту и не к месту, юбилейные кампании, дорогостоящие презентации или Олимпиады при убогой экономике и нищенском уровне жизни) индивид или группа (государство) осуществляют как бы постоянную публичную поверку своего места в рангово-статусной системе. И если в рыночном обществе банкротство состоятельного владельца ввергает его в состояние аффекта, выводя на грань чуть ли не суицида, то в традиционной ментальности расточительство богатств сопряжено с чувством благодати: "комплекс неполноценности" сменяется осознанием повышения общественного имиджа и "попадания" в "большую" или "маленькую", но позитивную историю.

Уже упомянутый нами Б.С.Ерасов, а также другие исследователи совершенно точно уловили амбивалентный (равнонаправленный) характер бинарности "эгалитаризм (патернализм) - иерархичность" (15). Действительно, с качественным содержанием распределительных отношений, идеологией эгалитаризма и патернализма прямо корреспондирует иерархический порядок организации аграрного общества.

Доступ к распределительному механизму и его рычагам осуществлялся в соответствии со строгой иерархией, зиждящейся на явных или завуалированных отношениях господства и подчинения. Именно они составляли суть функционирования иерархической вертикали (конечно, имела место и горизонтальная иерархия, когда воля подавлялась равным, но имеющим "выход" на "вертикаль").

Степень модальности (возможности) приобщения к "распределительному пирогу" нижестоящих звеньев этой вертикали зависела от их послушания "вышестоящим", готовности первых поступать сообразно стремлениям и желаниям последних. Естественно, это порождало в среде зависимых не просто конформизм, но "комплекс раба", беспрекословную услужливость, лакейское холуйство,

льстивость и т.п. Всякие попытки воспрепятствовать такому состоянию сопряжены (мы уже не говорим об отчуждении ослушника от "кормушки") с внутренним конфликтом личности, разрешающимся посредством либо "защитной" рационализации (поиском приемлемого оправдания), либо переходом в адаптивный режим многослойного (многосложного) существования: думать одно, но говорить другое; хотеть так, однако, поступать иначе.

Примечательно, что господство и подчинение в пределах иерархической вертикали воспринимаются как само собой разумеющееся во внутригрупповых отношениях между людьми, как "нормальные" взаимные обязательства, своеобразный "эквивалентный обмен" (за послушание и выполнение желаний, исходящих "снизу", - покровительственные услуги, идущие "сверху"). Более того, они выступают здесь в качестве фактора социальной интеграции и своеобразной демонстрации солидарности "своей" моральной общности. Одним словом, данные отношения являются нормой для всей группы (16).

Если член этой группы выбился в "элиту" (стал, скажем, большим чиновником в городе), то он все равно "продолжает оставаться частью этой моральной общности (это может быть деревня, откуда он родом, регион, семейно-родственная группа, этнос и т.п.), и от него ожидается, что он будет нести ответственность и определенные обязательства перед членами общности, а то, что эти обязательства могут вступать в конфликт с его новыми ролями, в расчет не принимается", а потому этот человек "должен внимательно следить за своим поведением, не упуская из виду, какую из своих ролей он представляет в данный момент" (17).

Отсюда - очень часто двойной стандарт поведения такой "элиты". По отношению к людям "своей" моральной общности (ведомственной, региональной, клановой, этнической и т.д.) она может пойти на игнорирование своих обязанностей и профессиональной этики, вступая при этом даже в конфликт с законом (повторим, опять-таки отнюдь не безвозмездно, а в обмен на услуги). Просители же, ассоциирующиеся с "чужой" моральной об-

щностью, в той же ситуации будут наталкиваться на апелляцию к строгим инструкциям и принципам. Сказанное во многом объясняет причину почти что массового распространения в аграрном обществе такого явления, как nepoтизм - служебное покровительство родственникам и "своим" людям.

Из традиционной системы распределения и обмена проистекает и такой исторически сложившийся и до сих пор сохраняющий свою неформальную функцию институт, как реципрокация. В понятийно-категориальном аппарате культурантропологии под последней понимают такую циркуляцию материальных благ и услуг между людьми, которая выступает как проявление и подтверждение существующих между ними обязательств (18). Другими словами, речь идет о дарообмене, формула которого - "на каждую дачу - эквивалентную отдачу". "Эквивалентную" в принципе, ибо в действительности отдача может оказаться гораздо существенней. Например, затратив немалые деньги на "презент" к свадьбе чьей-то дочери, даритель (помимо престижа) получит многократно больше к свадьбе уже своей дочери или сына. Но главная суть дарообмена, подчеркнем это еще раз, состоит в том, что его актом подписывается как бы вексель на взаимные обязательства и услуги.

Реципрокация - важнейший фрагмент когнитивной карты* традиционного общества, общепринятая норма, отклонение и неследование которой вызывает не только непонимание, но и осуждение. Вот почему то, что в постаграрном этосе квалифицируется как взятка и коррупция, в традиционной ментальности получает совершенно иную интерпретацию. Стороны "дарообмена" могут даже не осознавать, что поступают вопреки закону, а если и понимают это, то, во всяком случае, не испытывают чувства вины и ущемления совести, ибо закон законом,

*Под термином "когнитивная карта" подразумевают этос, мировоззрение, коллективные представления, ценности, идеологию и более широко - культуру. См: Ф.Дж. Бэйли. Представления крестьян о плохой жизни.

но "традиционные добродетели" прежде всего. Нарушившие их (т.е. не ответившие услугой на услугу) обречены быть отмеченными печатью "внутреннего долга".

М. Салинз в своей классификации реципрокации выделял ее так называемую генерализованную форму, при которой ответная услуга (эквивалентная отдача) может реализовываться в течение длительного времени (19). "Человек, принимающий услугу, как бы обязывается всю жизнь быть благодарным своему благодетелю, и только смерть (того или другого - Ж.А.) может положить конец отношениям (взаимных услуг - Ж.А.)..." (20). Однако и на этом точка может быть не поставлена, так как отношения взаимных обязательств, когда-то скрепленных "дарообменом" (материальными благами или услугами), переносятся на последующие поколения. "Я ему помог сделать карьеру (поступить в университет, получить льготный кредит в банке и т.п.), поскольку он сын (племянник, внук, зять и т.п.) моего "хорошего" знакомого, когда-то оказавшего услугу", - вот обычное объяснение при этом для непосвященных в суть когда-то состоявшегося "дарообмена".

Описывая процесс обмена в условиях рыночной экономики, К. Маркс разъяснял, что, например, отношения покупателя и продавца абсолютно безличны: продавец - только персонификация товара (допустим, сахара), а его контрагент по обмену - покупатель - персонифицирует деньги (золото) (21). Следовательно, в рыночном обществе "эквивалентный обмен" услугами осуществляется в рамках вещных, неличных (деперсонализированных) отношений и на основе специализированных ролей и функций (ходатай, безразлично кем бы он ни был, беспрепятственно получает от чиновника справку, так как в этом заключается прямая функция последнего, и именно за ее отправление он получает жалование).

В аграрном обществе представляется вполне естественным перевести функционально-ролевой обмен из формальных (официальных), неличных отношений в плоскость неформального, на уровень установления личностных, эмоциональных ("человеческих") связей. Поэтому

чисто функциональные отношения по поводу какой-то задачи (допустим, производственной), как правило, обставляются излишней и, на первый взгляд, иррациональной многоплановостью, сопровождаются поиском межличных контактов, налаживанием "теплых человеческих" связей (это могут быть совместное препровождение досуга, гостевание, бани-сауны и т.д.). В этом же направлении призвано служить "обыгрывание" всевозможных "располагающих" символов: общие знакомые, географически общее место рождения, совместная учеба в школе или институте и т.п. (заметим, что в превращенной форме подобное имеет место и в индустриальном обществе - значки выпускников французской ЭНА или английского Итона, выводящие их обладателей на особые отношения, однако здесь это из ряда вон выходящее явление, осуждающееся как корпоративность и элитарность).

На "добродушно-покровительный" лад уже изначально настраивают и сами обращения типа "мать", "отец", "брат", "сестра", "земляк", "сынок", "дочка" и т.д. Традиционный порядок функционально-ролевого обмена находит свое отражение и в знаковой семантике. В частности, он достаточно четко фиксируется в социальной морфологии: семиотике жестов, застольных ритуалах (например, порядке рассаживания гостей за столом во время трапезы на почетные места, формах приветствия, скажем, жестах адорации - протягивания обеих рук в сторону почитаемого лица и т.п.) (22).

Выше уже упоминалось о понятийном тождестве, согласно которому обозначение любого общества как аграрного одновременно предполагает его рассмотрение ещё и в категориях социальности традиционного типа. Отсюда следует, что коль скоро мы констатировали аграрный характер советского строя, то будет правомерным идентифицировать его с уровнем второго совпадающего качества, т.е. локализовать в пределах логики ещё и традиционного общества.

Не увлекаясь вхождением в обширное полисемантическое пространство, сформировавшееся в ходе дискуссий о сущности понятия "традиционное общество", от-

метим только, что в длинном ряду предложенных дефиниций (определений) общим местом является признание исключительной роли традиций в жизни и организации таких социумов. Здесь они обретают столь огромное значение, что вряд ли будет преувеличением говорить о них как об особой функции в воспроизводстве социальной структуры (момент, кстати, артикулируемый множеством исследований).

Можно возразить, что традиция выказывает свое присутствие в любой социальности, будь то ее традиционная или современная модель, что во многом именно ее данностью обуславливаются дифференциация и специфика общественных систем, что традиция выполняет функцию социальной памяти, выступает транслятором информации и социального опыта, что без нее, наконец, невозможны коллективная адаптация к окружающей среде и культурная социализация.

Все эти указания представляются совершенно справедливыми и поэтому, по-видимому, будет правильным последовать примеру тех авторов, которые различают собственно традицию и традиционализм как ее гипертрофированную тенденцию. Если под традицией понимают процесс преемственности и унаследования в самых различных аспектах жизнедеятельности и идеологии-знаниях и модели мышления, ценностях и стандартах, идеях и культурных символах, социальных отношениях и институтах, то в традиционализме усматривают мировоззренчески оформленную реакцию на попытки выхода из статики, на любое движение, на изменения или перспективу перемен. И в этой идеологии апелляция к прошлому, т.е. традиции, выступает единственным аргументом, альфой и омегой системы доказательности рациональности сохраняющегося порядка вещей.

Известный историк общественной мысли Ежи Шацкий, имея в виду традиционализм, писал, что он "освящает общественное наследие в целом исключительно на той основе, что оно наследие и как таковое, не требует никаких дополнительных объяснений", а в другом фрагменте - что "это мировоззрение, если можно так сказать,

безальтернативное: в нем нет проблемы выбора принципов поведения, ибо определенные принципы приняты раз и навсегда как естественные и единственно возможные; здесь нет места для различий между "есть" и "быть должно" (23).

Итак, традиционализм - это фанатичная, почти что на уровне бессознательного апология прошлого, догматическая интерпретация его нерасчлененной целостности как единственного мерила степени адекватности мышления и поведения. И если, как пишет Эдвард Шилз, традиция, уменьшая скорость изменений в обществе, все же допускает их умеренное количество, чем обеспечивает возможность свободного развития и его упорядоченность, то традиционализм однозначно выступает депрессантом общественного организма, ибо блокирует проникновение в его поры любых не санкционированных и не освященных прошлым новаций (24).

Именно традиционалистская ориентация была характерна для советского общества. Однако "обычный" традиционализм, как только что отмечалось, предполагает подчинение и преклонение перед прошлым в его целостном нефрагментированном восприятии, когда все наследие синкретично воспринимается как позитивная традиция. Советская модель была отмечена ярко выраженным стигматом тоталитаризма. Последний же, как известно, возникает "в режиме, представляющем какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность", когда "эта партия имеет на вооружении (или в качестве знамени) идеологию, которой она придает статус единственного авторитета, а в дальнейшем - и официальной государственной истины" (25).

Понятно, что советский тоталитарный традиционализм мог быть продуктом только сознательного селективного идеологического выбора, предусматривающего исключение из суммы прошлого всего того, что не корреспондировало (не было созвучным) с идеалом данного общественно-политического строя и освященной им идеей. Отсюда - опора на философскую концепцию о позитивных и негативных, прогрессивных и реакционных

традициях. Ясно, что в качестве позитивно-прогрессивных традиций виделись лишь те аспекты социального опыта, которые "работали" на воспроизводство идейной консолидации общества.

Подчас могли поступиться принципами и апеллировать к тем фрагментам "предыстории человечества" (говоря словами К. Маркса), которые конъюнктурно вписывались в текущие задачи реализации господствовавшей идеи (например, твердя о реакционной сущности дворянства, могли вспомнить и даже поднять на пропагандистский щит имена Суворова, Кутузова и т.д.). При этом, как правило, находили рационализацию у Ленина, который в известной отповеди революционным неопитам (отрицателям) из Пролеткульта ратовал за "развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры", не забывая при этом, правда, оговориться, что развитие это должно видеться "с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры" (26).

Но Ленин учил и тому, что при диктатуре пролетариата придется "перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции..." (27). В качестве идеологического инструмента такого подчинения (опуская вопрос о репрессиях) и выступала новая позитивно-прогрессивная, или, что равно, революционно-пролетарская традиция. В основе ее должна была лежать унаследованная от революции "марксистско-ленинская подлинно научная теория, боевой авангард трудящихся- Коммунистическая партия, дисциплина и организованность (читай: слепое подчинение - Ж.А.), высокая сознательность, последовательность в революционной классовой борьбе..." (28).

Таким образом, препарирова прошлое как диалектику прогрессивных и реакционных, буржуазных и пролетарских традиций, государство ориентировало общество на традиционализм, в основе которого лежала "великая ре-

волюционная социалистическая идея". Всё, что не интегрировалось или не вписывалось в нее, а тем более компрометировало (сталинские репрессии, депортации народов, голод и т.д.), подлежало вычеркиванию из социальной памяти общества. Всё остальное превращалось в *sakum*, которому следовало поклоняться без всякого обсуждения, ибо он включался в социальный генетический код общества. И в этом смысле общество превращалось в "закодированное общество".

Традиция стабилизирует в статике. Именно поэтому советское общество, будучи традиционным и аграрным, было инертным, статичным обществом. Динамические ряды "роста" экономики, перманентные компании (борьба с "врагами народа", "целинные эпопеи", "БАМы" ит.п.), подаваемые как непрерывное развитие революционного творчества масс, были призваны имитировать "революционное движение" (как пелось в песне "Революция продолжается"). В действительности же общество оставалось застывшим и статичным.

Для аграрного общества характерна высокая степень корпоративности. В советском государстве корпоративность аграрного типа была многогранно помножена на "коэффициент тоталитаризма". Система выпестовала не только "коллективного человека", но и "человека организации", "корпоративную личность".

На протяжении всей своей жизни гражданин Страны Советов обязывался быть членом той или иной, но всегда закрытой корпорации. Октябрятская звездочка, пионерский отряд, комсомол, партия, профсоюзы, союз писателей или композиторов, общество охотников и рыболовов, спортивные общества, домовые комитеты, советы по туризму (т.е. охватывалась даже сфера досуга и быта) и т.п. - вот этапы "взлета" его корпоративного духа.

Все эти и другие корпоративные структуры находились под жестким контролем государства, которое через них осуществляло коммунистическую социализацию (аккультурацию) личности, последовательно и систематично ферментировало в их недрах "коммунистический человеческий материал" (Н. Бухарин).

Итак, советское "аграрное" общество, будучи сращенным с тоталитарным по своей природе государством, превращало своего "подданного" не только в "коллективного человека", но еще и в "человека корпорации". Подобно тому, каков общинник получал доступ к условиям и средствам жизни, лишь будучи членом общины, "homo sovjetikus" не мог рассчитывать на реализацию мало-мальских благ вне корпоративных структур, а потому, равно как и для людей аграрной эпохи, выход за пределы общины отождествляется с крахом социального бытия, так и в сознании советского человека исключение из той или иной корпорации ассоциировалось с жизненной трагедией.

С развалом в начале 90-х годов существовавшего общественного строя спонтанные процессы буквально взорвали политическую сферу, вызвав в ней сильнейшие изменения. Однако устои экономической жизни не пертерпели столь же радикальной и синхронной по отношению к тенденциям политической трансформации смены качества.

И все-таки тектонический разлом социальных структур произошел: общество изменило алгоритм развития и стало наконец двигаться в заданности нормальной эволюции. Но отдаляясь от аграрного социокультурного порядка и выстраиваясь в культурно-цивилизационный вектор индустриального универсума, оно становится как бы пограничным. Иначе говоря, социум испытывает магнитное притяжение как исходной, так и искомой моделей развития.

Разумеется, такая периферийность воспроизводит на массовом уровне структурную маргинальность общественного сознания: оно начинает выявлять постаграрную рефлексию, но вместе с тем обнаруживает еще куда как более мощное выражение элементов традиционного мифа мышления.

В контексте общественной ментальности сказывались и проявления интерсистемной маргинальности. Если структурная маргинальность, обозначенная нами выше, происходит от одинаково интенсивного излучения тра-

диционного, модернизированно-традиционного и посттрадиционного социокультурных полей, то интерсистемная - продукт воздействия, хотя и производных, но все же качественно несколько иных опосредований. Данность ее обуславливается процессами перемещения общества от тоталитарного режима к отношениям рыночной системы, к демократически-правовому, гражданскому "макрокосму".

В социально-психологическом плане интерсистемная маргинальность находит, в частности, выражение в феноменах "одиначества", "бегства от свободы", тотальной фрустрации.

Хорошо известно, что человек как существо социальное весьма трудно адаптируется к состоянию физического и морального одиночества, даже если оно носит одномерный характер. В постсоветском же обществе люди в одночасье стали являть собой субъекты многомерного одиночества, поскольку произошел разрыв по всем линиям общественных связей, через которые происходила самоактуализация личности.

Советские люди находили свою значимость в принадлежности к группе, усматривая в такой связи гарантию своего настоящего и будущего. В групповой самоидентификации черпалась и надежность личностного статуса: "Пусть я никто, но я все же значим, ибо я гражданин великой советской державы, часть великой общности под названием "советский народ", часть Коммунистической партии, которая есть "ум, честь и совесть нашей эпохи", часть самого "революционного" рабочего класса". С обвалом всех этих идеологизированных субстанций и групповых ориентации произошел разрыв по всем линиям общественных связей, посредством которых советский человек самоидентифицировал свою личность. Он стал являть собой субъект многомерного одиночества, испытывая в этом состоянии чувства страха, непредсказуемости, тревоги, депрессии и т.д. и т.п." (29).

Рассматривая эту проблему, Э. Фромм писал. "Если он (человек - Ж.А.) не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет. Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл, в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способность действовать, а значит, и жить" (30).

В своей защитной реакции на подобную негативно-эмоциональную нагрузку личность будет одержима "поисками связей, уз для воссоединения разорванной сети отношений, поисками участия, которое поможет превозмочь отсутствие вовлеченности в групповую деятельность" (31). Другими словами, он будет пытаться выйти на компенсаторные связи.

Очень часто в качестве таковых выступает апелляция к религиозным верованиям, когда "бог становится единственно надежным и предельно значимым другом, придавая смысл человеческой жизни, наделяя индивид системой ценностей и гарантируя защиту от ужасов анонимии, хаоса и собственной идентичности". Человеческая жизнь, помещенная в пределах священного космоса, как бы приобретает искомую значимость (32).

Другими возможными вариантами в этой ситуации могут стать обращение к феноменам кабалистического ряда, воспринимаемым как связь в некими метафизическими началами, гипертрофированная самоидентификация с этнической общностью, мазохистское преклонение перед ореолом харизматического вождя и т.д.

Вероятно, именно из "кризиса самоидентификации" во многом проистекают наблюдающиеся в постсоветском обществе бурный всплеск этнической мобилизации и националистической ориентации (хотя в известной мере здесь сказываются и нормальные процессы роста нацио-

нального самосознания, десятилетиями подавляющегося режимом), резкое снижение уровня этнической толерантности.

Тоталитарная советская система являла собой яркий образчик общества закрытого типа, где отсутствовала всякая свобода и возможности индивидуализации личности. Но в обмен на утрату свободы советский человек получал предсказуемость и уверенность своего бытия, гарантировавшиеся всеобъемлющим государственным патернализмом (последний воспринимался как реализация коммунистической идеи "социальной справедливости", понимаемой, говоря словами Ф. Хайека, не как "равенство в свободе", а "свобода в равенстве").

Сыны "социалистического Отечества" верили, что государство без всяких потрясений и непредсказуемостей проведет их через все жизненные циклы, дав "вкусить" на каждом из них плоды институциональной защищенности. Но для этого они должны были смириться со своим конформизмом, т.е. не бунтовать против утраты свободы, выстраивать все свои помыслы и устремления в рамках заданной идеологической цели ("построение светлого коммунистического будущего").

Рыночная система, напротив, суть открытое общество, где свобода индивида выступает конституирующим началом. Однако здесь нет и быть не может полной предопределенности, изначальной заданности или фатальной предсказуемости. Оказываясь в сложных коллизиях спонтанного "рыночного мира", человек не может точно предугадать, что с ним будет завтра (сегодня работает - завтра безработный, утром богатый - вечером "лопнул" банк или фирма, и он стал банкротом и т.д.).

Вступая в этот мир, где все зависит не от силы группы, а от личности индивида, вчерашний советский человек, комфортно чувствовавший себя в "материнской утробе" государственного патернализма, стал демонстрировать феномен "бегства от свободы", столь классически

334

описанный в свое время Э. Фроммом.

Оказавшись как бы никому не нужным, утративший патерналистские связи, испытывающий одиночество, неуверенность, страх перед изменившимся настоящим и неведомым ему будущим, "постсоветский человек" стал выражать иррациональное, на первый взгляд, желание убежать от данной ему свободы и вернуться в рабство, поскольку, говоря словами одного из литературных персонажей, "там хотя и плохо, и убить ни за что могут, но все-таки гарантированно кормили три раза в день". Такая реакция формирует в общественном сознании весьма и весьма широкую тенденцию.

Парадокс "бегства от свободы" во многом усиливается тем, что общественное сознание, пребывая в состоянии интерсистемной маргинальности (уже не тоталитарное, но еще и не рыночное, демократически-правовое общество), воспринимает за образ рынка его периферийные, в значительной степени деформированные или даже квазирыночные формы (последние отчасти есть продукт попыток влить молодое вино в старые меха: например, либерализация цен без приватизации отношений собственности).

Сталкиваясь чаще с внешними, негативными, нежели глубинными, позитивными проявлениями рыночной субкультуры, общественное сознание склонно именно их (падение производства и уровня жизни, "шоковую терапию" и бурный взлет цен, форсированное расслоение общества и падение его нравов, рост преступности и "пещерной" спекуляции, выдаваемой за предпринимательство, девальвацию социальных статусов ит.д.) отождествлять с рынком.

А поскольку сюда наслаиваются еще и остаточные моменты традиционализма (этногрупповой центризм, рецидивы квазитрайбализма, кланово-бюрократический протекционизм и т.д.), то имидж рынка начинает выступать в еще более удручающем виде. Отсюда - реакция

обывателя: "Если это и есть тот самый рынок, то лучше назад - в "золотое сталинско-брежневское время".

Утратив старые ценности и еще не познав глубокий смысл новых (демократия и свобода, возможность свободно волеизменять свои интересы, соучаствовать в принятии политических решений и жизни общества и т.д.), люди утрачивают стержневую ориентацию. На уровне массового сознания они впадают в состояние, которое В. Франкл очень точно назвал "экзистенциальным вакуумом" или "экзистенциальной фрустрацией", то есть начинают переживать острое чувство пустоты и смыслоутраты (33).

Разрушение жизненных экспектаций (ожиданий) и установок, ощущение смыслоутраты, понижаящие маргинальное общественное настроение, делают глубоко фрустрированного человека наиболее массовым типом личности. Подверженный же фрустрации индивид характеризуется, как известно, высоким уровнем агрессивности, раздражения, гнева, чувства вины и неполноценности. Уже сама по себе эта гаммаэмоций разрушает созидательные начала в личности, делает ее неспособной участвовать в позитивно-конструктивных процессах, превращая фрустрированного человека в их догматического оппонента.

Фрустрированный индивид легче всего воспринимает идеологию традиционализма. А поскольку это мировоззрение есть атрибут прежде всего аграрного массового сознания, то постсоветский фрустрированный человек становится традиционалистом как бы в квадрате.

Освящая прошлую традицию во всей целостности, идеализируя это прошлое, фрустрированная личность воспринимает его в качестве единственно мерила адекватности современной жизни. Всякие попытки выхода из статики, любое движение в сторону изменений или перемен, не санкционированные прошлым наследием, вызывают на уровне фрустрированного традиционалистского

массового сознания отторжение и протест.

Не усматривая в новом достойного представления о себе и утрачивая в этой связи самоактуализацию и самоуважение, фрустрированные субъекты пытаются найти их в прошлых славе и величии, былых достижениях и взлетах духа. Их мечтания обращены не на перспективу, а мыслительно конструируются в прошлом. Именно массовый слой фрустрированных людей является социальной базой и электоратом самых различных возрожденческих движений - от самодержавности до коммунистических (34).

Будучи фрустрированной и испытывая комплекс неполноценности, личность одержима стремлением восстановить самоуважение и повысить уровень восприятия группы, к которой она принадлежит. В случае, если такой группой выступает какой-либо этнос, то это оформляется в сильный националистический мотив. Невозможность (очень часто кажущаяся) "статусного удовлетворения" на реальном уровне может компенсироваться выходом в область идеального путем апелляции к наиболее привлекательным страницам истории, возводя селективное (выборочное) прошлое в абсолют развития этноса, зримый символ подтверждения его величия (35).

Лишенный чувствасмыслаэкзистенциально фрустрированный человек постсоветского общества испытывает страх перед свободой, стремится разыскать дорогу в "утерянный рай", где он вновь обретет смысл своего существования, расстанется с нестерпимым состоянием одиночества и непредсказуемости, воссоединит свое "Я" с нечто сильным и надежным. И любому, кто обещает указать ему дорогу, он готов отдать свою душу, как и свой голос в политической борьбе. И именно в деструктивном потенциале постсоветского массового сознания, десятилетиями формировавшегося тоталитарной системой, заложен потенциал факторов дестабилизации общества, сдерживания его на путях развития модернизаторских тенденций.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.446.
2. Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны. Автореферат дис. д.и.н. А-А., 1970. С.15; Покровский С.Н. Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. А-А., 1967. С.109.
3. Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т.30. С.71.
4. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР Т.1. А-А., 1959.С.13.
5. Отчет Киркнаркомпрода с 21 октября 1921г. Б.м. С.12.
6. Рукописный фонд института истории и этнологии НАН РК, инв. №43. Л.78.
7. Декреты Советской власти. Т.9. М.. 1978. С.240-243; Продовольственный бюллетень. Омск, 1920. С.2.
8. Декреты Советской власти. Т.9. С.240-243; Ленин В.И. Полн. собр. соч.Т.41. С.313.
9. Вторая Киргизская областная конференция РКП(б). Протоколы. А-А.. 1936. С.71.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С. 385.
11. Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях по КССР с 1880 по 1922гг. Оренбург, 1925. С.68-69.
12. Там же. С.44-45.
13. Вторая Киргизская областная конференция РКП(Б). Протоколы. С.54-55.
14. Кустанай: вчера, сегодня, завтра. А-А., 1979. С.89; Григорьев В.К. Разгром контрреволюции в Казахстане. А-А., 1984. С.57-70.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.282.
16. СУ РСФСР, 1920, №93. Ст.512.
17. Леш В.И. Полн. собр. соч. Т.40. С.141.
18. Ленин. Полн. собр. соч. Т.40. С.329.
19. Десятый съезд РКП(б). Стеногр.отчет. М., 1963. С.357.
20. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.. 1990. С.160.
21. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С.159.
22. Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.. 1961. С.274.
23. КЛС Советского правительства о Казахстане. 1917-1977гг. Сборник документов и материалов. А-А.. 1978. С.37-38.
24. КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917-1977гг. Сборник документов и материалов. А-А.. 1978. С.33,35.
25. Советское строительство в аулах и селах Семиречья. 1921-1925гг. Сборник документов и материалов. Часть I. А-А., 1957. С.66-67.
26. Там же. С.81

27. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С.168.
28. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С.151.

ГЛАВА 2

1. СУ (собрание узаконений) РСФСР. 1921. №26. Ст. 150.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.64.
3. Отчет СТО КирАССР на 1 апреля 1922г. Оренбург, 1922. С.9-10.
4. Там же.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С.208.
6. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т1. М., 1957. С.418.
7. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период. Сборник документов и материалов. А-А. 1962. С.407.
8. Там же. С.406.
9. Там же. С.406-407.
10. Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913-1922гг. М., 1923. С.28.
11. СУ, 1921. №67. Ст.513.
12. От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода в СССР. 1917-1937гг. Т1. М., 1981. С.222.
13. Кржижановский Г.М. Десять лет хозяйственного строительства СССР. М., 1928. С.86.
14. Известия ВЦИК Советов, 11 августа 1921г.
15. Там же.
16. История Казахской ССР. Т.4. А-А., 1977. С.299.
17. Резолюции и постановления 11 съезда Советов КАСР. Оренбург, 1921г. С.22.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК, Т-2. С.417.
19. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период. С.448.
20. СЗ (собрание законов) СССР, 1925, №50. Ст. 375; Там же, №77. Ст.580.
21. От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода в СССР 1917-1937, С.229.
22. Там же. С.230.
23. Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика. М., 1982. С.110-113.
24. Рукописный фонд ИИЭ НАН РК. Инв. №118. Л.47-48; Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период. С.405.
25. Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика С. 119.
26. Там же. С.111

27. Дэниел Тернсер. Крестьянская экономика как социальная категория. // Великий незнакомец. М., 1992. С.76. 79.
28. СУРСФСР. 1921, №26. Ст.147.
29. Отчет СТО КАССР за апрель-сентябрь 1922года. Оренбург, 1922. С.223-224; Экономическая жизнь Киргизского края, 1922, №1. С.72; ЦГА РК, ф.224, оп.1, д.308, л.30.
30. Экономическая жизнь Киргизского края, 1921, №4. С11.
31. СУ РСФСР, 1921, №62. Ст.438.
32. ЦГА РК. ф.5, оп.2, д.1. л.34.
33. Отчет СТО КАССР на 1 апреля 1922г. Оренбург, 1922. С.37.
34. ЦГА РК, ф.224, оп.1, д.587, л.ПЗ.
35. Продовольственная газета, 1922, 4 апреля.
36. ЦГА РК, ф.224, оп.1, д.38, л.75.
37. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т1. С.438.
38. Четырнадцатая конференция РКП(б). Стенографический отчет. М., 1925. С.60.
39. Джеймс Скотт. Моральная экономика крестьянства как этика выживания. // Великий незнакомец. М., 1992. С.210.
40. Теодор Шанин. Крестьянский двор в России.// Великий незнакомец. С.33.
41. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917-1954гг. М., 1954. С.140-144.
42. Земельный кодекс РСФСР. М., 1923. Ст.1,2.
43. См., например, Ленинский сборник XXXIV С.341.
44. Земельный кодекс РСФСР. Ст.43
45. III сессия ВЦИК IX созыва. М, 1922, №1. С.12.
46. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. А-А., 1965. С.385.
47. Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н. История крестьянства Советского Казахстана. А-А., 1985. С.135-139.
48. Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н. История крестьянства Советского Казахстана. С. 138-139.
49. Справочник партийного работника. М., 1923. Вып.3. С.172.
50. Там же. С. 139; Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. С.392.
51. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.581; Т19. С.325.
52. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. ч.1. С.454.
53. Там же.
54. Наемный труд как социально-экономическая категория, его капиталистическая и некапиталистическая формы исследованы К. Марксом (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч. 1). Разработанные здесь научные характеристики служат методологическим субстратом проблемы. Последний довольно основательно освоен советской историографией, в первую очередь, благодаря работам В.Г. Растянникова, В.В. Крылова, Н.П. Космарской. И.В. Следзевского и др.

55. Растянников В.Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. М.1973. С.193-194.
56. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч.1. С.452-453.
57. Растянников В.Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. С.206.
58. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.1. С.510.
59. Растянников В.Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. С.195.
60. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С.87.
61. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.6.
62. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.419.
63. Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С.178.
64. Ерасов Б.С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982. С.23.
65. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.89.
66. Там же. Т.46, ч.1. С.463.
67. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. А-А., 1995. С.175.
68. Как отмечали основоположники научного коммунизма, "производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное обобщение людей, в язык реальной жизни" (Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.24.).
69. Павлов В. Об условиях становления капитализма в афроазиатских обществах // Мировая экономика и международные отношения. 1973, №10.
70. Космарская Н.П. Деревня тропической Африки: Особенности эволюции традиционных форм хозяйства. М., 1983. С.37.
71. Об этом феномене см.: Панарин С.А. Страны Востока: проблема общинности крестьянства и попытки ее решения. С.33.
72. О социалистической и стихийной товарно-капиталистической тенденциях см. подробно: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня. М., 1979.
73. Документы Наркомзема и КЦИКа (ЦГА РК, ф.74 и ф.5).
74. Об обратной номадизации см.: Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов.
75. КПСС в резолюциях..., Т.2. С.318.

ГЛАВА 3

- Г. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С.36, 37.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.159-160, 161.
3. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. М., 1927.
4. Там же.

5. Там же
6. См. более подробно: Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации
7. Там же.
8. Материалы к отчету Казахского краевого комитета РКП(б). Кзыл-Орда, 1925. С.50-54.
9. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. С.438.
10. Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969. Социалистическая кооперация: история и современность. М., 1987.
11. Там же.
12. Социалистическая кооперация: история и современность. С.166.
13. Там же. С.145; Помощь оказывалась и товарными фондами
14. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. С.458.
15. Материалы к отчету Казахского краевого комитета РКП(б). С.53.
16. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. С.25.
17. Анисимов М. Снабжение деревни средствами производства и сельскохозяйственная кооперация. М., 1928. С.58-59.
18. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. С.319.
19. Рукописный фонд ИИЭ НАН РК, инв. № 530, с.17-20.
20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М. Т.1. С.689.
21. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. С.184.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.16. С.8-10.
23. Балязин В.Н. Профессор Александр Чайнов. М., 1990.
24. Колодин Ф. Тезисы к 10-летию Казахстана в годы первой и второй пятилеток. // Труды ИАЭ. Т.2. А-А., 1956. С.147.
25. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. С.211.
26. Там же.
27. Отчетный обзор Кирзэко за 1923 и 1924 гг. Оренбург. 1924. С.71.
28. Там же.
29. Обзор народного хозяйства Казахской АССР за 1925 г. Самара. 1927. С.408-412.
30. Там же. С.408-412
31. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.40.

ГЛАВА 4

1. Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII-XIX веков. А-А.. 1984
2. Там же.
3. Там же.
4. Об этом см. более подробно: Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. А.А., 1995; Он же. Социальная организация кочевого общества казахов // Вестник АН КазССР. 1984, № 4; Он же. Дисперсное состояние-всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР, 1987, № 3.

5. Цит. по: Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. 1965. С. 179.
6. Рукописный фонд ИИАЭ АН РК. Инв. №107. Л.16.
7. Семевский Б.Н. Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода. // Известия Всесоюзного Географического общества. М.; Л., 1941. Вып.1. Т.1. Ч.ХХШ. С101, 103.
8. Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. А-А.. 1991. С.121.
9. Голощекин Ф.И. Отчет Краевого комитета IV Всеказахской партконференции. Кзыл-Орда. 1928. С.74.
10. Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству. Кзыл-Орда. 1928. С.21.
11. Основные элементы сельского хозяйства Казахстана: (по материалам выборочных сельскохозяйственных переписей 1926 и 1927 гг). Б.м. и б.г. С.56.
12. Семевский Б.Н. Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода
13. VI Всказахский съезд Советов и 1-я сессия КазЦИК 6-го созыва. Стеногр. отчет. Кзыл-Орда. 1927. С.122.
14. В материалах по казахскому землепользованию (экспедиции Щербины и Румянцева), например, отмечалось, что "наиболее общим и чаще повторяющимся поводом к тому или иному распределению сенокосов между кочевниками служит количество скота", что "единицей при переделах покосов служит обычно хозяйство, но всегда многоскотным дают покоса больше. При косьбе и делении сена копами единицей служит косец, но и в этих случаях многоскотным дается больше сена, чем беднякам", что "землю русским сдают (в аренду - Ж.А) также обществами (общинами - Ж.А) причем плата аренды распределяется между киргизами (казахами - Ж.А) пропорционально скоту".
15. VI-й Всеказахский съезд Советов и 1-я сессия КазЦИК 6-го созыва. Стеногр. отчет. С.127.
16. Кучкин А.П. Советизация казахского аула. М., 1961. С.205.
17. Прииртышская правда, 1928, 5 февраля.
18. Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству. С.28.
19. Голощекин Ф.И. Отчет краевого комитета VI Всеказахской партконференции. С.75.
20. ЦГАРК, ф.74.оп.4, л.54.
21. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. С.317.

ГЛАВА 5

1. Сталин И.В. Со4.Т.2.С.15.
2. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929 гг. М., 1990. С.138.
3. Сталин И.В. Соч. Т.2. С.188-189.

4. Там же.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.411.
6. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.92.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С.428.
8. Сталин И.В. Соч. Т.2. С.369-370.
9. Материалы Омарбекова Т. (Материалы комиссии ВС РК).
10. Сталин И.В. Соч. Т.2. С.3-4.
11. УК РСФСР. М., 1932. Ст.56.
12. Сталин И.В. Соч. Т.2. С.48.
13. Там же.
14. Там же. С.48-49.
15. Там же. С.11.
16. Документы свидетельствуют. М., 1989. С.236-241.
17. ЦГА РК. ф.5.оп.2.л.3.
18. VI-й Пленум Казкрайкома ВКП(б). Стеногр. отчет. А-А., 1936. С.232.
19. Большевик Казахстана. 1931. №11. С.40.
20. Постановление бюро Крайкома ВКП(б) о мероприятиях по выполнению решения декабрьского Пленума ЦК и ЦКК о скотозаготовках//Большевик Казахстана. 1931. №1. С.32.
21. ЦГА РК, ф.5, оп.21, д.39, л.25-26.
22. Там же. Ф.247. оп.2, д.12, л.232.
23. ЦГА РК, ф.5, оп.21, д.39, л.27. Там же. Л.28.
24. Весь Казахстан. Алма-Ата, 1931. С.77.
25. Материалы Т.Омарбекова (Комиссия ВС РК).
- 25а. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. С.354.
26. Сельское хозяйство Союза ССР в 1926/27 год>' по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу. Москва, 1928. СУП.
27. КПСС в резолюциях..., Т.4. С.191.
28. ЦГА РК. ф.30. оп.1. д.930. л.70.
29. СЗ СССР. М., 1928, №24. Ст.212.
30. Народное хозяйство Казахстана. 1929. №1-2. С.81.
31. ЦГА РК, ф.5. оп.П, д.299, л.9 об.
32. Советская степь. 1928, 29 октября; Красный Урал. 1928, 26 июля.
33. ЦГА РК, ф.229, оп.1, д.820, л.73, 74.

ГЛАВА 6

1. См.. Например.: Dreschl. Desertification et Tiers-monde, Pensee.P., 1980. №212
2. ЦГА РК, ф.74, оп.15, л.36, д.37.
3. Там же. л.9, 14.
4. Там же. д.36. л.30.
5. Там же, ф.962, оп.1. д.264, л.26-27.
6. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С.32.
7. ЦГА РК, ф.247, оп.1. д.687, л.9.
8. Сексенбаев О. Специализированные совхозы Казахстана (1917-1940гг.). Авторгферат дис. ... докт. ист. наук. А-А., 1981. С.30.

9. Парторганизация Казахстана в цифрах. А-А., 1931. С.49.
10. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. С.19,
11. ЦГА РК, ф.74, оп.15. д.71. л.55.
12. Там же, д.66, л.6.
13. Там же, д.71, л.85.
14. Там же, л.78-79.
15. Государственный комитет КазССР по статистике: Динамика посевных площадей, урожайности, валовых сборов, государственных закупок, основных сельскохозяйственных культур по Казахской ССР А-А.. 1989. С.3 (Подсчитано нами - Ж.А.).
16. ЦГА РК. ф.74. оп.15, д.36. л.86.
17. Там же, л.85, 87, 90.
18. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.154.
19. В этой связи необходимо прежде всего указать на представителей организационно-производственной школы - А.В. Чаянова, Н.Ф. Кондратьева, Н.П. Макарова, А.П. Челинцева, А.А. Рыбникова и др.
20. См. об этом подробно: Очерки политической экономии социализма. М., 1988. С.125-156.
21. Там же. С.136.
22. Казахское хозяйство в его естественноисторических и бытовых условиях. Л., 1926. С.4.
23. Сириус М.Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане. // Народное хозяйство Казахстана. 1928. №6-7. С.36.
24. Челинцев А.Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1928. №3-5. С.6.
25. Там же.
26. Павлов И. Казахстан на путях самопознания // Народное хозяйство Казахстана. 1930. №5-6. С.81.
27. ЦГА РК. ф.74, оп.15, д.233, л.2-3.
28. Подробнее см.: Балязин В.М. Профессор А. Чаянов. С.227-266; Московские новости. 1987. 16 августа. С.12. Кабанов В.В., Чаянов А.В. // Вопросы истории. 1988. №6 и др.
29. Государственный обвинитель на первых процессах 30-х гг. использовал по отношению к научным соратникам А.В. Чаянова именно такой ярлык (См.: Крыленко И.В. Дело контрреволюционной организации меньшевиков. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М. 1937. С.557 и др.).
30. Московские новости. 1987, 16 августа. С.12.
31. Кондратьевщина в Казахстане. А-А., 1931. С.98.
32. Семевский Б.Н. К критике буржуазных теорий экономического развития Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1930. №7-8. С.24.
33. Швецов С.П. Природа и быт Казахстана. // Казахское хозяйство и его естественноисторические и бытовые условия. С.93-94, 101-103.
34. Данилов В., Ильин А., Тепцов Н. Коллективизация: как это было / Урок для истории. М., 1989. С. 171.

35. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М., 1989. С.81.
36. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стен, отчет. М., 1930. С.584.
37. Предполагалось, что оседание "даст возможность совхозам и промышленности получить до 300 тыс. рабочих" (Каменский К.П. Пятилетний план сельского хозяйства КАССР // Народное хозяйство Казахстана. 1930. №5-6. С.49.).
38. Там же. С.50.
39. Цит. по: Павлов К. Казахстан на путях самопознания: 1-й Казахстанский научно-исследовательский краеведческий съезд // Народное хозяйство Казахстана. 1930г. №5-6. С.79.
40. VII Всказахстанский съезд Советов. 8-15 апреля 1929 г Стеногр. отчети постановления. А-А., 1930. С.169.
41. Там же. С.247-248.
42. ЦГА РК, ф.1179, оп.1, д.37, л.12-13.
43. VII Всеказахстанский съезд Советов. 3-15 апреля 1929г. Стеногр отчетипостановления. А-А., 1930. С.247.
44. Цит. по: История Казахской ССР в пяти томах. А-А.. 1979. Т.3. С.408.
45. Стариков ЕН. Маргиналы// В человеческом измерении. М., 1989. С.185-188.
46. Эфиров СА. Социальный нарциссизм.// В человеческом измерении. С.50.
47. См. об этом подробнее: Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татинов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. №7,
48. Васенко Е.Н., Исенжулов А.И. Организация круглогодичного пастбищного содержания овец // Овцеводство - вторая целина. А-А. 1958. С.4, 9, 10
49. Там же. С.10, 11. 16.37.
50. Там же. С11, 16,37.
51. Там же. С.37.
52. Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М., 1989. С118-120.
53. Елуфимова Л.Е. на основе многолетних наблюдений и материалов социологических исследований в овцеводческих хозяйствах республики пишет, что "овцеводство в Казахстане, как и прежде, остается в основном кочевым". (См. Л.С Елуфимова. Кому доверить отару? А-А., 1988. С.7.).
54. Золотарев П.Т., Золотарев С.П. О причине засухи и путях ее преодоления // Земледелие. 1990. №3. С.73.
55. Там же.
56. Абылхожин Ж.Б., Масанов Н.Э. Оседание кочевников в доиндустриальную эпоху: реальность и миф. // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1988-1989 гг. Ч.3. А-А., 1990. С.45.

ГЛАВА 7

1. КПСС в резолюциях..., С.34.
2. Бухарин Н.И. Политическое завещание Ленина. // Коммунист. 1988. №2. С.98.
3. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.. 1989. С.289.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.174.
5. Сталин И.В. Соч. Т.12. С. 171
6. Сталин И.В. Соч. Т.13. С.39.
7. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М., 1989. С.53.
8. Сталин И. Соч. Т.13. С.39.
9. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? С.53.
10. Пятилетний план народнохозяйственного и социально-культурного строительства Казахской ССР (1928/29 - 1932/33гг.). Постановления правительства СССР. А-А.. 1931. С.10-11.
11. Труд в СССР. Статистический сборник. М.. 1988. С.166.
12. Сталин И.В. Т.Н. С.309.
13. Преображенский Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М.. 1926. С.36.
14. Сталин И. Соч. Т.П. С.349.
15. Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1933. С.156.
16. Цит. по: Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1994. С.79.
17. См., например: Сталин И. Т.П. С.169-170.
18. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. С. 263-264. '
19. Сталин И. Вопросы ленинизма. С.156.
20. Там же.
21. Политическая теория и политическая практика. М.. 1994. С.143.

ГЛАВА 8

1. КПСС в резолюциях ..., С.261.
2. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Стат. сведения по сельскому хозяйству за 1927-1930гг. М.. Л., 1931. С.22-23.
3. Там же.
4. Колхозы: Первый Всесоюзный съезд сельскохозяйственных коллективов. М., 1928. С.6.
5. История крестьянства СССР. Т.2. М.. 1986. С.120.
6. Сталин И. Т.12. С.350.
7. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М.. 1932. Т.2. 4.1. С.336-337.
8. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. С. 132.

9. Сталин И. Соч. Т.12. С.132.
10. Цит. по: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994. С.21-22.
11. Там же. С.29-30.
12. ЦГА РК, ф.247, оп.1, д.207, л.40.
13. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.32.
14. Цит. по: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.42.
15. Там же. С.40.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же. С.43.
19. Записка Т. Рыскулова полностью приведена в кн. Устинов В.М. Тұрар Рысқұлов. А., 1996. С.325-332.
20. КПСС в резолюциях ..., С.384.
21. ЦГА РК, ф.44, оп.11, д.119, л.136.
22. Советская степь. 1929, 16 декабря.
23. Там же.
24. ЦГА РК, ф.247, оп.1, д.439, л.24, 27.
25. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Документы и материалы. С.293-294; ЦГА РК, ф.44, оп.П, д.365, л.5.
26. КПСС в резолюциях .... Ч.П. М., 1953. С.643.
27. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. С.401.
28. ЦГА РК, ф.247, оп.1, д.644, л.36.
29. Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып.1. М., 1986. С.42-45.
30. Там же. Вып.2. М., 1988. С.118-119.
31. ЦГА РК, ф.247, оп.1, д.439, л.14-15.
32. Абдуразаков А. Операция "Кокандские эмиссары" // Мы из ЧК. А-А., 1974. С.122-149; ЦГА РК, ф.74, оп.4, д.1444, л.60: Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. А-А., 1992. С.21.
33. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. С.143.
34. Документы свидетельствуют. С.369.
35. Сталин И. Соч. Т.12. С.197-198.
36. Рукописный фонд ИИАЭ, инв. №1108, л.145.
37. КПСС в резолюциях .... Т.5. С.102.
38. Цит. по: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.89.
39. Сталин И. Соч. Т.12. С.231.
40. Документы свидетельствуют. С.37.
41. Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. С.20-26.
42. Документы свидетельствуют. С.390, 391.
43. ЦГА РК, ф.44, оп.П, д.П9, л.139: История крестьянства СССР. Т.2. С.166.

44. История КПСС. М.. 1971. Т.4. Кн.2. С.158. -
45. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. С.478. 481.
46. Там же. С.481.
47. ЦГА РК, ф.247, оп.1. д.461. л.1.
48. ЦГА РК, ф.5, оп.13. д.190. л.40-41.
49. Документы свидетельствуют. С.424, 422-423.
50. Ивницкий НА. Коллективизация и раскулачивание. С.157. 158. 198.
51. КПСС в резолюциях ... Т.5. С.233.
52. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. С.459-466.
53. VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). А-А.. 1936. С.155.
54. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М.. 1967. С.291.
55. VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С.146.
56. Рукописный фонд ИИАЭ, инв. №1040. л.15.
57. VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С.147.
58. Там же. С.143.
59. Большевик Казахстана. 1931. №5; Рукописный фонд ИИАЭ, инв. №1041, л.50.
60. Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII-XIX вв. С.25-95.
61. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. А-А., 1995.
62. Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. М., 1957. С.411.
63. Верт Н. История советского государства. М., 1993. С.181.
64. Борьба за хлеб - борьба за социализм // Большевик Казахстана. 1931. №12. С.45.
65. Голошкеин Ф. Три актуальных задачи текущего момента // Народное хозяйство Казахстана. №8-9. 1931. С.16.
66. Большевик Казахстана, 1938, №1. С.14.
67. Ивницкий НА. Коллективизация и раскулачивание. С.200.
68. Борьба за хлеб - борьба за социализм // Большевик Казахстана. 1931. №12. С.45.
69. СЗ СССР. 1932. №62. Ст.360.
70. Приведенные здесь данные о репрессивных мерах, применявшихся в соответствии с законом от 7 августа 1932г., взяты нами из доклада М.Ж. Хасанаева на региональной дискуссии по проблемам истории коллективизации в республиках Средней Азии и Казахстане (А-А., ноябрь, 1988).
71. Казахстан за 50 лет. Стат. сб. А-А.. 1971; Народное хозяйство Казахской ССР. Юбилейный стат. ежегодник. А-А., 1987. С.68.
72. Там же. С.82-83.
73. Основные положения пятилетнего перспективного плана КАССР 1928-1933г. А-А.. 1930.

74. Казахстанская правда. 1932, 24 сентября.
75. VI Пленум Казкрайкома ВКП(б). С.216.
76. История крестьянства СССР. Т.2. С.317.
77. Южный Казахстан в цифрах. Чимкент, 1936. С.131, 132, 122-125.
78. Сталин И. Соч. Т.12. С.132.
79. ПА Казфилиала ИМЛ, ф.141, оп.1, д.5208, л.110.
80. Там же. Л.29.
81. ЦГА РК, ф.1179, оп.5, д.1, л.183-193.
82. ЦГА Киргизии ССР, ф.23, оп.1, д.712, л.12,18.
83. ЦГА РК, ф.30, оп.7, д.108, л.58-60.
84. ПА Казфилиала ИМЛ, ф.141, оп.1, д.5192, л.21.
85. ЦГА РК, ф.1179, оп.5, д.7, л.3.
86. Казфилиал ИМЛ, ф.141, оп.1, д.5208, л.29.
87. ЦА Казфилиала ИМЛ, ф.141, оп.1, д.5192, л.15.
88. ЦГА РК, ф.44, оп.14, д.549, л.141.
89. ЦГА РК, ф.1179, оп.1, д.17, л.9-11.
90. Правда, 1964, 26 мая.
91. ЦГА РК, ф.1179, оп.1, д.47, л.62-68.

ГЛАВА 9

1. СУ, 1929. №60. Ст.589.
2. СЗ СССР, 1930, №6. Ст.66.
3. УК РСФСР. М., 1932. Ст.37.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.40.
5. Правда, 1930, 11 января.
6. Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969. С.107.
7. История КПСС, Т.4. Кн.2. С.54; Правда, 1988, 16 сентября.
8. Правда, 1988, 16 сентября.
9. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.64.
11. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.103.
11. Жумабеков Ж. Ленинской дорогой. А-А., 1973. С.155.
12. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.217.
13. Там же. С.171.
14. Там же. С.181.
15. Земсков В.Н. Социологические исследования, 1991, № 10.
16. История советского крестьянства. Т.2. С.342; Дахшлейгер Г.Ф. Маршрутом социального прогресса. А-А., 1981. С.130.
17. История советского крестьянства. Т.2.; Сталин И. Соч. Т.10. С.327.
18. КПСС в резолюциях ... Т.5. С.101.
19. ЦГА РК, ф.247, оп.1, д.439, л.15.
20. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.123-124.
21. Цит. по: там же.
22. Там же. С.168.
23. Там же. С.169-170.

24. Там же. С.169-170, 172.
25. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД и МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. №11. С.4.
26. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.196.
27. Там же. С.186.
28. Гушин Н.Я., Жданов В.А. Критика буржуазных концепций истории советской деревни Сибири. С.175.
29. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С.382.
30. Там же.
31. Вопросы истории. 1965. №3. С.18.
32. Чиров Д. Откуда родом спецпоселенцы? // Индустриальная Караганда. 1989, 29 апреля.
33. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.126.
34. Цитировано: Чиров Д. Карагандинские спецпереселенцы: как это было // История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата. 1991.
35. ПА А-Атинского института политологии управления, ф.141, оп.1, д.2969, л.4.
36. Земсков В.Н. "Кулацкая ссылка" // Социологические исследования. 1991. №10.

ГЛАВА 10

1. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С.44.
2. Козыбаев М.К. История и современность. А-А., 1991. С.49.
3. Алма-Ата. Энциклопедия. А-А., 1983.
4. Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970. С.180.
5. История Великой Отечественной войны. Т.2. М., 1961. С.155.
6. Книга памяти Казахстана. А-А., 1995. С.385, 386.
7. Книга памяти Казахстана. С. 374.
8. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7-ми томах. Т.3. М., 1958. С.793.
9. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С.44.
10. История советского крестьянства. Т.3. М., 1987. С.153.
11. Там же. С.302-303.
12. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С.123; История советского крестьянства. Т.3. С.237.
13. Казахстан в Великой Отечественной войне, вып.1. А-А., 1968. С.198-201; Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С.95.
14. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С.163; Карнаухова Е.С. Колхозное производство в годы Великой Отечественной войны. М., 1947. С.53.
15. Казахстан в Великой Отечественной войне. Вып.1. С.217.
16. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С.181-182.

17. Тулепбаев Б.А. Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане М., 1971. С.290.
18. История Казахской ГСР. А-А., 1967. С.537-538.
19. Книга памяти Казахстана. С.271.
20. Подсчитано автором по таблице, приведенной в кн.: Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. А-А., 1971. СНО.
21. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. А-А., 1964. С.374.
22. Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. С. 110.
23. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С.508.
24. История советского крестьянства. Т.3. С.198.
25. Книга памяти. С.419, Колодин Ф.И. Торжеств ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства в Казахстане. А-А., 1971. С.59.
26. Партийное строительство, 1943. №20. С.43.
27. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т.2. М., 1961. С.515.
28. Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. С. 116.
29. История советского крестьянства. Т.3. С.177.
30. Там же. С.241.
31. Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. С.176, 309.
32. История советского крестьянства. Т.3. С.192.
33. Большевик Казахстана, 1941, №12. С.22.
34. Калинин М.И. О коммунистическом воспитании. М., 1947. С.235.
35. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С.97;
36. Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны С.170.
37. Островский Ю.В. Колхозное крестьянство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970. С.339.
38. Арутюнян Ю.В. Колхозное крестьянство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970. С.339.
39. История советского крестьянства. Т.3. С.359.
40. История советского крестьянства. Т.3. С.260.
41. КПСС в резолюциях... Т.7. С.260-261.
42. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг. М., 1948. С.310-311.

ГЛАВА 15

1. История Казахской ССР. Т.5. А-А., 1979.
2. Казахстан в цифрах. Статистический сборник. А-А., 1987.
3. Народное хозяйство СССР за 70 лет. С.378.
4. Мир в цифрах М.. 1992; Иоффе Я. Мы и планета. М., 1987.
5. Народное хозяйство СССР за 70 лет.
6. Аргументы и факты. 1991. № 21.
7. Сталин И. Соч. Т.12. С.130.
8. Совхозы и колхозы Казахстана. Стат.сборник. А-А., 1989; Рентабельность и себестоимость сельскохозяйственного производства в Казахской ССР. Стат.сборник. А-А., 1989. С.27-29.
9. Рентабельность и себестоимость сельскохозяйственного производства в Казахской ССР. С.27-29: Животноводство Казахстана. Стат.сборник. А-А., 1989. Подсчитано автором.
10. СССР и Зарубежные страны. Стат.сборник. М.. 1988; Мир в цифрах. Стат.сборник. М., 1992; Иоффе Я. Мы и планета.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же; Известия, 1991. 23 июля; Литературная газета, 1991, 17 января; 1988. 13 апреля.
14. Известия. 1990, 21 мая.
15. Зайченко А.С. США-СССР: личное потребление//США: Экономика, политика, идеология, 1988, № 12.
16. Казахстан в цифрах. А-А.. 1986. С. 131.
17. Зайченко А.С. США-СССР: личное потребление; Болотин Б.М. Состояние и перспективы соревнования двух систем//Соревнование двух систем. М., 1988: СССР и зарубежные страны.
18. Зайченко А.С. США- СССР: личное потребление

ГЛАВА 11

- 1 История советского крестьянства. Т.4. М., 1988. С100.
2. Там же. С101; Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур. А-А., 1989. С.3
3. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность//Отечественная история, 1995. №5. С.45.
4. Там же. С.48.
5. Правда, 1947, 5 июня.
6. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность//Отечественная история, 1995. №5. С.46.
7. Там же. С.49.
8. Там же. С.58.
9. Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур по Казахской ССР С.3.
10. Шевяков А.А. Советская продовольственная помощь странам народной демократии // Социологические исследования. 1996. №8. С.5-9.

11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.3. С.368.
12. Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур по Казахской ССР. С.3.
13. ВаловойД. Экономикавчеловеческомизмерении. М., 1988. С.79.
14. Там же.
15. Государственный комитет Казахской ССР по статистике. Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур по Казахской ССР. С.3.
16. Государственный комитет Казахской ССР по статистике. Животноводство Казахстана. А-А., 1989. С.7.
17. Лацис О.Р. Выйти из квадрата. М., 1989. С.46.
18. Там же.
19. Госкомстат СССР ТрудвСССР. Статистический сборник. М., 1988. С.166; Народное хозяйство Казахстана. Алма-Ата, 1973. С.288.
20. История советского крестьянства. Т.4. С. 179.
21. Там же.

ГЛАВА 12

1. Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР // Свободнаямысль. 1992, № 13. С.75
2. Там же.
3. Там же. С. 81
4. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы // Социологические исследования, 1996, №7. С.3.
- 4а. Там же; ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-историческийжурнал, 1991, № 1. С.19
5. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы. С. 4,7.
6. Тамже. С. 11-12.
7. Там же. С.5.
8. ЦГА РК, ф.74, оп.15, д. 233. л. 2-24; Из фондов Центрального архива МВД СССР: Карлаг в 40-х годах. Подборка документов // Отечественные архивы, 1996, № 3. С. 30-46.
9. Земсков В.Н. Заключение. С.4; Смадыков М., Бастемиев С. ГУЛАГ // Мысль, 1996, № 11. С.88
10. Хлевнюк О. Принудительный лруд в экономике СССР С. 79-80
11. Тамже
12. Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. С.81.
13. Докладопубликуван:Новаяиновейшаяистория. 1996.№5.С.133-150
14. Там же.
15. Тамжс.
16. Там же.
17. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны. С. 21.
18. Там же. С. 22
19. Новая и новейшая история. Доклад ГУЛАГа.
20. Там же.

21. Там же.
22. Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990, № 11. С10
23. Доклад ГУЛАГа // Новая и новейшая история. С. 142.
24. Там же. С. 143.
25. Там же. С. 143-146.
26. Военно-исторический журнал, 1991, № 1. С. 23.
27. Докладная записка оперативно-чекистского отдела Карлага в ГУЛАГ НКВД СССР о состоянии медицинского обслуживания заключенных.
28. Отечественные архивы. 1994, № 4. С.33.
29. Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991, № 5. С.154.
30. Отечественные архивы, 1994. № 4. С.34.
31. Отечественные архивы. 1994. № 4. С.33.
32. Там же.
33. Там же. С.40.
34. Там же. С.57.
35. Там же. С.35.
36. Там же. С.55.

ГЛАВА 13

- ГНародное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С.373, 378.
- 2.Шанин Т Четыре модели развития советского сельского хозяйства/ Великий незнакомец.
  3. Заседание Верховного Совета СССР (пятая сессия). 5-8 августа 1953г. Стен, отчет. М., 1953. С.317.
  4. Колодин Ф.И. Торжество ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства Казахстана. А-А., 1971. С.64-68; Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1961. С.579; Народное хозяйство Казахстана в 1961г. А-А.. 1962. С.265; Народное хозяйство Казахстана в 1971г. А-А.. 1972. С.226.
  - 5Колодин Ф.И. Торжество ленинского плана социалистического переустройства сельского хозяйства Казахстана. С.71. Народное хозяйство Казахстана в 1968г. А-А., 1970. С. 172; Народное хозяйство Казахстана в 1980г. А-А., 1981. С.28.
  6. Болотин Б.М. Состояние и перспективы двух систем// Соревнования двух систем. М., 1988. С.134-135.
  7. Там же. С. 132.
  8. История советского крестьянства. Т.4. М., 1988. С.273.
  9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. С.295.
  10. Безнин М.А. Колхозный двор в Российском Нечерноземье. Автореф. дисс. к.и.н. М.. 1991.

11. Современные Соединенные Штаты Америки. М., 1988. С.167.
12. Цит. по: XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991.
13. По материалам статей Г.Култаева, опубликованным в газете "Горизонт" за 1991 г. (№№ 21, 22, 24, 26).
14. Юзуфович Г.К. Наука при социализме. М., 1970.
15. Народное хозяйство Казахстана в 1973г. С.178.
16. Народное хозяйство Казахстана в 1960 г.; Народное хозяйство Казахстана в 1973 г. А-А., 1975.

ГЛАВА 14

1. XX съезд КПСС и его исторические реалии. М., 1991. С.114.
2. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. А-А., 1963. С.498.
3. Кунаев Д. О моем времени. А-А., 1992. С.149.
4. Там же. С.130.
5. Алма-Ата, 1986, декабрь. А-А., 1991. С.19; Кунаев Д. О моем времени. С.135.
6. Лестер Браун. Предотвращение эрозии почвы//Мир восьмидесятых годов. М., 1989. С.303.
7. Динамика посевных площадей, урожайности, валовых сборов по Казахской ССР. А-А., 1989. С.4.
8. Известия, 1989, 26 декабря.
9. Аргументы и факты, 1989, № 24.
10. Ковалев С.А., Любомирский А.Н. Естественный прирост населения Северного Казахстана и миграции//География и производительные силы Северного Казахстана. М., 1971. С.48.

ГЛАВА 17

1. Алексеев А.Н. Население Казахстана. А-А., 1993. С.40, 32.
2. Галиев А. Социально-демографические процессы в многонациональном Казахстане. Автореф. д.и.н. А-А., 1994. С.23.
3. Там же.
4. Там же. С.24-25.
5. Там же. С.26.
6. Мир в цифрах. Стат. сборник. М., 1992.
7. Там же.
8. Там же. С.60-83.
9. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане. А-А., 1991; Алексеев А.Н. Население Казахстана; Народное хозяйство СССР за 70 лет.

10. Алксеев А. Сельское население Казахстана. Автореферат д.и.н. А-А., 1994. С.17.
11. По данным Всесоюзных переписей населения.
12. Труд в СССР. Стат. сборник. М., 1988. С.24.
13. Трудовые ресурсы Востока. Демографо-экономические проблемы. М., 1987; Алексанаров Ю.Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М., 1988 и др.
14. Реферат статьи Х. Биенен. Урбанизация и стабильность "третьего мира"/Проблемы современного капиталистического города. М., 1987. С.150.
15. Там же.
16. О маргинализации см.: Стариков Е. Маргиналы в человеческом измерении. М., 1989; На изломах социальной структуры. М., 1987; Старостин Б. Освободившиеся страны: общество и личность. М., 1984; Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979; Абылхожин Ж. К вопросу о массовости демократических объединений/Материалы международной конференции. 3 мая 1994 г., А-А.; Амрекулов Н. Масанов Н. Казахстан между прошлым и будущим. А-А., 1994 и мн. др.
17. Стариков Е. Маргиналы в человеческом измерении.

ГЛАВА 18

1. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
2. Маркс К., Т. 46, 4.1. С.468.
3. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С.143-151.
4. Смелзер Н. Социология. М., 1994. С.228-229.
5. Ерасов Б.С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982. С.33-38.
6. Бейли Ф.Дж. Представления крестьян о плохой жизни// Великий незнакомец. С.224-225.
7. Там же; Вопросы типологии крестьянских обществ Азии. М., 1980. С.80; Кон И.С. Открытие "Я". М., 1978. С.124-128.
8. Добровольский К. Традиционная крестьянская культура// Великий незнакомец. С.196.
9. Там же.
10. Проблемы социальной истории крестьянства Азии. "Моральный крестьянин" или "рациональный крестьянин". Вып.2. М., 1988. С. 110-135.

11. Ерасов Б.С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. С.18,20.
12. Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С.199-200.
13. Ерасов Б.С. Социально—культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки, С.41.
14. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С.218; Маретина С.А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1960 и др.
15. Ерасов Б.С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. С.39.
16. Шринивас М.Н. Запомнившаяся деревня. М., 1988; Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа. М., 1989; Подберезский И.В. Сампагита, крест и доллар. М., 1974 и др.
17. Бейли Ф.Дж. Представления крестьян о плохой жизни// Великий незнакомец. С.231.
18. Социально-экономические отношения и соционормативная культура; Семенов Ю.И. Теоретические проблемы “экономической антропологии”// Этнологические исследования за рубежом. М., 1973.
19. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. С.178.
20. Подберезский И.В. Сампагита, крест и доллар. С.53.
21. К. Маркс и Ф. Энгельс/ Соч. Т.13. С.78.
22. Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л., 1990.
23. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С.369, 377.
24. Там же.
25. Арон Р. Указ. раб. С.275.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.462.
27. Там же. С.102.
28. Плахов В.Д. Традиции и общество. М., 1982. С. 137-138.
29. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
30. Там же.
31. Садлер У., Джонсон Т. Что такое одиночество//Лабиринты одиночества. М., 1989. С.27.
32. Зарубежные исследования социальных функций религии. М., 1988. С.92.
33. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
34. Блумер Г. Коллективное поведение//Американская социологическая мысль. М., 1994. С.213-214.
35. Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТАВТОРА.....	3
ГЛАВА 1. БЕСТОВАРНАЯ УТОПИЯ: ПОЛИТИКА "ВОЕННОГО КОММУНИЗМА".....	4
ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ТРОЕВЛАСТИЕ: БОРЬБА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ. ТОВАРНО-РЫНОЧНОЙ И ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИЙ. НЭП.....	21
ГЛАВА3. КООПЕРАЦИЯМЕЖДУ ДВУХОГНЕЙ.....	57
ГЛАВА 4. ВНОВЬ К АЛГОРИТМУ ОКТЯБРЯ.....	79
ГЛАВА5.КОНЕЦНЭПОВСКИХИЛЛЮЗИЙ.....	100
ГЛАВА 7. ЧТОБЫ "ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ. ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ"?.....	152
ГЛАВА8. АПОГЕЙАГРАРНОЙРЕВОЛЮЦИИ.....	167
ГЛАВА 9. СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЙ ГЕНОЦИД. РАСКУЛАЧИВАНИЕ.....	202
ГЛАВА 10. ПОДВИГ.....	215
ГЛАВА П.ПЕРВЬЕЕНОСЛЕВОЕННЫЕГОДЫ.....	227
ГЛАВАИ. 'ЛАГЕРНАЯЭКОНОМИКА".....	238
ГЛАВА13. ХРУЩЕВСКИЙПОВОРОТ.....	253
ГЛАВА 14. "ЦЕЛИННАЯ ЭПОПЕЯ".....	267
ГЛАВА15.ЗАСТОЙИЛИКРИЗИС?.....	278
ГЛАВА 16. КОНЦЕПЦИЯ"ПЕРЕСТРОЙКИ".....	294
ГЛАВА 17. УРБАНИЗАЦИЯ ИЛИ РУРАЛИЗАЦИЯ? ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭТН9ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ЯВЛЕНИЙ.....	298
ГЛАВА 18. НА ИЗЛОМЕ: "РАЗОРВАННОЕ СОЗНАНИЕ". ИЛИКРИЗИССАМОИДЕНТИФИКАЦИИ.....	310
ПРИМЕЧАНИЯ.....	338

Абылхожин Жулдузбек Бекмухамедович

**Очерки социально-экономической истории
Казахстана. XX век**

Редактор Н.В.Курбатова
Набор Л.М.Муталиевой, Ш.М.Сакаевой
Верстка М.Э.Ким

Сдано в набор 2.04 1997 г.
Подписано к печати 12.05. 1997г.
Бумага офсетная №1, 62х84/16, плотность 80 г/м²
Усл.п.л.22,5. Уч.изд.л.23,4. Тираж 1000 экз.
Заказ №28.

МП "ЮАТ"
г.Алматы, Суюнбая, 187а